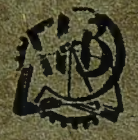
ОБИЯ ДЛЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

И. Л. ЯМЗИН и В. П. ВОЩИНИН

УЧЕНИЕ О КОЛОНИЗАЦИИ И ПЕРЕСЕЛЕНИЯХ

★

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1926

ПОСОБИЯ ДЛЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

И. Л. ЯМЗИН и В. П. ВОЩИНИН

УЧЕНИЕ О КОЛОНИЗАЦИИ И ПЕРЕСЕЛЕНИЯХ

*

Научно-политической секцией Государственного Ученого Совета допущено в качестве учебного пособия для высших учебных заведений

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1926 ★ ЛЕНИНГРАД

Главлит № 54077. Гиз № 15541. Тираж 4.000 экз.

Типография Госиздата „Красный Пролетарий". Москва, Пименовская, 16.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

С большими колебаниями авторы настоящего учебника взялись за его составление.

Во-первых, наши научные сведения в области колонизации и переселений в значительной степени находятся еще в плоскости проблем.

Во-вторых, русская литература не дала ни одного образца систематического изложения всех существующих вопросов в изучаемой области. Европейско-американская литература несравненно богаче и по объему, и по содержанию, но и она в подавляющем большинстве носит описательный характер и притом, преимущественно, в области колониальной политики.

В-третьих, научные обобщения в области колонизации и социальных миграций лишь в самые последние годы стали принимать вид научной системы и сделались предметом преподавания в высшей школе. Между тем, образование в составе землеустроительного факультета Московского Межевого Института специальной секции колонизации и переселений вызвало уже потребность в составлении курсов по ряду преподаваемых на секции предметов, каковы: общее учение о колонизации и переселениях, экономическая география колонизационных районов, экономика и техника колонизации, иностранная колонизация, физическая и биологическая география колонизационных районов и пр. Кроме того, остаются пока неудовлетворенными аналогичные нужды и других землеустроительных школ. Наконец, директива правительства, выраженная в постановлении Совета Народных Комиссаров, об обязательности повышения знаний по землеустройству студентов-агрономов, требует опубликования соответственных руководств и для агрономической школы хотя бы в виде пособий.

Нужен еще ряд лет, чтобы сложилась прочная учебная схема преподавания этих предметов и, следовательно, чтобы определился стиль возможных по ним учебников. Но есть гораздо более первоочередная задача: насытить острую нужду в энциклопедическом учебнике, который давал бы достаточное осведомление всякому землеустроителю, агроному, инженеру и т. д., даже не специализирующемуся в области колонизации. Кроме того и специалист-колонизатор из такого энциклопедического учебника сможет получить минимум необходимых ему сведений.

Учитывая полное отсутствие какого-либо учебного пособия по данному предмету и острую в нем нужду у учащихся, авторы решились на составление учебника по материалам, «как они есть» в настоящее время. Конечно, использован был материал только доброкачественный. Система, принятая учебником, такова: в него вошли наиболее существенные вопросы из области общего учения о колонизации и переселениях, наиболее важные темы по экономике и методике русских колонизаций и переселений и изложены более или менее систематически важнейшие сведения по экономическому описанию современного положения колонизационных районов в РСФСР.

При быстроте темпа современной жизни и при наличности хотя и значительных, но сырых и быстро стареющих материалов, использовать последние исчерпывающим образом пока невозможно, а вместе с тем не приходится претендовать и на полноту изложения. Достаточно сказать, что настоящий опыт, сданный авторами в печать в конце 1924 года, приходилось посильно исправлять уже в процессе печатания: так быстро старели статистические данные.

Настоящий учебник состоит из 2 частей: 1) общего учения о переселениях и колонизации и о методах последней, 2) характеристик колонизационных районов РСФСР.

В первой части, составленной И. Л. Ямзиным, за исключением главы о «Колонизации и переселениях во время войны и революции», составленной В. П. Вощининым, автор следовал индуктивному методу в раскрытии основ колонизационно-миграционной теории. Таким образом, главы о закономерностях колонизации и закономерностях миграций следуют за рядом других глав в качестве обобщающих, а не начинают собой изложение, как то обычно бывает в учебниках. Также глава «Развитие переселенческого движения», раскрывающая его причины, строится

на основе изложенной ранее главы «Развитие колонизации в России», так как только такое предварительное описание хода переселений позволяет сознательно подойти к освещению вопроса о причинах переселений. Такой прием изложения—от частного к общему—испробован автором при преподавании в высшей школе в течение шести лет по данному предмету и дал вполне положительные результаты. Накопление фактов, цифр и конкретных наблюдений заставляют студента искать обобщений.

Далее, по свойству тех или иных материалов в зависимости от их значения для освещения колонизации, разные моменты в изложении по тому или иному району пришлось выдвинуть далеко не на одинаковое место. В одних случаях более развита историческая характеристика колонизации края, в других—обращено более усиленное внимание на отрасли хозяйства, основные для данного района, в-третьих—уделено значительное внимание этнографическому составу населения и пр.

Все это, взятое в целом и выраженное в частностях, превращает настоящую работу, скорее, в учебное пособие, чем в учебник. Но и в этом виде работа на достаточно долгий срок времени может быть незаменимой при работе студентов, особенно в семинариях, что оправдано опытом необыкновенно активного участия студентов Межевого Института в семинариях по схеме настоящего пособия. От преподавателя будет зависеть, комбинируя приведенные описания, избрать тот или иной метод преподавания, подвигаясь с аудиторией на более высокие ступени научного обобщения и углубляясь в анализ действительности более тонкий, чем смогли этого достигнуть авторы пособия, не рискуя в «пособии» ставить вопросы, еще находящиеся в плоскости исследования.

Основные источники, положенные в основу той или иной главы, указываются в начале каждой из них. Из обозрения их видно, что приводится лишь наиболее важное, не столько в целях освещения именно колонизационных проблем, сколько в целях всесторонней характеристики тех или иных народно-хозяйственных явлений или районов. Ссылки на иностранную литературу делаются лишь в величайшем минимуме и лишь в силу незбежности указания нескольких незаменимых пока иностранных научных работ.

Авторам совершенно очевидны недостатки «пособия», но так же очевидна и острая нужда в нем, превратившаяся прямо в вопль студенчества о том или ином учебном руководстве.

Последняя глава II части «Среднеазиатский экономический район» составлена проф. Г. Н. Черданцевым, за что приносим автору глубокую благодарность.

Общая редакция и ответственность по предлагаемой работе лежали на мне.

И. ЯМЗИН.

18 июня 1926 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I

КОЛОНИЗАЦИОННО-МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ЭВОЛЮЦИЯ МЕТОДОВ ИХ РЕГУЛИРОВАНИЯ

ГЛАВА I.

ПОНЯТИЕ КОЛОНИЗАЦИИ И ПЕРЕСЕЛЕНИЙ.

Как показывает самое название колонизации—от слова: обрабатывать—под этим словом понимаются процессы оседания людей на земле с целью использования ее производительных сил. В зависимости от характера этих земель и хозяйственных целей, поставленных человеком при их использовании, колонизация будет носить или сельскохозяйственный характер, или промышленный, или комбинированный с преобладанием тех или иных черт. Но такое определение было бы слишком широким и общим, так как под него пришлось бы подводить всякий единичный случай оседания на земле с хозяйственной целью и на каком угодно минимальном расстоянии от пункта первоначального жительства индивидуума или группы их. Никому не придет в голову называть колонизацией случай переселения того или иного домохозяина с одного конца деревни или города на другой. Когда говорят о колонизации, имеют в виду переселение из пределов той или иной хозяйствующей среды (сельское общество, городское общество, хозяйственный коллектив и пр.) в другую хозяйственную среду. Такое отпочкование от прежней хозяйственной среды, ставя отпочковавшиеся хозяйства в новую физическую, биологическую и хозяйственную обстановку, под действие новых факторов, приводит к созданию новых форм быта и производства. Наглядный пример такого перерождения представляют хозяйства эмигрантов различных стран Европы по вселении их за океаном в Новом Свете. Но и такое понимание колонизации является совершенно недостаточным. В самом деле: можно ли говорить, что всякое перенесение оседлости и хозяйства в другую страну или область ведет к колонизации? Будет ли, например, переселение германских граждан в Италию, или наоборот, колонизацией Италии или Германии? Очевидно, нет. Но, с другой стороны, пересе-

ление француза в Алжир или шотландца в Канаду будет вести к колонизации Алжира или Канады европейскими эмигрантами. Чем же прежде всего отличаются Алжир, Канада, Аргентина, Сибирь и пр. от мест эмиграции, от стран более старой культуры? Прежде всего тем, что они имеют недостаточное население, относительно свободные земли, недостаточно развитые и использованные производительные силы. И вот, когда мы говорим о колонизации, то речь идет именно о заселении таких стран или областей.

Далее, если мы имеем даже такого рода вселение единичных хозяйств, то они не представляют еще сколько-нибудь значительного социального интереса и такого рода перемещения еще не создадут социального процесса, а именно совокупность последних и образует историю и создает новые хозяйственные формы. Чтобы перемещения людей имели такой колонизационный характер, нужно, чтобы они совершались значительными массами людей.

Итак, под колонизацией нужно понимать процесс заселения и использования производительных сил недонаселенных и экономически недоразвитых территорий значительными массами людей, эмигрирующих из более густо населенных областей.

Эти процессы происходят в современную эпоху всегда под действием экономических причин, в прежние же эпохи, кроме того, и под давлением политических моментов (политические или религиозные преследования). Колонизационные процессы совершаются или при разных формах государственного содействия этим процессам (государственно-регулированная колонизация) или без них (вольнонародная, «самовольная»). Когда регулируемая государством колонизация имеет совершенно определенные хозяйственные задачи в отношении колонизуемой области и подчинена выработанному государственной властью или общественными объединениями определенному плану организации народного хозяйства, тогда мы имеем планомерную организацию территории в колонизационных районах, иначе планомерную колонизацию. Последняя предполагает не только возможно рациональное землеустройство, но и ряд иных экономических мероприятий и ряд мелиоративно-дорожных сооружений. Все эти мероприятия создаются в расчете на возникновение и развитие наилучших, желаемых форм и размеров отдельных хозяйств, имеющих в основе рациональный, построенный на научных предпосылках план орга-

низации этих хозяйств—оптимальных хозяйств. Последнее становится возможным, по мере победы человеческой мысли и воли не только над силами природы, но и по мере овладения человеком стихийными процессами общественной жизни, по мере победы над «свободной игрой экономических сил», т.-е. по мере устранения классовых противоречий, по мере «социализации» жизни, т.-е. для переживаемой эпохи по мере роста власти пролетариата как последнего, восходящего социального класса и гробовщика классового общества. Отсюда понятно, почему только в СССР стало возможным максимальное торжество идей плановой организации народного хозяйства, следовательно и планомерной организации территории, в том числе колонизационной.

Кроме того, в переживаемую эпоху, как никогда прежде, по мере разрушения классовых и междугосударственных перегородок, становится возможным мыслить мировое хозяйство не как арену столкновения только антагонистических интересов наций, а как область рационального сотрудничества различных частей единого человечества; впервые становится возможным рассмотреть всю земную поверхность как единое «жилище» и единую «арену питания», как «достояние человечества» в целом (см. А. А. Ярилов. Пути колонизационного строительства. Труды Госуд. Колониз. Научно-Исследов. Института, т. I). Всей предыдущей историей классового общества это рациональное понимание колонизации и ее значения было совершенно затемнено, и колонизационная политика в капиталистическом обществе свелась к колониальной политике, т.-е. к искусству извлечения выгод из колоний в пользу метрополий. Это в свою очередь отражалось на состоянии науки о колонизации, не выходившей из рамок простого описания колоний и рецептов извлечения из них выгод по «экономическому принципу», т.-е. с рационально-минимальными в каждый текущий момент затратами. Тем не менее, каждый экономический строй, создавая базу для колонизационных процессов и во многом ими питаясь, создавал и свое искусство колонизации как политики и свою науку о колонизационных процессах и колонизационном искусстве. Итак, колонизация как наука, или учение о колонизации имеет своей задачей изучение закономерностей, лежащих в основе колонизационных процессов, и государственных мероприятий (рациональных или исторических данных), регулирующих колонизационные процессы.

Поскольку под колонизацией мы разумеем процессы массового оседания людей на территории, мы очевидно должны иметь им отвечающие и сопутствующие другие процессы—длительно повторяющиеся, а потому и устойчивые, процессы передвижения социальных масс, иногда даже целых народов, в пределах ли одного государства или между государствами и даже через океаны. Конечно, при этом «социальная масса» должна пониматься в рамках определенного исторического момента: передвижения африканских племен внутренней Африки, как бы количественно они ни были малы, конечно—массовое явление, ибо они велики в африканском масштабе и ведут к большим изменениям экономической и этнографической карты Африки, а постоянная смена мест в городских квартирах почти не имеет хозяйственного значения. Кроме того, важен уклон таких передвижений, их устремление, конечная цель, хотя и стихийно осуществляющаяся: передвижение огромных армий во время мировой войны и переселения немногих тысяч исландцев в Северную Америку в течение столетия—количественно почти несоизмеримы, но качественно совершенно различны. Армия воюет, разрушает народное хозяйство, но не творит хозяйства, а немногочисленные исландцы или швейцарцы, утопающие в массе других народов, переселяются для создания новых хозяйств. Следовательно, не всякое массовое передвижение носит хозяйственно-творческий, колонизационный характер. Очевидно, из всей массы миграционных процессов мы должны для нашей цели учитывать лишь массовые длительно-повторяющиеся передвижения в недонаселенные или экономически недоразвитые по сравнению с странами выхода переселенцев районы. Такого рода переселения наполняют историю всех народов Африки и Азии, античного мира, этими процессами полон период, предшествовавший образованию новой Европы (эпоха «великого переселения народов»), наконец, они занимают исключительно важное место в развитии всего Нового Света и СССР и выражаются в передвижении ежегодно многих сотен тысяч людей на континентах и за океан, меняющих окончательно свое местожительство. Эти процессы принято называть миграционными, при чем лица, оставляющие свое отечество, называются эмигрантами, меняющие оседлость в одном и том же государстве—переселенцами, вселяющиеся в другом государстве—иммигрантами.

Для лучшего понимания значения этих процессов можно указать, что за время с 1871—1924 г. г. из разных государств Европы окончательно выселилось за океан не менее 30 милл. чел., при чем из Великобритании 12 милл., из Германии 3,2 милл., из Италии 8,7 милл., из Австрии 2,0 милл., из Венгрии 1,7 милл., из Португалии 1,3 милл., из Испании, до 3 милл., из скандинавских государств 2 милл. человек. Понятно, что для стран с небольшими абсолютными размерами населения, как Ирландия, Скандинавия и пр., такая эмиграция имела очень большое относительное значение.

Наконец, в пределах России (в прежних границах) одно лишь переселение в Сибирь из Европейской России поглотило с 1885 по 1914 г. г. включительно 4 386 тыс. одних лишь семейных переселенцев, не считая одиночек. При этом это переселение для некоторых районов имело особо большое значение: например, на черноземную область пришлось 47,4% переселенцев, на южностепную область 13,5%, на западный район—11,7% и т. д.

В основе этих устойчивых переселений лежит та основная причина, что в известные исторические периоды жизненная обстановка не обеспечивает условий существования трудящихся масс и переполняется «емкость» страны, чаша наполнена, и излишки населения переливаются через ее края и уходят из «перенаселенной» области искать «новых» мест, более емких. Заранее нужно сказать, что емкость территории, способность ее кормить то или иное количество людей, меняется с изменением системы хозяйства, но поскольку они в сельском хозяйстве до сих пор изменялись медленно, последнее часто являлось источником известного «избыточного» населения, поглощавшегося или промышленностью или эмиграцией.

На базе параллельных процессов выселения излишков населения из одних областей и заселения других, из них и под действием различных экономических причин создалось пестрое разнообразие колоний и колонизационной политики. Но как бы ни были пестры эти формы, они повторяются, и каждая страна бывает вынуждена выдвигать целый комплекс задач в своей экономической политике и практиковать в соответствии с ними различные системы колонизации. Прежде всего мы встречаем земледельческую колонизацию, на основе которой развились наиболее значительные страны Нового Света (Северо-Американские Соединенные Штаты, Канада) и Россия; этой системе предше-

ствует или с ней комбинируется форма *скотоводческой колонизации* (Австралия, Аргентина, Южная Африка). Капиталистический мир создал различные формы *эксплоатационных колоний*, возникавших в странах исключительных природных колонией на основе монопольных прав метрополии (особенно голномическая задача сводится к извлечению выгод из торговли с колонией на основе монопольных прав метрополии (особенно голландские, затем английские и французские колонии в Азии и Африке). В жарком поясе для добывания их сырых продуктов (кофе, сахар, пряности, хлопок) создалась *плантационная система*, имевшая задачей массовое производство этих продуктов силами туземных рабочих под капиталистическим руководством европейцев. Если обе последние системы по мере высвобождения угнетенных колониальных народов теряют под собой почву, то они оставляют ценное историческое наследство по изучению культурной тропической флоры и тропической гигиены, и оно может быть использовано при рациональной организации туземного хозяйства. Наконец, существуют отмирающие формы *военных колоний*, имеющие задачей быть форпостами—поселениями при завоевании или обороне окраин (колонии римлян, испанцев в Перу и Мексике, казачья колонизация прежней России, недавняя китайская колонизация Манчжурии и пр.). Жизнь выдвинула новую форму *промышленной колонизации*, когда колонизационный район рассматривается как сфера будущей промышленности или промыслов, и с ними комбинируются формы земледельческо-скотоводческой колонизации как способа питания живых сил такой промышленности (Мурманский край, например).

«Арена питания», колонизационные фонды в недонаселенных странах, естественно, сокращаются постепенно по своей площади, но далеко не изучены с полнотой. Новый Свет находится еще в процессе заселения, хотя и не столь интенсивного, как прежде; «черный континент» (Африка) мало изучен, но можно утверждать, что он имеет еще достаточную емкость для развития туземного хозяйства. В пределах СССР имеются, в качестве колонизационных районов, *Сибирь*, часть *Поволжья*, часть *Юго-Восточного края*, *Север Европейской России*, *Дальний Восток* и нуждающаяся в первую очередь в устройстве местного (туземного) населения, *Средняя Азия*.

Учение о колонизации и переселениях распадается на: 1) *общее учение о колонизационно-миграционных про-*

цессах, 2) учение о методах колонизационного дела и 3) описание колонизационных районов. Первое тесно связано с землеведением, демографией и всей областью экономических наук, второе составляет модификацию учений об организации территории и организации хозяйства, третье составляет часть экономической географии, весьма тесно связанную с вопросами частного землеведения. Система изложения настоящего учебного пособия заключается: 1) в сообщении важнейших сведений о колонизационно-миграционных процессах и методах колонизационного дела в их эволюции в 1-й части учебника и 2) в экономической характеристике колонизационных районов—во 2-й части учебника (см. предисловие).

ГЛАВА II.

РАЗВИТИЕ КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ.

Все отмеченные выше виды колонизации нашли себе место в колониальном властвовании европейских государств.

Ограничив свое внимание эпохой так называемого нового времени, мы увидим, что более значительные государства Европы уже с XVI в. обеспечивают своему торговому капиталу еще новый способ обогащения в колониях. Эта деятельность могла здесь протекать в совершенно неограниченных размерах. Невероятные прибыли от продажи товаров дополнялись широчайшим применением рабского труда, особенно по открытии новых земель за океаном, куда за период времени вплоть до половины XIX в. ввезены были многие миллионы невольников на плантации и горные промыслы. Писатель отнюдь нереволюционных настроений В. Зомбарт в своей книге «Современный капитализм» по этому вопросу выражается так: «Не надо забывать, что хозяйственное развитие Западной Европы имело своим необходимым условием грабеж трех частей света, что благосостояние бесчисленных цветущих и богатых народов Старого и Нового Света создало средства, которые вызвали к жизни европейский капитализм. Богатство итальянских городов так же необъяснимо без обеднения остальных стран Средиземного моря, как расцвет Португалии, Испании, Голландии, Франции, Англии—без предварительного уничтожения арабской культуры, без расхищения Африки, разорения и опустошения южной Азии и ее островов, плодородной Ост-Индии и цветущих государств инков и ацтеков. Западная Европа, для того чтобы дойти до вершины своего современного могущества, в истинном смысле слова вела хищническое хозяйство с миллионами людей... Если бы пожелали подвести точный баланс западно-европейскому капитализму, то пришлось бы... записать в дебет громадную трату

человеческих жизней... Мы стали богаты, так как за нас умерли целые расы и племена, целые части света были обезлюдены для нас».

Как можно будет увидеть из дальнейшего описания, капиталистический строй создал в колониальной торговле систему монополий и тем обеспечивал торговому капиталу огромные прибыли (даже до 500%), прибегая к насилию и многообразным формам обмана туземцев. Объединить постоянное поступление высокой прибыли становится скоро целью той политической организации капитализма, которая называется в капиталистическом обществе государством. Борьба за укрепление места в международной торговле становится одним из сильнейших рычагов в международной политике и приводит к захвату сначала отдельных опорных пунктов в различных углах мира, а потом и к овладению рядом туземных территорий и к монопольной их эксплоатации, к созданию «колоний». Поскольку простой товарообмен с туземцами не может насытить потребности капиталистического общества, колонизация вступает на путь организации производства все в том же монопольном порядке. Появляются «плантации» для производства колониальных продуктов на началах принудительного труда туземцев или привозных невольников. Торжествующий капитализм одной страны конкурирует с капитализмом всякой другой страны, прибегая для этого к бесконечным ухищрениям. Для поддержания высоких цен на колониальные товары капиталистические монополии, властвующие в колониях, доходят до уничтожения «излишних» продуктов, производимых в колониях. Такой симбиоз метрополии и колоний на началах властвования первой над последними и монопольной эксплоатации колоний обеспечивает необходимый для промышленного капитализма товарообмен. По мере развития новой фазы капитализма, эпохи финансового капитала, безличное властвование банков и акционерных компаний становится осью мировой политики и процесс финансового покорения мира капитализмом углубился и распространился на громадную площадь, все шире культивируя достижения капиталистических форм колонизации.

В ожесточенной борьбе за рынки сбыта фабрикатов из Европы и за области добычи сырья и приложения капитала в колониях протекает весь новейший период мировой истории. Таким образом к 1923 г. площадь колониальных владений отдельных капиталистических государств находилась уже в таком состоянии.

Государства	Площадь в тыс. квадр. миль	Население в милл. душ
Англия	13 234	401,8
Соед. Шт. Сев. Ам. . .	717	9,2
Бельгия	910	8,5
Франция	5 382	53,7
Италия	778	1,7
Япония	113	21,7
Голландия	780	38,2
Дания	40	0,1
Норвегия	25	0,002
Испания	129	0,8
Португалия	927	7,7

Обращаясь к конкретным проявлениям этой колониальной истории, мы рассмотрим, весьма сжато, важнейшие лишь национальные системы колониальной политики: испанскую, португальскую, голландскую, английскую и французскую, за невозможностью охватить подробно политику других более мелких или молодых метрополий.

Испанская колонизация XVI в. не имела в основе перенаселения или экономических кризисов в самой Испании и не ставила задачи по созданию рынков сбыта для испанской промышленности, но имела целью первоначально добычу золота в Америке; к тому же Америка того времени не имела ни зерновых хлебов ни домашних животных, и даже такие экспортные продукты, как сахар и табак, появились на европейских рынках лишь в XVII в., а хлопок даже в конце XVIII в. Поскольку все авантюристические элементы Испании принимают участие в этом деле, скоро за океаном в новых условиях создается «старое общество» со знатью, владеющей обширными поместьями, сильным духовенством и всемогущей бюрократией и с полным отсутствием крестьян-переселенцев. Победитель не превращается в рудокопа, а властвует как завоеватель, захватывая имущество побежденного и

заставляя его на себя работать. Эмиграция допускается в ограниченных размерах и для политически «благонадежных» элементов из высшего общества, которые жалуются громадными майоратами и, владея землей, живут в городах, образуя привилегированный слой. Абсолютная власть, опасаясь развития автономных стремлений, строит управление в колониях на текучем элементе «старого испанского» дворянства, всеми силами оттесняя даже дворян-креолов, классифицируя даже оттенки в цвете кожи американских уроженцев. Правда, индейцы довольно быстро превращаются из рабов в крепостных с сильно ограниченными правами «энкомендеро» (владельцев поместий). Позже появляется организованное бюрократическое попечительство над туземцами, от запрещения европейцам пребывать в областях, населенных индейцами, вплоть до запрещения индейцам принимать на себя денежные обязательства свыше известной суммы и пр. Зато барщинные и обязательные в пользу государства повинности, хищения администрации, десятина духовенства со всех земледельческих продуктов, полная бюрократическая централизация управления и даже инквизиция—основные черты колонизации испанцев в Америке, особенно в XVII веке; параллельно этому огромный контроль над торговлей с нормировкой всего вывоза в колонии как испанских, так и иностранных товаров в определенном количестве караванов и в определенных портах Испании. Все эти меры не остановили иностранной торговли и контрабанды настолько, что во второй половине XVIII века Испания вынуждена была уже перейти к свободе торговли в колониях, но экономическое и национальное развитие испанской Америки к началу XIX в. уже переросло и прежнюю систему террора и ограничений и эту запоздалую политику жалких уступок и привело к освобождению Южной Америки от испанского владычества.

Вторая латинская колониальная держава—П о р т у г а л и я— мало чем отличалась по способам и судьбе своего властвования от Испании. Вся экономическая политика Португалии в колониях сводилась к той же монополии торговли и мореплавания. В главнейшей своей колонии—Бразилии—Португалия не вела такой феодально-концессионной политики, как Испания, и так же, как последняя, опекала индейцев, а потом запоздало уравняла их, более или менее, с колонистами одною рукою, но другою покровительствовала негровладению, и так же, как у Испании, португальская борьба с контрабандой и монополизация торговли не дали

возможности Португалии остановить рост народного хозяйства Бразилии и ее освобождения от португальской опеки в начале XIX века.

Таким образом как испанская, так и португальская колониальная политика широко, но примитивно использовала методы плантационной и эксплоатационной колонизации, о которых говорилось выше, и осуществляла их в приемах, вытекавших из существа капиталистической системы, монопольного захвата товарообмена колоний.

Более долговечным и пока современным является властвование Голландии над ее островными колониями в Азии или над так называемой Нидерландской Индией.

Свое колониальное господство Голландия осуществляла через Ост-Индскую компанию, представляющую в начале целый синдикат торговых обществ, где каждый крупный торговый центр имел свою торговую палату, свой флот и свою сумму акций в капитале компании. Последняя имела весьма широкие права вплоть до ведения переговоров, постройки укреплений, набора войск. Рядом с этой внешней технической мощью компания осуществляла исключительную торговую монополию с безграничной коммерческой нетерпимостью к конкурентам, позволяя себе в борьбе все средства, вплоть до массовых покупок дороже и продажи товаров дешевле других европейцев, вплоть до избиения европейцев, китайцев и туземцев. С целью поднятия цен на вывозимые из колоний товары компания нормировала производство сокращением культуры пряных растений на некоторых островах и даже уничтожения запрещенных к росту кустов; на других островах были уничтожены по тем же соображениям мускатные и гвоздичные леса. Конкуренция Франции и Англии в производстве тех же продуктов и прямые неудачи Голландии в ее борьбе с Англией значительно снизили шансы голландской монополии. С 30-х г. г. XIX ст. создается смягченная форма капиталистического регулирования хозяйства туземцев Зондских островов, так как устанавливается лишь норма выработки и обязательной сдачи государству по твердой цене продуктов, потребляемых Европой (размер земельной площади под определенной культурой или числа кустов определенного растения). Ныне задачи капиталистического общества по организации туземного производства осуществляются и без прежней регламентации туземного производства, подчинением всех сторон этого производства воздействию сложной системы кредитных учреждений,

промышленных организаций и различных комбинатов, влияющих на народное хозяйство островов в весьма существенных моментах.

Наличность муссонов и обилие дождей, позволяющие при большой густоте населения превращать страну, как удачно указывалось, в сплошной обработанный ландшафт, богатство, роскошь и разнообразие растительного покрова обеспечили здесь, как и в британской и французской Индии, продукцию исключительного значения для мировой торговли (сахар, кофе, какао, табак, чай, растительные масла, каучук и пр.) и колоссальное производство риса местного потребления.

Весьма разнообразные системы колониальной политики применяет современная Англия в своих разнородных колониях. В прошлом, однако, английская система колонизации немногим превосходила голландскую и, если Англия иногда не шла по пути Испании, то она применяла те же приемы торговой монополии и административного подчинения даже к территории, на которой позднее образовались Северо-Американские Соединенные Штаты, и применяет их теперь в смягченной форме в большинстве своих азиатских и африканских колоний. По климатическим условиям, во многом предопределяющим характер экономического развития, английские колонии можно разделить на находящиеся в умеренном климате (Канада, Австралия, Новая Зеландия, Южная Африка и др.) и на расположенные в тропической или субтропической зоне. Первый тип колоний не имел значительного туземного населения и по природе своей допускал широкое развитие земледелия на основе колонизации эмигрантами из Европы и прежде всего из самой Англии. Это определяло во многом будущие успехи народного хозяйства за океаном и в то же время исключало возможность применения испанских методов управления. Но и при этих предпосылках и при ограниченности прямого административного вмешательства в дела этих колоний со стороны Англии, подчинение колоний интересам английского империализма было ярко выражено в той меркантильной системе, которая монополизировала торговое мореплавание в Европу из Америки в руках английского торгового флота, позволяла определенные группы товаров ввозить только в Англию или в британские колонии, а другие—только на английских судах и под английской командой и лишь в страны определенной географической широты (на юг от мыса Финистерре), равно как ввоз товаров в Америку допускался даже для иностранных судов с обязательной перегрузкой их в Англии. Рядом с этим были

и другие ограничения, как то: запрещение вывоза из Америки шерстяных фабрикатов и даже перевозки их из одной провинции в другую, запрещение выделки чугуна, железных изделий, паровых мельниц, судов, громадное обложение рафинирования сахара, обложения рыбаков и пр. ограничения, не компенсировавшиеся теми льготами, которые были установлены для колоний в других отношениях. Рядом с этим рабство негров, истребление колонистами индейцев при невмешательстве во внутренние дела колоний. Таким образом создавалась база для образования 20 автономных доминионов или свободных С.-Американских Штатов, но это развитие вместе с тем и тормозилось односторонним преобладанием интересов метрополии.

Что же касается колоний, расположенных в жарком поясе, то здесь преобладали те же системы эксплоатационной и плантационной колонизации, какие описаны были выше. Постепенно и здесь отпало невольничество, изменялись и смягчались формы «колониального договора», сменившегося, наконец, свободным товарообменом с уплатою лишь пошлин. Отсталые формы экономического господства европейского капитала сменились внешне-свободными отношениями, но глубоко подчиненными власти финансового капитала, властно и монопольно устанавливающего уклоны и формы производства в колониях как в области сельского хозяйства, так и в переработке сырья при помощи «свободного» труда. В ряде колониальных стран английский капитал нашел для себя выгодным производство больших мелиораций (Бр. Индия, Египет, Судан) и многих железнодорожных магистралей (Африка и Бр. Индия).

Индийский и суданский хлопок, произведения африканской низменности—каучук, пальмовое масло, какао, древесные продукты, продукты животноводства африканской возвышенности, имеющие безмерные перспективы, месопотамская нефть составляют базис исключительного колониального могущества Англии, усиливающей позиции своего господства неформальным капиталистическим овладением пружинами хозяйственной жизни многих других областей, формально не входящих в империю.

Германская колониальная политика, равно как и итальянская, складывались уже в эпоху господства финансового капитала и проводились в странах только жаркого климата. Поэтому колониальная политика свелась здесь к проведению начал эксплоатационной колонизации, осуществляемой далеко не всегда бескровным путем. Методика колонизации здесь мало чем отличалась

от английской системы новейшего времени. Не отличались от них и бельгийская система (Конго) по своим задачам и американская (на Филиппинах). Нужно только отметить общеизвестный факт превращения американским капиталом целого ряда независимых стран в фактические колонии Северо-Американских Соединенных Штатов.

Франции пришлось разрешать одновременно проблемы и земледельческой колонизации (Алжир и Тунис) и эксплоатационной. Трудность положения в Алжире с большим туземным населением обязывала к особой осторожности, к привлечению французских переселенцев. Земли, сначала наделявшиеся колонистам бесплатно, а потом по твердой цене или с торгов, давались только в определенных «центрах» без права расселения и образования одиночных ферм. После восстания туземцев в 1871 году ряд земель был секвестрован в пользу колонистов, но реально позволили вселить лишь небольшое число иммигрантов, дальнейшая же попытка покупок земли у арабов в порядке экспроприации для образования колонизационного земельного фонда была весьма ограничена парламентом; издержки на семью оказались весьма высокими, и потребности в земельных улучшениях для обеспечения культур и стад туземцев значительными, колонизационный фонд требовал долгих мелиораций. Мысли о принудительном передвижении арабов за Атлас были отброшены, а культурный и экономический рост туземного населения был бесспорен; поэтому французский империализм не мог стать на путь дальнейшей колонизации за счет туземцев. Поэтому земледельческая колонизация в Алжире и Тунисе заняла, хотя и прочное, но скромное положение. В местностях другого типа, как, например, Сенегал и французский Судан, попытки земледельческой колонизации были быстро оставлены; в центре внимания оказалась торговля береговых портов с туземцами внутренней Африки и, в первую очередь, регулирование и улучшение путей сообщения и стимуляция производства растений, нужных Европе (в последние годы, кроме обычных колониальных товаров, хлопок).

Таким образом этот весьма краткий очерк колониальной «экспансии» европейцев указывает: 1) что земледельческая колонизация имеет место в зонах умеренного климата и потому имеет ограниченное значение, приводя к тому же, по мере своего развития, или к полному политическому освобождению колоний или к фактической независимости, как то мы видим в доминионах

Англии, 2) что колонизация в странах жаркого климата шла методами грабительской эксплоатации туземцев и создания плантаций, основанных на труде или невольников или чрезвычайно угнетенных рабочих. Но в современную эпоху господства финансового капитала превратилась в систему эксплоатация сил природы и туземного населения многообразным проникновением европейского капитала во все стороны организации производства и товарообмена в колониях, с широчайшим применением торгово-промышленных комбинатов и с энергичным вовлечением колоний в товарное мировое хозяйство на основе широкого развития парового транспорта, 3) что системы управления колониями весьма пестры и достаточно уже эластичны под напором экономического и культурного роста туземного населения колоний, но опираются на резерв тех вооруженных сил, какие метрополии всегда имеют «про запас» для колоний, 4) что производство в колониях специализируется не только на производстве предметов питания туземного населения, но и больше всего на том, выращивание чего диктуется природой колонии и что требуется на мировом рынке; так, колонии жаркого пояса становятся более или менее «монокультурными» (хлопок Индии, Египта и пр., какао Нидерландской Индии и пр.).

ГЛАВА III.

КОЛОНИЗАЦИЯ НОВОГО СВЕТА.

Совершенно иные черты имела колонизация Нового Света. Отправным пунктом здесь была иммиграция земледельческого населения из Европы в страны с необыкновенно малочисленным туземным населением, с огромными пустующими пространствами и с исключительным комплексом благоприятных географических условий (климат, рельеф, береговая линия, естественные внутренние пути сообщения, гидравлическая энергия и природные богатства почвы (недра); особо выгодное сочетание этих условий имело место на территории, из которой образовались Северо-Американские Соединенные Штаты. Отличительную культурно-политическую сторону колонизации в Америке и в Австралии, равно как, отчасти, и в Южной Африке, составляет то, что она при указанных предпосылках сравнительно быстро привела колонии к превращению в автономные доминионы или республики, какими полон Новый Свет и какие появились уже в Южной Африке. Темп иммиграции и колонизации в Новом Свете особенно усилился в XIX веке.

Так, в Соединенные Штаты иммиграция с 1821 года в тысячах душ складывалась по пятилетиям в следующем виде:

1821—1825 г.г.	40,5	тыс.
1826—1830 „	102,9	„
1831—1835 „	252,5	„
1836—1840 „	346,6	„
1841—1845 „	330,3	„
1846—1850 „	1282,3	„
1851—1855 „	1748,4	„
1856—1860 „	762,6	„
1861—1865 „	719,4	„
1866—1870 „	1657,8	„
1871—1875 „	1085,4	„
1876—1880 „	1726,8	„

2*

1881—1885 г.г. . . .	2975,7 тыс.
1886—1890 „ . . .	2270,9 „
1891—1895 „ . . .	2123,9 „
1896—1900 „ . . .	1563,7 „
1901—1905 „ . . .	3833,1 „
1906—1910 „ . . .	4962,0 „
1911—1913 „ . . .	2914,7 „
1914—1921 „ . . .	3748,0 „
1922—1924 „ . . .	1545,2 „

При этом нужно отметить, что цифры иммиграции перед войной в среднем составляли 990 тыс. человек в год, во время войны— до 260 тыс. и после войны еще только 600 тысяч человек.

В Канаду за 1892—1922 г. г. прибыло 3 789 тыс. иммигрантов. Размеры иммиграции перед мировой войной равнялись в среднем ежегодно для периодов: 1897 — 1901 г. г. — 341 тыс., 1902—1911 г. г.—130 тыс., 1907—1914 г. г.—274 тыс. Во время войны иммиграция пала до 81 тыс. чел. и после войны поднялась до 118 тыс. чел.

Иммиграция в Аргентину за время 1860—1900 г. г. дала 2 703 тыс., при чем в среднем по десятилетиям ежегодно: в 60-х г. г.—13 тыс., в 70-х г. г.—26 тыс., в 80-х г. г.—102 тыс., в 90-х г. г.—92 тыс.; с 1900 и до начала мировой войны цифра иммиграции равнялась уже в среднем 193 тыс. и в послевоенное время приблизительно 82 тыс. человек ежегодно.

Иммиграция в Бразилию составляла по десятилетиям в среднем в год: в 70-х годах—20 тыс., в 80-х—51 тыс., в 90-х—117 тыс., и в 1901—1911 г. г.—75 тыс.

Таким образом нужно признать наметившееся уже перед войной по всем странам иммиграции сокращение размеров последней и повышение этих размеров после войны, но далеко не достигающее пока размеров довоенного времени.

Обратим внимание на самые существенные черты в колонизации важнейших стран Нового Света. Прежде всего нужно отметить, что столь огромное вселение европейцев обозначало в начале захват огромных территорий у туземцев, на крови и костях которых и строилась цивилизация. Эта кровавая история наглядно отражена даже в художественной литературе, хотя бы у Ф. Купера, который сам характеризовал этот исторический процесс как «драму». Море жестокостей пионеров цивилизации было так велико, что один из его героев уходит от цивилизации в глубь лесов к индейцам и умирает среди них. Тов. Фриче удачно по этому по-

воду цитирует Лоуэлля, указавшего, что этот образ «прекрасен, как Ахиллес, и типичен, как Дон-Кихот». Капиталистическая цивилизация всегда себе верна и ныне в Африке идет сходными путями. Лишь большая густота и оседлость туземного населения черного континента и пробудившееся национальное самосознание этого населения уже серьезно мешают прямолинейному проведению методов завоевания «огнем, мечом и рублем».

В Северо-Американских Соединенных Штатах в первую очередь была колонизована восточная часть территории Союза, прилегающая к Атлантическому океану, затем колонизация продвигалась на запад до бассейна Миссисипи и Миссури и в область Великих Озер. Дальний Запад представлялся американцам еще в середине XIX века дикой, ничего не стоящей страной. Однако специфическая особенность американской жизни — быстрый рост железнодорожной сети, соединившей два океана,—сделал и Дальний Запад доступным культуре, и колонизация здесь получила законный успех и позволила развить выдающееся сельскохозяйственное производство. В то время как Апалачский бассейн, весь Приозерный край и отчасти центральные штаты явились источником минеральных богатств штатов и базой для американской индустрии в восточных штатах, земледелие стало постепенно завоевывать Запад Союза. В настоящее время под фермами занято уже свыше половины территории штатов, и площадь свободных государственных земельных имуществ быстро сокращается. Этому отвечает и рост посевной площади, особенно под пшеницей, превышающей ныне втрое таковую же 70-х годов. Развитие зерновой культуры на Западе одно время привело к явлениям, сходным с бывшим в свое время кризисом в европейском сельском хозяйстве под давлением заокеанской хлебной конкуренции с той лишь разницей, что в то время, как тогда хлебная продукция восточных штатов Северо-Американского Союза удачно конкурировала с европейским хлебом, так теперь те же восточные штаты оказались страдающими от наплыва зерновых продуктов с Дальнего Запада Союза. Впоследствии установилось более устойчивое равновесие, поскольку происходящая непрерывно индустриализация штатов, повышающая рост ценности богатств в животноводстве более быстро, чем в полеводстве, позволила развить в восточных штатах более интенсивное земледелие животноводственного уклада с развитием производства кормовых трав, садоводства и огородничества за счет зерновых культур, почему,

например, продукция пшеницы составляет в восточных штатах уже менее 1% общесоюзной ценности урожая, а в западных она—свыше 25% той же ценности. Зерновое производство Запада при этом протекает в условиях экстенсивных форм ведения хозяйства, но рационализируемых применением двигателей, машин и орудий в сельском хозяйстве.

Таким образом если говорить о современной колонизации Северо-Американских Соединенных Штатов, то она подалась сильно к Западу и происходит в значительной степени на основе оросительных мелиораций. Вообще же северо-американское колонизационное землеустройство прошло несколько этапов, среди которых нужно отметить: 1) порядок регистраций свободных земель, когда республиканский свободный земельный фонд был разделен на квадраты, привязанные к меридианам, площадью по 36 кв. миль каждый; каждый квадрат—тауншип—делился на 6 квадратов—секций (260 гектаров), а секция на 16 частей по 16¼ гектаров каждая; 2) весьма широкую раздачу земель железным дорогам, которые вели колонизацию, что потом пришлось государству взять в свои руки; этим дорогам (особенно Тихо-Океанская, Северная Тихо-Океанская и Санта-Фэ) отводились участки в шахматном порядке; 3) закон о семейных наделах—гомстэдах, по которому все совершеннолетние граждане могли получить в собственность участки по 65 или 32½ гектара за плату 20—10 руб. за участок при условии проживания на участке в течение 5 лет и обработки его; 4) колонизацию «пустынь» Запада, регулируемую законом, по которому каждый гражданин мог получить участок в 640 акров (240 дес.) с обязательством орошения и приведения в культурное состояние за плату по 5 руб. 50 к. с десятины. После ряда неудач и злоупотреблений закон был изменен понижением надела до 320 акров и с более строгими требованиями к представлению доказательств о произведенных колонистами мелиорациях; 5) законы о принудительных мелиоративных товариществах, т.-е. об обязательном вовлечении в мелиорацию несогласного меньшинства, когда его участие было технически необходимо; 6) систему законов, имеющую в основе акт Кэри с рядом дополнительных законов; по этому законодательству штатам засушливых районов предоставлялось по одному миллиону акров свободных государственных земель, каковые земли штаты сдавали в концессии по особо утвержденному

проекту мелиораций и под залог, представляемый концессионером, и с разрешения в каждом случае федерального правительства; контракт предусматривал срок производства орошения и стоимость его, условия выплаты переселенцами стоимости орошения и условия ведения ими хозяйства на мелиорированной земле. Переселенческие участки составляли 40—160 акров и оплачивались ими по стоимости земли (2 р. 70 к. за десятину) и орошения, но представлялись переселенцу уже по внесении задатка и он обязан был в течение известного срока довести хозяйство до определенного уровня; 7) мелиоративный акт, позволивший федеральному правительству самому устраивать орошение с отводом участков не более 60 дес. и с теми же требованиями о проживании на участке и ведении рационального хозяйства; выплата стоимости орошения переселенцами рассрочивается на 10 лет и, таким образом, они выплачивают его на весьма льготных условиях, уже получая доходы из быстро растущего хозяйства.

По данным проф. Скорнякова за 30 лет (1890—1920 г.г.), в Соединенных Штатах число орошаемых хозяйств увеличилось в $4^1/_4$ раза, а в отдельном орошаемом хозяйстве площадь орошенной земли на 20%, и, наконец, общее увеличение орошаемой площади в Штатах к 1920 г. составило 33% площади, орошенной в 1910 г.

Система льготной передачи переселенцам орошаемых земель с последующей оплатой ими стоимости орошения и на условиях регулированного законом ведения хозяйства переселенца нашла себе место далеко за пределами Нового Света, как, например: в Пенджабе (на севере Британской Индии), в Алжире и Тунисе, в итальянских колониях — Триполитании, Киренаике, Эритрее и Сомали, в Южно-Африканской Федерации, в Мексике, в Египте и т. д., но остановиться на этом нет возможности.

Особо значительный интерес для гражданина СССР представляет колонизация Канады, наиболее из стран Нового Света приближающейся по своей природе к России. В ней были установлены те же подходы к колонизационному делу: та же система гомстэдов, сходное регулирование хозяйственного поведения колонистов: колонист в течение 3 лет обязан построить дом определенной стоимости (300 долларов), расчистить известную площадь (30 акров) и часть ее обработать под культуру (20 акров). В местностях, более трудных для освоения, участки давались да-

ром и больших размеров (до 160 акров), но за расчистку, засев и постройку дома.

Как известно, Канада быстро поднялась в первые ряды экспортеров зерна; так, за 1915—1921 г. г. она произвела в общей сумме 1 836 милл. бушел. пшеницы, уступая лишь Соединенным Штатам (5 816 милл.) и Британской Индии (2 368 милл.). Из этого производства главная масса выпадает на долю провинций Саскачеван, Альберта и Манитоба, т.-е. провинций Дальнего Запада Канады. Так, за 1916—1922 г. г. из общего производства хлебов Канады—в среднем ежегодно—264 милл. буш.—на долю Саскачевана пришлось 140 милл., Альберты—55 милл. и Манитобы—43 милл. Таким образом степные западные провинции Канады, подобно западным штатам Северо-Американской Федерации, заняли решающее место в сельскохозяйственном производстве доминиона. В то же время Манитоба, Саскачеван и Альберта обладают ярко выраженным засушливым климатом и удалены от внешних рынков Европы. Поэтому и здесь был применен тот же американский метод оживления этих провинций, как в Соединенных Штатах, т.-е. железнодорожные пути и мелиорация. При этом трем трансокеанским железным дорогам даны были функции колонизационных учреждений, т.-е. наделение землей переселенцев и производство мелиораций при посредстве передачи этим дорогам для колонизации свободного земельного фонда Канады. При этом в нескольких орошаемых районах удалось в короткий срок создать цветущие и населенные территории, при чем участки имели от 30 до 60 дес. и предоставлялись не только мелиорированными, но и с постройками и даже с первым посевом на них. Стоимость земли, орошения и построек с $6^0/_0$ на этот капитал погашалась колонистами в течение 9 лет. Детальные планы участков предъявлялись переселенцам еще до переезда их за океан и зачислялись по предварительном взносе задатка. В течение первого года по водворении переселенец обязан был огородить участок и распахать $10^0/_0$ купленной площади, в течение второго года—распахать еще $10^0/_0$ и засеять первые $10^0/_0$ всей площади. Уплаты переселенцем производились с рассрочкою платежа в течение 5 лет со времени переселения. Оплата пользования водой оставалась неизменной и выплачивалась ежегодно в два срока. В отдаленных местностях Альберты допускалась рассрочка платежей переселенцам на 20 лет и ссуды до 3 000 долл. на хозяйство.

В Австралии колонизация была построена по так называемой системе Уэкфильда. Колонист вначале поступал рабочим; при высокой заработной плате он, по идее автора системы, мог приобрести значительные средства и, «тем сдав экзамен труда и бережливости», имел возможность купить за «достаточно высокую плату» землю. Доходы от этой «достаточно высокой платы» должны были итти на субсидирование администрации, на общественные работы, на агрономию, гидротехнику и пр. Кроме того, в некоторых местностях практиковалась система «продажи земли с премией за эксплоатацию», немедленно следовал взнос небольшой части цены участка с дальнейшей рассрочкой и с освобождением от взносов в случае затрат со стороны переселенца на мелиорацию.

Однако история Австралии до 80-х годов прошлого столетия была борьбой классов скуотеров (владельцев скотоводческих участков) с селекторами (хозяевами земледельческих участков). Против скуотеров, получивших в свои руки колоссальные пространства и имевших громадные стада и получивших прозвище «принцев перстни и лордов сала», велась длительная борьба со стороны новых демократических элементов австралийского общества, и еще в 1884 г. в двух главнейших штатах площадь обработанной земли не превышала 12% из состава фонда отчуждений. В более позднюю эпоху экспроприация земель у скуотеров пошла быстрее, и они сдавались участками по 40—640 акров на условиях льготных платежей, при чем нормировался обязательный уровень вносимых в участок колонистом улучшений.

В Новой Зеландии разрешалась в долгой классовой борьбе та же коллизия интересов земледельцев, скотоводов и кроме того туземцев-маори. В более поздней стадии этой борьбы установлены были (также и в Австралии) два типа использования колонизационного фонда: 1) под земледельческую колонизацию—а) в собственность с рассрочкой платежа на условиях производства колонистом улучшений или б) в вечную аренду с правом на стоимость произведенных улучшений и периодического возобновления аренды с определением размера арендной платы в 5% со стоимости земли, которая подлежала переоценке через каждые 30 лет; 2) под скотоводческую колонизацию. Часть полученных государством платежей шла на сооружение дорог и портов и на водоснабжение. Кроме того, с 1892 г. возникло поселение на праве наследственной аренды на 999 лет с неизменяемой арендной платой также на началах государственной регламентации хозяйственной

деятельности колониста. Кроме того, появился тип «улучшенных фермерских поселений» для безработных со ссудами на лесные расчистки, постройку дома и на обсеменение. Впоследствии получили распространение ссуды переселенцам на срок $36^1/_2$ лет. Эти мероприятия увязывались в достаточно стройную систему с известным ново-зеландским поземельным обложением, наиболее прогрессивным из буржуазно-демократических законодательств.

Аргентина с ее громадными колонизационными земельными фондами должна была одновременно разрешать проблемы и земледельческой и скотоводческой колонизации. Земледельческие участки по закону 1903 года не могли превышать 100 гектаров (не больше 2-х участков на одно хозяйство) и сдавались при небольшом единовременном взносе ($^1/_6$ стоимости участка) с обязательством возведения построек и разведения скота определенной стоимости на единицу площади, устройства в 2-годичный срок жилища и обработки установленного пространства; уплата цены земледельческого участка погашалась в течение 6 лет. Скотоводческие участки не могли превышать 2 500 гектаров, сдавались при обязательстве возведения построек и разведения стада определенного состава; однако допускалась аренда даже до 20 000 гектаров при условии затраты на животных довольно большой суммы на единицу площади. Лесные участки сдавались на особых условиях. Индейцы снабжались землей и инвентарем на более льготных условиях.

Таким образом каждое государство или область должны были разрешать колонизационную проблему: 1) применительно к типу хозяйства при предстоящей колонизации — земледельческой, скотоводческой, лесохозяйственной и пр., 2) применительно к способу образования колонизационного фонда (с мелиорациями или без них). Если отбросить буржуазное представление о цене на землю, которую взимали фактически или иллюзорно, изощряясь над установлением «разумной меры» льгот в уплате стоимости земли, то остаются весьма важные и для хозяйства СССР вопросы о способах планомерной колонизации, которые в главнейшем сводятся к: а) мелиоративно-дорожным мероприятиям и б) установлению целесообразной системы хозяйственных обязательств колониста и порядка их выполнения, которых социалистическое государство уже никак не может обойти молчанием, естественно видя в каждом хозяине работника на государственной земле.

ГЛАВА IV.

РАЗВИТИЕ КОЛОНИЗАЦИИ В РОССИИ.

Ключевский говорил, что «история России есть история страны, которая колонизуется». Начало этого явления уходит в далекую глубину русского исторического процесса, и в учебнике, посвященном методике изучения явлений современной жизни и способов ее регулирования, не может быть отведено много места временам от нас отдаленным.

Достаточно исследована колонизация Суздальской земли в XII веке, производившаяся выходцами из Киевщины и создавшая новую и достаточно сильную область на севере. Приобрела известность также колонизация Новгородом севера Европейской России.

Но наиболее интенсивное колонизационное наступление русского населения происходило в направлении на юг и особенно на юго-восток, но это продвижение всецело зависело от тех явлений, какие происходили в южных степях, становившихся небезопасными уже в X веке благодаря передвижениям печенегов и половцев. Монгольское нашествие надолго останавливает начинавшиеся попытки продвижения на юг. В XIV веке эти попытки опять усиливаются, но затем, с временным усилением крымского ханства, останавливаются вплоть до XVI века, до какого времени колонизация не снижалась прочно на юго-западе даже в пределы Полтавской губ., а на юг и юго-восток ниже середины Тульской и южных границ Рязанской губ. На восток в эту эпоху продвижение русского населения останавливается около реки Суры. Первую «оборонительную» линию московскому правительству удалось создать лишь в середине XVI века по линии, отграничивающей половину Орловской, Тульской и Тамбовской губ. Только к концу XVI века создается новая оборонительная линия, включающая Воронеж, Елец и Белгород и создавшая особый слой «однодворческого» населения. В то же время московское государство ста-

новится твердой ногой на Волге и Урале. Параллельно с Польшей производится военная, а за ней и частновладельческая шляхетская колонизация Поднепровья. Рядом с этим шла свободная колонизация казаческая. Попытки шляхетской колонизации подчинить казачество вели к упорной борьбе последнего и заставляли его отступать на юг, заселяя южные степи. В результате восстаний казачества польское землевладение поглощается казачеством, и на освобожденной земле происходит массовое расселение. В половине XVII века создаются новые этапы колонизации—«Белгородская черта», «Симбирская черта» и «Закамская черта», а в то же время происходит заселение Харьковщины и вообще слободской Украины. Дон, на который казаки проникли в середине XVI века, начинает заселяться в массовом порядке лишь в XVIII веке, как и более прочно Урал с образованием Оренбургской линии (от Самары к Оренбургу и на восток по Яику и Ори). Во второй половине XVIII века происходит уже быстрое овладение черноморскими степями, как несколько ранее достаточно кровавое овладение Башкирией и дальнейшее укрепление Оренбургского края. В конце XVIII века усиленно заселяются Новороссия, Нижнее Поволжье и Предкавказье (образование Кубанского казачьего войска). К тому же периоду относится вызов колонистов из прежней Турции и Западной Европы: так заселяется северо-восток Екатеринославской губ. славянами («Славяно-Сербия»), образуются немецкие колонии по нижнему течению Волги, в Новороссии, в Оренбургском крае, происходит вселение греков и армян по берегам Азовского моря. Участки доходили до 60 дес. и отводились в собственность. В начале XIX века осваивается Черноморское побережье, Кавказ и незаселенные части Поволжья. Сибирь не перестает быть колонизационной областью с начала ее завоевания, но земледельческая колонизация в начале идет медленно и приходится затрачивать много энергии на организацию в порядке повинности «государевой пашни»; земледельческая колонизация начинается лишь с половины XIX века и укрепляется в поземельно общинных формах. Начало массового продвижения переселенцев в Среднюю Азию должно быть приурочено к концу 80-х годов.

Таким образом из потребностей политических до XIX века, главным образом, складывалась колонизационная политика государственной власти дореволюционной России. До середины XIX века серьезных стимулов к колонизационной политике определяющего

экономического характера у командовавшего класса русского общества—дворянства—не было выявлено, равно как еще не создалось и для государства серьезных причин финансово-экономического порядка заботиться об усилении колонизационного процесса, тоже до середины XIX века. В первой половине XIX века возникают лишь одиночные проекты государственной организации переселений и колонизации, как, например, проект гр. Киселева о переселении государственных крестьян из более густо населенных местностей в многоземельные окраины. Такими густо населенными губерниями признавались те, где на душу приходилось менее 5 дес., а районами колонизации—те губернии, где было на душу более 8—15 дес. Для водворения нарезались участки, переселенцам оказывались разнообразные ссуды и предоставлялись податные и по воинской повинности льготы. Это переселение продолжалось около 35 лет и шло в губернии Воронежскую, Тамбовскую, Харьковскую, в Поволжье и Заволжье, на северный Кавказ и в Сибирь. После реформы 61 г. освобождение личности, сокращение площади крестьянского землепользования, появление безземельных дарственников толкают более значительные слои бывш. помещичьих крестьян на переселение. В правительственных кругах, однако, находили, что «избыточные» крестьяне найдут заработок у помещиков в качестве рабочих или в промышленности и что производительность крестьянского хозяйства скоро повысится и вызовет подъем спроса на рабочие руки; в дворянских кругах опасались, что переселение поведет к росту цен на рабочие руки в помещичьем хозяйстве и к понижению арендных цен на снимаемую у помещиков землю. Делались исключения из общего правила по экономическим мотивам важным для государства или «кабинета его величества» (Алтайский округ, Приамурье). Тем не менее «самотек» переселенческого движения происходил с самого начала освобождения крестьян и направлялся в Уфимско-Оренбургский край, в южные губернии и на Сибирь. Не уменьшавшийся наплыв переселенцев заставил в 1881 г. предоставить право министерству разрешать переселение лицам, которых понуждает на переселение экономическое положение. В 1886 г. появился закон, оставлявший все переселенческое дело в руках государства и допускавший переселение нуждающихся по выбору администрации. С этого же времени организуются льготы и ссуды переселенцам. Закон 1889 г. идет еще далее назад, ставя всякое переселение в зависимость от разрешения двух министерств и при наличности особо

уважительных причин, с возвращением самовольных переселенцев обратно мерами полиции. Переселенцам оказываются льготы и ссуды. Несмотря на эти ограничения переселенческое движение оставалось на 70% самовольным.

С 80-х годов переселенческое движение усиливается настолько, что ни землеотводное дело ни ссудная помощь совершенно не поспевают за ростом движения. В 1895 г. открывается железнодорожное движение по западному участку Сибирской железной дороги, и судьбы переселения, совершенно правильно, объединяют с будущим железной дороги, ставя переселенческое дело под патронат комитета Сибирской железной дороги и при непосредственном участии особой «подготовительной» комиссии при комитете. Земельные отводы за 1893—1904 г.г. почти покрывали спрос на них, но далеко не во все рассматриваемые годы. По состоянию финансов недостатков в деле было много, и они были тяжкими: отсутствовала агрономия, почти не было медицины в местах водворения, дорожного дела почти не было, недурно зато обстояло дело с постройкой школ и церквей, что органически вытекало из природы дореволюционной власти. Не справляясь с наплывом переселенцев, правительство по временам начинало с ним борьбу, понижая размеры ссудной помощи, ограничивая ходачество и пр.

Если комитет Сибирской дороги ставил проблему регулирования переселения исключительно как часть системы колонизации, т.-е. как средство помочь подъему производительных сил Сибири и повысить тем производительность Сибирской жел. дороги, то далее на почве аграрных волнений в Европейской России в правительственных проектах сквозит мысль о возможности частичного смягчения классовой борьбы крестьянства за землю усилением переселения и колонизации. Переселенческое движение теперь всемерно поощряется, и рост его становится небывалым тем более, что крестьянство, потерявшее после неудачного революционного движения 1905 года веру в возможность наделения помещичьей землей, хлынуло на переселение с небывалой силой. В 1907—1908 г. г. мы видим небывалое уже расхождение между размерами переселения в Сибирь и заготовкой земли под переселенческие участки. В поисках за свободным земельным фондом организуются почвенно-ботанические экспедиции, которые вели потом свои работы в течение 8 лет, но они не сопровождались метеорологическими наблюдениями и агрономическими опытами и давали возможность судить слишком перспективно о будущем рынков, мало-

доступных и требовавших больших средств для использования их. Поэтому практически государству пришлось при образовании переселенческих участков вести расчет: 1) на излишки землепользования старожилов и 2) на излишки киргизского землепользования.

Развитие переселенческого движения, по данным Челябинской регистрации, если учитывать даже только сибирское переселение и только «семейных» переселенцев, т.-е. не одиночек (элемент в колонизационном смысле не очень прочный в смысле твердости желания осесть на водворение), представляется в таком виде:

Год	Число пересел.	Год	Число пересел.	Год	Число пересел.
1885	9032	1898	146002	1911	161519
1886	10695	1899	166121	1912	176528
1887	12288	1900	161476	1913	219976
1888	24600	1901	83326	1914	224987
1889	27290	1902	77272	1915	22988
1890	32281	1903	88072	1916	9440
1891	65187	1904	37063	1917	5408
1892	76781	1905	37168	1918	66261
1893	53350	1906	135274	1919	—
1894	55776	1907	421335	1920	86685
1895	101995	1908	649866	1921	86211
1896	177168	1909	593806	1922	7091
1897	67653	1910	285878		

Не входя пока в вопрос о том, из чего и как складываются эти цифры и каковы причины этого движения, нельзя не видеть прежде всего колебаний цифр в отдельные годы. Среди **причин, вызывающих колебания** переселенческого движения, всегда выделяются причины экономические, политические и административно-организационные; все они действуют или совокупно или раздельно.

Здесь мы можем отметить проявление их всех. Так, из числа экономических причин выделяется действие неурожаев: а) усиление движения в 91 и 92 г.г. объясняется неурожаем этих «последных лет» в Европейской России, б) на понижение движения в 93 и 94 г.г. повлиял неурожай 92 г. в Сибири, кроме понятного возвращения движения к прежнему уровню, в) в 1901 и 1902 г.г. падение движения от неурожаев в Сибири, г) в 1911—1912 г.г. понижение после урожаев в Европейской России. Действие причин политических усматривается: а) в 1904 и 1905 г.г. понижение движения в силу русско-японской войны и революции, б) в 1907—1908 г.г. усиление под влиянием разочарований крестьянства, надеявшегося на «прирезку земли» в 1906 г., в) в 1915—1917 г.г. действие войны и революции. Действие причин административного порядка видно из: а) сокращения движения в 93—94 г.г. под действием ограничений, приостановивших выдачу разрешений на переселения, б) роста движения в 95—96 г.г. под влиянием поощрительной политики комитета Сибирской железной дороги, в) падения движения в 97 г. под действием циркуляра, понизившего ссуды, запрещавшего ходачество от семей (а не от групп семей) и призывавшего бороться с поспешным массовым переселением.

Зигзагам прямого движения соответствуют зигзаги обратного движения из Сибири: всякое усиление движения увеличивает число неудачников, так как заготовка земель тогда отстает от движения переселенцев, почему «обратники» увеличивают цифру обратного движения или в тот же год или в следующий.

Это можно проследить на такой таблице обратного движения семейных переселенцев (в тысячах душ).

Год	Число обратн. семейн. перес. в тыс. чел.	Год	Число обратн. семейн. перес. в тыс. чел.
1894	1,4	1905	5,5
1895	7,4	1906	8,9
1896	22,9	1907	20,2
1897	20,0	1908	30,3
1898	15,5	1909	56,8
1899	16,6	1910	76,1
1900	37,2	1911	74,7
1901	26,5	1912	34,1
1902	20,0	1913	23,5
1903	14,1	1914	15,2
1904	6,4		

В данных переселенческой статистики есть совершенно ясные ответы на вопросы о причинах обратного движения. Так, у нас их дают сами обратные переселенцы на вопросы Челябинской регистрации переселенцев.

Так, по данным Челябинской регистрации переселенцев, если попытаемся классифицировать причины возвращения переселенцев, то еще по данным 1895—1906 г.г. получим, что 27,2% ответов причиной возвращения считают неподходящие естественные условия (по отдельным районам до 60%), 23,3%—недостаток средств, рабочих рук или заработков (по отдельным районам до 33%), неимение разрешения или занятость участка—20,9% (по отдельным районам до 44%). Поскольку занятость участка, неполучение разрешения на водворение, дороговизна приемных приговоров (в старожильческих селениях) говорят об отсутствии свободных и подходящих земель, как и упомянутые 27,2%, жаловавшихся на неподходящие естественные условия, мы должны до 50% неудачников отнести к категории лиц, не нашедших в Сибири земли для ведения хозяйства. Среди ходоков-обратников, не зачисливших за собой земли, от 48 до 58% совершили неудачное путешествие по тем же причинам. Среди переселенцев «самовольных», т.-е. не имевших зачисленных за ними земельных участков, обратное переселение выражено еще сильнее и составляло по отдельным годам не менее 40% и даже до 88% всего обратного движения; главнейший мотив возвращавшихся «самовольцев»—«за ненахождением участка». Таким образом отсутствие свободной подходящей земли—одна из основных причин обратного движения, что вполне совпадает с естественным ходом вещей—истощением колонизационного фонда средней доступности. Земель с прежним богатством почвы, с достаточными удобствами водоснабжения и сообщений, с нормальными условиями вегетации и т. д. становилось все меньше; степной и лесостепной земельные фонды исчерпывались, и на очередь становилось или заселение тайги и подтаежных местностей или продвижение в глубину азиатских степей на границы полупустыни. Во всяком случае ежегодная средняя заготовка душевых долей для переселенцев отстала втрое от спроса на душевые доли, что можно установить по сырым статистическим материалам бывшего переселенческого управления за период 18 лет.

В поисках нового колонизационного земельного фонда прежнее правительство организовало ряд почвенно-ботанических экспедиций в качестве первой попытки к выяснению возможного фонда

в более северных районах Сибири и в более отдаленных частях средне-азиатских степей. Однако по отношению северных районов скоро пришлось признать, что участки, нарезанные в этих районах, надолго составят «мертвый фонд», поскольку они не связаны прочными путями сообщения с рынками и районами старожилого населения, так как лишь по насыщении нормальной хозяйственной емкости последних переселение идет дальше.

При этих условиях становятся особо понятными попытки урегулировать ходачество путем распределения через землеустроительные комиссии всего запаса душевых долей между определенными губерниями выхода переселенцев по предварительным заявкам последних; с той же целью создается общеземская переселенческая организация в 1908 г. в составе семи земств, через своих членов (отдельные земства) вербующая подходящих для переселения домохозяев, образующих ходаческие партии с исключительным правом на зачисление заготовленных долей. Однако, во-первых, отбор переселенцев был труден и приводил к произволу, во-вторых—регулировать вселение переселенцев именно в намеченные губернии оказалось непосильным для новой организации даже в пределах земель Западной Сибири и части Киргизского края, так как Восточная Сибирь уже с 1910 г. ввиду незаполнения ее участков была открыта для всех желающих. Жизнь показала, что переселенческое движение попрежнему имело напор на Алтай и в степные губернии, превышая во много раз число долей, заготовленных в этих районах. Процентное отношение «самовольцев» в общем составе переселенческого движения нисколько не уменьшалось, а «неустроенных»—самовольцев прежних лет в 1911 г. уже было в Сибири до 700 тысяч человек.

Другими попытками урегулировать размещение переселенцев по Сибири были: 1) предположения о продаже переселенческих участков в местах наибольшего наплыва переселенцев взамен прежней бесплатной раздачи земель; 2) уменьшение норм наделов старожилого населения Сибири для образования из «излишка» земель земельных отводов переселенцам в «дачах нераздельного владения казны и крестьян», т.-е. повсюду в Сибири, так как землеустроительные работы в старожилых селениях закончены не были, и все земли были в упомянутом «нераздельном владении»; 3) варьирование размеров ссуд на домообзаводство переселенцев пропорционально степени трудности водворения в том или ином районе. Эти попытки инте-

ресны и как характеристика положения дел и со стороны методической.

Немало иллюзий, и весьма вредных для будущего страны, возникло в правительстве по поводу колонизации южных киргизских степей. Государство здесь шло по линиям того самопроизвольного движения переселенцев, которое уже давно устремлялось в полосу северной Киргизии. Поскольку сюда присоединилась национал-империалистическая идеология правительственной власти, создалось средне-азиатское «колонизаторство». Строившееся на тех или иных основаниях в отношении киргиз, оно с большой легкостью стало прилагаться и ко всем другим национальностям, живущим преимущественно в кочевом быту, в частности к бурятам, но не успело там развиться. Кочевой строй киргиз был общеизвестен и признавался во всяком случае терпимым, почему насильственное обезземеливание киргиз долго не входило в программу дня. По старому закону, правда, земли, занимаемые кочевьями, признавались собственностью государства и находились лишь в бессрочном пользовании кочевников. Тем не менее государство вначале признавало необходимость земельного простора для кочевников в расчете на медленную эволюцию киргизского хозяйства в сторону оседлого быта. С 1896 г. в киргизских степях производились обследования киргизского землепользования, вначале под руководством Щербины. Руководствуясь размером использованных скотом площадей и прибавляя недостающее на остальное время пастьбы количество угодий и несколько из осторожности увеличивая сумму, экспедиция приняла за норму площадь угодий, необходимую для 24 единиц скота. Хотя и это исчисление давало свободные излишки в значительных количествах, работы Щербины были признаны впоследствии неудовлетворительными и исчисленные нормы «преувеличенно повышенными». К вышеуказанной формуле закона о принадлежности земли в степях государству внесено было дополнение о том, что «земли, могущие оказаться излишними для кочевников, поступают в ведение управления землеустройства». Под намеченную экспроприацию киргизских земель было подведено статистическое обоснование, и новое («повторное») исследование землепользования киргиз в течение 1909—1912 г.г. дало значительно пониженные нормы. Повторяя схемы прежнего исследования, новые экспедиции исходили из мысли о происходящей будто бы в огромных размерах диференциации киргизского населения, широко расслаивающей его на скотоводов и зе-

мледельцев. В итоге появилась новая номенклатура с весьма измененными нормами; так, установлены были типы хозяйств—кочевые, полукочевые и некочующие, в свою очередь распадающиеся каждый на подтипы—без посевов и промыслов, сеющие, беспосевные с промыслами. При этом к стойким в кочевом отношении хозяйствам были отнесены среди скотоводческих лишь имеющие не менее 26 лошадей, а среди скотоводческо-земледельческих и промысловых—лишь имеющие не менее 51 лошади, которые только и нуждаются в кочевой норме. Далее все некочующие, полукочующие и из числа кочующих имеющие не более 25 лошадей отнесены к потребительным хозяйствам с нормой в 15 единиц скота. Кочующие, имеющие свыше 25 лошадей, признавались промышленными хозяйствами с нормой от 29 до 35 единиц для разных уездов.

Для ясности приведем расчеты диференциации киргиз по данным исследования (подсчет автора) в Акмолинской области:

	В процентах		
	Кочующих	Полукочующих	Некочующих
Без посева и промыслов	38,3	19,5	20,4
Сеющие	38,8	55,8	36,8
Без посевов, но с промыслами .	22,9	24,7	42,8
В составе всего киргизского населения	86,7	11,7	1,6

Аналогичная работа и выводы были проделаны в границах прежнего Туркестана.

Такими способами излишки киргизского землепользования исчислялись по степному краю уже в 21 миллион десятин. Для организации этих изъятий было создано не сплошное землеустройство киргизского населения, а «инструкция» о порядке определения государственного земельного фонда в степных областях, т.-е. установлен административный порядок экспроприации киргизского населения усмотрением царской бюрократии.

ГЛАВА V.

РАЗВИТИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ.

Те высокие цифры переселенческого движения в России, какие указаны были выше, далеко неравномерно распределяются между отдельными ее районами и в отношении последних развиваются различным темпом, но достаточно закономерно.

Так, по данным Переселенческого Управления за период времени с 1885 по 1914 г.г. включительно, прямое движение в Сибирь «семейных» переселенцев из различных географических районов России определяется следующим образом. (См. табл. на стр. 38.)

Для отдельных районов этой рубрики цифры тех же категорий и периодов располагаются так:

Районы	1885/914 г.		1885/94 г.		1895/904 г.		1905/914 г.	
	Общее число	%%	Общее число	%%	Общее число	%%	Общее число	%%
Центр.-Промышл. (в том числе Смоленская и Калужская губ.)	88641	2,0	474	0,1	20086	1,8	68081	2,3
Сев.-Западн. (Псковск., Новгор., Ленингр. губ.) . .	31200	0,8	—	—	8251	0,8	22949	0,9
Польский	11511	0,3	—	—	1970	0,2	9541	0,3

Таким образом доля участия разных районов в переселенческом движении различна и меняется во времени. Очевидно при внимательном просмотре таблицы, что самое выдающееся место занимает черноземный район, выделяющийся абсолютными размерами движения. Обращает внимание необыкновенно сильный темп роста движения из юго-запад-

Прямое движение в Сибирь семейных переселенцев обоего пола.

Районы выхода	Общее число с 1885 по 1914 г.г. включ.		1885—1894 г.г.		1895—1904 г.г.		1905—1914 г.г.	
			Абсол. числа	В %%	Абсол. числа	В %%	Абсол. числа	В %%
Сев.-Черноземн. район	1179946	26,9	174411	47,0	366025	33,0	639510	21,9
Средне-Черноземн. "	879333	20,5	98270	25,4	235454	21,3	550609	18,9
Юго-Западн. "	324679	7,4	46	—	43670	3,9	280963	9,6
Южно-Степной "	590788	13,5	148	—	91557	8,3	499083	17,1
Вост. и Юго-Вост. "	445040	10,1	40262	10,9	108445	9,8	296333	10,2
Западный "	512712	11,7	3124	0,9	167599	15,1	341989	11,8
Северо-Восточный Заволжский район	207647	4,7	55531	15,0	44340	4,0	107776	3,7
Пр. районы (в том числе Центрально-Промышленный, Польский и Северо-Западный)	245466	5,2	488	0,8	49002	4,6	195976	6,8
Всего	4385611	100	367280	100	1106092	100	2912239	100

ного и южного степного районов. Далее мы видим из восточных и юго-восточных губерний ход развития однородным с черноземным районом и быстрый подъем движения из западного района.

В то же время наблюдаем, что некоторые районы, а именно— центральный промышленный, северо-западный и польский, играли в переселенческом движении очень малую роль, хотя и из них увеличивалось движение.

Таким образом переселенческое движение в рассматриваемый период не носит случайного характера, но, во-первых, в целом оно растет под действием каких-то общих экономических причин и, во-вторых, обнаруживает разный темп развития в зависимости, очевидно, от порайонно-хозяйственных условий.

Ознакомимся сначала с общими причинами. Наиболее простым и первоначальным подходом является анализ ответов самих переселенцев на вопрос о причинах их ухода из мест своей прежней оседлости. По тем ответам, какие давались переселенцами Челябинской регистрации, нужно признать, что свыше 75% переселенцев заявляют о своем уходе по недостатку земли в том или ином виде. Как бы ни казался нам сравнительно значительным земельный надел самарца, последний так же жалуется на земельное «утеснение», как и крестьянин-черниговец. Выходцы из пределов одной и той же губернии с разным достатком и с разными размерами одинаково жалуются на «малоземелье», т.-е. как бедняк, так и середняк. Кроме того, каждая из этих социальных групп не имеет единой точки зрения на малоземелье, и в то время, когда один крестьянин под ним понимает недостаточный размер надела, другой удручен характером распределения земельных угодий, а третий признает свой надел малым потому, что земля «не родит так, как прежде» и т. д.

Поэтому старое официальное издание Комитета министров еще в 1900 г. по существу правильно определяло основные причины переселения так: «По имеющимся данным можно с очевидностью заключить, что в значительном большинстве случаев причины выселений имели чисто-экономический характер, выражаясь в несоответствии доходности крестьянских земель потребностям земледельческого хозяйства и затруднительности добывать себе заработок на стороне. Такое общее понятие недостаточной доходности крестьянских хозяйств совпадает по своему содержанию с общим

родовым понятием «малоземелья», которое, смотря по особенностям места выхода переселенцев, распадается на целый ряд мелких и видовых признаков, как то: недостаточный размер надельных земель, неблагоприятное распределение земельных угодий и односторонний их состав, наконец, низкая урожайность более или менее распаханных и истощенных полей».

Попытаемся разложить это родовое понятие малоземелья на видовые признаки.

Многочисленные материалы, накопившиеся со времени освобождения крестьян, позволяют судить не только о недостаточности земель, находившихся в распоряжении крестьянства, и об упадке крестьянского хозяйства, но также и о прямой связи этих явлений с ходом переселенческого движения. Но мы имеем возможность и глубже войти в суть вопроса, устанавливая известную связь между миграционными явлениями и такими общеэкономическими моментами, как система сельского хозяйства, состояние рынка и положение промышленности, определяющими емкость территории, а потому и размеры избыточного сельского населения, вынужденного устраивать свою судьбу, в частности, в порядке переселений.

Ряд наиболее ценных материалов, характеризующих эту недостаточность крестьянских наделов и этот упадок крестьянского хозяйства, относится специально к черноземному району, наиболее важному, как указано выше, при исследовании переселенческого движения. Кроме того, тот же район обследован специально в отношении переселенческого движения из него. Поэтому в нашем распоряжении имеются сведения, допускающие ряд плодотворных сопоставлений. Таковы в особенности данные прежней Комиссии «по обследованию движения благосостояния сельского населения» и др. издания центральных учреждений, с одной стороны, и цифровой учет переселенческого движения и образующих его факторов, производившийся в изданиях бывш. Переселенческого Управления, а также в обследованиях переселенческого движения из отдельных губерний, производившихся некоторыми земствами, особенно Полтавским, Черниговским и Харьковским.

По отношению к владельческим крестьянам черноземной полосы высший надел на ревизскую душу составлял $2^3/_4$ дес.; если же учесть дарственников и большой процент крестьян не получивших высшего указного надела, то размеры этого скромного благо-

получия должны быть в среднем еще ниже. Присоединяя сюда упроченные крестьянской реформой односторонний состав угодий и достаточно известные «отрезы» надельной земли в пользу помещика, мы получаем новое отягощение положения крестьянства. Таким образом уже при освобождении владельческих крестьян средний надел по своему качеству и по количеству был значительно ниже той нормы, которая обеспечивала их быт. С годами при дальнейшем росте населения средний крестьянский надел снизился почти вдвое (по данным вышеупомянутой Комиссии, он составлял в 1860 году на ревизскую душу крестьян—без различия категории их—4,8 дес., а в 1900 г. уже 2,6 дес.). В черноземных губерниях острота складывавшегося малоземелья усиливалась особенно благодаря существовавшей в них наивысшей плотности населения издавна, благодаря наименьшей в них наделенности землей (высокий процент бывших помещичьих крестьян и наличие таких наделов, при которых высшие их нормы оказывались низшими по стране). Рост населения, развитие денежного хозяйства и товарооборота вели непосредственно к расширению площади пашни за счет прочих угодий с сокращением скота и вырубкой леса. Крайнее развитие пашни в условиях трехпольной системы хозяйства вело к понижению урожайности, а последнее обстоятельство довело губернии земледельческого центра до значительного несоответствия доходности наделов даже продовольственным потребностям крестьянства. Идя в этом направлении некоторые исследователи, как, например, редакторы известного в свое время труда «Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства», находили, что 70% крестьянского населения в 50 губерниях Европейской России не могли покрыть даже продовольственных потребностей семьи, из остальных же 20% не могут удовлетворить потребности своего скота нормальным количеством кормовых средств (исследование относилось к середине 90-х годов прошлого столетия). Комиссия по «оскудению центра» нашла недостаток до нормы в потреблении хлеба на 1 душу в 17%, в потреблении кормов на 1 лошадь—41%. Перед той же Комиссией стал с полной ясностью факт несоответствия платежей, лежащих на крестьянской земле,—доходности последней: платежи поглощали 36,8% чистой доходности за период 1874—1901 г.г. по 27 губерниям. Таким образом средняя крестьянская обеспеченность уже отставала от продовольственной нормы; тем более резким было несоответствие

наделов рабочим силам семьи. Так создавалось «избыточное население» в сельском хозяйстве, определявшееся, например, тою же Комиссией из расчета, что в среднем работнику в сельском хозяйстве в 1900 г. нехватало почти 80% нужной ему земли. При всей условности таких расчетов они все-таки дают представление достаточно отчетливое о серьезности положения. Социально-политические условия ближайшего к нам прошлого не позволили расширить значительно площади крестьянского землепользования, ибо ни достаточно освещенная в литературе аренда крестьянами земли ни покупки ее через Крестьянский Банк не расширили площади крестьянского землепользования до размеров, отвечающих запросам растущего земледельческого населения на основах экстенсивного крестьянского зернового хозяйства.

Действие отмеченных социально-исторических и политических препятствий, стоявших на пути развития крестьянского хозяйства, обостренно проявлялось в черноземных центральных губерниях на основе неподвижной системы сельского хозяйства, приводя к образованию избыточного населения и к тяге к переселению. Там же, где экономические условия расширяли емкость территории путем или 1) отвлечения избыточного сельского населения в промышленность и в города или 2) увеличения числа жизнеспособных крестьянских хозяйств благодаря происходящей в них интенсификации их, получался иной тип народно-хозяйственного развития, иные размеры избыточного населения, другой (замедленный) темп развития переселений. Короче, отдельные районы России имели, говоря образно, свои «законы народонаселения» и свои закономерности в развитии переселенческого движения.

Таким образом главнейший стимул к переселениям—«малоземелье»—не может определяться иначе, как состояние несоответствия данной площади хозяйства рабочим силам его при данном уровне сельскохозяйственной техники и при данной экономической конъюнктуре, т.-е. как хроническое заболевание народного хозяйства при данном состоянии народной культуры. В более же остром виде малоземелье выражается там, где доходностью данной хозяйственной площади не удовлетворяются продовольственные потребности семьи,—это состояние уже «абсолютной» недостаточности. Итак, под абсолютным малоземельем надо понимать состояние несоответствия данной площади хозяйства продо-

вольственным его потребностям при данном уровне техники и при данной экономической конъюнктуре. О конъюнктуре, а следовательно и о товарных ценах, приходится говорить и в отношении абсолютно-малоземельных хозяйств, так как степень удовлетворения их потребностей в современном товарном обществе все-таки зависит от высоты реализации урожая. «Абсолютность» малоземелья так же условна, исторична и эластична, как условны, историчны и текучи явления перенаселения и законы народонаселения, но в каждую эпоху, поскольку перейдена известная грань малоземелья, она заявляет себя и как грозное «помни» о происходящем кризисе хозяйственной системы для теоретика и общественного работника и как не менее грозное напоминание земледельцу, что он стоит на грани «между существованием и недоеданием».

Рассматриваемые явления получили лишь особо яркое выражение в черноземном районе, но в разных степенях и в растущих размерах они свойственны были в дореволюционную эпоху и прочим районам. Крестьянство повсюду переживало кризис своей хозяйственной системы по мере приобретения плотности населения, свойственной черноземной полосе, и по мере развития в этих районах явлений «относительного малоземелья».

Если мы сопоставим некоторые цифровые данные о переселенческом движении за 1885—1909 г.г. и близкие по времени сведения о различных величинах, характеризующих состояние крестьянского хозяйства, то получим богатый материал для суждения о схеме последовательности вовлечения в эмиграционные процессы различных районов. Следующая таблица может быть полезной для этой цели. (См. стр. 44.)

Здесь прежде всего бросается в глаза высокая средняя переселений из обеих групп губерний Черноземного района. Переселение здесь совершается при наличности крайне неблагоприятной экономической обстановки: средние размеры наделов здесь много ниже средней по 50 губ. всей Европейской России, несоответствие надельной земли рабочим силам семьи одно из наивысших, недостаток полевых продуктов в юго-восточной группе губ. поразительно высокий, вненадельная аренда уже не получает высокого развития при относительно высокой арендной плате, поглощающей от 3/4 до 100% всей частной доходности надельной земли, окладные платежи и повинности выше, чем где-либо, и поглощают большую часть доходов. Следующий по размерам переселения Ма-

РАЙОНЫ	Среднее	По данным Комиссии по исследованию движения благосостояния сельского населения								
	Ежегодное количество переселенцев за 1885—1909 г.г. по данным Челябинской регистрации	Размер надела на душу мужского пола в 1900 г.	Недостаток надельной удобной земли в 1900 г. на 1 работн. обоего пола в %% площади, причит. по рабоч. норме	Недостаток или излишек полевых и кормовых продуктов в %% колич., необход. по норме		%% отношение вненадельной аренды к общей площади крест. земли	Средняя арендная плата за 1 дес. в рублях	%% отношение арендной платы к чистой доходности надельной земли	Окладные платежи и повинности на 1 десятину надельной земли в рублях	%% отношение платежей и повинностей к чистой доходности надельной земли
				Продовол. средства	Кормовые продукты					
Северный	1547	4,7	54,3	—51,5	+31	1,2	1,7	96,4	1,30	28,7
Северо-Восточный	5666	4,6	30,8	—20,5	+15	1,1	1,3	55,1	0,76	31,2
Восточный	6360	4,8	48,6	+26,5	—50	8,2	1,3	57,6	0,61	24,5
Юго-Восточный	1491	3,5	79,0	+22,5	—72	27,8	3,8	—	—	—
Средне-Приволжский	2809	2,4	67,6	—21,0	—16	4,8	5,3	108,8	1,67	39,0
Средне-Земледел., юго-восточн. гр.	26589	2,2	81,3	—11,5	—47	7,4	5,3	75,7	1,91	37,3
Средне-Промышлен.	3224	2,6	69,5	—46,0	—37	3,0	1,4	75,8	1,78	50,6
Прибалтийский	795	2,4	—	—22,5	—15	33,5	2,9	—	—	—
Северо-Западный	17352	2,2	78,9	—38,0	—56	2,1	3,1	—	—	—
Юго-Западный	9455	1,4	89,1	—31,5	—44	4,1	6,7	—	—	—
Малороссийский	23846	1,7	85,4	—32,5	—70	4,4	8,3	121,6	1,33	28,5
Средне-Землед., северо-запад. гр.	19864	1,7	85,5	—40,0	—29	5,4	8,4	103,6	2,61	49,3
Новороссийский	12053	2,5	85,9	+89,0	—86	14,3	6,6	128,3	1,79	33,2
Среднее по империи	10188	2,6	79,3	—17,0	—41	6,0	5,1	81,1	1,39	36,8

Несомненно, приведенные здесь расчеты нужно принимать как совершенно условные, но методологически они ценны для наших задач, поскольку обнаруживают явную связь между различными условиями крестьянского хозяйства, эффектом хозяйствования и состоянием миграций

лороссийский район имеет наделы ниже среднего, несоответствие надельной площади рабочим силам семьи очень высокое, недостаток продовольственных продуктов почти вдвое выше среднего по Европейской России, арендные цены крайне высокие и поглощающие один из наибольших в России % чистой доходности надельной земли—121,6 %. 4-е место занимает Северо-Западный район. Действительно, по низким размерам наделов его превосходят лишь рассмотренные районы и Юго-Западный край; недостаток полевых и кормовых продуктов в нем ощущается не менее, чем в черноземной полосе. 5-е место занимает Новороссия, что неудивительно было бы при ее невысоких наделах, если бы производительность их не была так высока, как видно уже из приложения. Нужно сказать, что Новороссия стала играть роль в переселенческом движении лишь со второй половины 90-х годов, когда посевная площадь в ней достигла наивысшего развития, плотность увеличилась, в земледелии развилось употребление машин с постепенным сокращением площади аренды с сильным повышением арендных цен [1]) и громадным % поглощения ими чистой доходности, что мы в настоящем приложении можем еще видеть. В остальных районах движение ниже среднего арифметического из средних размеров движения по районам, но и здесь нужно говорить с весьма серьезной оговоркой, ибо, например, движение из Юго-Западного края за последнее только пятилетие выросло в 7 раз, т.-е. более, чем где-либо: наиболее в Европейской России низкие наделы с крайним несоответствием их рабочим силам семьи и продовольственным потребностям последней, сильное повышение арендных цен [2]) являются и здесь исходным моментом движения. Неблагоприятные экономические условия северо-восточного промышленного и прибалтийского населения вполне компенсируются развитием промышленности в этих районах, а в последнем кроме того широким развитием аренды. Северный и Приволжский районы находят выход в отхожих промыслах.

Если, таким образом, малоземелье — определяющий фактор в эмиграционных процессах, то нужно ожидать, при учете переселенческого движения из той или иной губернии, у выселяющихся крестьян меньшую наделенность землей и скотом, чем у коренного

---

[1]) За 20-летие 1881—1901 г.г. они поднялись на 155,4—256,7%, по данным Статист. Комитета („Переселение в Сибирь“, стр. 20).

[2]) На 97,3—161,6% за 1881—1901 г. г.; там же, стр. 20.

населения той же губернии. При сопоставлении статистических сведений бывш. Департ. Окладных Сборов о наличном крестьянском населении и данных Челябинской регистрации о переселенцах мы получаем по 50 губ. Европейской России такие данные:

	На 1 двор дес. надел. земли	% % безземельн. двор.	Из общ. числ. перес сем. им. над. на род.		На 1 двор приходится	
			Ниже ср. по губ.	Равн. или выше ср.	Крупн. рогат. скот.	Лошадей
У наличн. насел.	8,7	7,0	—	—	2,3	1,5
У переселенцев	5,0	12,7	64,1	23,2	1,1	1,1

Связь переселенческого движения с различными условиями крестьянского хозяйства выявляется еще лучше при анализе некоторых погубернских статистических сведений.

Во всяком случае, по многим губерниям есть возможность сопоставить размеры переселений с величинами, относящимися к обеспечению крестьян пахотной и посевной площадью. (См. табл. на стр. 47.)

Из приведенных данных легко усмотреть прямую зависимость роста переселенческого движения от необеспеченности пахотной землей, от роста распашки и от увеличения плотности населения и, в качестве исторического пережитка, от высоты арендных цен (в губерниях с развитым «господским» землевладением).

Более точные сведения дают губернские статистические исследования о переселенческом движении. Не останавливаясь на второстепенных исследованиях, коснемся лишь Полтавской, Черниговской и Харьковской губ.

Так, исследование Черниговского земства [1]), одно из новейших (относится к 1909 г.), находит, что на 1 крестьянское хозяйство приходилось десятин земли:

1) у наличного населения в 1905 г. в северн. у. у. 8,0, средних—9, южных—7,4, по губернии 8,2.

2) у переселенцев 1906—1908 г. г. 4,7, северн. у. у. 8,4, средних—2,3, южных—3,9.

---

[1]) „Переселение в Сибирь из Черниговской губ. в 1906—1908 г.г.“.

	Плотность сельского населения на 1 кв. версту по данным переписи 1897 г.	На 1 душу дес. пахотной земли	По изданию Пересел. управления пересел. в Сибирь			Выселения за 30 лет (1885—1914)
		Всей земли в пользовании крестьян (Св. Комит. Мин.)	%% безземельных дворов	На 1000 чел. естественного прироста приходится переселенц. в ср. за 16 л.	%% отношение арендной платы в 1901 г. к таковому же в 1881 г.	
Полтавская . .	57,5	4,1	11,4	211,0	118,1	421854
Курская . . .	53,8	4,1	2,1	268,1	96,2	308475
Черниговская .	45,9	5,5	3,9	175,5	143,3	294661
Тамбовская . .	42,6	5,4	2,9	153,5	94,5	198043
Воронежская .	41,0	5,2	3,8	115,7	94,9	237461
Орловская . . .	44,5	5,1	3,4	130,4	73,8	161419
Харьковская . .	44,7	4,9	6,4	81,0	137,1	220018
Пензенская . .	39,7	5,5	4,2	166,5	82,5	124417
Рязанская . . .	45,1	4,5	3,5	75,5	95,7	63734
Тульская . . .	46,5	5,6	3,9	93,3	102,3	39197
Самарская . .	19,0	11,8	6,1	83,8	133,4	156976
Саратовская . .	28,4	8,2	5,4	61,1	112,5	100228
Могилевская . .	37,0	7,7	6,7	69,9	71,5	214936
Витебская . . .	33,2	9,4	9,7	92,7	101,1	141882
Минская . . .	24,0	12,4	8,3	26,5	293,0	87715
Вятская	22,2	10,2	3,2	80,6	33,2	127432
Пермская . . .	9,7	25,9	9,7	66,5	58,9	69844
Екатериносл. .	33,4	8,2	5,6	20,3	206,7	202660
Херсонская . .	31,3	9,1	8,4	24,3	198,0	156708
Таврическая . .	21,9	10,3	6,4	16,8	256,7	122542
Бессарабская .	41,8	6,7	22,9	5,6	155,4	52836
Киевская . . .	69,8	4,1	14,7	16,6	155,8	187913
Волынская . . .	43,9	8,6	6,5	7,5	97,3	59545
Подольская . .	76,1	4,3	7,5	3,1	161,6	77221
В 50 губ. Евр. России . . .	19,7	13,2	7,0	60,9	118,1	—

При этом безземельных переселенческих хозяйств 26,9%, имеющих:

	%%
До 3 дес.	29,0
„ 3—7 дес.	28,2
„ 7—10 „	9,3
Свыше 10 „	3,9 1)

Эти данные утверждают без слов обратную пропорциональность переселений и земельной обеспеченности.

Данные по губернии, даже по уезду всегда слишком суммарны, действие отдельных экономических факторов яснее в тесно пространственно ограниченной среде, и в Полтавском исследовании, включившем в поле зрения волости и группы волостей, это сказалось достаточно ясно. Оказывается, что если классифицировать разные группы волостей по % годового выселения, то мы не найдем прямой связи между высотой выселения и обеспеченностью собственной землей. Если же, не ограничиваясь собственной землей, принять к учету и аренду, то получатся уже иные выводы.

Из крестьян, имевших на 100 дес. своей земли в среднем по волости	Переселилось с 1877 г. по 1893 г. на 1000 челов. наличного населения
По 15— 34,9 дес. съемной земли.	По 67,6 чел.
„ 35— 54,9 „ „ „	„ 53,3 „
„ 55— 74,9 „ „ „	„ 49,1 „
„ 75— 94,9 „ „ „	„ 46,0 „
„ 95—115 „ „ „	„ 29,0 „
„ 116—178 „ „ „	„ 78,8 „

Очевидно, что своей земли настолько немного (максимум средней по волости по Полтавской губ. на душу 2 дес., минимум—0,6 дес.), что сама по себе бедность землей не может быть толчком к переселению, решает дело аренда. «Переселение идет не оттуда, где нужда велика, а где от нее могут бежать, продав свою землю, что возможно лишь при размерах 3—9 дес. на двор». Действительно мы видим следующее. Средние хозяйства с 3—9 десят. составляли в разных группах:

61,2—77,3% и в них было	71,3 %	высел.
20,7—61,2% „ „ „ „	59,51%	„
Менее 20,6% „ „ „ „	82,1 %	„

1) Абсолютные числа взяты из „Переселения в Сибирь из Черниговской губ“., стр. 159, относительные принадлежат мне.

Наибольший % выселения, 71,3, наблюдается в волостях с преобладанием средних собственников 61,2—77,3%. Однако это утверждение «Исследования» нуждается в оговорке, так как в волостях, где средних хозяйств меньше 20,6%, и переселяющихся наибольшая сумма — 82,1%. И действительно, при группировке волостей по % годового выселения, мы видим:

% высел. по волостям	Количество десят. на душу населения
16—14	0,9
14—12	0,966
12—10	1,125
10— 8	0,883
8— 6	1,039
6— 4	1,122
4— 2	1,036
2— 0	1,005

Значит, самые низшие земельные группы дают наибольший % выселения, и лишь дальше нарушается правильность ряда и для волостей, в которых % средних хозяйств 20,7—61,1, высота % наименьшая—59,51. Следовательно та среда, из которой идет выселение — наиболее низшая группа мелких хозяйств и средние хозяйства.

Насколько соответствует истине подобное утверждение, можно видеть, анализируя состав переселенцев по степени их земельной обеспеченности. По данным исследования было в %%:

	У наличн. насел.	У переселенцев		
		1882 г.	1891—92 г.	1897—900 г.
Беззем.	19,9	20,0	21,2	21,8
Имевш. менее 3 д. .	26,5	45,2	32,9	63,2
3— 6 дес.	28,7	22,3	30,2	12,4
6—15 „	19,8	11,7	13,7	2,3 [1]
Более 15 дес. . . .	5,1	0,8	1,7	

[1]) „Переселение крестьян из Полтавской губ.". Вып. I, стр. 245, и вып. II стр. 102.

Следовательно у переселенцев наблюдается явственное преобладание низших земельных групп по сравнению с наличным населением. Это тем более верно, что средняя обеспеченность землей у переселенцев 1891—1893 г. г.—3,9 дес. на хозяйство и у переселенцев 1897—1900 г. г.—7,3 дес. против 5,8 дес. у наличного населения. Переселенцы принадлежат к низшим посевным группам. Так, было хозяйств в %%:

	У наличн. насел. 1899 г.	У перес. 1895—1896 г.г.
Без посева	16,9	30,2
С посев. до 1 дес.	6,1	34,1
„ „ 1—2 дес.	14,2	22,6
„ „ 2—3 „	14,6	12,1
„ „ 3—6 „	28,8	5,0 [1]
„ „ 6—9 „	11,0	
Свыше 9 дес.	9,4	—

В 1899 г. средняя посевная площадь была у наличного населения—3,7 дес., у переселенцев 1895—1896 г. г.—1,56 дес. и у просителей о разрешении 1897—1900 г. г.—2,4 дес. В последнем отношении интересно указать, что при системе разрешений количество просивших далеко превышало количество переселенцев, и так как разрешения давались лишь более или менее обеспеченным крестьянам [2]), то это служило причиной самовольного ухода, как выяснено в Отделе I. Очевидно поэтому, что о земельной нужде приходится судить не столько по числу переселенцев, сколько по числу просивших. Действительно, мы видим, что в 1895—1896 г. г. было:

	Средн. просивш. разр. %%	Средн. получ. разр. %%	Средн. высел. %%
Беззем. и менее 1 дес.	65	16	44,4
Из имевш. 9 и более 9 д.	4,3	2,5	0,4 [3])

Крестьянская нужда лишь не в полной мере находила выход и в переселении, поэтому, говоря о причинах последнего, необходимо иметь в виду всю ту массу, которая обнаруживала желание переселиться. И тут и там мы видим стимул—малоземелье.

В Полтавской губернии, как и во многих, обеспечение хлебом далеко отстает от продовольственных потребностей населения: именно, нехватает по 54 п. на 1 хозяйство, или 10,7 пуд. на

[1]) „Перес. крестьян из Полт. губ.". Вып. II, стр. 111.

[2]) Из получивших отказалось 92,4% по недостатку средств.

[3]) „Перес. крест. из Полт. губ.". Вып. II, стр. 152.

человека,—таких хозяйств оказалось до 51,8%. Но для отдельных уездов число таких хозяйств доходило до 80,5%, 75,9% и т. д. [1]). У переселенцев нужда выражалась еще острее: на 1 хоз. нехватало 67 пудов, и таких хозяйств было 95% [2]). По данным цифровых материалов хозяйств, не имевших своего хлеба,—20,1%, и на весь год имели лишь 35,8% [3]).

В условиях данной хозяйственной системы плотность населения должна оказаться фактором в развитии переселенческого движения. И мы это наглядно видим из данных Полтавского исследования. Располагая уезды на группы по размерам выселения и сравнивая с плотностью на 1 квадр. версту, мы получим:

Группы	% высел.	Жител.
I	149,2—122	69
II	122—94,9	68,3
III	94,9—67,7	63,9

Раз плотность населения при данной системе хозяйства оказывалась чрезвычайной и раз уровень продовольственной потребности в данных условиях не мог быть удовлетворен, то нечего и говорить, что создавалось «избыточное» рабочее население деревни.

В исследованиях Полтавского земства для учета последствий малоземелья сделана интересная попытка определения этого избыточного населения губернии, исходя из рабочей нормы, определенной Постниковым и Южаковым («естественный минимум народного владения») в 10 десят. на душу посева. Так как обнаружено, что у сельского населения Полтавской губ. на 1 рабочего приходится по 2,8 дес. посевной площади собственной и арендованной земли, так как аренда увеличивает площадь крестьянских посевов лишь на ¼ их величины, то при аренде даже всей частновладельческой земли далеко не все население оказалось бы занятым трудом. При указанной сложившейся обычной посевной норме окажется 72% избыточного рабочего сельского населения, для них выход—отхожие промыслы. Между тем, на заработки губерния отпускала лишь 9,5% мужчин, а самое число хозяйств, отпускавших членов семьи не более 22% и в земледелии 28%; исследование ставит вопрос: «что делают еще 50% хозяйств и не делают ли теперь 2 человека ту работу, которую выполнил бы один» [4]). Тем

[1]) „Перес. крест. из Полт. губ.“. Вып. II, стр. 78.

[2]) Там же, стр. 112.

[3]) Там же, стр. 113.

[4]) Там же, стр. 218.

не менее, «трудовое» крестьянство, составляющее 97% крестьянского населения, живет тут же в Полтавской губернии попрежнему—земледелием. Хозяйства с посевом до 9 дес. составляют 85% хозяйств, имевших запашку, и их владельцы не нанимают и не нанимаются, но прибегают к аренде.

Благосостояние, которое зиждется на «голодной» аренде (арендные цены за 7 лет выросли на 34%), вызвало такую характеристику: «Самым характерным признаком хозяйств, живущих на 4-х истощенных и обремененных платежами десятинах собственной и съемной посевной площади, признаком, включающим в себе, как в сумме, другие признаки, нужно считать отсутствие какого-либо излишка в средствах, который, за покрытием потребностей первой необходимости, можно бы вкладывать в хозяйство для его улучшения или спасать его от несчастных случаев» [1]). Обеспеченность скотом такова: при 4 шт. рабочего скота на хозяйство по норме можно признать обеспеченными лишь 19,3% хозяйств, а совершенно необеспеченных—36,4%. Отсюда обработка наемным скотом, супрягой и пр., отчего % несамостоятельных хозяйств при обработке земли—76,4% [2]). В такой атмосфере зарождалось переселение.

Таким образом переселенческое движение слагается из избытков труда в сельском хозяйстве при данном уровне его техники и при известном социальном укладе жизни в стране.

Рассмотренный статистический материал относится к довоенному периоду. Ныне условия жизни иные, и, следовательно, процессы образования избыточного земледельческого населения должны отличаться от тех же явлений старого времени. Определить эти избытки возможно лишь при очень тщательной проработке следующих основных тем: 1) нормальной трудоемкости трудового крестьянского хозяйства в разных районах, 2) запасов труда в сельском хозяйстве, 3) степени диференциации крестьянства.

Этой работой в настоящее время занят Колонизационный Исследовательский Институт по предложению Наркомзема и с одобрения Госплана, но выводы, намечающиеся Институтом, еще неопубликованы. Поэтому мы лишены возможности дать анализ современных миграционных явлений на цифровом материале.

---

[1]) „Перес. крест. из Полт. губ.". Вып. II, стр. 228.

[2]) Там же. Вып. I, стр. 229.

ГЛАВА VI.

РАЗВИТИЕ КОЛОНИЗАЦИИ И ЕЕ РЕЗУЛЬТАТЫ.

Значение колонизации и ее достижения измеряются: 1) степенью освоения свободных пространств, 2) уровнем развития крестьянского хозяйства в колонизуемых районах, 3) экономическими достижениями народного хозяйства этих районов в целом.

Условиями успеха колонизации являются: 1) наличность подходящих свободных земель, 2) технические мероприятия государства, 3) наличность рабочих сил, 4) продолжительность водворения.

Освоение свободных земель или использование «колонизационного земельного фонда» идет с разным успехом в различных природных условиях (климатических, гео-ботанических, путей сообщения и пр.). В русской колонизации свободный для заселения земельный фонд располагался в разных зонах, которые по совокупности физико- и био-географических черт могут определяться как степная, лесостепная и таежная (лесная). По условиям освоения земель в этих различных зонах и по результатам этого освоения наиболее доступной для колонизации была степная полоса. Далее по степени убывающей эффективности располагаются лесостепная и, наконец, таежная полосы. Колонизационная емкость различных районов представляет величину меняющуюся в зависимости от техники и организации крестьянского хозяйства и от результатов обследования колонизационного фонда и его преодоления. Что касается прежде всего обследования свободных земель, то оно позволяет уверенно судить лишь о меньшей части земельного фонда в смысле его колонизационных перспектив. Так, огромные части северной Сибири, покрытые лесом и удаленные, исследованы весьма слабо, поскольку не представляли назревшего экономического

интереса. Можно говорить об их огромных пространствах, но не о емкости, определяемой в жизни не только естественно-историческими, но и экономическими условиями. Поскольку в прошлом колонизация в течение долгих лет и многими сотнями тысяч переселенцев направлялась в степную и, отчасти, в лесостепную полосу, она уперлась в дальнейшем в полосу или полупустынных или лесных пространств. Первая требует дорогого искусственного орошения, вторая—лесных расчисток, осушительных и дорожных мелиораций. Таким образом технические мероприятия в настоящее время в первую очередь стоят у дверей всякой колонизации, но производство их далеко не всегда выгодно. Современный колонизационный фонд может быть разбит на такие категории: 1) совершенно доступный, 2) требующий легкой мелиорации (колодцы, элементарные дороги ближнего расстояния и пр.), 3) требующий тяжелой мелиорации (каналы, сеть водоснабжения или дренажа, железнодорожные пути и пр.), 4) удаленный от рынков сбыта на весьма большие расстояния и требующий мелиораций. Новейшие попытки подсчета колонизационного фонда по трем первым категориям дают до 60 милл. десятин.

Не может представляться сколько-нибудь удивительным, что наше переселение, шедшее, главным образом, из черноземной полосы, давало не более 10% всего количества водворившихся в лесной полосе. Понятны становятся тогда и итоги расселения переселенцев по разным колонизационным районам.

Так, по имеющимся сведениям за 25 лет в губерниях степных из общего числа переселенцев водворилось 32%, в л е с о с т е п н ы х 55% и лишь 12% в губерниях таежной полосы. В соответствии с успехами колонизации в сторону степей от тайги обратное движение переселенцев обнаруживает определенную связь между колонизационными неудачами и свойствами свободного земельного фонда в губерниях водворения.

В самом деле, если воспользоваться данными регистрации ответов обратных переселенцев о причинах их возвращения, то мы увидим, как природные условия сохранившегося свободного фонда делают его свободным только формально. Так, среди возвращавшихся из Семипалатинской губ. половина ушла из-за песчаных почв, из Восточной Сибири—40% из-за ее лесов, из Тобольской—около трети из-за ее урманов. Кроме того из Степного края возвращалось по отдельным губерниям до 40% «за отсутствием разрешений», т.-е. в силу исчерпанности легкого фонда.

Таким образом ясны: 1) происходящее исчезновение легкого земельного фонда, 2) наибольшая легкость водворения в степи и наибольшая трудность—в тайге.

В тесной связи с этими выводами стоят и их подтверждают данные о результатах водворения по отдельным районам. Производственный эффект крестьянского хозяйства определенно различен в различных географических полосах,—в степи, лесостепи и тайге.

Так, на основании «материалов по обследованию переселенческих хозяйств в Степном крае и в Сибири» 1905—1906 г. г. (последнее большое исследование по этому вопросу) мы находим у переселенцев большие различия по размерам посевов в разных колонизационных районах; переселенческие хозяйства распределяются так:

Районы	Без посева	По количеству посева					
		До 1 д.	1—3 д.	3—5 д.	5—7 д.	7—9 д.	9 и свыше 9 д.
Степной край . .	2,7	1,0	14,6	25,5	19,7	13,4	23,1
Лесостепь	2,8	4,8	32,2	31,6	14,6	6,8	7,2
Подтаежный . . .	4,6	7,0	36,3	29,5	12,9	5,2	4,5
Тайга	10,5	18,4	41,7	19,6	6,6	2,0	1,2

Контраст между тайгой и степью и даже лесостепью выражен весьма ярко.

Те же контрасты проявляются в области обеспечения рабочим скотом.

Количество хозяйств.

Районы	Без раб. скота	С 1 голов.	2 гол.	3 гол.	4 гол.	5—6 гол.	7 гол. и более
Степной край . .	6,6	17,7	23,0	12,8	11,5	14,0	15,0
Лесостепь	4,6	17,1	43,9	17,7	10,3	4,7	1,7
Подтаежный . . .	4,7	14,8	43,4	18,9	7,9	3,9	0,4
Тайга	7,2	32,6	42,6	11,8	4,3	1,3	0,2

Таким образом *по размерам посева и по количеству рабочего скота благосостояние переселенцев определенно и значительно возрастает по мере передвижения от таежных районов к степным.*

То же самое наблюдается и по отношению к количеству нерабочего скота в крестьянских хозяйствах разных колонизационных районов. Так, свыше 3 голов нерабочего скота (в переводе на крупный) имело по районам: в степной полосе $23^{0}/_{0}$, в лесостепи — $52^{0}/_{0}$, в подтаежном районе — $26^{0}/_{0}$, в тайге — 22%. Правда, здесь степь отступает значительно перед лесостепью, но это объясняется особенностями степной полосы, требующей в животноводстве усиленного разведения рабочего скота за счет нерабочего.

Такие различия в возможности освоения разных колонизационных районов объясняют и факты усиленного заселения степных местностей и медленного освоения тайги.

Несколько выделяется из географических районов Сибири Дальний Восток размерами крестьянского хозяйства. Так, например, средний посев амурских новоселов достигал 21 дес. в тот период, когда средний посев у новоселов прочей Сибири составлял 4,6 дес. По количеству рабочего скота хозяйства, имевшие свыше 4 голов, в Сибири составляли $21^{0}/_{0}$ общего числа хозяйств, а в Амурской обл. составляли $61^{0}/_{0}$ и в Приморской—$32^{0}/_{0}$; по количеству коров свыше 3 голов на хозяйство в Сибири—$26^{0}/_{0}$, в Амурской обл.—$39^{0}/_{0}$ и в Приморской—$31^{0}/_{0}$; стоимость мертвого инвентаря на хозяйство в Сибири составляла 69 руб., у амурских переселенцев 584 руб. и у приморских 160 руб. Таким образом *по отношению к Дальнему Востоку должен быть отмечен совершенно исключительный масштаб крестьянского хозяйства*[1]).

Колоссальное значение для развития хозяйства колониста имеет продолжительность водворения переселенцев.

Для наглядности можно сопоставить по тем же исследованиям, охватившим 233 поселка, следующий цифровой материал,

---

[1]) Оперируя с данными, взятыми для таких больших географических районов, конечно, нужно помнить, что внутри каждой из зон (таежной, степной и пр.) имеются весьма различные подрайоны и местности, но состояние цифр пока не позволяет провести более глубоко эту характеристику успехов колонизации по более мелким делениям территории внутри этих зон на пространстве всего нашего колонизационного земельного фонда.

если сопоставить самые старые и самые молодые группы переселенческих хозяйств по продолжительности их водворения.

Так в среднем на двор приходилось:

Время водворения	Раб. скота на хозяйство	Раб. скота на дес. пос.	Коров на хозяйство	Скота в пер. на крупный на дес. пос.	Стоимость мертв. инв. в руб. на хоз.	Стоимость имущ. в руб. на хоз.	Площ. надел. земл. под пашней в дес.	Дес. пос. на хоз.	Пос. площ. на 1 работника
До 1897 г. .	2,7	0,5	2,4	0,9	68,5	442,9	8,9	5,3	4,0
В 1903—04 г.	1,1	1,9	1,0	0,4	47,1	205,3	1,3	0,8	0,4

Время водворения	Десятин сенокоса	Десятин сенокоса на 1 дес. посева
До 1897 г.	5,1	1,5
В 1903—1904 г.г. . .	9,8	14,6

Таким образом с годами образующие крестьянское хозяйство элементы—скот, инвентарь, имущество—растут количественно. Это приводит к значительному росту пашни и посева на хозяйство и на работника. С развитием хозяйства и ростом его посевной площади лучше эксплоатируется скот: уменьшается его нагрузка на единицу посева. Первоначальное усиленное развитие сенокоса, пока не поднята пахотная земля, прекращается, входя в норму, и потому соотношение площадей сенокоса и пашни выравнивается в пользу последней.

О развитии переселенческого хозяйства с годами можно судить и по другим данным.

Если мы сопоставим процентное соотношение различных групп крестьянского населения по размерам посева и по количеству рабочего скота и в связи с продолжительностью водворения, то получим такие данные.

Площадь обрабатываемой земли распределялась между переселенцами следующим образом:

По посеву.

Время водворения	Без посева	На 1 десят.	1—3 десят.	3—5 десят.	5—7 десят.	7—9 десят.	Свыше 9 десят.
До 1897 г. . . .	2,0	3,6	25,3	28,3	17,4	9,4	13,4
В 1903 г.	47,5	29,0	15,9	5,4	1,3	0,9	—

По количеству рабочего скота.

Время водворения	Без раб. скота	С 1 головой	2 головы	3 головы	4 головы	5—6 гол.	7 гол. и больше
До 1897 г. . .	5,4	16,3	38,1	17,5	9,7	7,5	5,5
В 1903 г. . . .	16,8	38,6	32,2	6,0	3,8	1,3	1,3

Самый темп развития переселенческого хозяйства по годам развертывается в следующей картине.

По данным того же обследования приходилось на двор.

Время водворения	Рабочего скота	Коров	Стоим. имущ. в рублях	Десятин посева
До 1897 г.	2,7	2,4	442,9	5,3
1897—99 г.г. . . .	2,7	2,2	403,5	4,9
1900—1902 г.г. . .	2,3	1,6	258,6	3,9
1903—1904 „ . . .	1,1	1,0	205,3	0,8
Средняя . . .	2,6	2,1	386,6	4,6

Таким образом переселенческое хозяйство достигает нормального уровня через 5—6 лет с начала водворения переселенца. Этот срок указывался и на основании целого ряда исследований, производившихся в разное время и по разным районам, почему он имеет, так сказать, всеобщее значение.

Всякое подворное и поселенное описание получает под собой твердую научную почву, когда оно проверено исследованием крестьянских бюджетов. По отношению к переселенческим хозяйствам имеется, правда, немногочисленный материал, но тща-

тельно обработанный и освещающий достаточно ясно процесс потребления и производства в хозяйстве новосела в различных стадиях этого хозяйства в зависимости от времени его образования на новых местах.

Особый интерес представляет анализ расходного бюджета у новоселов. Существенные моменты его складываются так:

Статьи расходного бюджета	Переселенцы водворившиеся:				
	по 1896 г.	1897/99	1900/02	1903/04	Все перес.
Годовой расход на душу об. п. в рублях . .	66,29	59,62	53,40	40,45	60,62
% с денежн. расходов общ. вел. расх. . .	36,70	39,30	47,00	57,01	39,60
Хозяйственн. расходов в рублях	27,50	24,50	21,60	16,70	25,40
Распределение личных расходов на категории в рублях:					
а) на пищу . . .	24,21	20,43	19,70	12,98	21,58
б) „ одежду . .	6,58	6,22	4,92	2,09	5,89
в) „ жилище . .	3,30	4,63	4,43	6,53	4,12
г) „ повинн. . .	2,34	1,55	1,42	—	1,74
д) „ рел. потр. .	0,64	0,69	0,32	0,20	0,59
% животной пищи . .	39,10	40,00	31,20	30,25	38,20
Отопление на избу в рублях	19,68	20,38	17,33	12,95	18,97

Из этих наиболее интересных категорий мы можем видеть рост личного потребления семьи (пища, одежда). Небольшой рост хозяйственных расходов даже в наиболее зажиточной группе и уменьшение расходов на жилище указывают лишь на неестественно высокий процент домообзавод. расходов в первые годы, неизбежный при всяком устройстве на новом месте; с годами расходы на жилище, конечно, должны уменьшаться, расходы же,

необходимые в процессе производства, в хозяйстве уже «поставленном» растут равномерно, без скачков. Об этом говорит и уменьшение процента денежных расходов, особенно сильных в первые годы. «Даже повышение расходов на отопление указывает на улучшение жизни, на то, что переселенцы покинули со временем мазанки и живут в избах, поглощающих большое количество топлива, т.-е. живут лучше», объясняют «Бюджет. исслед.».

В общей сумме хозяйственных расходов наблюдаются такие категории: расходы на земледельческое хозяйство 17,5 %, нежилые постройки 3%, скот 60,9%, мертвый инвентарь 6,1%, проч. расходы 12,5%. Расходы собственно по земледельческому хозяйству составляют на душу в рублях по группам водворения 5,15; 4,21; 2,90; 2,73, в среднем 4 р. 40 к. При этом среди расходов на земледельческое хозяйство приходилось:

Расходы в рублях	У водворившихся:				У всех пересел.
	до 1896 г.	1897/99	1900/02	1903/04	
Расходы по полевому хозяйству на душу в рублях	4,55	3,72	2,51	2,38	3,88
На 1 дес. пашни . . .	3,38	3,85	5,00	8,43	3,72
„ 1 „ посева . . .	5,67	5,56	7,73	25,62	6,00
% натур. расх. в зем-лед. хоз.	66,7	79,6	3,00	8,0	64,7
% расх. на наем раб. в общ. сум. расх. по полев.	13,5	13,2	24,8	32,8	15,2
Расход в рублях на покупку семян на 1 дес. посева	4,02	4,09	5,86	9,91	4,22

Эти расходы по полеводству говорят о постепенном понижении расходов на единицу площади. Последнее происходит в силу сокращения у более старых переселенцев расходов на наем рабочих и покупку семян, что видно и из прямых данных и из роста процента натуральных расходов.

В животноводстве наблюдается несколько иное.

Статьи расходов	У водворившихся:				У всех пересел.
	до 1896 г.	1897/99	1900/02	1903/04	
Расход по скотов. на двор в рублях . . .	118,43	90,72	75,71	70,87	100,14
Расход. на 1 гол. ск. в пер. на кр. . . .	12,85	14,81	18,52	20,10	14,78
Расход. на покупку ск. на двор	8,92	8,54	15,57	13,82	10,10
Покупн. стоим. 1 гол. кр. ск.	28,25	24,73	23,50	13,50	23,50
Расход на корм на 1 голову в перев. на кр.	12,75	13,37	14,45	16,18	13,45
Приходится на 1 гол. дес. пашни	1,20	1,00	0,70	0,60	1,10
Приходится на 1 голову десятин сенокоса	1,10	1,10	1,40	2,80	1,20
Потребл. в пудах на 1 гол. кр. ск. . . .	144,2	152,5	173,8	250,5	157,0

Расходы на скотоводство растут вообще, но содержание головы скота обходится дешевле и, вероятно, благодаря сокращению покупок скота (зато скот покупается лучший) и сокращению расходов на корм на голову скота. Действительно потребление последнего уменьшается, что и понятно, ибо площадь сенокосов на голову скота сокращается[1]), а увеличение пашни на голову скота с ее хлебными остатками не является достаточной компенсацией: усиленное развитие зерновой культуры вредит скотоводству, для развития которого в Сибири сложилась столь благоприятная конъюнктура.

Не останавливаясь далее подробно на эволюции приходного бюджета переселенцев, все-таки нужно указать, что из этих данных видно, как со временем и все в большей степени источниками дохода становятся земледелие и скотоводство, как в сфере чисто земледельческого хозяйства полеводство развивается за счет

[1]) Это видно из предл. табл.

сенокошения и лесных промыслов и в абсолютных цифрах дает дохода в среднем 114,5 р. на хозяйство, или по группамм у водв. до 1896 г.—169,45 р., у водв. в 1897—1899 г. г.—93,01 р., 1900—1902 г. г.—35 р. 55 к., 1903—1904 г. г.—8 р. 93 к. Доход от скотоводства в рублях на двор тоже увеличился: в среднем он равнялся 77 р. 48 к., по тем же группам водворения—102,82, 69,66, 41,44 и 19,76 руб. [1]).

Рассматривая бюджетные данные о переселенческих хозяйствах на Дальнем Востоке, содержащиеся в «Приамурье», можно увидеть значительную разницу с прочей Сибирью. Так, одним хозяйством получается дохода в Амурской области 2 482,47 р. и на одну душу обоего пола 344,79 р., в Приморской области—2 059,10 р. и 276,39 р. В прочей Сибири на душу приходилось дохода 66,04 р., а при среднем составе семьи 6,6 душ, это дает 431,86 руб. на хозяйство. Таким образом приходный бюджет крестьян на Дальнем Востоке гораздо выше, чем в прочей Сибири. Гораздо выше здесь исчисляется и чистый доход: по Амурской области 116 р. 73 к. и по Приморской 41 р. 54 к. (в прочей Сибири 15 р. 05 к.) на хозяйство. Далее исследование дает совершенно несоизмеримые размеры расходного бюджета на душу 113,14 р. в Амурской области на одну пищу и 85,36 р. в Приморской против средней 21,58 р. по данным в прочей Сибири. Потребление продуктов питания выражается в Приморской обл. в 49,36 руб., а в прочей Сибири 35 р. 88 к. То же исследование не могло не остановиться на вопросе о той разнице, какая существует между этим бюджетом и бюджетом хотя бы Воронежской губ. (32 руб. 58 к.). Исследование всю эту разницу потребления относит на потребление зерновых продуктов и картофеля и молочных продуктов, но и по отношению к хлебным растениям и по отношению к нормам скота оно настаивает на худших их качествах в Приамурье, отчего и потребление их здесь должно итти в большем количестве, а последним вызываются и высокие цифры бюджета. Значение последних умаляется еще и высоким процентом хозяйственных расходов—50,94% в Амурск. и 50,91% в Приморск.—против 41,6% в прочей Сибири (в абсол. цифр. 164 р.

---

[1]) Входить в анализ исчисления чистой доходности автор не считает возможным ввиду значительной спорности соответствующих мест „материалов“, тем более, что изложенного вполне достаточно для понимания тенденций развития.

88 к. на душу в Амурск. и 121,58 в Приморск., в прочей же Сибири—25,4 р.), соответственно понижающих процент личного потребления.

Касаясь существа этих 2-х бюджетных исследований необходимо сказать, что исследование Пересел. Упр. дает картину действительного роста во времени переселенческого хозяйства. И общее и бюджетное исследование не идут далее 1894 года, мы не можем поэтому судить о степени благосостояния, достигнутой наиболее старыми переселенцами, но и в пределах того десятилетия, на протяжении которого изучалось переселение, потребление новоселов (35,88 п. на душу) несколько выше средней по бюджету воронежских крестьян (32,58 пуд. на душу), да, кроме того, расходы на пищу у новоселов поглощают 60,7% их личн. потребл., между тем у воронежских крестьян 58,42%. Наконец, и прочие категории личного потребления получают в Сибири возможность несколько более широкого развития. Так, «хозяйственное» потребление поглощает, по данным Щербины, в среднем земледельческом бюджете 45,12%, в Сибири же оно 41,6%, чем и освобождает несколько большую долю средств на расширение личных потребностей.

Зависят ли успехи водворения от каких-либо еще факторов кроме простой продолжительности водворения.

Естественное соображение в первую очередь появляется о значении денежных средств. Этот вопрос прекрасно разработан в свое время проф. А. А. Кауфманом по поводу хозяйственного положения переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губернии. В этом исследовании изучены размеры посевов новоселов в зависимости от времени водворения и количества принесенных переселенцами денежных средств. Это весьма наглядно выражено в таблице, помещенной на стр. 64.

Из этих данных мы вправе бы сделать вывод о небольшой роли денежных средств в деле колонизации. В самом деле, мы видим, что среди не принесших денег и среди принесших их до 50 руб. сокращается с годами % не сеявших до 3 дес. с соответствующим ростом высших посевных групп и среди принесших свыше 50 руб. уменьшается с годами % сеявших 0—5 дес. и увеличиваются как высшие посевные группы, так и слой беспосевных. Таким образом упрочение быта возможно и без денег, но деньги облегчают быстроту перехода в высшие посевные группы. В условиях буржуазного общества этот процесс, есте-

Размер принесенных средств	Не сеяли	Сеяли				
		До 1 д.	1—3 д.	3—5 д.	5—10 д.	Св. 10 д.
Не принесли I[1]) . . .	16,8	7,3	18,2	22,6	25,5	9,5
II	13,3	9,1	32,2	22,8	18,2	3,8
III	33,3	26,3	28,1	8,9	2,9	0,4
Принесли до 25 руб. I .	9,4	3,5	15,3	16,5	35,3	8,2
II .	9,1	6,5	27,8	27,8	25,6	3,0
III .	26,0	23,6	33,1	12,6	3,9	0,8
26— 50 руб. I	9,3	5,6	16,7	18,5	31,5	18,5
II	4,9	4,3	25,2	25,2	30,7	9,8
III	11,1	20,6	42,9	12,7	9,5	3,2
51—100 „ I	7,5	3,8	6,3	15,0	47,5	20,0
II	3,3	1,1	13,0	21,2	48,4	13,0
III	3,9	3,9	54,9	23,5	13,7	2,0
101—200 „ I	7,4	—	13,0	14,8	33,3	31,5
II	2,2	1,6	7,8	19,4	4,7	21,5
III	5,3	7,0	35,1	29,8	21,1	1,8
201—400 „ I	5,1	—	10,2	7,7	33,3	43,6
II	1,6	3,2	—	17,5	42,9	3,49
III	—	—	20,8	25,0	33,0	20,8
Более 400 „ I	—	—	—	—	40,0	60,0
II	—	—	—	12,5	25,0	62,5
III	—	—	14,3	—	28,6	57,1

ственно, вел к диференциации крестьянства и к нарождению крестьянской буржуазии.

Более важным фактором в развитии переселенческого хозяйства являются трудовые силы его. Так, из исследования того же Кауфмана мы устанавливаем такие данные.

[1]) Цифрой I обозначены переселившиеся до 1886 г., II — переселившиеся в 1888—1899 г.г. и III — переселившиеся в 1892—1893 г.г.

У переселенцев	Однорабочие дворы					Дворы с 3 и более рабочими				
	В среднем на двор			% безлошадных и однолошадных	% продающих хлеб	% безлошадных и однолошадных	% продающих хлеб	В среднем на двор		
	Рабоч. лош.	Дойн. кор.	Десят. посева.					Рабоч. лош.	Дойн. кор.	Десят. посева
Пришедших без денег . . .	1,3	0,9	1,9	55,7	1,2	12,2	32,0	3,2	1,7	6,4
Принесших до 26 руб. . .	1,6	1,1	2,5	46,0	21,5	3,8	40,0	3,3	1,9	6,4
26— 50 руб. . .	1,9	1,4	3,2	35,5	30,6	—	66,7	4,2	2,6	9,5
51—100 „ . .	2,2	1,6	4,3	22,3	40,8	—	68,9	4,7	3,2	11,0
101—200 „ . .	2,4	1,9	4,9	24,6	50,0	—	18,3	5,0	3,4	14,3
Более 200 руб. .	2,9	1,8	5,2	15,4	60,0	5,6	75,0	4,9	3,2	13,4

Из таблицы мы видим, что многорабочие и совершенно безденежные дворы обеспечены лучше лошадьми и посевом, чем наиболее обеспеченные денежными средствами однорабочие дворы. Следовательно, рабочие силы двора служат главным фактором хозяйственного творчества, основным элементом развития хозяйства новосела.

Упрочение индивидуальных хозяйств—синоним роста народного хозяйства окраин. Заселение пустующих пространств и уплотнение населения в недонаселенных районах ведут к росту прежде всего сельскохозяйственного производства. Установлено, что только за 1904—1911 г. г. посевная площадь в районах более оживленной колонизации увеличилась на 1,7 милл. дес., в то время как во всей прочей части государства это увеличение выразилось только в 2,3 милл. дес. Прирост главнейших видов скота за то же время выражался следующим образом в процентах к прежнему количеству:

	По 8 районам интенсивной колонизации	Во всей стране
Лошадей	+63	+14
Рогатого скота	+72	+16
Овец	+65	—1
Свиней	+51	+7

Таким образом в районах колонизации мы видим более быстрый темп развития сельского хозяйства, хотя много данных имеется в доказательство того, что мы имеем здесь развитие весьма экстенсивных форм хозяйства, даже с хищническим использованием почвы. При этом в целом ряде местностей можно установить более низкий уровень хозяйства у переселенцев по сравнению с соседним туземным населением, как-то в районах поливного земледелия (Киргизия и Туркестан), с которым туземцы уже свыклись в долгой своей истории, или на Дальнем Востоке и в том же Туркестане, где русские колонисты столкнулись с более высокими формами интенсивного туземного хозяйства (рисовая, хлопковая, садоводные культуры). Тем не менее это не есть общее правило, и в других районах колонизация обозначала подъем сельскохозяйственной культуры.

ГЛАВА VII.

КОЛОНИЗАЦИОННО-ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ЗА ВРЕМЯ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ.

I. ВОЙНА И ЭПОХА ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Предвоенная конъюнктура. К началу мировой войны, т.-е. к 1914 году, «переселенческое» дело получает определенную колонизационную окраску как в глазах тогдашнего общества и законодательных учреждений, так и в работах самого ведомства. В связи с обнаружившимся—чем дальше, тем больше—экономическим эффектом вовлечения пустынных доселе пространств, путем их заселения, и в народно-хозяйственную жизнь страны, и, по мере, затем, постепенного исчерпания «безбрежного», ранее, и совершенно пригодного для немедленного сельскохозяйственного освоения земельного запаса за Уралом,—становится ясным, что прежние способы воздействия на переселение со стороны правительства и связанные с ними мероприятия должны, в своем существе, видоизмениться и приспособиться к новым, чрезвычайно широким заданиям.

Центр тяжести «переселения», как государственно-регулируемого явления, постепенно перемещается с «количества» на «качество», при непрестанном росте операционных расходов по переселенческой смете (за семь лет эта смета успела увеличиться на 516%). Вместе с тем происходит законодательное оформление этой «качественной» стороны, при чем обслуживание передвижения переселенцев и собственно межевые действия по отводу земель для заселения отходят, по степени своего значения, на задний план, уступая свое прежнее первенство мелиорациям всякого рода и делу хозяйственного содействия новоселам.

«Переселение» приобретает чрезвычайно многосторонний характер. В нем сплетаются самые разнообразные операции как техни-

ческие, собственно «ведомственные», так и общие, культурно-экономические,— по всестороннему оживлению колонизуемых местностей. Последние начинают превалировать даже и над политической линией, хотя утеснение национальных меньшинств продолжает все же проходить красной нитью через переселенческие работы.

Железнодорожное строительство в Азиатской России, водные пути, фабрично-заводская деятельность, культурные сельскохозяйственные начинания, торгово-промышленные центры—вот вопросы крупнейшего общегосударственного масштаба, с которыми теперь начинает связываться переселение, постепенно обращающееся в планомерную систему колонизации. Переселенческое Управление—прежний передвиженческий департамент—приобретает характер учреждения чрезвычайной важности, так как в нем сосредоточиваются почти все сведения о Зауральи, и, в качестве «всеазиатской земской управы», оно фактически влияет на жизненный уклад и развитие производительных сил целых территорий государства.

Вырабатываются новые приемы колонизационной техники. Создаются планы последовательного заселения отдельных местностей, при обдуманной до деталей подготовке определенных районов к восприятию новых засельщиков. Близится, казалось бы, время действительной планомерности в колонизационном процессе, который должен был бы объединить в грандиозном общегосударственном плане колонизации приобщение к общей культуре и пустынного далекого севера, и крайнего юга, и всей таежной полосы Сибири—словом всех тех земельных богатств страны, которые до сих пор были не использованы, и вовлечение которых в народно-хозяйственный оборот усвоенными уже методами предвещало небывалое капиталистическое развитие государства.

Период войны. Империалистическая война сразу же положила предел оптимистическим взглядам в этом отношении,—по крайней мере, на ближайшее будущее. С самого ее начала представилась несомненной длительность и чрезвычайная напряженность военных операций, и, хотя лозунг организации во что бы то ни стало крепкого хозяйственного тыла, каковым являлась прежде всего Сибирь, был официально провозглашен, тем не менее уже в 1915 году было невозможно мечтать о реальном его осуществлении. По общему правилу, во время войны отпускались кредиты только на поддержание «старого», но ввиду особых свойств основных переселенческих работ (их растянутость во времени на два, три и бо-

лее лет) это правило оказалось равносильным уничтожению в корне достигнутых ранее результатов, ибо, например, незаконченные дороги разрушались, колодцы обваливались, участки утрачивали свои межи и т. п. С другой стороны, все те хозяйства, которые водворились на новых местах незадолго до войны и даже в первые годы последней [1]), требовали непрестанного воспособления, а ресурсов для такового не оказывалось, так как постепенно расслаивался и тот основной кадр переселенческих работников, без наличия которого на местах заселения последние обрекались на неустройство.

Сметы Переселенческого Управления 1915—1917 г.г. ярко иллюстрировали вышеизложенное, чем дальше, тем больше утрачивая свой прежний—общий для всех правительственных документов того времени — тон официального благополучия. Не будучи и ранее строго бюрократическим учреждением, ныне Переселенческое Управление уже «вопияло» об отдельных своих нуждах и в достаточной мере откровенно констатировало наступление опасности.

К февралю 1917 года собственно переселенческое дело оказывалось в состоянии явного неблагополучия, ибо о переселении, или колонизации в их действенных формах речи уже быть не могло, функции же по укреплению тыла не могли явиться постоянной и положительной программой колонизационной деятельности.

Эпоха Временного правительства. Само собой разумеется, что и Временное правительство, по самой природе своей, не могло в этом отношении дать каких бы то ни было положительных результатов, тем более, что фактически дело сводилось к весьма острому для состава этого правительства вопросу земельной политики на окраинах.

Одним из первых распоряжений, долженствовавших ознаменовать собой начало новой эры в области переселенческого дела, явилась циркулярная, во все районы, телеграмма с предложением сосредоточить землеотводные работы текущего лета преимущественно на отграничении ранее запроектированного фонда, а также на исправлении недоделок прежних лет и на пересмотре фонда в натуре. Новую проектировку рекомендовалось ставить «только в случаях, не вызывающих на месте каких-либо осложнений».

А уже 3 апреля 1917 года во все переселенческие районы было послано распоряжение о приостановке, впредь до

---

[1]) В 1915 году за Уралом водворилось около 220 тыс. человек новых засельщиков. Часть из них — по довоенному зачислению, часть — „по паспортам“,

разрешении Учредительным Собранием, вопроса об устройстве состоящей в пользовании киргиз территории, замежевания земель в государственный фонд,—приостанавливалась впредь и сдача в аренду на прежних основаниях свободных скотоводческих участков.

С распространением этого распоряжения также и на районы бурятского заселения, главнейшие в сущности, передовые позиции колонизационного ведомства в отношении «инородцев» уже оказались сданными.

Но если эта сдача состоялась сравнительно быстро и безоговорочно, будучи обусловлена элементарным учетом настроения и очевидной неизбежностью, то несколько иначе обстояло дело с отступлением по фронту землеустройства.

Землеустроительные работы повсеместно в России были приостановлены еще в марте 1917 года, но в скором времени по сибирским районам было разъяснено, что приостановка эта касается лишь тех работ, которые производились в Европейской России и только в порядке закона 14 июня 1910 года (так наз. «столыпинское землеустройство»). Поэтому поземельное устройство сибирских крестьян и инородцев должно было производиться на прежних основаниях—по старому сибирскому (1896 г.) закону, при чем, впрочем, местному населению допускалась теперь передача в аренду без торгов и на возможно льготных условиях тех казенно-оброчных статей, которые этому населению в порядке этого закона лишь запроектировались.

Вот, собственно, и все. Реформа, как будто бы, незначительная, но, если принять во внимание, что ею фактически изымалась из поля действия переселенческой организации вся инородческая территория, а вместе с ней и один из главных козырей ведомства — скотоводческие участки, набившие оскомину еще и Государственной Думе, и что ставившиеся «условия» в виде аренды, соглашения сторон и т. п. на местах совершенно игнорировались, то и Февральскую революцию следует признать в этой области произведшей известный эффект.

Главный Земельный Комитет. Как известно, центр тяжести работ Временного правительства в области земельной реформы сосредоточивался на трудах множества комиссий, подготовлявших через Главный Земельный Комитет соответствующие материалы к Учредительному Собранию. В этих материалах переселенческий вопрос получил достаточное выражение, при чем одни

из докладчиков (проф. Огановский) рассматривали его преимущественно с точки зрения равномерного, вообще, распределения земельных запасов между всем нуждающимся населением по нормам, без чего не мыслили земельной реформы, другие подходили к делу с колонизационной точки зрения. В частности, А. А. Кауфман находил, что создавшаяся после Февраля совокупность условий в значительной степени сокращает перспективы переселения, не могущего теперь сыграть в качестве планомерной правительственной системы сколько-нибудь значительной роли в предстоящей аграрной реформе, ибо, с одной стороны, земельный фонд лесных областей Сибири и Севера Европейской России не соответствует запросам могущего претендовать на новые земли населения,— фонд же степных областей и Туркестана подлежит открытию для колонизации лишь постольку, поскольку (как общее правило) в данном районе будет закончено поземельное устройство местного населения и произведены все мелиоративные работы, хотя бы за счет частного капитала.

Положения этих двух основных докладов были объединены впоследствии, несмотря на неодинаковость их отправных точек, воедино, но, как и следовало ожидать, они сыграли роль лишь академически интересных для данной эпохи документов.

II. ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.—ПЕРВЫЙ ПЕРИОД.

Октябрьская революция произвела полный переворот в аграрном строе России. Крепостничество во всех его формах оказалось ликвидированным, и таким образом основное препятствие для широкого, американского, развития колонизации, в ее трактовке Лениным [1]),—отпало.

Но первые, последовавшие за октябрем, годы не были благоприятны для того, чтобы колонизация действительно могла развиться в указанном, американском, направлении. Всеобщее поравнение деревни, как первый эффект революции, исключительно занимало крестьянское население, а эпоха гражданской войны крайне тяжело отразилась на народном хозяйстве,—у государства же не оказывалось буквально никаких средств не только для широкой, но и для сколько-нибудь правильной, при данных условиях, постановки колонизационно-переселенческого дела.

[1]) Ленин. 1) „Аграрный вопрос к концу XIX века". 2) „Аграрная программа социал.-демокр. в первой русской революции 1905—1907 г.г.",

Основной закон социализации земли. По основному закону о социализации земли, в значительной степени отразившему на себе эсеровскую идеологию, переселение в качестве свободного проявления хозяйственной инициативы земледельца не мыслилось. В случае недостатка земельного фонда в данном поясе часть граждан могла быть переселена (отнюдь не сама переселяться) в другой пояс, при чем в определенной постепенности должны и переселяться группы лиц по определенным самим законом признакам. Все переселение земледельцев на новые места объявлялось производящимся за счет государства, и таким образом в данном законодательном акте была проведена более или менее чистая линия своеобразной «национализации» переселенческого процесса. В отличие от переселенческой политики прежнего, допускавшей свободное переселение из любых местностей и обусловливавшей таковое участием самого переселяющегося в расходах и риске переселения, закон о социализации земли все бремя регулирования переселения возлагал на государство, оставляя за переселяющимися только выполнение плана.

В конечном итоге вопрос сводился к колоссальному, по масштабу, расселению в порядке социалистического землеустройства,— так именно он и ставился на различных земельных съездах и совещаниях. И даже первый циркуляр Советской власти по Переселенческому Управлению (от 6 марта 1918 г. № 1) призывал советы к удержанию населения от переселений всякого рода и к направлению преимущественного внимания крестьянства на расселение внутри Европейской России, «где больше нет помещиков и где земля отныне и навсегда стала вольной и всенародной».

Правда, вопреки всяким предупреждениям, за первую половину 1918 г. за Урал все же проследовало в самовольном порядке до 175 000 переселенцев, но вслед за этим Сибирь, Юго-Восток и, частью, Север, были отрезаны гражданской войной от Центральной Области, и таким образом актуальность колонизационного вопроса как бы отпала. Он даже снят был с повестки первого Земельного Съезда (конец 1918 г.).

Социалистическое землеустройство. Фактически заменившее «основной закон» «Положение о социалистическом землеустройстве» (1919 г.), не касаясь специально даже переселения, включило таковое общею формулировкою содержания землеустройства в операционную область последнего, и, поскольку в основу этого землеустройства полагалось стремление создать единое производственное

хозяйство (ст. 4),—постольку и переселение, конечно, не мыслилось возможным вне рамок соответственной планомерности.

Изданная в развитие означенного «Положения» инструкция регулировала лишь один вид переселения, а именно переселение так сказать «местное»,—расселение. При этом (гл. X) весь вообще расселенческий (в пределах данной губернии) процесс проводился под знаком целесообразности, а «переселение» (выход за пределы губернии) трактовалось лишь как некое такое явление, которое, с одной стороны, может иметь место только по окончании землеустройства (а также конечно и расселения) по всей губернии, а с другой—только в том случае, когда все местные (волостной, уездный и губернский) земельные запасы окажутся еще недостаточными для обеспечения достаточным количеством земли всех земледельцев губернии.

Преобразование аппарата. Считаясь с этим новым (в сущности мало отличавшимся от прошлогоднего) законом, допускавшим трактовку колонизации лишь как землеустроительного метода, Советское правительство предприняло в 1919 году коренное преобразование прежних переселенческих учреждений (остававшихся до сих пор в организационной своей основе нетронутыми)—по принципу изъятия из их ведения всего того, что неприсуще собственно землеустроительным действиям. Прежде всего, с соответственным сокращением функций, было влито в Центральный Отдел Землеустройства бывшее Переселенческое Управление, при чем прежние многогранные обязанности переселенческой организации были, вместе с тем, формально или фактически распылены по другим ведомствам (внутренних дел, продовольствия, здравоохранения, путей сообщения, труда, народного хозяйства), либо другим управлениям Народного Комиссариата Земледелия (сельского хозяйства, мелиорации, снабжения, ветеринарии и т. п.). Таким образом уже к 1920 году была достаточно, с внешней, по крайней мере, стороны, подготовлена почва для операций со всякого рода передвижками населения в условиях новой организационной идеологии, исключавшей, как указано выше, принципиальную целесообразность каких бы то ни было колонизационных начинаний вне рамок землеустроительного процесса.

Северные колонизационные экспедиции. Однако, в том же 1919 году, под влиянием своеобразной ситуации того времени, когда северные губернии оказывались единственно досягаемым районом с заведомо избыточным земельным фондом, использование

которого сопрягалось к тому же с эксплоатацией леса как предмета экспорта,—были организованы, «с подчинением единственно центру», две северных «колонизационных» экспедиции, задачей которых являлось составление плана колонизации севера как системы мер, «направленных к развитию в крае хозяйственной и промышленной жизни на основе рационального, интенсивного и всестороннего использования природных богатств».

Донское переселение. Подобное логическое отступление от принятой системы вызывалось, конечно, жизнью и экономической сущностью колонизации, не укладывавшимися собственно в землеустройство. Другое отступление, но уже по чисто политическим мотивам, было допущено правительством в виде так наз. «Донского» переселения,—когда петербургскому пролетариату было предложено двинуться в район Козлова, Воронежа и ниже—на освобождавшиеся казачеством, в связи с операциями Деникина, земли. Это последнее мероприятие, охватившее численно до 9 000 человек, успеха не имело,—ввиду его недостаточной экономической обоснованности и перемены в обстановке.

«Голодное» переселение 1920 года. Недород хлебов и трав 1920 года, охвативший главным образом семь центральных губерний, вызвал на местах сильнейшее самовольное переселенческое движение в Сибирь, несмотря на то, что Зауралье только что освободилось от внутренней интервенции и что там и без того беженческая волна 1917—1919 г.г. создала огромную, в 300—400 тысяч человек, пробку неустроенных землей людей. Стихийно разраставшийся характер движения заставлял обратить весьма серьезное внимание на этот процесс, при чем все организационные усилия были направлены в сторону его локализации путем мер двоякого порядка: улучшения продовольственных нужд в местах выхода переселенцев и урегулирования самого переселения путем организованного ходачества, которое и сыграло решающую роль в деле обуздания стихии. Оно дало ясное и наглядное убеждение переселенцам, во-первых, в том, что готового земельного свободного фонда в Сибири нет, и во-вторых, в том, что при современной разрухе транспорта никакое организованное переселение невозможно. Поэтому из 10 500 разрешенных на все губернии ходоков своим правом воспользовались только $^2/_5$ от общего числа их. Независимо от этого бедняк вовсе не в силах был подняться на переселение, а потому стихия захватила главным образом середняка, и из наиболее крепких, который и пошел

на все невзгоды, учитывая главным образом возможную выгодную реализацию денег за Уралом, благо там еще не было такого насыщения ими толщи масс, как в центре РСФСР.

Все это вместе взятое в связи с обнаружившимся в октябре 1920 года кризисом в топливе на сибирской магистрали, а с января 1921 года и в центральной части РСФСР, свело почти на-нет стихийное стремление к переселению и показало воочию, как вредны такие стихии народно-хозяйственной жизни, не давая ничего переселенцам и создавая в жизни государства вынужденную необходимость локализации того, что, по всей справедливости, и не должно быть начато. Вместе с тем не менее наглядно выяснилось, что корнем, порождающим подобные стихии, является крайняя хозяйственная неустойчивость нашего крестьянского хозяйства ввиду его экстенсивности и почти поголовной агрономотехнической беспомощности всего земледельческого населения. А отсюда следовал и прямой вывод,—что другими мерами и другими средствами, но только не переселением, нужно лечить эти внутренние язвы крестьянской жизни.

Автономные окраины. С другой стороны, в опытной постановке колонизации на новых началах сказался и другой, весьма серьезный момент. А именно, начавшееся осуществляться с 1920 г. федерирование Советского государства на началах самоопределения народностей повело к автономизации отдельных республик и в земельном отношении, поскольку же и в дореволюционное время в колонизационной политике имело место игнорирование земельных прав национальных меньшинств в пользу представителей русского племени, постольку приобретшие теперь известную самостоятельность новые автономные образования обратили свою земельную, в первую очередь, реформу на ликвидацию последствий означенного игнорирования (приобретшую, как, например, в Туркестане, весьма острую форму) и тем сделали немыслимым вовлечение всей страны в целом в колонизационный оборот.

Общая обстановка. Помимо всего прочего в первый период революции аграрный строй не может почитаться сколько-нибудь определившимся, так как земельно-хозяйственные отношения находились в процессе повсеместной стихийной перестройки. В итоге имевшие место в 1918—1920 г.г. так называвшиеся «переселенческие кампании и колонизационные мероприятия в автономных республиках» менее всего отвечали открывшейся, потенциально, новой эре в колонизационном деле.

Последняя формулировка задач социалистической колонизации. Следовало, очевидно, незамедлительно пересмотреть и уточнить колонизационную проблему, что и было выполнено «вторым» всероссийским землеустроительным съездом, собравшим представителей от всех губерний и автономных образований.

Здесь было установлено, прежде всего, что переселенческий вопрос, рассматривавшийся ранее преимущественно с сословно-классовой точки зрения, ныне, в условиях социалистического государства, должен составить часть общей проблемы рационального распределения всего населения по всей территории республики. При этом, поскольку при капиталистическом строе представлялось естественным и допустимым начало полной свободы хозяйственных передвижек, постольку теперь такие передвижки не мыслились вне строго определенной, подчиненной единому производственному плану, системы. Поэтому всякие предположения о допустимости неорганизованного, так называемого «самотечного», переселения, были признаны неприемлемыми, как исходящие из антигосударственной трактовки вопроса.

Так как, затем, проблема распределения населения входила, в качестве подчиненной проблеме организации территории, в цикл вопросов, составляющих содержание современного землеустройства, то все идеологические предпосылки последнего, в особенности экономические,— были признаны объемлющими и процесс переселенческий. Далее устанавливались два основных условия для признания данного переселения отвечающим конечной цели современного аграрного строительства: 1) наличие излишков сельско-хозяйственной рабочей силы в одной местности и 2) наличие достаточно подготовленных для заселения и нуждающихся в приложении человеческого труда свободных земель в другой. Поэтому, впредь до выяснения по отдельным хотя бы местностям контингентов действительно нуждающегося в переселении населения, а также впредь до организации на подлежащих площадях других местностей соответственного фонда, массовые переселения на так называемые «свободные» земли прежнего переселенческого тяготения признавались, по общему правилу, недопустимыми, а постоянно возникающие поводы и стимулы к переселениям—подлежащими по времени ослаблению и устранению на месте их обнаружения иными чем переселение средствами (пропаганда, скорейшее хозяйственно-целесообразное и очевидно полезное и выгодное земельное устройство, энергичные мероприятия других, помимо земледельче-

ского, экономических ведомств и т. п.). Однако ввиду того, что завершение в порядке нормального землеустройства вышеуказанных необходимых для обоснования переселения операций может отстать по времени от прекращения силы действия политики временного удержания населения от всяких переселений, и во избежание дезорганизации общеземлеустроительного процесса,—представлялось необходимым теперь же ускорить выявление, с одной стороны, хотя бы приближенно и схематически, хозяйственной перенаселенности отдельных районов, и с другой—свободного земельного фонда.

Эта последняя, наиболее ударная в области переселения, задача признавалась подлежащей осуществлению в двух направлениях: путем сосредоточения большей части изыскательных и подготовительных действий на обжитых, но с недостаточным количественно в настоящее время земледельческим населением площадях многоземельных районов республики, и путем упрощения самой техники образования фонда, предназначаемого на ближайшее время к удовлетворению более или менее экстренных переселенческих потребностей.

Так как, однако, излишки рабочей сельскохозяйственной силы, долженствующие быть использованными в качестве засельщиков новых земельных площадей, могут, при современном содержании землеустроительных действий, оказаться численно чрезвычайно значительными и превосходящими хозяйственную емкость обжитых территорий, то, параллельно с выявлением земельного фонда на этих последних, в ударном же и по возможности упрощенном с формальной стороны порядке должны вестись работы и по организации необжитых площадей в пустынных и малонаселенных районах.

Вместе с тем съезд нашел необходимым все дело землеустройства в автономных республиках и независимых советских государствах слить в единое целое устройства территории и распределения по ней населения на следующих началах.

Для объединения землеустроительной деятельности наркомземов всех национальных автономий и республик необходимо учреждение постоянного органа при Наркомземе РСФСР, являющегося, с одной стороны, постоянным информационным объединением национальных автономий и республик по вопросам землеустройства, а с другой—органом установления единства основных точек зрения РСФСР и отдельных республик в вопросах хозяйственной их деятельности вообще.

Исходя из признания, что отдельные автономии и республики имеют самую тесную хозяйственную связь с РСФСР и что национальная автономность таковых отнюдь не должна нарушать федеративной хозяйственной связи их с РСФСР, необходимо признать, что такие обширные территориальные автономии, как Киргизия и Туркестан, являющиеся к тому же—первая одной из основных баз зернового, фуражного и животноводческого сырья для всех автономий и республик, а вторая—хлопка,—должны почитаться в землеустроительном отношении, явно колонизационными районами, где самая колонизация таковых служит всемерному вовлечению еще неиспользованных земель их в народно-хозяйственный оборот, чем достигается в свою очередь наиболее интенсивное развитие народно-хозяйственной жизни этих автономий и республик.

В соображении с указанным колонизационным назначением многоземельных автономий и республик является настоятельно необходимым упрощение самого процесса землеустройства путем тщательного использования для нужд такового богатого по своей научной и практической ценности статистического, почвенного, ботанического, землемерного и инженерно-гидротехнического материала прежних лет, при чем первоочередной задачей землеустроителей должно явиться: установление границ, учет населения и территорий, установление исходной территориальной единицы как базы землеустройства и скорейшее, технически упрощенное проведение группового землеустройства туземного населения с попутным земельным выделением фонда, требующего хозяйственного освоения.

Мы сочли необходимым привести почти полностью основные резолюции этого землеустроительного съезда ввиду их чрезвычайного не только исторического, но и практического значения, так как, несмотря на последовавшую вскоре резкую перемену в области землеустроительной политики, колонизационные основы, провозглашенные этим съездом, сохранили еще надолго свое идеологическое действие. В общем и целом, это—стройное и последовательное выражение системы социалистической колонизации на базе сплошного землеустройства.

Голодное переселение 1921 года. Несмотря на категорически выраженное пожелание съезда о недопущении впредь никаких «случайных» переселений,—в 1921 году, на-ряду с ликвидацией переселения 1920 года, вспыхнуло еще более стихийное, еще более болезненное, переселение-бегство из пораженных голодом

губерний Поволжья. На этот раз, ввиду доказанной уже исчерпанности пригодных для заселения фондов и очевидной немыслимости обслужить как следует миллионное движение, правительство не рискнуло признать этот процесс переселенческим и ограничилось поэтому организацией, при участии переселенческого аппарата, выселения тех, кто мог по своим связям ехать куда бы то ни было (Пост. През. ВЦИК от 25 июля 1921 г.). Таких зарегистрированных выселенцев оказалось в итоге свыше 540 000 человек, фактически же—свыше миллиона. И до сих пор не произведен еще достаточно точный учет тому, где именно и сколько подобных беженцев осело.

Прочие передвижения. Этими передвижениями народных масс, протекавшими в исключительно трудных условиях и не отвечавшими требованиям планомерного переселения трудовых земледельцев в порядке социалистического землеустройства, миграция населения в первый период революции не исчерпалась. Помимо случаев принудительного выселения из Туркестана и Киргизии переселенцев прежнего времени в порядке краевой земельной реформы, в Сибири, в таежной полосе, обнаружилось значительное деколонизационное движение—«сползание» на юг на более удобные участки переселенцев прежних лет водворения и вообще их уход в «Россию». С другой стороны, из северных и северо-западных губерний начала обнаруживаться некоторая тяга на юго-восток, откуда в свою очередь двигались переселенцы на Украину. В общем и целом хозяйственно-систематически никакое переселение в рассматриваемый период государством не велось,—за полным отсутствием средств и организационной неналаженностью, и лишь изыскивался колонизационный фонд на севере. Принципов подхода к переселенческой проблеме, однако, было выявлено достаточно.

III. НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА.

Новая экономическая политика, совпавшая, по времени ее провозглашения, с завершением поравненческого процесса в деревне и стабилизировавшая аграрные отношения, создала необходимые предпосылки для осуществления и колонизационных мероприятий в их новой трактовке.

Необходимость новой постановки вопроса. В деревне, в частности, определились тенденции к организации сельского хозяйства уже преимущественно на началах экономической целесо-

образности, а в соответствии с этим обнаружилось и стремление к исканию новых, наиболее благоприятных форм землепользования. Так как землеобеспечение значительной части крестьян, при любых формах хозяйствования, оказывалось на старом месте явно недостаточным,—возникает потребность в искании возможности приложить с.-х. труд в ином месте, на новой территории. Отсюда—тяга к выселению и назревание—пока, впрочем, опять-таки в потенции,—переселенческого контингента как первого фактора колонизации. С другой стороны, однако, экономическое расслоение крестьянства не создает к тому особо благоприятной обстановки, ибо постепенно начинает обнаруживаться также процесс концентрации средств производства у крепких хозяев, к выселению же тяготеют попреимуществу маломощные.

Изжитость прошлогодних методов регулирования переселения. Во всяком случае не могло уже быть и речи о сохранении теперь в силе прежнего начала административного вмешательства в область выселенческого процесса—по крайней мере в тех формах и в том объеме, как это считалось необходимым до сих пор. Равным образом самое «переселение» не могло уже мыслиться возможным только по завершении землеустройства целой данной, административно-ограниченной, площади. Затем, государство, отказавшись ныне от прямого вмешательства в земельно-хозяйственный обиход населения, не имело уже оснований попрежнему сохранять за собой обязанность безвозмездно перевозить, питать и обслуживать в пути переселенцев всех категорий и также безвозмездно и везде на равных основаниях отводить им участки. Однако это не должно было, конечно, обозначать, что переселенческий элемент может оставляться на произвол судьбы в местах нового водворения: здесь, в зависимости от степени заинтересованности государства в заселении той или иной территории и от степени трудности освоения последней, требовались, очевидно, к изданию гибкие и жизненные правила как о денежной и материальной (продовольственной, товарной и с.-х.) помощи определенным разрядам переселенцев, так и о льготах и преимуществах всякого рода, в том числе и по землепользованию.

Словом, вся совокупность мероприятий по колонизационно-переселенческому делу, начиная с момента выхода переселенца с его прежнего местожительства (порядок ликвидации хозяйства) и кончая его окончательным устройством на разного местоположения, качества и ценности участке, должна была отвечать совре-

менному течению государственной мысли о развитии в населении инициативы, в целях поднятия производительных сил страны.

Земельный Кодекс. В основе своей вышеизложенное получило законодательное выражение в ст. ст. 18, 21, 222 и 226 Зем. Код., где прежде всего декларируется, что переселение («перемена землепользователем местожительства при отводе ему в особом порядке земли в новом месте, с прекращением ведения хозяйства в прежнем месте») и ходачество являются по общему правилу делом свободным и добровольным и что переселенцам—поскольку переселение производится легально—предоставляются разные, на основании особых узаконений, льготы. Более детальной регламентации переселения в Кодексе не содержится,—нет там указаний и на сущность колонизационной политики, которая, повидимому, должна выявиться в «особом» порядке отвода под переселение земли в новом месте. Впрочем в части III Кодекса в разделе о землеустройстве указывается, что образование «переселенческого» фонда производится по почину землеустроительных учреждений, при чем самый отвод земель для надобности переселения осуществляется либо по особо устанавливаемым для него нормам либо по фактической возможности трудового освоения земель (ст. ст. 166, 169 и 170). Это последнее указание относится, несомненно, к предусматриваемому Кодексом институту трудовой заимки, под которой разумеется «приложение личного труда к свободной земле с целью постоянного ее использования для надобностей с.-х. производства» (ст. 16)—в порядке и в районах, устанавливаемых особой инструкцией.

Недоработанность колонизационной проблемы. Как видно, область колонизационно-переселенческой политики относилась новым законом главным образом к имеющим быть изданными «особым» правилам и инструкциям, т.-е. к еще предстоящему идеологическому строительству. Поле для последнего оказывалось действительно широким, особенно ввиду того, что, независимо от теоретической постановки вопроса, подлинная жизнь давала к тому весьма богатый и многосторонний материал. Голодное переселение, обезлюжение Юго-Востока, земельные неурядицы Сибири на почве скопления там трехсоттысячной армии неустроенных, промышленное оживление Севера Европейской России, безработица, продолжающее быть тяжелым положение нашего сельского хозяйства и промышленности, возникновение иностранной иммиграции и усиление реэмиграции, возникновение специальных колонизацион-

ных обществ (ЕКО), сокращение хлебного экспорта Америкой, особливый со стороны автономных республик РСФСР интерес к дополнениям и изменениям Земельного Кодекса, главным образом в части, касающейся возможного предназначения недостаточно используемых хозяйственно территорий, работа вызванного к жизни в 1921 году Федерального Комитета по земельному делу в области согласования национальных и производственных задач отдельных частей федерации, научно-исследовательские достижения учрежденного в апреле 1922 года Государственного Колонизационного Института, образование Союза Советских Социалистических Республик и вытекающие из этого акта последствия, постановления X Съезда Советов о направлении с.-х. политики, годичный, наконец, опыт осуществления «нового» землеустройства,— вот примерный и далеко, конечно, не полный перечень того, что так или иначе могло повлиять на направление нашей колонизационной политики, при неизменных ее предпосылках—неравномерности освоения и использования всей территории государства и вытекающего отсюда экономического нестроения последнего.

Всероссийское Совещание Землеустроителей. На состоявшемся в начале 1923 года Всероссийском Совещании Землеустроителей колонизационная проблема была, в соответствии с этим, поставлена как «выдвинутая теперь на очередь самой жизнью» и как такая, которая, при отсутствии устойчивых земельных отношений, до сих пор не только не могла быть разрешена, но и поставлена». Ныне же на смену прежних, дореволюционных приемов колонизации, обусловивших собой особую национальную чуткость к этому вопросу со стороны автономных образований, должны явиться, по мысли руководителей Совещания, новые задачи в колонизации, вытекающие из общего экономического положения страны, из состояния сельского хозяйства и т. п. [1]).

В итоге работ Совещания, коллективная мысль его участников направилась по следующему, в трактовке колонизационного вопроса, логическому руслу.

Поднятие сельского хозяйства страны необходимо как в видах укрепления промышленности и транспорта, так и для создания экспортных и сырьевых фондов, в целях оздоровления баланса внешней торговли республики. Основными путями развития и поднятия сельского хозяйства, а следовательно, и путями решения

---

[1]) См. материалы Совещания.

экспортно-сырьевой проблемы следует считать: а) развитие его интенсификации в центральном малоземельном районе и б) создание экстенсивно-рационального хозяйства в многоземельных и окраинных районах. Но интенсификация сельского хозяйства в малоземельных районах встречает ряд трудностей и препятствий, преодоление которых потребует весьма значительного времени. Многоземельные же районы, а также окраины, вследствие значительного запаса в них неиспользованных земельных и вообще природных ресурсов и возможности применения там экстенсивных приемов добычи сырья и продуктов с низкой себестоимостью таковых, представляют собой более благоприятную обстановку и условия как для создания экстенсивного рационального хозяйства, так и для получения сырья и предметов экспорта. При данном экономическом положении многоземельных районов, — их богатых, с одной стороны, хозяйственных возможностях и слабости, с другой, материальных, а иногда и людских ресурсов,—указанные выше задачи могут быть разрешены лишь путем восполнения недостающих на месте ресурсов ресурсами общегосударственными, т.-е. путем осуществления ряда колонизационных мероприятий.

Таким образом сущность колонизационных мероприятий Советской власти мыслилась теперь единственно в развитии и организации местного хозяйства до уровня, диктуемого общими экономическими потребностями федерации, согласованными с хозяйственными интересами районов. Реальным же выражением колонизационных мероприятий на практике признавалась переброска, в необходимых случаях и в подлежащие районы, недостающих там средств и орудий производства (капитала) и людских контингентов извне,— в соответствии с общим планом колонизации. Руководящим при этом общим правилом советской колонизации считалось, во всяком случае, что впредь до обеспечения в районах колонизации элементарных условий и возможности нормального развития хозяйственной жизни—никакие переселения, в отличие от прежней, дореволюционной, системы, не организуются.

Выявив, таким образом, подход к колонизационному вопросу и определив, в основных чертах, сущность и методологию колонизации в современных условиях, Совещание наметило план постановки в некоторых районах предварительных колонизационных работ и заключило свои труды по уяснению колонизационной проблемы признанием необходимости немедленно же мобилизовать все возможные силы и средства для составления государственного

и порайонных планов колонизации, с постановкой необходимых для этого научных и экспедиционных обследований.

Этим было положено начало серьезной проработке колонизационного вопроса как в недрах ведомства, так и в научных кругах (особенно в Государств. Колонизационном Институте), и по линии собственно национальной.

Вопросы колонизации окраинных автономных республик. Выше уже указывалось на те контр-колонизационные и деколонизационные явления, которые имели место, диалектически, в новых автономных образованиях, и на пожелания второго землеустроительного съезда об объединении вопросов земельной политики в едином представительном органе. В соответствии с этим, для согласования всех вообще мероприятий по сельскому хозяйству и землеустройству на территории всей Российской Республики в 1921 году был учрежден «Федеральный Комитет по земельному делу» [1]) из представителей национальных автономных образований и Наркомзема РСФСР.

Конечно, никакому другому учреждению не принадлежало, ни по существу ни по форме, больше прав по выявлению общих основ колонизационной политики, как этому Комитету, но фактически Федеральный Комитет дал лишь свое заключение по общим тезисам Наркомзема и основную свою работу свел в итоге к приспособлению отдельных положений Земельного Кодекса к особым условиям автономных республик и областей,—лишь с попутным, поскольку то дозволял текст этого Кодекса, затрогиванием колонизационно-переселенческой проблемы.

В этой области интересны следующие, вошедшие теперь в Земельные Кодексы соответствующих автономных республик, положения: а) в районах полукочевого и кочевого хозяйства закрепление трудового землепользования производится только в порядке землеустройства и б) порядок и правила землеустройства кочевого и полукочевого населения устанавливаются особыми правилами по особым для отдельных районов нормам. Отсюда следует вывод, что впредь до землеустройства туземного населения образование фондов специального назначения (в т. переселенческого) как будто бы места иметь не должно, хотя возможность этого, по смыслу п. «а» статьи 168, не исключается. Во всяком слу-

[1]) Сначала при НКЗ РСФСР, затем при Президиуме ВЦИК, затем при Наркомнаце, а с ликвидацией последнего—вновь при Президиуме ВЦИК.

чае, центр тяжести колонизационного вопроса и здесь, как и в основном Кодексе, переносится на «особые» правила.

Точно регламентирован здесь лишь порядок заведывания «переселением»: открытие и прекращение переселения в отношении автономных республик и областей устанавливается Президиумом ВЦИК по представлению: для республик — Федерального Комитета, а для областей—НКЗ РСФСР по соглашению с Федеральным Комитетом. Равным образом все особые правила по землеустройству (см. выше) восходят на утверждение Президиума ВЦИК в том же инстанционном порядке.

Тезисы о колонизации. Весь вышеупомянутый опытный и камерально разработанный материал, дополненный еще положениями последнего (1924 г.) совещания земельных работников[1]), определившего колонизацию как «систему мер вовлечения в народно-хозяйственный оборот недостаточно обжитых пространств» и установившего, ввиду недостаточности общематериальных ресурсов страны, такую постепенность колонизации, при которой в первую очередь ей должны подвергнуться лишь районы наибольшего современного экономического значения при наименьших на это дело затратах капитала и труда,— лег, в конечном итоге, в основу окончательной редакции неоднократно за последние 2 года пересоставлявшихся и рассматривавшихся самыми разнообразными ведомствами и учреждениями тезисов «о ближайших задачах Советской власти в области колонизации и переселения».

Эти тезисы, долженствовавшие дополнить и развить собой пропуски и недоговоренности Земельного Кодекса, прошли государственную Плановую Комиссию, Экономическое Совещание РСФСР и 17 октября 1924 года были утверждены, наконец, Советом Труда и Обороны, т.-е. получили, в сущности, силу закона в следующей формулировке:

1. Задачей колонизации должно быть вовлечение в хозяйственный оборот необжитых земель с целью увеличения сельско-хозяйственной и промышленной продукции страны путем рационального как с точки зрения общегосударственных, так и местных интересов расселения и эксплоатации естественных богатств колонизуемых районов.

2. Колонизационно-переселенческие мероприятия должны проводиться на основе общесоюзного плана, устанавливаемого Цен-

---

[1]) См. „К Совещанию Губернских Земельных Управлений". Изд. „Новая Деревня". М., 1924 г. и Бюллетени Совещания (1—6).

тральным Колонизационным Комитетом (Цеколком) при ЦИК СССР.

3. Мероприятия по колонизации и переселению проводятся в следующем порядке очередности: а) землеустройство туземного, кочевого и оседлого населения, б) землеустройство пришлого населения, самовольно захватившего и заселившего земли в колонизуемых районах, и в) заселение остающихся свободными земель колонизуемых районов путем переселения.

4. Помимо условий, указанных в ст. 3, при выборе районов, в которых колонизационные работы должны быть открываемы, в первую очередь предпочтение надлежит оказать тем районам, в которых возможно в кратчайший срок и с наименьшей затратой государственных средств произвести необходимые для переселения работы и достичь наибольшей продукции товаров, необходимых для внутреннего потребления и экспорта, при чем должна быть учтена возможность, по состоянию путей сообщения, вывоза этих товаров.

Далее, в том же постановлении СТО указывается на необходимость согласования плана колонизационно-переселенческих работ с планами государственного и концессионного хозяйственного строительства, в частности железнодорожного, и предуказываются следующие ближайшие мероприятия колонизационно-переселенческого характера: а) охватить этими мероприятиями земли Юго-Востока и Нижнего Поволжья, б) то же в отношении Севера Европейской России (в связи с концессиями и расселением), в) определить колонизационные перспективы Дальнего Востока, Туркестана, Киррреспублики и Башреспублики и г) приступить к земельно-хозяйственному устройству неприписных переселенцев в Сибири и Киркрае.

Этим уже в достаточной мере авторитетно оказываются поставленными основные вехи практической колонизационно-переселенческой советской политики, резко и очевидно отличающейся от дореволюционной и по самому своему существу и по методам. Колонизация ныне, в отличие от дореволюционной, трактуется в качестве, прежде всего, способа развития производительных сил нуждающихся в этом местностей.

Вопросы выселения, т.-е. вопросы центра, отодвигаются на второй план, при чем здесь мыслится предварительное обоснование допускаемой или поощряемой эмиграции обследованием и выявлением гнезд относительной перенаселенности,

Вопросы колонизационного фонда трактуются в совершенно новой, чем прежде, плоскости. Прежде — землеустройство местного населения и внутренняя, в пределах районных границ, колонизация, и лишь затем — допуск иммигрантов извне. Техническая оборудованность фонда и его месторасположение близ рынков либо путей сообщения, ставится в виде общего, обязательного правила.

Экономически колонизация предполагается осуществимой лишь там и тогда, где и когда будут обеспечены для ее осуществления должные средства, путем сочетания средств как государственных, так и сил и возможностей самого, главным образом, кооперированного, населения. Не исключается возможность допущения и концессионных начал в этой области.

Для автономных республик признается приемлемой вышеприведенная концепция колонизационных мероприятий как способ, между прочим, экономической помощи от центра, при полной обеспеченности в первую очередь интересов туземного населения.

В организационном отношении все колонизационное дело, ввиду его общегосударственного значения и связи с земельными фондами, централизуется в ведении Комиссариата Земледелия. С другой стороны, ввиду постановки конкретных колонизационных мероприятий в зависимость от интересов данной местности, операции районных колонизационных управлений подчиняются контролю местной власти. Наконец, вследствие переплетения в колонизационном деле интересов многих ведомств, деятельность колонизационных органов Наркомзема направляется, как в центре, так и на местах, высшим междуведомственным соединением (Цеколкомом), при чем в отдельных случаях не исключается, повидимому, возможность включения этих органов в состав тех государственных специальных (НКПС, ВСНХ и т. п.) организаций, которые, на началах синдицирования или трестирования, более или менее монопольно осуществляют в данном районе хозяйственные функции (напр. железные дороги). Во всяком случае колонизационному воздействию в организационном отношении должны подвергнуться, с одной стороны, целые территории, допускающие колонизацию априорно, с подчинением там всех мероприятий по организации сельского и вообще народного хозяйства началу объединенности, и с другой—отдельные местности в пределах обжитой полосы, исключаемые из сферы влияния общих районов Наркомзема.

Экономические перспективы колонизации имеют развертываться по мере их материального и организационного обоснования. Аграрная, в частности, реформа создает к тому необходимые предпосылки, главнейшею из которых оказывается общее для всего населения страны стремление к развитию и интенсификации своего хозяйства. Поскольку такое стремление совпадает с неотложно необходимым укреплением хозяйственной мощности тех районов, усиление производства которых диктуется общегосударственной потребностью в данный, ближайший момент, и поскольку материально и организационно удается сочетать это стремление с общим планом развития производительных сил, постольку экономический эффект колонизации обеспечивается. В частности, потребность в сырье и современное состояние Нижнего Поволжья, Севера и Северо-Кавказской области, европейской части РСФСР и Туркестана дают к тому реальные гарантии.

Политические перспективы такого рода колонизации также, несомненно, благоприятны. Экономическая эволюция деревни в условиях новой экономической политики может повести к пролетаризации или полупролетаризации множества крестьянских хозяйств, получивших в результате революции землю либо в совершенно недостаточном количестве либо в количестве, во всяком случае несоответствующем возможности использовать эту землю, по недостатку средств производства, надлежащим образом. Отток этого элемента в обрабатывающую промышленность—особенно местную, в соответственных количествах в ближайшем будущем неосуществим. Совхозы и колхозы на месте также не впитают в себя сколько-нибудь значительной части этого беднейшего слоя деревни. Таким путем колонизация неизбежно должна явиться действительным, в дополнение к другим, средством противопоставления могущим развиться в деревне центра мелкобуржуазным отношениям—коллективных форм хозяйствования в районах колонизации и сосредоточения там, таким образом, надлежаще сорганизованных кадров соответственно расслоенного и пополненного городским элементом крестьянства.

В этом, при современных условиях,—специфическое значение колонизации как крупнейшего социально-политического мероприятия, способного достичь, одновременно, и быстрого поднятия производительных сил подлежащих районов. И в этом, именно—связь колонизации с аграрной реформой.

Современный масштаб работ. В заключение, небезынте-

ресно сопоставить вышеочерченную идеологическую сторону вопроса с масштабом фактически выполняемых операций [1]).

Ныне, с завершением регулирования всякого рода случайных передвижек, работа НКЗ в области колонизации и переселения считается перешедшей к плановым мероприятиям по подготовлению колонизационного фонда и по переселению крестьян из одних губерний в другие. На ту и другую надобности, включая сюда и выдачу ссуд переселенцам, в последнем операционном году было отпущено около 500 000 р. (из них 373 тыс. на ссуды), что составляет в % отношении к отпуску, по тем же разделениям, 1913 года:

	%%
На заготовку колонизац. фонда	4,4
„ организацию переселения	3,2
„ ссуды переселенцам	3,6,

а в общем итоге — 5,7% отпуска 1913 года (против 0,3% в 1922/23 году). Отсюда ясно, что масштаб операций не мог оказаться значительным. А именно, за отчетный год: а) обследовано колонизационных фондов по Нижнему Поволжью и Юго-Востоку — около 4 милл. десятин, б) заготовлено под переселение (съемка и отграничение) в тех же районах — 275 000 десятин, в) переселено в те же районы около 7 000 человек (против 39 000, намеченных по плану работ) [2]).

Таким образом практические колонизационные мероприятия сосредоточены сейчас лишь на территории Нижнего Поволжья и Юго-Востока. В остальных местностях «фондовых» работ не ведется, и переселение почитается не открытым. В 1924/25 году НКЗ предполагал развернуть работы по использованию, помимо нижне-волжских и юго-восточных, также и земель Сибири, Дальнего Востока и Урала, общей емкостью в 125 000 душ долей. Контингент засельщиков определится, повидимому, в результате

[1]) Смотри отчет о деятельности Отдела Переселения и Колонизации за 1923/24 год.

[2]) Здесь особенно интересно отметить, что, помимо указанных 7 тыс. „плановых“ переселенцев, вне плана, но с разрешения власти, проследовало переселенцев в разных направлениях 20 тыс. чел. и самовольцев (зарегистрированных) — 35 тыс. чел. Таким образом плановое переселение охватило лишь 11% всего переселенческого движения, а самовольное — 57%. И еще одна характерная черта: самовольцев прошло в Сибирь около 11 тыс., а из Сибири — 18 тыс.; в нижнее Поволжье и на Ю.-В. в прямом направлении 3 тыс. и в обратном — столько же (почти 100% от планового переселения).

производимых теперь, по просьбе НКЗ, Государственным Колонизационным Институтом работ по определению размеров избыточного труда в наиболее характерных в этом отношении районах.

Особо в ряду колонизационных мероприятий стоит иммиграционное дело, под которое отведено до 200 000 десятин земли в разных районах. До сих пор реализовано в этом направлении около 8 000 десятин. Групповых, из разных стран, заявок на иммиграцию зарегистрировано 43 (50% из Германии).

Мурманская железная дорога обследовала в колонизационных целях за 1923/24 год около 30 000 дес. и на 3 000 дес. образовала переселенческие участки.

Основным оперативным аппаратом НКЗ по колонизации оказывается теперь, за ликвидацией Северной колонизационной экспедиции [1], «Поволжская» колонизационная экспедиция с все более и более расширяющимся районом влияния. Ее задача—объединить все вообще работы по колонизации в Юго-Восточном районе.

Новейшие законодательные акты. Из законодательных актов последнего времени, дополняющих и развивающих в том или ином отношении постановления Земельного Кодекса в части переселения и колонизации, должны быть отмечены:

1) Декрет ВЦИК и СНК от 20 июля 1922 года о льготах для переселенцев и расселенцев (по налогам, воинской и трудовой повинности);

2) постановление СНК РСФСР от 2 марта 1924 года об изменении и дополнении указанного выше декрета (части единого с.-х. налога);

3) постановление СНК РСФСР от 20 июня 1924 года о возложении медико-санитарного обслуживания переселенцев на Наркомздрав;

4) постановление СНК РСФСР от 11 августа 1924 года об утверждении положения о переселенческих товариществах;

5) постановление СНК РСФСР от 18 октября 1924 года:

а) о предоставлении права НКЗ разрешать внеплановые переселения отдельных групп в порядке доприселения (к старожилам), аренды и устройства на госфонде и б) о сохранении за переселенцами их участков земли в местах выхода на срок до одного севооборота (по ст. ст. 18 и и 28 Зем. Код.);

---

[1]) С 1 ноября 1924 года—ввиду выполнения задачи. Составлен „план колонизации Севера".

6) постановление СНК РСФСР от 24 октября 1924 года о сроках сохранения земли за зачислившими ее, в порядке переселения, лицами.

Общие правила о колонизации и переселении, предусматривающие кодификацию ранее изданных, и особый порядок образования и заселения переселенческих фондов находятся в периоде утверждения.

Наконец 1925 год характеризуется уже широким развитием плановых начал в переселенческом деле.

Составляются порайонные планы развития последнего. Производится учет свободных земельных фондов и заявок на переселение из районов с избыточным трудом в сельском хозяйстве. Издается постановление СНК РСФСР о плановом переселении, устанавливающее контингент переселенцев, подлежащих поселению в колонизационных районах, в 145 тыс. человек, с указанием этого контингента по губерниям выхода и предстоящего водворения. Формируется Центральный Переселенческий Комитет из представителей союзных и автономных республик и ведомств РСФСР для всестороннего и междуведомственного планирования мероприятий по переселенческому и колонизационному делу. На ближайший период времени открыты для переселения районы: Сибирь, Дальний Восток, Уральская обл., европейский север РСФСР, Поволжье. Выдвигаются на очередь процессы внутриобластных внутренних переселений, предначеченные во всех национальных республиках и особо в некоторых областях, как, например, и в главнейшей степени в Северо-Кавказском Крае.

ГЛАВА VIII.

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ЭМИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ.

Как указано выше, социальные миграции не являются только плодом русской жизни, но имеют всеобщее значение, будучи свойственными в той или иной степени историческому процессу любой страны. Отмечено также для периода новейшей истории особое усиление этих процессов в XIX—XX столетиях уже в широком международном масштабе с огромным развитием заокеанской эмиграции.

Из приведенных выше цифровых данных легко усмотреть и очаги движения и кривые развития его.

Для общей ориентировки могут служить следующие сведения (см. таблицу на стр. 94 и 95).

В числе стран эмиграции мы находим и страны преимущественно сельскохозяйственные (Италия, Австро-Венгрия, Ирландия) и страны преимущественно промышленные (Англия, Германия). Если цифры европейской эмиграции мы будем рассматривать хотя бы по десятилетиям, то установим без труда *тенденцию роста эмиграции для стран сельскохозяйственных и обратную тенденцию для стран промышленных.*

В приводимых выше данных учитывается лишь эмиграция *за океан*, но не следует забывать, что нужно принимать во внимание также переселения *внутри Европы* из одного государства в другое.

В русском переселенческом движении мы тоже можем усмотреть различное эмиграционное значение промышленных и сельскохозяйственных округов. Эту разницу мы уже видели выше на примерах переселенческого движения, с одной стороны, и особенно из черноземной области, с другой же—из Промышленного Центрального, Ленинградского и Польского районов. Чем ярче выражен был индустриальный характер области, тем меньше были

размеры его эмиграционных потоков. Во всех районах, где выявлен сельскохозяйственный их характер, происходят усиление абсолютного размера эмиграционных потоков и ускорение темпа развития переселенческого движения из районов, по тем или иным историческим причинам позднее вовлеченных в русло этого движения.

История развития переселенческого движения из отдельных районов усматривается из следующих данных (см. табл. на стр. 96 и 97).

Само собой напрашиваются выводы о разной силе устойчивости населения в промышленных и сельскохозяйственных областях вообще и о большей склонности к переселению сельского населения стран с мало развитой индустрией. Здесь чувствуются какие-то свои «законы» народонаселения, свои «нормы населенности», изменяющиеся вместе с уклонами народного хозяйства в сторону промышленности или сельского хозяйства. Эти нормы населенности, вытекающие из свойств экономического строя, соответствуют разной емкости территории при различных направлениях экономического развития.

Поскольку емкость территории явление социальное, она представляет величину меняющуюся и зависит от ряда экономических причин, среди которых особенно выделяются: 1) степень интенсификации земледелия, 2) уровень потребностей населения данной эпохи и области, 3) степень общественного разделения труда, что является синонимом развития промышленности и менового хозяйства и, больше всего, развития внешних и внутренних рынков, т.-е. мирового хозяйства. Поскольку каждый хозяйственный строй имеет свой уровень интенсификации сельского хозяйства, свой уровень потребностей населения и свою степень разделения общественного труда и рыночных отношений, постольку мы находим различную плотность населения и различную способность территории к усилению ее емкости и, следовательно, увеличению плотности. (Это наглядно выражено в явлениях роста емкости больших городов современности.)

Таким образом всегда находящаяся в движении, всегда меняющаяся емкость территории, ее поглощательная способность как продукт социальных условий влияет на изменения плотности, даваемой первоначально географическими условиями (прежде всего—почти неподвижными—климатом и почвой). Исторические конкрет-

Эмиграция за океан из

Страны выхода.	1871—1875	1876—1880	1881—1885	1886—1890
	Периоды			
	по пятиле			
	(вар. 519 т.)	(вар. 276 т.)		
Германия	394.814	231.154	857.287	485.136
Австралия	48.514	51.044	99.823	113.764
Венгрия	3.843	12.605	69.159	110.691
Великобритания и Ирландия	969.537	709.382	1.292.309	1.266.226
Франция	41.627	14.868	25.482	93.737
Бельгия	—	—	15.212	25.058
Швейцария	18.152	17.583	50.492	34.174
Италия (постоян. эмиграция)	ок. 100.000	138.136	310.849	626.922
Португалия	60.548	57.823	82.831	100.483
Нидерланды	—	—	28.134	24.307
Швеция	42.054	60.457	147.619	179.886
Норвегия	45.142	40.244	105.704	80.984
Дания	23.409	15.157	38.627	42.988
Россия (без Финляндии).	32.917	40.052	148.590	175.946
Финляндия	—	—	26.790	
Испания	—	—	377.820	
Балканы	—	—	—	
Чехо-Словакия	—	—	—	
Польша	—	—	—	

[1]) Составлено по официальным и новейшим, но неполным данным и может слу-

государств Европы [1]).

времени.						За 4½ года
1891—1895	1896—1900	1901—1905	1906—1910	1911—1915	1916—1920	1921—1924
тиям.						
402 567	127.308	196.540	133.105	79.410	11.935	241.334
204.390	211.506	463.811	649.975	405.411	—	38.000
100.065	159.718	511.509	726.530	306.621	—	8.000
978.574	764.230	1.170.839	1.647.600	1.603.585	505.305	1.067.228
67.000		55.655	84.415	57.120	—	—
14.857	13.411	17.732	23.117	27.000	10.000	15.688
27.489	14.435	24.312	25.650	23.420	14.765	34.339
682.159	760.353	1.519.285	1.908.465	1.561.230	380.547	858.100
153.301	112.184	127.340	197.835	270.240	—	148.000
16.508	6.276	11.875	16.130	10.370	11.355	20.099
125.438	78.678	147.678	109.995	63.960	22.660	56.528
55.376	33.837	114.225	76.635	44.550	16.970	43.443
37.666	13.845	36.779	36.635	35.290	16.315	29.623
246.432	258.858	658.735	948.570	612.156	—	—
59.050		90.760	77.775	50.670	16.680	38.601
387.800		377.735	713.165	831.295	419.497	444.000
—		101.926	237.275	150.573	—	—
—		—	—	—	—	77.218
						1919/1923 г.
—		—	—	—	—	330.000

жить лишь для общей ориентации.

Прямое движение семейных переселенцев в Сибирь по губерниям выхода.

Губернии выхода.	Число душ обоего пола переселенцев.						
	За 35 лет 1885—1914 г.	1885—1889 г.	1890—1894 г.	1895—1899 г.	1900—1904 г.	1905—1909 г.	1910—1914 г.
Курская	308.575	36.103	39.386	48.463	24.876	126.965	32.782
Тамбовская	198.043	7.389	38.579	41.848	11.291	61.830	37.106
Пензенская	114.447	1.108	8.187	37.772	7.655	26.985	32.740
Орловская	161.419	2.882	7.561	43.402	9.008	73.510	25.056
Черниговская	294.561	876	15.943	72.823	31.732	134.519	38.668
Тульская	39.197	44	1.718	17.556	2.030	10.654	7.195
Рязанская	63.734	451	14.184	15.362	2.237	20.315	11.185
Весь Северо-Черноземный район.	1.179.946	48.953	125.458	277.196	88.829	454.778	184.732
Полтавская	421.854	3.186	45.804	79.404	59.394	152.422	81.644
Харьковская	220.018	4.854	8.470	24.312	25.278	90.984	66.120
Воронежская	237.461	1.440	29.516	29.342	17.724	114.426	45.013
Весь Средне-Черноземн. район	879.322	9.480	83.790	133.058	102.396	357.832	192.777
Киевская	187.913	—	46	10.308	15.156	122.937	39.466
Подольская	77.221	—	—	785	7.981	39.708	28.747
Волынская	59.545	—	—	3.703	5.737	30.026	20.079
Весь Юго-Западн. р.	324.679	—	46	14.796	28.874	192.671	88.292
Бессарабская	52.836	—	—	1.54[illegible]	2.764	26.185	22.344
Екатеринослав	202.660	—	49	7.762	22.645	84.636	87.568
Херсонская	156.708	—	3	11.529	18.606	50.527	76.043
Таврическая	122.542	—	59	3.194	14.483	57.328	47.478
Донская	53.378	—	26	4.001	4.395	27.245	17.711

Астраханская	2.664	—	11	497	138	967	1.051
Весь Южно-Степн. р.	590.788	—	148	28.526	63.031	246.888	252.195
Казанская	51.505	2.543	7.439	5.051	1.563	10.403	24.506
Нижегородская	16.353	965	5.316	2.175	1.072	3.768	3.057
Симбирская	45.315	198	5.661	11.063	2.988	10.024	15.381
Саратовская	100.228	378	11.038	16.576	6.512	41.253	24.471
Самарская	156.976	1.904	4.778	42.723	8.382	65.703	33.486
Уфимская	47.880	—	28	5.225	2.539	14.043	26.045
Оренб. и Уральск.	26.783	—	14	1.767	809	11.133	13.060
Вост. и Юг.-Вост. р.	445.040	5.988	34.274	84.580	23.865	156.327	140.006
Гродненская	27.136	61	436	7.252	5.485	7.340	6.562
Виленская	38.381	15	119	8.977	11.958	13.375	3.937
Ковенская	3.662	—	—	828	408	2.007	419
Могилевская	214.936	310	145	18.168	37.567	121.640	37.106
Витебская	141.882	1.341	85	22.827	30.731	67.396	19.502
Минская	87.715	203	409	9.704	13.694	51.312	12.393
Весь Западный р.	513.712	1.930	1.194	67.756	99.843	263.070	79.919
Промышленн. р.	88.641	441	33	12.771	7.315	52.120	15.961
С.-Вост. Заволжск. р.	207.647	17.113	38.418	26.213	18.127	49.716	58.060
Северо-Западн. р.	31.200	—	—	3.502	4.749	16.476	6.473
Прибалт. р.	23.689	—	4	6.429	3.655	9.778	3.823
Северный р.	16.074	—	10	1.793	3.024	9.129	2.118
Польский р.	11.511	—	—	740	1.230	6.371	3.170
Кавказский р.	52.708	—	—	1.388	2.078	18.650	30.592

ные цифры плотности, таким образом, определяются в итоге то друг другу содействующих, то противодействующих географических и экономических факторов. Этот момент приходится учитывать как при объяснении случаев эмиграции, так и при выяснении колонизационных процессов. Отсюда мы и видим, что плотность населения не представляет самодовлеющей категории, а отвечает той или иной системе народного хозяйства, при которой географические условия действуют на повышение или понижение величины плотности. Отсюда мы слышим о низшем и высшем пределах плотности, о ее «нормах» при разных системах хозяйства, например: при кочевом пастушеском хозяйстве от 0,7 до 1,8 чел., на 1 *кв. км.*, в состоянии переходном от кочевого к земледельческому — от 3,4 до 8,9 чел., при трехпольном севообороте — от 17,7 до 35 чел., при интенсивном земледелии и развитой промышленности в средней Европе — до 106 чел. и в областях специальных культур (например Италия, Ява, Китай) — даже до 177 чел. Повышение плотности сверх этих пределов создается или дальнейшей интенсификацией хозяйства или понижением уровня потребностей населения; первое свойственно средней Европе и Англии, второе мы знали о целом ряде областей прежней России в пределах современных РСФСР и Украины. Яркое повышение плотности населения в конце XIX и в начале XX века мы видели, например, в Германии, где под влиянием развития индустрии и менового хозяйства происходил огромный рост городской жизни и изменялся самый характер потребления и уровня потребностей германского населения. Так, для той же Германии, где, по данным профессиональной переписи 1907 г., в промышленности и торговле занято уже 56% населения, за время с 40-х годов XIX века и до 1909 г. выросло потребление на одну душу населения одних колониальных продуктов по хлопку в 20 раз, по кофе и какао в 4 раза, по рису в 15 раз, южных плодов в 51 раз. Это указывает не только на рост городов и городского потребления, но также и на «урбанизацию» потребления немецкой деревни, а следовательно и на реорганизацию производства этой деревни. Такое повышение плотности населения в начале XIX века в то же время сопровождается уменьшением эмиграции, т. е. сокращением % избыточного населения.

Другой случай повышения плотности населения мы можем наблюдать в Италии, стране сельскохозяйственной до послед-

него времени. Здесь пшеничная продукция даже отстала от роста населения, так что Италия превратилась даже в страну зернового импорта и в то же время в страну наибольшей в Европе эмиграции. В то же время в Северной Италии с ее развитой промышленностью мы наблюдаем повышение интенсивности сельского хозяйства, рост урожайности, поглощение промышленностью избыточных для сельского хозяйства рук и, как следствие, не столь высокий процент эмиграции, как из Южной Италии. Еще более яркую, вплоть до вымирания в критические годы неурожая, картину развития чрезмерной плотности — перенаселение — мы наблюдаем в Китае и Индии, странах в целом пока сельскохозяйственных.

Следовательно, — огромная разница, происходит ли повышение плотности населения при повышении доли потребляемых сельским населением продуктов (тип индустриальный) или при понижении его потребностей (тип аграрный). С этой точки зрения, когда К. Маркс («Капитал», т. III, ч. I, стр. 34) говорил, что «если сельское население значительно преобладает над городским, то, следовательно, капиталистический способ производства относительно мало развит, а потому и в других отраслях производства концентрация капиталов вращается в узких границах», то этим он утверждал, что гипертрофия мелкого крестьянского населения в общем составе народонаселения есть показатель экономического недоразвития общества, а потому и источник для эмиграции.

В то же время высокий уровень производительности труда и повышенный уровень потребностей, при данной системе хозяйства, могут стать настолько привычными, постоянными, могут так «нормализироваться» в глазах населения, что сильное повышение плотности населения в такой высоко индустриальной стране может стать непосильным для страны и потому будет побуждать образующееся здесь «избыточное» население, хотя бы и небольшое, к эмиграции. Такой пример мы видим в Англии с ее все еще высокими размерами эмиграции, с интенсивным (ныне) сельским хозяйством и с весьма развитой промышленностью [1]).

---

[1]) Сходную картину мы находим в ряде европейских стран (Швейцария, Дания, Германия), где эмиграция существует на-ряду с настолько рациональной интенсификацией крестьянского хозяйства, что в нем она сопровождается ростом производительности труда довольно высокого темпа. Так, в швейцарских

Во всяком случае характер и размеры эмиграции весьма зависят не только от того, происходит ли в стране интенсификация земледелия, но и от того, происходит ли повышение этой интенсификации рационально под действием хозяйственных факторов эволюции (повышение производительности единицы труда), как то имеет место в индустриальных районах, или на основе простого органического уплотнения населения (размножения), как то происходит, например, в Китае и Индии.

Было бы, конечно, неправильно все случаи эмиграции выводить из состояния сельского хозяйства. Эмиграция существует и из стран индустриальных и из промышленных округов страны в целом сельскохозяйственной. Эта эмиграция промышленных рабочих особенно связывается во времени с развитием промышленных кризисов, когда резерв промышленной армии пролетариата благодаря создавшейся безработице достигает крайних пределов. Так было, например, в Англии в 1827—1833 г. г., когда введение прядильных машин, революционизируя производство, привело к безработице и эмиграции, а в конце 30-х годов того же века такую же роль исполнил механический станок-сучитель. Для нашей страны эти явления носят, скорее, академический интерес, ввиду сельскохозяйственного характера наших переселений, но о русской эмиграции за океан уже нельзя говорить, что она была чисто сельскохозяйственной, между тем за последние 100 лет из России в одни только Соединенные Штаты ушло 2 милл. чел. В других же странах промышленная эмиграция занимает очень видное место. Это можно видеть наглядно из данных американской статистики. Так, в 1905 г. в Соединенных Штатах среди 1 026 тыс. зарегистрированных иммигрантов этого года на долю рабочих промышленности и ремесленников приходилось 444 тыс., т. е. 43%.

Кроме случаев переселений, явно вытекающих из условий народного хозяйства и состояния отдельных его отраслей, можно отметить случаи стихийных бедствий, в особенности неурожаев, влекущих за собой переселения, часто больших размеров. Для России мы уже отмечали влияние неурожаев на размеры переселений. Даже Франция, знающая у себя лишь незначительную

крестьянских бюджетах мы усматриваем: за один и тот же период — рост чистого остатка продукции в 6 раз, затрат капитала в 3 раза, а затрат труда только на 37%. Несомненен рост трудоинтенсивности, но особенно капиталоинтенсивности и повышения уровня потребностей при умеренной эмиграции.

эмиграцию, переживала рядом с экономическими потрясениями вспышки эмиграции, например, в 1870-х годах благодаря опустошениям филоксерой и другими вредителями средиземноморских департаментов южной Франции. Однако причины этих бедствий в значительной степени зависят от экономических условий, и усиленная эмиграция на почве этих бедствий есть явление столь же закономерное, как и миграция обычных лет.

Таковы экономические факторы, влияющие на норму населенности и на размеры эмиграции. Рядом с этим полезно вспомнить такие географические факторы, которые ограничивают или усиливают действие факторов экономических, как: распределение теплоты, влажность климата, обилие или отсутствие рек, расстояние от моря, плодородие почвы. Землеведение позволяет уже нам установить для определенных: средней годовой температуры, высоты над уровнем моря, количества осадков—отдельную для каждой такой средней нормальную плотность населения.

Раз норма населения определяется сложным воздействием как географических, так и экономических факторов, то не представится удивительным, если мы скажем, что высокие размеры плотности населения не ведут автоматически к развитию большой эмиграции.

Наглядное тому доказательство можно усмотреть из следующих данных:

Страны	Колич. жит. на кв. км	Относ. числа эмигрантов к числу наличн. насел. на 1 000 жит. за 1891—1900 г.г.
Бельгия	251,8	3,5
Англия и Уэльс	251	3,6
Голландия	200,7	0,5
Германия	126,7	1,0
Италия	124,8	5,0
Швейцария	94	1,4
Австрия	78	1,6
Венгрия	85,9	
Дания	66	2,2
Франция	71,2	0,2
Португалия	65,6	5,1
Шотландия	63	4,4
Ирландия: а) Своб. гос.	45,6	10,1
б) Ульстер	92,1	
Испания	42,2	2,1

Едва ли возможно из таких данных усмотреть прямую зависимость размеров эмиграции от высоты плотности населения. Не подлежит сомнению, что размеры эмиграции зависят от всего комплекса географических и экономических условий, и лишь при сходстве последних действие плотности населения на образование избытков населения и на их отлив из страны становится решающим фактором.

Какое же влияние имеет эмиграция на уменьшение прироста населения в стране?

Для ответа на этот вопрос необходимо сопоставление цифр переселений с цифрами естественного прироста.

В целом эмиграционное движение не влияет сколько-нибудь существенно на величину фактического прироста населения европейских стран. Так, если мы для каждой из стран возьмем периоды наибольшей из них эмиграции, то она не составит значительной величины по отношению к естественному приросту. Это ясно видно из следующей таблицы, данные которой относятся к 90-м годам XIX века.

Страны.	В среднем выводе на 1000 чел.	
	Перевес рождений	Эмиграция
Австрия	9,7	1,43
Германия	14,7	0,47
Италия	10,0	5,19
Англия	11,6	3,03
Ирландия	4,4	11,00
Норвегия	14,5	3,15
Швеция	10,8	2,47
В средн. в Европе.	11,1	1,7

Для года, к нам наиболее близкого (1910 г.) из числа обследованных и освещенных в литературе, мы встречаем такое соотношение естественного прироста и эмиграции:

Страны.	Естеств. прирост на 1000 жит.	Эмиграция на 1000 жит.
Италия	13,9	18,7
Шотландия	10,5	16,8
Ирландия	6,2	11,3
Португалия . . .	17,02	10,0
Испания	9,8	9,8
Норвегия	12,5	8,0
Англия и Уэльс .	11,4	7,1
Венгрия	12,1	5,8
Швеция	10,8	5,0
Австрия	11,3	4,9
Бельгия	8,5	2,9
Швейцария	9,9	1,4
Германия	13,6	0,4

Как явствует из этой таблицы, лишь Италия, Шотландия и Ирландия имели перевес эмиграции над естественным приростом, при чем это явление для Италии мы находим лишь с 1905 г., для Шотландии только с 1910 г., но зато для Ирландии — с 70-х годов прошлого века. Перевес эмиграции над естественным приростом наблюдался еще в отдельных местностях Германии (Померания в 1881 и 1882 г. г., Гольштиния в 1881 г., Западная Пруссия в 1881 г., Мекленбург-Шверна в 1882 г.). В России такие явления в русском переселенческом движении наблюдались лишь в отдельные годы и то лишь для волостей, для уездов же известны случаи по Полтавской губ. в 1894 г. для одного уезда, в 1895 г. для одного уезда и для четырех уездов в 1896 г. В общем русское переселенческое движение поглощало не более 30% естественного прироста. Отдельные губернии, выделяющиеся по величине эмиграции, легко усматриваются из предыдущего изложения и таблицы на стр. 96 и 97.

Правда, было бы недостаточно судить о роли миграционных процессов в деле образования народонаселения по одним цифрам эмиграции: есть параллельный процесс вселения в те же эмиграционные страны. Поэтому правильнее учитывать не просто число эмигрантов на 1 000 чел. населения, но лучше брать ежегодную потерю от переселений (разница между цифрами вселения и выселения), но и она будет скромной. Об этом говорят также данные для Европы,

Годы.	Цифра ежегодного выселения на 1000 жит.	Ежегодная потеря от переселений (перевес выселения над вселением на 1000 жит.).
1861—1870	1,2	1,3
1871—1880	1,1	0,9
1881—1890	2,1	1,7
1891—1900	1,7	1,2
1901—1910	2,9	—

В качестве важных демографических последствий переселений нужно указать влияние переселений на рождаемость. Ряд исследователей указывает на рост населения после сильной эмиграции на примере Англии за время 1841—1880 г. г. Зато тот факт, что по полу и возрасту среди переселенцев преобладают мужчины в рабочем возрасте (у мужчин 20%, у женщин 18%), должен говорить против этого вывода как всеобщего. В германской статистике в годы наибольшей эмиграции отмечался относительный прирост населения в детском возрасте по сравнению с приростом взрослого населения. Кроме того и уход в эмиграцию мужчин в большом проценте, чем женщин, и относительно больший процент мужчин среди переселенцев-одиночек, создают неправильное соотношение полов, которое затрудняет брачность, а потому и рождаемость. Однако за последние годы в некоторых странах наблюдается преобладание женщин в составе эмиграции (Ирландия), или наблюдается к этому тенденция (Германия). Повидимому в конце концов нужно признать понижение брачности и рождаемости под влиянием переселений в качестве общего правила. Но не надо забывать, что брачность и рождаемость слагаются в своих особых условиях, при которых эмиграция может и не оказать на эти процессы влияния. В самом деле, статистика рождаемости указывает такие линии понижения рождаемости в европейских странах, какие зависят от различных экономических причин и не стоят ни в какой связи с размерами эмиграции; законы размножения складываются весьма различно для разных классов общества, для городов и деревень, для разных округов, и если даже не только цены на хлеб, но и на уголь, и высота налогов расцениваются как регуляторы рождаемости, то проследить действие эмиграции в этом вопросе исключительно трудно [1].

[1]) Особенно интересный материал по этому вопросу находится в изданиях: 1) Гольдштейн. Проблемы населения во Франции (1903), 2) Нитти. Народонаселение и общественный строй.

Нормы населенности и законы образования избыточного населения далеко не установлены и могут сложиться в прочные выводы лишь после целого ряда работ. Запасы труда в сельском хозяйстве, статистика угодий и землепользования и учет перспектив их развития, учет вероятной эволюции наших систем сельского хозяйства и степени трудоемкости современного сельского хозяйства должны дать основания для исчисления избытков труда в сельском хозяйстве и потребности в миграциях сельского населения. Эти вопросы, однако, находятся еще в стадии исследования.

Таким образом эмиграция и внутренние переселения при тех сравнительно умеренных размерах, какие они принимают, не вызывают, по общему правилу, уменьшения народонаселения в стране или области, и потому демографическое их значение не так уже грандиозно, равно как эмиграция, даже весьма значительная, не делает еще хозяйственной революции.

В то же время они происходят и развиваются вне воли людей и государства, вытекая из экономического состояния страны и отвечая уровню народного хозяйства, в особенности сельского, т. е. происходят закономерно, поддаваясь в той или иной степени лишь регулированию со стороны государства. Поэтому правильно в общем и целом изречение: «Влияние эмиграции на здоровье социального организма подобно влиянию кровотечения из носа на здоровье человека; как кровотечение это не обессилит здорового организма и не предотвратит апоплексии, так и эмиграция не обессилит страны и не предохранит ее от влияния избытка населения» (Леруа-Болье) [1].

---

[1]) Leroy-Beaulieu. La colonisation chez les peuples modernes, v. II, p. 448.

ГЛАВА IX.

ЗАКОНОМЕРНОСТИ КОЛОНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ.

Существует изречение: «Если люди стекаются в богатые и благоприятные для промышленности страны со слабым, вследствие каких-нибудь причин, населением, то это так же естественно, как и то, что сжатый воздух устремляется в слои воздуха разреженного». (Берк, цит. по Леруа-Болье) [1]).

Прежде всего необходимо выяснить географические пределы такого постоянства: не во всякую страну и не в любом направлении может итти колонизация.

Колонизационное продвижение развивается по общеизвестному закону: с возможно меньшими затратами к возможно бо́льшим результатам. Естественно, что густые леса, горы, пустыни или моря — серьезнейшие препятствия для развития колонизации. Отсюда — повсюду осуществляется в первую очередь заселение речных долин и горных перевалов; недаром было сказано, что колыбель цивилизации — «великие исторические реки» (Л. Мечников). Достаточно указать: на роль древних Нила, Тигра и Евфрата и на густоту населения в их долинах; на Дунай, по долине которого прошли десятки народов с Востока для того, чтобы, в конечном счете, образовать современные государства Средней Европы; на альпийские проходы, позволившие в течение веков смешение народов на территории древнего Рима; на значение р. Лаврентия и Великих Озер в Северной Америке; на наши Верхнюю Волгу, Оку, Северную Двину и пр. В новое время значение морей, рек и горных перевалов сводится к гораздо более скромной роли среди препятствий колонизации благодаря развитию парового транспорта, особенно железных дорог.

---

[1]) Там же, стр. 497,

Что лес был и является серьезным препятствием при переселениях, устанавливается на примерах колонизации различных народов Европы. Так, прежнее переселение в Европе шло с востока на запад, избегая лесов, по Дунайской долине до Швейцарии и от Эльбы в северную Францию через Саксонию и Бельгию; и в Сибири переселенческое движение двигалось в полосе, окаймляющей с юга тайгу.

Что особо способствовало колонизации среди географических факторов?

В ряду их особое значение приобрел климат. Установлено, что переселение направляется легче всего по линиям изотерм, особенно зимних. Так, тропические народы не обнаруживают никакого стремления к переселению в более умеренный климат. Люди стремятся при переселении попасть в климатические условия, сходные с прежними. Правда, встречаются случаи переселения жителей из более холодных округов в более теплые, но только если невелика разница обоих климатов. Достаточно указать на массовое переселение в V веке болгарского народа с Волги на Дунай, на равнины Италии, захваченные «победителями»—германцами, на постоянные захваты черноземных степей России и равнин Китая кочевниками.

Решающее значение имела почва. История расселения народов свидетельствует, что в древнее время особенно энергично оно продвигалось по лесу Рейнской долины и других местностей средней Германии и Галиции, по глинистым холмистым районам средней Франции и Богемии. В русском переселенческом движении всегда наибольший наплыв переселенцев направлялся в черноземные районы (Алтай, северная Киргизия, часть Тобольского округа). Европейская археология доказала, что еще в эпоху свайных построек на равнинах Богемии—на лёссовой почве—уже культивировались пшеница, плодовые растения, производились льняные растения и разводились домашние животные.

Имеют значение и минеральные богатства при развитии колонизации. Особенно это ясно в настоящее время, когда мы имели огромный приток колонистов в Южную Америку, Австралию, в западную Канаду и пр., а в России имеет место как на нашем крайнем северо-западе (Мурман и пр.), так и в Южной и Восточной Сибири (Алтайско-Кузнецкий и Ленский районы), так как самые задачи колонизации и типы хозяйств в этих районах во многом изменяются при нахождении минеральных богатств,

За всем тем выясняется, как повсеместное сопровождающее колонизацию явление,—поясное распределение народов, т.-е. по изотермам. В этом отношении мы располагаем уже весьма большим материалом, накопившимся за длинный исторический период жизни человечества.

Так, англосаксы в своей колонизации расселялись всегда в умеренном климате в Новом Свете и не входили в полосу тропиков. Северо-американская иммиграционная статистика дает весьма отчетливый материал о распространении переселенцев различных национальностей по территории Штатов. Из этих данных можно установить как преобладающее в огромном большинстве случаев явление распределение иммигрантов по штатам, сходным по природным и хозяйственным условиям с их родиной. В прежнее время, пока в Новом Свете не было развития промышленности и колонизация носила только сельскохозяйственный характер, расселение совершалось только под давлением климатических причин, т.-е. по изотермам, но в новейшее время, с колоссальным развитием промышленности в Северо-Американских Штатах и, отчасти, в Канаде, много иммигрантов поглощается именно этой промышленностью, поглощающей рабочих безотносительно к месту их прежней жизни и работы (по переписи еще 1900 г. в Соединенных Штатах только 11% иностранцев было занято в сельском хозяйстве). И тем не менее и сейчас мы видим еще достаточно явственное распределение иммигрантов по изотермам, т.-е. в поясах, сходных при сельскохозяйственном производстве и по климатическим и по хозяйственным условиям. И мы видим, что, например, чехи, большая часть сербов и кроатов, финнов, немцев, ирландцев, мадьяр, поляков, англосаксов, скандинавов, также северные итальянцы водворяются в таких штатах, как Нью-Йорк, Мичигэн, Охайо, Иллинойс, Массачузетс, Пенсильвания, Висконсин, т.-е. в штатах промышленных; другая группа, состоящая из меньшинства тех же народностей и направляющаяся в сельское хозяйство, но в особенности из южных европейцев и не-европейцев, водворяется в южных штатах, как, например: большинство негров, кубинцев и испанцев—во Флориде, индусов—на Порто-Рико, южных итальянцев—отчасти в Колорадо, Калифорнии, Коннектикуте, Луизиане, Миссисипи, Тексасе и пр.; китайцы заселяли исключительно Калифорнию, а японцы и корейцы — Гаваи; Монтана, С. Дакота, Уайоминг заселялись преимущественно скандинавцами и финнами, как относительно

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ИММИГРАНТОВ ПО СТРАНАМ ВСЕЛЕНИЯ И ПЕРИОДАМ[1]).

Годы.	Количество иммигрантов по странам.						
	В Сев.-Амер. Соед. Штаты	В Канаду	В Австралию	В Новую Зеландию	В Южную Африку	В Аргентину	В Бразилию
1721—1800	100.000	—	—	—	—	—	—
1801—1810	100.000	—	—	—	—	—	—
1811—1820	98.385	—	—	—	—	—	—
1821—1825	49.502	—	—	—	—	—	—
1826—1830	102.936	—	—	—	—	—	—
1831—1835	252.494	—	—	—	—	—	—
1836—1840	346.641	—	—	—	—	—	—
1841—1845	430.335	—	—	—	—	—	—
1846—1850	1.282.915	—	—	—	—	—	—
1851—1855	1.748.424	—	—	—	—	—	—
1856—1860	762.636	—	—	—	—	—	—
1861—1865	719.438	—	86.145	—	—	46.874	—
1866—1870	1.657.841	—	80.419	—	—	137.877	—
1871—1875	1.726.796	304.170	61.662	66.281	—	244.615	205.495
1876—1880	1.085.395		130.142	34.639	—	207.054	
1881—1885	2.975.683	477.066	224.040	11.691	—	348.757	486.519
1886—1890	2.270.930	409.111	158.701	2.923	—	741.093	
1891—1895	2.123.879	182.413	22.392	44	—	371.471	1.079.021
1896—1900	1.563.685	138.889	2.487	—	—	552.523	
1901—1905	3.833.076	521.489	16.793	3.249	ок. 220.000	717.402	610.750
1906—1910	4.962.310	931.902	57.278	17.025	174.007	1.486.708	409.645
1911—1915	4.289.020	1.597.420	99.393	16.775	188.494	1.373.352	—
1916—1919	—	—	24.016	—	—	—	—
1916—1920	1.275.980	378.023	—	8.943	111.552	436.275	—
1921—1923	—	311.363	—	—	—	—	—
1921—1924	2.350.408	—	—	—	—	—	—

[1]) Данные не полны, но представляют наиболее полную и совершенно новую сводку.

Распределение заокеанских иммигрантов в Сев.-Амер. Соед. Штатах

Страны выхода	В Северо-Американские					
	1871—1880		1881—1890		1891—1900	
	Абсол. число	%	Абсол. число	%	Абсол. число	%
Англия	96.877	34,3	146.267	27,9	55.989	16,5
Германия . . .	71.818	25,5	145.297	27,7	50.515	14
Россия без Финляндии . . .	5.225	1,9	24.760	4,7	55.365	16,3
Италия	5.576	2,0	30.731	5,8	65.189	18
Австро-Венгр. .	7.297	2,6	37.111	7,1	55.106	16,3
Швеция	11.592	4,0	39.178	7,5	22.627	6,0
Норвегия . . .	9.532	3,4	17.659	3,6	9.501	2,6
Дания	3.177	1,1	8.813	1,8	5.023	1,4
Франция . . .	7.220	2,6	5.046	1,9	3.077	0,8
Бельгия	722	0,26	2.017	0,38	1.817	0,5
Голландия . . .	1.654	0,6	5.370	2,0	2.678	0,73
Испания . . .	521	0,19	442	0,08	873	0,24
Швейцария . .	2.829	1,0	8.199	1,8	3.118	0,85
Португалия . .	463	0,16	1.192	0,23	2.732	0,71
Балканск. гос. .	—	—	324	0,06	6.007	1,63
Брит. Сев.-Ам. .	38.327	14,0	39.280	7,5	306	0,08
Мексика . . .	816	0,19	—	—	—	—
Вест-Индия . .	1.422	0,5	2.904	0,55	3.307	0,9
Китай	12.320	4,4	6.171	1,2	1.480	0,4
Япония	—	—	—	—	2.481	0,67
Пр. стр. Европы.	1.687	0,6	151	0,03	19	—
„ „ Америки.	133	—	458	0,1	415	0,1
„ „ Азии . .	63	—	666	0,13	3.163	0,86
„ „ Африки .	24	—	76	—	49	—
„ „ Океании.	2.296	0,8	1.865	0,4	240	0,1
Остальн. стр. .	25	—	80	—	1.436	0,4

ПО СТРАНАМ ВЫХОДА И ПО ПЕРИОДАМ ВРЕМЕНИ (ЕЖЕГОДНОЕ ВСЕЛЕНИЕ).

Соединенные Штаты									
1901—1905		1906—1910		1911—1915		1916—1920		1921—1924	
Абс. число	%	Абс. число	%	Абс. число	%	Абс. число	%	Абс. число	%
76.460	10,0	5.951	9,7	77.713	8,7	14.916	5,9	45.386	7,7
35.394	4,6	32.901	3,3	27.542	3,1	4.888	1,9	17.966	3,0
131.746	17,0	187.712	18,9	178.801	20,0	6.553	2,7	61.658	15,0
192.354	25,1	217.222	21,9	187.797	21,7	34.108	13,4	91.375	15,6
188.767	24,7	240.206	24,2	177.886	20,0	2.446	1,0	43.292	70,4
30.922	4,1	18.845	1,9	14.411	1,6	4.604	1,8	13.005	2,2
21.613	2,8	17.488	1,8	9.505	1,1	3.773	1,5	9.111	1,5
6.794	0,9	6.262	0,6	5.960	0,6	2.437	1,0	4.693	0,8
6.284	0,8	8.392	0,8	8.086	0,9	4.293	1,7	6.135	1,0
3.376	0,5	4.950	0,6	5.089	0,5	1.660	0,6	2.840	0,5
3.700	0,5	5.952	0,6	6.269	0,7	2.475	1,0	3.854	0,6
1.328	0,2	3.538	0,3	5.584	0,6	8.138	3,2	6.654	1,1
3.564	0,5	3.420	0,3	3.404	0,4	1.214	0,5	4.423	0,7
6.106	0,8	7.725	0,8	9.716	1,1	8.230	1,0	6.574	1,1
20.152	2,7	47.542	4,8	40.768	4,5	14.176	5,8	28.613	4,6
1.448	0,2	34.397	3,5	70.995	8,0	77.442	30,3	109.207	18,6
729	0,1	8.882	0,9	16.401	1,8	27.399	10,1	—	—
8.578	1,1	12.931	1,3	(См. в графе „остальных стран.“)					
2.558	0,4	1.563	0,15	—	—	—	—	—	—
12.820	1,8	13.139	1,0	7.291	0,8	9.476	3,8	7.301	1,2
44	—	93	—	628	—	995	—	2.733	0,4
1.663	0,2	3.431	0,3	—	—	—	—	—	—
7.810	1,0	10.822	1,0	—	—	—	—	—	—
366	0,005	1.108	0,11	—	—	—	—	—	—
1.415	0,2	2.178	0,22	—	—	—	—	—	—
280	0,05	6.629	0,66	54.521	6,1	52.125	20,4	85.842	14,6

северные штаты; исландцев мы встречаем уже еще севернее— в Манитобе и по берегам озера Виннипега.

Еще ярче поясное распределение населения выражено в Южной Америке, континенте до сих пор еще с слабо развитой промышленностью и с большим удельным весом, потому, естественно-исторических условий при колонизации: большинство итальянцев, испанцев и португальцев движется в Бразилию, Аргентину и Уругвай. Французы, поселившиеся по воле политической истории в свое время в Канаде, прочно осели исключительно на крайнем ее востоке, т.-е. в условиях мягкого климата, но более молодое поколение канадских французов уже продвинулось отчасти и в западные штаты.

Также размещаются в Канаде англичане, шотландцы и ирландцы, но продвижение их на запад выражается значительно активнее, зато главная масса украинских, русских, скандинавских иммигрантов устремляется в земледельческие западные провинции Канады (данные канадской статистики—«ценз» 1921 г.). Голландцы и англичане освоили на юге Африки страну умеренного климата (Каплэнд, Трансвааль и пр.) и лишь очень медленно продвигаются оттуда вглубь Черного Континента.

Внутренние переселения в С. Штатах и в Канаде шли тоже по широтным поясам. Здесь была явная последовательность в колонизации: из прибрежных штатов Новой Англии в Охайо и Массачузетс, из Виргинии в Кентукки и Тенесси, из Каролины в Георгию, от последних штатов далее на запад и далее с помощью государства до берегов Тихого океана. Историческая карта Канады говорит о первоначальном заселении Квебека и Онтарио и далее последовательно вплоть до Манитобы, где потребовались уже серьезные меры, описанные выше.

В более широком масштабе и в исторической перспективе перераспределение человечества в процессе переселений выявляется из следующих таблиц (см. таблицы на стр. 109, 110, 111).

В нашей русской колонизационной истории мы имеем двоякую последовательность: 1) колонизация с сохранением движения по географическим параллелям на восток вплоть до Тихого океана, 2) весьма медленное продвижение на юг к Дону, Слободской Украине и т. д. Если при этом весьма внимательно подойти к вопросу о том, кем колонизуются те или иные районы, то мы найдем ту же закономерность: колонизатор, по общему правилу, идет в район с природной и хозяйственной обста-

новкой, сходной с местом его прежнего хозяйства. Данные наших переписей дают в этом отношении показательный материал, поскольку мы имеем сведения о происхождении из тех или иных европейских губерний «новоселого» населения Сибири, притом для двух периодов: 1) до окончания Сибирской жел. дороги, 2) после окончания главной части. Так, Акмолинская и Тургайская области заселялись в первом периоде главным образом переселенцами из Полтавской, Черниговской, Воронежской, Самарской и Саратовской губ.; во втором—из Полтавской, Екатеринославской, Херсонской, Киевской, Харьковской и Таврической губ.; в Семипалатинской—из Воронежской, Таврической и Пензенской, в первом периоде и из Таврической и Полтавской во втором периоде; в Семиреченской—из Воронежской, позднее еще из Харьковской; в Томской—из Курской, из черноземных губ. РСФСР и Украины, особенно затем Воронежской, Черниговской, Тамбовской, Полтавской, Могилевской, а еще ранее и из Пермской; такое размещение более или менее говорит о движении по географическим параллелям; кроме того мы здесь имеем соответствие между равнинными губерниями выхода и степными или лесостепными губерниями водворения. В восточно-сибирских лесных губерниях на первом месте мы видим вятичей, пермяков и сибиряков (из Западной Сибири) вначале, в последующий период—выходцев из лесных западных губерний (Могилевской, Витебской, Минской и Смоленской). На Дальнем Востоке—в Амурской обл.—наиболее значительные группы принадлежат к выходцам из Полтавской и Могилевской губ.; в Приморской обл.—из Черниговской, Киевской и Полтавской губ. Если сравнить запальное расположение губерний выхода и водворения, нельзя не усмотреть здесь проявления того же закона поясного расселения социальных масс, который был установлен для Нового Света. Понимание этого явления особенно практически важно, поскольку помогало судить о контингенте колонистов, возможных для привлечения в тот или иной район.

Важно указать еще на процессы антропологического и этнологического характера, которые тесно связаны с колонизационно-миграционными процессами. Миграционные процессы, особенно когда они стали массовыми и международными (смешения народов древности на Балканском и Аппенинском полуостровах, миграции германских и славянских народов в эпоху великого переселения народов, переселения арабов, массовый ввоз негров

в Америку и их смешение с индейцами; метизация европейцев в Южной Америке, т.-е. смешение их с индейцами и пр. процессы), привели к огромным изменениям в физических и психических свойствах различных рас, и потому мексиканец или бразилец современности не имеет почти ничего общего с туземцем времен открытия Америки, но и совершенно не похож ни физически, ни психически на «завоевателя» той эпохи. Метизация является продуктом колонизации так же, как можно говорить об образовании новых растительных и животных форм в результате миграций (новые виды культурных растений, новые породы домашних животных). Колонизация приводит, однако, и без смешения крови и без изменения антропологического характера населения к перерождению культуры: европейские формы хозяйства и быта при переносе их на новые места и местная культура при столкновении ее с переселенческими потоками там, где есть подлинное смешение разноплеменных масс, решительно, взаимно, хотя и очень постепенно, изменяются. Таковы, с одной стороны, энглизация и латинизация европейцами туземного и пришлого населения из разных стран в Америке или романизация в древнем мире, где победитель привил свою культуру побежденному; с другой стороны, романизация в эпоху разрушения германцами древнего Рима, когда победители-германцы оказались романизированными побежденными. Рядом с этим мы имеем смешанные формы, когда разные культуры, более или менее равноправно, сливаются в новую форму культуры, как в практике современной колонизации в Сибири и в глубине южно-американского и африканского материков (в последнем случае смешения различных туземных африканских народов). Таким образом колонизационно-миграционные процессы ведут самопроизвольно к созданию новых хозяйственных и культурных форм и к непрерывному образованию новых этнических типов.

Основная экономическая черта, отличающая народное хозяйство колонизационных районов,—их экстенсивные формы сельского хозяйства. Будем ли мы при этом сравнивать южно-африканского, северо-американского или сибирского колониста, их хозяйственные устремления одинаковы: получение наибольшего количества продуктов при наименьших затратах.

Все такие колонизационные области вначале не имеют железных дорог и представляют громадные целинные пространства с ред-

ким населением и незначительным производством (главным образом продукты самого экстенсивного животноводства). Таковы были и Азиатская Россия и Австралия, и прерии Америки. После проведения железнодорожных путей в эти области появляются стимулы для развития в них зернового производства, так как прежние густонаселенные земледельческие области превращаются в промышленные, а соседние более интенсивные районы развивают животноводство. Плодородные, незасоренные и неуспевшие изменить своей структуры почвы и жаркий летний сезон, отличающие такие континентальные равнины, обеспечивают массовое зерновое производство при высоких урожаях.

Земельный простор—тот фон, на котором складывается хозяйственная жизнь на новых местах, и отправной пункт, с которого начинается эволюция хозяйства и мысли колониста. В этом процесса или повторяется вся прошлая история крестьянского хозяйства (от первоначальной «заимки» с ростом населения к общинно-уравнительным формам землепользования, к разным формам относительного малоземелья и к медленному его изживанию, если создаются предпосылки для интенсификации земледелия) или колонизация становится на рельсы развития экстенсивно-рационального хозяйства («капитало-интенсивные» или «машино-интенсивные» формы). Первую форму колонизации можно совершенно отчетливо до деталей установить в истории западносибирской колонизации (особенно Тобольская, Томская и Алтайская губ.). Вторую форму мы встречаем на дальнем западе Северо-Американских Соединенных Штатов и Канады и, отчасти, в некоторых местностях умеренного пояса Южной Америки и Австралии. Последняя (машинно-интенсивная) форма развивается на базе парового транспорта с применением на единицу площади большого количества капитала, заключенного в орудиях производства.

При недостатке рабочих рук и их дороговизне, при большой земельной площади мертвые двигатели в этом сельском хозяйстве заменяют живую рабочую силу, повышают производительность труда и уменьшают стоимость единицы продукта. Рыночная конъюнктура обеспечивает широкое развитие сначала исключительно зернового хозяйства. Так как в условиях континентального климата продолжительная и быстрая распашка целины должна приводить к засорению полей и засухам, то естественны колебания урожаев, а потому хозяйства таких районов должны располагать страховым фондом в виде больших земельных пространств, допускаю-

щих параллельное обширное скотоводство. В этом отношении к колонизационным районам Америки близко подходили по своим свойствам Новороссия, Предкавказье и особенно Дальний Восток (если бы не своеобразные экономические условия, при которых ныне рис вытесняет пшеницу). Но тут начинаются и различия, так как в силу особенностей социального строя Америки она смогла гораздо дальше шагнуть в сторону механизации сельского хозяйства.

Последняя позволяет развивать продукцию в значительно более высокой прогрессии, чем в какой увеличивается население, занятое в сельском хозяйстве. Такое хозяйство может быть, конечно, только товарным, а для этого, чтобы иметь сбыт товарам, оно должно быть технически рациональным, т.-е. производить продукты, наиболее отвечающие естественным условиям и имеющие хороший сбыт на рынках. Для построения рациональной системы хозяйства в странах колонизационных, новых, нет тех тормозов, какие существуют в социальном укладе старых стран, который должен быть изменен или сломан, чтобы можно было организовать рациональное производство. Но часто для такой организации производства бывает необходимым предварительное производство дорогих мелиораций для борьбы с вредными влияниями климата, как мы это видели на примере северо-американского дальнего запада. Как указано, такая реорганизация производства происходит прежде всего по создании парового транспорта, обеспечивающего сбыт продуктов из такого района, бывшего ранее районом «дикого скотоводства». Во-вторых, этот производственный прогресс возможен только тогда, когда обеспечены рынки сбыта, а это мы имеем тогда, когда другие «густо населенные» районы с экстенсивным прежде земледелием превратились в страны интенсивного земледелия, обслуживающего те нужды городов и промышленности, удовлетворение которых непосильно для стран экстенсивного земледелия. Когда в настоящее время восточные штаты С. Америки заняты производством молочных продуктов, скоропортящихся и доступных доставке только на близкие расстояния, как и продуктов садоводства, тропических и торговых растений, на громадные городские рынки этих промышленных областей, то созданы условия для областного общественного разделения труда, позволяющего американскому западу заняться тем, чем не занимается восток, т.-е. производством зерна и мясного скота. Высокая поземельная рента и высокие рыночные цены,

существующие в центральных районах, страхуют, конечно, сельское хозяйство последних, но улучшение и удешевление транспорта облегчает рассеяние земледелия на более отдаленные районы.

Организационно для хозяйств таких колонизационных районов возникает проблема о достижении возможного постоянства урожаев, что сводится к улучшению *севооборота и техники земледелия*. Увлечения исключительно зерновой культурой рано или поздно приводят к необходимости построения *комбинированного хозяйства*, где с зерновым хозяйством комплексируется скотоводство, но уже не в прежних отсталых формах, а именно, по крайней мере, культурное скотоводство с посевами трав, т.-е. хозяйство, не теряя масштаба крупного производства, превращается в экстенсивно-рациональный комплекс.

Конечно такая выгодная конъюнктура для массового товарного производства зерна и мяса для отдаленных (колонизационных) районов не вечна, и современем и они должны будут переживать новую фазу развития, так как городская промышленность тоже имеет тенденцию «рассеяния», т.-е. проникновения и в эти районы, и, следовательно, произведет в них новую революцию в производстве. Однако это процесс длительный, предполагающий запас дешевых рабочих рук и значительный внутренний рынок, чего еще долго не будет в колонизационных районах. Кроме того равномерное и рациональное распределение производства по территории предполагает уже такое тесное объединение промышленности и сельского хозяйства, которое возможно только в социалистическом обществе.

В условиях современного мирового хозяйства создаются разные формы общественного разделения труда между округами одной и той же страны (дальний запад и восток в Северной Америке, различные земледельческие графства Англии между собой), т.-е. резко дифференцировалось товарное производство разных сельскохозяйственных продуктов между районами (плодоводство, животноводство—мясное, молочное хозяйство, луговое хозяйство и пр.). Целые государства или, во всяком случае, обширные их области, работая на мировой рынок и под его влиянием, специализируются на производстве одного или нескольких продуктов (финиковые, кофейные, каучуковые, лесные и др. районы), становятся, как говорится теперь, «монокультурными». В этом отношении в процесс разделения труда в мировом масштабе втягиваются все новые страны, и не только Америка с ее ослепительным сочетанием бо-

гатства запасов энергии, продуктов недр и органической жизни, не только Азия с изумительным разнообразием тропической и субтропической культурной флоры, но и Африка, начинающая конкурировать с другими материками при учете их производительных сил.

Организационно и здесь в этом процессе приспособления хозяйства к требованиям технической рациональности возникают очень сложные задачи, так как чистая «монокультура» все-таки биологически опасна, и если о ней мы говорим, то как о стержне, вокруг которого вращаются современные народно-хозяйственные эволюционные процессы занимающих нас областей.

Таким образом дальнейшее заселение той или иной страны становится возможным лишь при определенных конъюнктурах мирового хозяйства; многие из этих стран еще удовлетворяют требованиям конъюнктуры и находятся в условиях, позволяющих развитие в широком масштабе известных производств (зерно и лес Канады, зерно и масло дальнего запада С. Штатов, молочные продукты, шерсть и зерно Австралии, зерно и мясо Аргентины, лес и рыба Севера Европейской России, зерно Юго-Востока России, прежде зерно Сибири, шерсть и мясо Киргизии, хлопок Туркестана, рис, лес и рыба Дальнего Востока и пр.). В то время как даже высокая техника промышленности и густо населенных стран (Япония) не может ни обеспечить развитие интенсивного мелкого сельского хозяйства ни поглотить избытков земледельческого населения, обрекая их на эмиграцию, молодые колонизационные страны еще надолго смогут выполнять свою производственную задачу даже в анархическом капиталистическом обществе, а тем более по замене его социалистическим с неизбежным мировым плановым хозяйством.

Поскольку колонизация протекает в районах слабообжитых, она имеет известные выгодные стороны и невыгоды. Первые заключаются в возможности творить новое общество, не испытывая столкновений со сложившимися классовыми отношениями, с установившимися формами землепользования и пр. Невыгоды заключаются в том, что колонизация в переживаемый период народного хозяйства уже не имеет под собой свободных «впусте лежащих» земель нормального качества в достаточном количестве, почему может быть уже только п л а н о м е р н о й, т.-е. требующей отчетливой ее целевой установки и затраты средств на достижение задач, вытекающих из этой целевой установки, как-то: все-

стороннего исследования районов, проведения дорог, планировки населенных мест, мелиораций легких и тяжелых, организации различных форм содействия колонистам, зоркого регулирования хозяйственной жизни района в целом и наблюдения и руководства над развитием индивидуальных и коллективных хозяйств и т. д. Все эти мероприятия требуют организации финансового хозяйства, государственной колонизации и изыскания значительных для ведения дела средств.

Словом, в современную эпоху становится немыслимым вести колонизационно-переселенческое дело без выработки достаточно детального плана колонизации, построение которого зависит, как и всякое практическое дело, от житейской обстановки, видоизменяющей всякий план; тем не менее, поскольку от построения его нельзя отказаться, он может быть построен не только на общих методологических соображениях, но и на экономическом и географическом описании колонизационных районов.

Однако планы колонизации не могут быть универсальны. Каждый конкретный план посвящен какому-нибудь определенному географическому району известной исторической эпохи; поэтому он будет всегда строиться на возможно детальном учете особенностей природы и быта этого района. Тем не менее мы видим, что той же природой, но еще больше общественными условиями, ряд районов превращается в поставщиков определенных продуктов: зерна, мяса, леса, специальных культур и пр. Поскольку такие районы нуждаются в колонизации, могут, следовательно, быть построены нормальные планы земледельческой, лесной, горнопромышленной и прочей колонизации; такие нормальные планы затем будут детализироваться и различаться для разных географических районов, представляющих разные комплексы природных и бытовых явлений; одним словом, далее нормальные планы будут конкретизироваться.

К сожалению, если современное состояние нашей науки позволяет уверенно трактовать вопросы методики земледельческой колонизации, то нельзя того же сказать о лесохозяйственной, горнопромышленной, рыбопромысловой и прочей колонизации; здесь нужно выждать, вероятно, уже недалекое время, когда накопившийся опыт позволит и для этих отраслей сделать свои обобщения и плановые подходы.

ГЛАВА X.

СОСТАВЛЕНИЕ И ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ПЛАНОВ КОЛОНИЗАЦИИ.—УЧЕТ ЕМКОСТИ РАЙОНОВ.—СИСТЕМЫ КОЛОНИЗАЦИИ.—УЧЕТ ИТОГОВ КОЛОНИЗАЦИИ.

Организационный план колонизации, чтобы быть планом реальным и в то же время служить серьезным государственным заданиям, должен быть построен: 1) на учете экономических задач государства в районах колонизации, 2) на исследовании богатств этих районов, 3) на изучении истинного содержания переселенческого движения, т. е. его причин и тенденций роста или упадка. Эти вопросы должны лечь в основу при составлении упомянутых планов колонизации.

Первая задача—учет экономических задач—определяется политическими целями, но в особенности соображениями эпохи о тенденциях развития производительных сил в разных отраслях народного хозяйства. Поскольку все они и у каждой притом страны втянуты в орбиту мирового хозяйства и, следовательно, прежде всего зависят от состояния рынков, учет конъюнктуры становится особенно важным. После того становится более ясным, в каком направлении и размерах могут ставиться государством колонизационные задачи и что должно быть сделано в области сельскохозяйственной и промышленной колонизации в целях получения тех или иных товаров (зерно, продукты животноводства, шерсть, мясо, масло, яйца; промышленное сырье—хлопок, древесина, топливо).

Вторая задача—изучение богатств колонизационных районов—достигается: а) исследованиями физико-географическими и б) экономо-техническими изысканиями. Первые могут быть экспедиционными—описание почв, флоры, запасов рыбы, леса, недр и пр.—или стационарными—климат, вегетационные опыты, акклиматизация и пр. Вторые—преимущественно экспедиционные—имеют задачей: уяснение шансов на развитие раз-

ных отраслей народного хозяйства, выяснение возможных организационных форм и размеров (оптимальных) индивидуальных и коллективных хозяйств, учет земельных фондов того или иного назначения, учет водных ресурсов в целях орошения (гидрогеологическое и гидрометрическое изыскания), исследования существующих и возможных путей сообщения и рынков сбыта, учет существующего уже в колонизационном районе землепользования местного населения.

После таких предварительных изысканий могут начинаться уже работы технического характера, каковы: мелиоративные (осушительные, регулирование рек, упорядочение водоснабжения; культур-технические работы, например, борьба с солонцами; урегулирование водопользования; обводнение); дорожные; лесоустроительные; землеустроительные; топографические. Но и эти работы предварительно и на основе законченных первых двух фаз изысканий должны быть теперь приведены в ясность и во взаимную связь.

Во все колонизационные планы и расчеты должны быть введены и всегда вводились, хотя и в несовершенной форме, различные миграционные моменты.

В первую очередь важно исчисление размеров предстоящего в течение известного периода переселенческого движения. Основываясь на практике прошлых лет, на тенденциях развития эмиграционных областей и на приросте избыточного в них населения (по коэффициенту, различному для отдельных областей), наконец на прямых заявках населения о желании переселиться, можно учесть размер переселенческой волны. Учитывая же изложенные выше закономерности в распределении контингента переселенцев по районам, можно установить предстоящие разветвления этой волны и места и высоту ее приливов, т.-е. размеры водворения переселенцев по разным колонизационным районам. Поэтому, поскольку итоги колонизации всетаки определяются размерами переселенческого движения, учет последнего самым серьезным образом отразится на характере колонизационных плана и сметы. От этого учета будет зависеть и размер колонизации в том или ином районе, а следовательно и размер колонизационно-технических работ, и работы по передвижению и водворению, т.-е. организация транспорта, содержание переселенцев в пути, культурная и медицинская помощь им, домообзаводственные ссуды водворяемым и пр.

Так определяемый комплекс произведенных и намечаемых планом работ дает основание для расчетов и составления расходной сметы, в которой найдут место исчисления необходимых расходов единовременного характера (устройство мелиоративных и дорожных сооружений, благоустройство), систематического, — в течение ряда лет, — характера (землеустроительные, лесоустроительные, культуртехнические и пр. мероприятия), эксплоатационного значения (ремонт и использование сооружений). Разумеется этой расходной смете должна отвечать приходная смета. При расчете поступлений доходов нужно учитывать пониженную доходность первых лет колонизации и необходимость выделения некоторых мероприятий в категорию безвозвратных государственных расходов. Для изыскания сумм, потребных для производства необходимых единовременных и долголетних расходов, необходимо иметь финансовый план, предполагающий указание источников, финансирующих производство работ. Такими источниками могут быть, кроме сумм государственных средств, кооперативный кредит, в столь большой доле участвующий даже в американской колонизации, и частно-хозяйственный капитал, в современную же эпоху смешанные формы организаций, с участием государственного, кооперативного и частного капитала. В целях скорейшего подъема производительных сил, требующих единовременного обращения в дело весьма значительного основного капитала, такие комбинированные формы финансирования оказываются особенно удобными. Наиболее осуществимой и исторически оправданной формой такого финансирования явились железнодорожные пионерные предприятия, выполнявшие колонизационные задачи, комбинируя их в составе известного комплекса, сочетавшего чисто железнодорожные функции с колонизационными и вспомогательными в виде различных организаций по использованию сырья и его переработке. Частную форму такой организации может составлять концессия, где за государством обеспечивается контроль за предприятием и переход последнего в руки государства по истечении известного срока и где на государство же могут быть возложены предварительные изыскания, а на концессионера (комбината по изложенной схеме) возлагаются смешанные, в том числе и колонизационные, обязанности.

Финансово-счетная и техническая стороны дела не могут затемнять истинного смысла колонизации как государственного дела:

осуществления в колонизационных районах новых и лучших форм жизни, почему ближайшею целью ее является создание улучшенных форм хозяйственной культуры и улучшенных типов хозяйств, т. е. в государственном и местном плане колонизационные задания неизбежно должны подчиняться требованиям научной организации хозяйства. Последнее имеет особое значение потому, что в целом ряде, например, наших колонизационных районов, особенно в Поволжьи, направление сельского хозяйства и существовавшие его системы не вполне отвечали природным условиям, а колонизационная политика не была рациональной системой мероприятий и складывалась под влиянием традиционных представлений, питавшихся классовой ограниченностью дореволюционного государственного аппарата, и под стихийным напором крестьянского переселенческого движения, но больше всего благодаря социальной невозможности в рамках бывшего государственного строя построения всестороннего плана организации территории и хозяйства.

Хотя наша колонизация расширилась на очень большие пространства, но в начале этого века на ее примере можно было повторить слова, относимые легендой к IX веку: «земля ваша велика и обильна, но порядка в ней нет». Однако более 1000 лет не прожиты даром, и в них сказалась та логика развития общественных отношений, про которую Г. В. Плеханов сказал: «общественные отношения, собственной логикой своего развития, приводят человека к сознанию причин его порабощения экономической необходимостью. Этим дается возможность нового и окончательного торжества сознания над необходимостью, разума над слепым законом. Сознав, что причина его порабощения его собственным продуктом лежит в анархии производства, производитель организует это производство». В этом переломе сознания, закрепленном Октябрьской революцией, и в отвечающем ему переходе всей русской жизни на новые плановые рельсы и заключается разница между старой и новой колонизацией как планомерной организацией территории и хозяйства в малообжитых районах.

Из изложенного очевидно, что учение о переселениях составляет отдел учения о народонаселении, имея своей задачей изучение особых явлений динамики народонаселении, и что учение о колонизации имеет целью изучение организации недонаселенных и недостаточно снабженных средствами производства (недокапитализированных) территорий и хозяйства на них,

образуя таким образом специальное учение из области науки об организации территории и хозяйства.

В то же время очевидно, что размеры и характер этой динамики народонаселения весьма историчны и изменчивы, как изменчивы для каждой эпохи и географической широты понятия недонаселенности и недокапитализированности территории. Это понятия движущиеся и диалектические, так как недонаселение ведет к замедлению роста производительных сил и при богатстве их в спящем состоянии—к иммиграции в такие районы, но быстрый и значительный прилив народонаселения без одновременной и решительной перестройки системы хозяйства в таких районах ведет к новой остановке роста производительных сил, когда рост населения достигает характера предельной волны прилива.

Такие задержки роста, волны прилива и отлива, эмиграции и иммиграции, говорят о разных состояниях емкости территории.

Уровень последней зависит от многих причин, давая стимулы для эмиграции, когда емкость территории стала мала, или для иммиграции, когда вместимость территории настолько значительна, что она дает широкий базис для оседания и развития новых хозяйств, для колонизации. Таким образом исследование факторов образования данного уровня емкости территории и самых размеров этой емкости суть основные вопросы как для оценки перспектив развития «выселяющего» района, так и района «вселяющего», т.-е. они составляют ось всякого колонизационно-миграционного плана работ. Имеется ли достаточно научных данных для построения этой оси?

Емкость (Е) территории правильнее всего определить по формуле $E = \frac{P}{П}$, где P представляет общее количество пригодной для хозяйственного использования территории, а $П$—земельную норму, необходимую для правильно построенного отдельного хозяйства.

Площадь известной территории представляет собой определенный факт в природе и не нуждается в более углубленном анализе.

Само собой понятно, что не могут не приниматься в расчет физические и биологические условия природы. Очевидно, что почва, климат, обилие или недостаток водных источников и подпочвенных вод и пр. обусловливают обстановку использования

земель, продолжительность и характер вегетации полезных растений, направление животноводства и пр. Степень доступности земель для сельского хозяйства (размеры девственного лесного покрова, необходимость мелиораций или свобода от них) определяет размеры непосредственно доступного для заселения и использования земельного фонда.

Земельная норма — явление, больше всего социальное и потому изменчивое, определяемое многими факторами. Из числа последних наиболее поддаются учету некоторые.

1) В первую очередь она зависит от тех же природных условий. Например, земли разных почв или одинаковые земли, расположенные в разных климатических зонах, поступают в нормальное хозяйство в разных размерах. Отсутствие подходящих водных источников создает часто ненормальное распределение земель и хозяйственно неправильную конфигурацию участков и пр., а следовательно, и недостаточно рациональные нормы земельных наделов.

2) Норма зависит от степени производительности труда в сельском хозяйстве. Производительность труда определяется количеством продуктов, производимых в единицу времени и приходящихся на душу населения. В сельском хозяйстве можно иметь много случаев внешне прогрессивного порядка, создающих иллюзию развития сельского хозяйства. В самом деле, мы имеем случаи несомненного увеличения общей суммы производимых продуктов, но в то же время сопровождающегося уменьшением количества их на душу населения при интенсивном росте последнего. В таких случаях увеличение урожайности земли говорит об упадке производительных сил, если большее количество возросшего населения трудится на прежней площади, не получая на душу большего количества продуктов. Таков труд крепостного населения или населения, задавленного малоземельем или тяжестью остатков сословного общества, как то было в ряде черноземных губерний России до революции. В последнем случае мы наблюдаем систему эксплоатации трудовых сил населения путем кажущейся интенсификации сельского хозяйства, заключающейся в увеличении количества продуктов с единицы площади. Эта интенсификация может принимать хозяйственно прогрессивные или реакционные формы. Так или иначе, рассматриваемые пока схематично, рост производительности труда или интенсификация хозяйства разно влияют на изменения системы хозяйства, а через нее

и на размеры земельной нормы. В чистом виде рост производительности труда позволяет одному и тому же работнику «поднять» и обработать больше земли, следовательно в таком хозяйстве рост производительности труда ведет к повышению запросов хозяйства на количество земли, т.-е. повышает земельную норму. Яркий пример тому—в заселяемых странах Нового Света. Наоборот, интенсификация хозяйства в чистом виде, т.-е. в форме увеличения количества труда на единицу площади—трудоинтенсификация,—ведет к понижению земельной нормы, необходимой единичному хозяйству. Наконец, земельная норма стоит в связи с уровнем потребностей, личных и хозяйственных, влияющих на уклад хозяйства, а потому и вызывающих к жизни разные нормы землеобеспечения.

3) При сочетании определенного уровня производительности труда, известной степени интенсификации и определенной высоты потребностей на базисе общественных отношений данной эпохи складывается система хозяйства, которая совершенно меняет размеры емкости территории, тем самым еще более видоизменяя действие законов народонаселения, и без того по природе своей различных в разные периоды развития народного хозяйства,—в строе докапиталистическом, капиталистическом и социалистическом, как то было отмечено еще нашим гениальным учителем К. Марксом.

Понимание генезиса той или иной системы хозяйства и отвечающих ей земельных норм представляет центральный пункт в колонизационном искусстве. Это понимание, с одной стороны, обеспечивает диагноз того социального заболевания, которое получило название малоземелья и связанной с ним эмиграции, и следовательно может помочь их устранить, что доступно в обществе, всецело регулирующем процесс производства, каким является социалистическое общество. С другой стороны, он позволяет более или менее отчетливый прогноз относительно колонизационных земельных фондов и будущего отдельных районов.

Как уже выше указано, размножение в неразвивающемся хозяйственном обществе приводит к уменьшению продуктов на душу населения, к понижению потребностей последнего. Но оно, естественно, толкает и к повышению продукции, поскольку же этого не дают старые формы производства,—к перестройке самых способов производства. Прежде всего каждая «рабочая душа» стремится в своем хозяйстве увеличить сумму производимых на

душу продуктов, а для этого хозяйство стремится «расшириться». Когда этому расширению с ростом населения кладется предел, значительная часть сельских хозяев стремится уйти на новые места, где имеются предпосылки для осуществления такой «производительности» труда. Так слагаются процессы переселения и колонизации.

Увеличивающаяся теснота ведет к сокращению кормовой площади для скота, к понижению потребностей, ко вложению все бо̀льших затрат труда в сокращающуюся земельную площадь, к тому, что называется трудо-интенсификацией, что в заостренной форме наблюдается в жизни китайского или индийского крестьянства и что складывалось для русского крестьянина на его путях к китаизации земледелия в условиях и по воле дореволюционного строя.

Тем не менее мы знаем, что ряд стран и районов остался на путях интенсификации без превращения сельского хозяина в «раба земли». В этом случае «власть земли» оказалась ограниченной благодаря техническому усовершенствованию сельского хозяйства, позволившему одновременно повысить и производительность труда и его интенсивность. Это достигается рациональной интенсификацией сельского хозяйства, означающей не только усиление трудовых затрат, но и приложение механизированного труда и выбор наиболее выгодных (рыночных) культур. Такая интенсификация ведет к явному повышению дохода на душу населения, а следовательно, и к росту ее личного и хозяйственного потребления. Такое повышение производства может стимулировать, далее, и рост расширения территории. Эти явления мы и наблюдали выше в наших промышленных районах и государствах Европы, а в последнее время и в Америке. Естественно, что такое развитие производства повышает емкость территории на базисе роста производительных сил.

Для такого роста производительных сил в земледелии и для такой рациональной интенсивности его требуются естественные предпосылки—знание и материальные средства,—во всяком случае им предшествует увеличение производительного потребления в сельском хозяйстве (затраты по мелиорации, по организации и ведению хозяйства), что ведет к повышению запросов со стороны крестьянского хозяйства на продукты индустриального производства—вплоть до производства средств производства.

Кроме того такой переход к интенсивным формам сельского

хозяйства в широчайшей степени зависит от уровня цен на продукты сельского хозяйства, так как интенсификация удорожает производство, а следовательно, требует развитого товарообмена, вывоза продуктов на внешние и внутренние рынки. В этом отношении данные русской статистики указывают на наибольшую высоту цен сельскохозяйственных продуктов в местах, близких к внутреннему рынку (промышленный район), более низкие—в районах, работающих и на экспорт и на внутренний рынок (центральные и восточные черноземные губернии европ. части СССР). Таким образом наиболее индустриализированные районы наиболее интенсифицируют сельское хозяйство и идут к повышению емкости своей территории.

Индустриализация страны определенно ведет к подъему производительных сил в земледелии, так как она создает перераспределение населения между отраслями производства, ведя к увеличению процента промышленного населения в общем составе народонаселения страны. В последнем случае меньшее количество народонаселения производит то же или даже большее количество продуктов, избыточное же земледельческое население отливает в индустрию и увеличивает производство последней.

Обратные условия—увеличение % сельскохозяйственного населения при слабости промышленности—ведут к образованию избыточного сельскохозяйственного труда, к уменьшению количества земли на одного работника, к падению урожайности, к превращению таких районов в «колонии». Наглядный пример того—в грустной истории Британской Индии, где исключительное развитие сельскохозяйственного производства и падение туземной промышленности под влиянием британской промышленной гегемонии на целое столетие задержали экономическое развитие страны.

Ясные представления о рыночной конъюнктуре для каждого эмиграционного и колонизационного районов, перспективы сельскохозяйственного и промышленного развития и построенные применительно к ним планы реорганизации системы сельского хозяйства должны лежать в основе расчетов земельных норм и, следовательно, при исчислении вероятной емкости.

4) Наконец, при учете емкости территории надлежит иметь в виду социальные моменты, каковы: степень демократизации общественного дохода, характер общественных земельных отношений и пр. В самом деле мы хорошо знаем всю ту искусственно повышенную емкость территорий многих колоний, равно как и цен-

тральных русских губерний или прежней Ирландии, где «земельные отрезы», «голодная аренда», «податной пресс» и другие атрибуты полуфеодального общества, экспроприируя у трудовых масс значительную долю их доходов, настолько всесторонне снижали производственную мощь крестьянского хозяйства, что оно искусственно снижалось в своих земельных нормах, тем увеличивая емкость территории. Очевидно, что это иллюзорная емкость, далекая от нормально слагающейся, не говоря уже о сравнении ее с рациональной емкостью социалистического общества.

Выбор рациональной хозяйственной системы и расчеты емкости территорий составляют одну из главных задач колонизационного землеустройства. В жизни системам хозяйства более или менее отвечают свои плотности (количество жителей на единицу площади) населения, которые статистикой установлены (в своих крайних пределах) для каждой из систем сельского хозяйства. Перевес или недостаток населения по отношению к норме населенности известного района создает эмиграцию в первом случае и иммиграцию—во втором.

Изложенное указывает не только на важность правильного учета емкости территорий, но и на необходимость выбора возможно рациональных систем колонизации.

Уже из изложенного очевидно, что при заселении тех или иных районов приходится думать не только о развитии сельскохозяйственного производства с разными его уклонами, но и о развитии промышленности, как потому, что стране нужно параллельное развитие обеих этих отраслей хозяйства, так и потому, что оставшийся в СССР свободным земельный колонизационный фонд в массе своей может иметь преимущественно промышленное значение. Промышленная колонизация, как система принята уже в качестве целевой установки для многих районов государственной властью.

Тем не менее особой ясности в терминах и практических программах по вопросам промышленной колонизации достичь еще не удалось.

Прежде всего происходит частая подстановка понятий, когда именем промышленной колонизации называется собственно промысловая колонизация, обеспечивающая собой, так сказать, еще кустарный период в развитии промышленности на окраинах СССР (поселки рыбаков, лесорубщиков и пр.).

Так говорится «о промышленной эксплоатации естественных

богатств, о добыче и переработке сырья, о создании внутренних рынков, о сооружении новых путей сообщения, о привлечении переселенцев к разработке лесов» и пр.

Очевидно, что это только общие устремления, но еще не программа. Только в самое последнее время в Высшем Совете по народному хозяйству теория вопроса поставлена на более широкую почву в смысле уяснения условий планомерного размещения промышленных предприятий по Союзу. Речь может итти о восстановлении основных капиталов государственной промышленности и о создании новых промышленных предприятий. То и другое предполагает первоначальное накопление в сельском хозяйстве как главном потребителе для индустрии, социалистическое государственное накопление или привлечение иностранных займов, выдачу промышленных концессий и широкое строительство железнодорожных и водных путей сообщения. Таковы общие предпосылки.

В отношении отдельных отраслей промышленности более освещен вопрос о проведении колонизации для нужд лесной промышленности. Здесь идет речь как о проникновении древообрабатывающих предприятий вглубь лесных районов для непосредственного использования сырья в местах его образования, так и о создании поселений, жители которых были бы заняты заготовкою леса для экспорта и указанных предприятий. В этом случае необходимо уяснение организационных форм сельскохозяйственной колонизации, которая позволила бы вести животноводственное, молочно-масляное хозяйство, рыбные промыслы, производство фуража, технических культур растений и пр., что только и может обеспечить питание и снабжение промышленных предприятий рабочей силой и продфуражем. Такие работы требуют как технического устройства колонизуемых территорий, так и организации снабжения населения предметами хозяйственного и личного потребления, так и предприятий по переработке продуктов переселенческих хозяйств.

Таким образом на этом частном примере, очевидно, что говорить о чисто промышленной колонизации трудно; создавая новые промышленные предприятия, приходится составлять план и по развитию промыслов, работающих в связи с этими предприятиями, и по развитию питающего их сельского хозяйства. Тем не менее очевидно, что в плане использования ряда районов перспективы создания промышленных предприятий должны быть стержнем, на котором укрепляется вся система колонизационных мероприятий района промышленной колонизации.

При всяком плане промышленной колонизации, кроме расчетов по учету конъюнктуры для создаваемых предприятий и промыслов, его (план) приходится строить на учете привлечения необходимых избытков рабочей силы из разных районов и на расчете основного и переменного капитала, а затем на ясной схеме организации поселений и хозяйства как привлекаемых рабочих, так и питающего промышленность населения.

Необходимо отметить также неправильную терминологию, когда пытаются называть промышленной колонизацией создание поселений с производством технических сельскохозяйственных культур (льноводство, хлопководство), животноводственного сырья (шерсть) и даже с производством предметов питания (плодоводство, молочное или мясное производства—на рынок). Рыночность сельского хозяйства говорит о его связи с индустрией, о его рационализации, но оттого оно не превращается в индустрию.

Важно отметить и другое, что, поскольку при создании промышленности в колонизуемых районах создаются поселения, имеющие при себе *сельское хозяйство*, оно *глубочайшим образом отражает на себе связь с промышленностью* как в своем уклоне, когда оно питает промышленность своими продуктами, так и во всей своей организации и во всем своем быте, когда оно заключается в мелких садово-огородных и животноводственных хозяйствах семей рабочих, занятых в промышленности (тип рабочих поселков на сельскохозяйственном фоне).

Наиболее широкие перспективы для развития промышленности колонизационных районов в СССР установлены на Дальнем Востоке, в Кузнецко-Алтайском районе в Кара-Киргизии и др. районах, не говоря уже о лесной промышленности Севера. Развитие промышленности вызовет полную перестройку сельского хозяйства с его блестящими там перспективами и приведет к образованию широкой ленты рабочих поселков (Кузнецко-Алтайский округ).

Во всех подобных случаях государство может вести только «планомерную» колонизацию, образуя территорию оптимальных размеров и приводя ее в жилое состояние организацией транспорта и мелиорацией. На такой территории отдельные специализированные хозяйства интегрируются в состав целого хозяйственного комплекса по районам, объединенным вокруг хозяйственных и энергетических центров. Типы таких хозяйств устанавливаются по учете всех условий района и в прямой зависимости от внутрирайонных расстояний. Так обеспечивается в едином плане хозяйственная связь

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПРЯМОГО ДВИЖЕНИЯ СЕМЕЙНЫХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ПО РАЙОНАМ ВОДВОРЕНИЯ.

Размеры обратного переселен. движения за 1896—1914 г.г.	Районы	1896—1900 гг.	1901—1905 гг.	1906—1911 гг.	1911—1914 гг.	Общее количество 1896—1914 гг.
52 341	Тургайская	9 819	50 099	146 707	55 879	262 504
6 713	Уральская	—	36	27 296	25 702	53 034
96 025	Акмолинская	124 658	38 375	375 918	98 774	637 723
10 506	Семипалатинская	8 779	2 268	74 361	45 855	131 263
5 680	Семиреченская	1 982	915	21 581	39 711	64 189
—	Самаркандская	—	5	368	486	859
2 992	Сыр-Дарьинская	—	36	11 385	6 182	16 603
—	Ферганская	—	12	1 382	1 442	2 836
30 361	Тобольская	97 032	22 125	11 2146	54 615	285 918
180 775	Томская	355 139	90 008	879 025	241 701	1 565 873
40 029	Енисейская	87 891	49 605	179 268	73 584	390 348
14 728	Иркутская	5 117	10 926	53 820	39 869	109 732
1 820	Забайкальская	578	613	3 099	3 736	8 026
13 125	Амурская	14 755	12 841	67 739	30 665	126 000
22 401	Приморская	6 476	16 018	133 561	30 866	186 921
25	Якутская	17	34	5	—	56
19 589	Оренбургская	15 164	28 934	35 607	8 991	88 696
4 645	Уфимская	—	13 424	20 904	8 664	42 992
1 633	Самарская	—	4 746	17 882	15 139	37 767
776	Пермская	—	104	6 049	376	6 529
—	Симбирская	—	—	482	—	482
8 954	Не выяснено	6 488	849	158	1 773	9 714
513 118	Общий итог	733 895	341 973	2 168 743	783 010	4 027 621

промышленных и сельскохозяйственных предприятий и достигаются цели индустриализации сельского хозяйства, т.-е. рациональной переработки его продуктов на месте и рационализации строения и деятельности его в связи с работой промышленных предприятий. Здесь мы имеем пока схематизм построения, но постепенно рационализация в указанных направлениях входит в жизнь (колонизация Мурмана, Поволжья и пр.).

Что касается учета общих итогов колонизации для различных частей нашего отечества, то о них можно судить как по итогам вселения в те или иные районы, так и по размерам обратного (неудачного) движения и по итогам поисков земли «ходоками».

Следующая таблица дает порайонное представление о размерах прямого и обратного движения по отдельным колонизационным районам. (См. табл. на 132 стр.)

Наибольшее внимание переселенцев таким образом привлекли Томская губ. и Акмолинская обл. в их прежних границах. Затем достаточно видное место в распределении переселенческих потоков играют Енисейская и Тобольская губ. и Тургайская обл. Более скромное, но все-таки видное место принадлежит Приморской, Семипалатинской, Амурской обл. и Иркутской губ. Прочие губернии и области играют уже незначительную роль в колонизационном деле. Притом во времени некоторые губернии имеют неизменно первое место на протяжении всех периодов, как в особенности Томская, Тобольская и Тургайская занимают также во все периоды видное место.

Однако рядом с этим имеющиеся цифры обратного движения указывают на значительность обратного движения—13% в среднем за весь период. Размеры обратного движения колеблются и абсолютно и относительно. Доказательство этому в следующих цифрах:

	Общее число обратных семейных пересел.	% обратн. движ. к прямому.
1894 г.	1 424	2,2
1895 „	7 396	7,2
1896 „	22 906	12,9
1897 „	19 996	29,5
1898 „	15 546	10,6
1899 „	16 576	10,0
1900 „	37 170	25,4
1901 „	26 530	31,8

	Общее число обратных семейных пересел.	% обратн. движ. к прямому.
1902 „	19 997	25,8
1903 „	14 153	16,1
1904 „	6 428	17,6
1905 „	5 535	14,6
1906 „	8 940	6,6
1907 „	20 176	4,8
1908 „	30 318	5,6
1909 „	56 775	9,6
1910 „	76 118	26,6
1911 „	74 717	46,2
1912 „	34 099	18,9
1913 „	23 506	10,7
1914 „	15 214	6,9
Всего . .	533 520	13%

Некоторые губернии характеризуются особо большими размерами неудачного переселения. Таковы области Туркестана, Забайкальская и Тургайская, затем несколько выше-среднего— Акмолинская и Иркутская. В наилучших условиях находились Семипалатинская и Семиреченская области. Если значительность обратного движения из Акмолинской и Тургайской обл. в значительной мере объясняется высокими размерами вселения, не поглощаемого сразу наличным земельным фондом, то Томская губ. справлялась хорошо и с огромным наплывом переселенцев, а другие, как Туркестан и Восточная Сибирь, не справлялись даже с тем скромным движением, какое направлялось в эти районы. Кроме того не все обратные переселенцы из отдаленных районов Сибири учитываются регистрацией в Челябинске, так как обратники, например, с Дальнего Востока не доходят, в значительной части рассасываясь по дороге к Челябинску в ближе лежащих сибирских губерниях.

Причины обратного движения можно легче всего выяснить из ответов самих переселенцев. По данным специального учета переселенческого движения выясняются, как ближайшая причина обратного движения, прежде всего неподходящие естественные условия районов водворения, жалобы на которые получаются почти в 30% случаев обратного движения. Эти причины особенно часто указывались обратниками из Дальнего Востока и Восточной Си-

бири. Не менее чем в 20% имеем указания на недостаток рабочих сил и средств, как на причину ухода. Эта ссылка имеет универсальное значение и не свойственна одному какому-либо району и имеет место также у переселенцев, вернувшихся с пути, не дошедших до конца пути. Достаточно значителен % вернувшихся из Сибири «самовольцев», особенно из степного Края, что мы и видели на вышеприведенных цифрах, как группы особенно мало имеющей шансов на устройство в Сибири.

Таким образом или недостаточность удобных земель даже при небольшом напоре переселенцев или, наоборот, резкое превышение спроса на землю со стороны нахлынувших переселенцев над предложением ее в более легких районах—главные причины развития обратного движения. Давление этих причин острее сказывается на маломощных и самовольцах. Последние составляли в среднем в отдельные годы: 30—45% в прямом движении и 43—87% в обратном движении.

Переселенец в своей жизненной практике внес корректив в темное и стихийное движение в виде ходачества. Продуктивность последнего выясняется из следующих цифр. Процент ходоков, зачисливших за собой землю, был таков по годам:

1896 г.	37,7	1906 г.	25,6
1897 „	31,5	1907 „	27,1
1898 „	31,9	1908 „	25,7
1899 „	28,5	1909 „	23,5
1900 „	25,1	1910 „	50,5
1901 „	24,2	1911 „	40,7
1902 „	27,6	1912 „	36,2
1903 „	28,9	1913 „	32,1
1904 „	15,5	1914 „	24,8
1905 „	18,1		

На понижение общих размеров ходаческого движения или на его безрезультатность влияют те же причины и так же, что и при росте обратного движения и при сокращении прямого движения. По отдельным, наконец, колонизационным районам можно наблюдать одинаковую, более или менее, пропорцию неудачного ходачества и неудачного переселенчества.

Все вместе взятое указывает определенно на неизбежную двойную диспропорцию между ростом движения и ростом земельных заготовок в целом для известных периодов времени и для отдельных районов—за все время переселенческого регистрируемого

движения. В конечном итоге, однако, вода входит в свои берега, и размеры расхождения между спросом на землю и ее предложением не следует преувеличивать даже для старого времени, а тем более для эпохи планового хозяйства.

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ.

Понятия „Колонизации и Переселений".

1. Шефер. История колоний. 1914 г.
2. Ден. Курс экономической географии. Л. 1924 г. (гл. I).
3. Леруа-Болье. Колонизация у новейших народов. СПТБ. 1876 г. (есть последнее французское издание 1904 г.).

Развитие колониальной политики европейских государств.

1. Н. Ленин. Империализм как новейший этап капитализма. 1919. г.
2. Шефер. История колоний. 1914 г.
3. Леруа-Болье. La colonisation chez les peuples modernes, 2 vol. 1904 г.
4. К. Маркс. Капитал. Т. I.
5. К. Каутский. Колониальная политика.
6. Борецкий-Бергфельд. Кол. истор. зап.-европ. континент. стран. 1914.
7. Д. Н. Егоров. Империализм. Литограф. 2 т.
8. Довэ. Эконом. географ. мира. 1924 г.
9. Вольф и Мебус. Очерки эконом. геогр. иностр. госуд. 1924 г.

Колонизация Нового Света.

1. Леви. Основы эконом. могущ. Соед. Штатов Америки. 1923 г.
2. Скорняков. Орошение и колон. пустынных государств. земель Соед. Шт. Сев. Америки. 1911 г.
3. Синельников. Работы по землеустройству в Сев. Америке. 1907 г.
4. Епанчин. Орошение и колонизация черноземных прерий Дальнего Запада Канады. 1913 г.
5. Скорняков. Колонизация пустынь Соед. Шт. С. Америки. Труды Госколонита. Т. I. 1924 г.

Развитие колонизации в России.

Ключевский. Курс русской истории. 1908 г.
Милюков. Очерки по истории русской культуры.
Готье. История землевладения в России. 1915 г.
Кауфман. Переселение и колонизация. 1905 г.
Огановский. Закономерность аграрной эволюции. Т. III. 1914 г.
Ямзин. Переселенческое движение в России. 1912.

Развитие переселенческого движения в России.

Кауфман. Переселение и колонизация. 1905 г.
Ямзин. Переселенческое движение в России. 1912 г.
„ О постановке колониз. и миграц. проблем в России. Труды Госкол. Т. I. 1924 г.
Огановский. Закономерность аграрной эволюции. Т. III. 1914 г.
Переселения из Полтавской губ. Изд. 1900—1905 г.г.
„ „ Харьковской „ „ 1906—1910 „
„ „ Черниговской „ „ 1909—1913 „
Итоги перес. движ. за время с 1896 по 1909 г.г. 1910 г.
„ „ „ „ „ 1910 „ 1914 „ 1916 г.

Колонизационно-переселенческая политика за время войны и революции.

1. Чиркин П. О колонизационно-культурных задачах после войны. Вопросы колонизации, № 18. ПТГ. 1916 г.
2. „ Объяснительные записки к сметам расходов Перес. Управления на 1915, 1916, 1917 и 1918 г.г.
3. „ Труды II Всерос. Съезда Лиги аграрных реформ. Вып. 3. Земельный фонд, нормы и контингент. М. 1917 г.
4. Кауфман А. О работах по подготовке земельной реформы, ПТБ. 1917 г.
5. „ Переселение и его возможная роль в зем. реформе. Сельское Хозяйство и Лесоводство. ПТБ. 1918 г. (январь).
6. „ Труды Комиссий Гл. Зем. Ком. по подготовке зем. реформы. Вып. 5. Организация территории. ПТБ. 1918 г.
7. Вощинин В. „Переселение“. Сборник „О земле“. Вып. 1. М. 1921 г.
8. „ Исторические и соврем. предпосылки русской народной миграции. Сб. „О земле“. Вып. 3. М. 1922 г.
9. „ „Голодное переселение“. М. С.-Х. Жизнь. 1921 г. № 36.
10. „ Колонизационно-переселенческий вопрос в связи с новой экономической политикой. М. С.-Х. Жизнь. 1922 г. № 2.
11. „ Современные предпосылки колонизац. дела в РСФСР. Сельское и Лесное Хозяйство, № 6. М. 1923 г.
12. „ Переселение и колонизация. Эконом. М. 1924 г. № 129.
13. Месяцев П. Колонизация в современных условиях. Сб. „О земле“, вып. 3, М. 1922 г.
14. Большаков М. Задачи и перспективы колонизации. Земельное дело. М. 1923 г.
15. „ К плану колонизационн.-перес. мероприят. НКЗ в 1923 и 1924 г.г. Труды Госколонита. Т. I. М. 1924 г.
16. Ярилов А. Пути колонизационн. строительства. Труды Госколонита Т. I. М. 1924 г.
17. Ямзин И. О постановке колонизац. и миграционных проблем в России (там же).
18. „ Материалы землеустроит. съездов и совещаний 1919—24 г.г.

19. „ Отчетные записки Переселенческого Отдела НКЗ и дела НКЗ с 1918 по 1924 г.г.
20. „ Перспективный план по колонизации и переселению на 1923—1928 г.г. М. 1923 г. (ведомств. матерьял).

Закономерности эмиграционных процессов.

Ямзин. Переселенческое движение в России.
„ О постановке колонизационной и миграционной проблем в России. Труды Госколонита. Т. I. 1924 г.
Лубны-Герцик. Что такое перенаселение. 1923 г.
„ О нормах населенности. Труды Госколонита. Т. I. 1924 г.
Огановский. Закономерность аграрной эволюции. Т. I. 1903 г. Т. III. 1914 г.
Маслов П. П. Аграрный вопрос в России. 5 изд. Т. 1. 1917 г.
Лященко П. И. Очерки аграрной эволюции России. 1924 г.
F. Ratzel. Antropogeographie. B. I. 4 Aufl. 1921 г.; B. II. 3. Aufl. 1922 г.

Закономерности колонизационных процессов.

Ямзин. Переселенческое движение в России. 1912 г.
„ О постановке колонизационной и миграционной проблем в России. Труды Госколонита. Т. I. 1924 г.
Кауфман. Переселение и колонизация. 1905 г.
Огановский. Закономерность аграрной эволюции. Т. I. 1919 г. Т. III. 1924 г.
Скворцов. Экономика сельского хозяйства. 1924 г.

ЧАСТЬ II.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КОЛОНИЗАЦИОННЫХ РАЙОНОВ РСФСР

ГЛАВА I.

СИБИРЬ.

ВВЕДЕНИЕ.

Еще с XII века предприимчивые новгородцы—сначала в лице промышленников за пушниной, а затем и самого государства—пользовались Печорским водным путем для хождения в «Югру», т.-е. в область нижней Оби; в начале XVI столетия, по свидетельству проф. Бахрушина [1]), до 40 городков этой Югорской стороны уже были подчинены власти московских князей, воспользовавшихся тем же путем. Впоследствии этот путь и явился оживленным колонизационным протоком, соединявшим восточно-европейскую и северо-азиатскую низменности и обслуживавшим, главным образом, промышленные нужды населения русского Поморья за счет покорявшихся остяков, самоедов и прочих, облагавшихся данью, туземцев. Другой речной путь—Камский—сыграл еще бо̀льшую роль в деле колонизации «Сибири», т.-е. того, прежде всего, «царства», которое было образовано татарами по средней Оби и Иртышу. Для русских этот путь открылся лишь с падением Казани, при чем «именитые люди» Строгановы, получив монополию на колонизацию всей сибирской страны, успели к началу XVII века заложить здесь, в разных местах, уже 3 городка, 3 острожка 2 слободки, 2 монастыря и 118 деревень и починков с общим населением до 6 000 человек, занимавшихся и земледелием, и рыбными и звериными ловлями, и «варкою» соли. С завоеванием, инициативою тех же Строгановых, Сибирского царства, перспективы дальнейшего продвижения московской промышленной колонизации значительно расширились, и, в результате покорения еще ряда монгольских, калмыцких и киргизских племен и инород-

1) Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. Изд. Комитета Севера при Рус. Географич. Обществе. Петроград. 1922 г.

цев как запада, так и востока, и в результате продвижения, вслед за дружинами, промышленными различными экспедициями и просто искателями приключений, народных масс из центра бывшей России образовалась та Сибирь, в современном значении этого понятия, которую мы привыкли до последнего времени считать основным резервуаром российской колонизации, и которая простирается теперь как часть единого государственного целого от Урала вплоть до Великого океана.

На протяжении многих столетий пути хозяйственного овладения Сибирью неоднократно изменялись в своем экономическом содержании. Первоначально, в XVI и XVII веках, главною целью освоения и заселения Сибири была пушнина, столь заманчивая, особенно, когда она составляла предмет ясака с спешно вновь открывавшихся, с этой целью, все новых и новых инородцев. В XVIII веке создается новый интерес, заставлявший прибирать к рукам сибирские земли—горная промышленность,—в частности железо и золото. Местные крестьяне целыми волостями приписываются к вновь открываемым заводам, в рудники тысячами направляются ссыльные. К началу XIX века Сибирь, представлявшаяся Сперанскому, только как «прекрасное место для ссыльных, выгодное для некоторых частей торговли и богатое для минералогии, но не место для жизни и высшего гражданского образования», начинает, однако, привлекать к себе внимание правительства, а главное народа, и как колонизационный район с.-х. освоения, при чем начало более или менее организованной колонизации Сибири в этом отношении было положено еще указом 1799 года о заселении Забайкалья. С того, и по последнее время, Сибирь, как таковая, успела вместить в себя многие миллионы переселенцев-землеробов из центральной России и обратиться в огромной мощности с.-х. район.

Разным поводам освоения Сибири в разное время соответствовали и разные характеры колонизационного процесса. Сначала—это промышленные люди, выходцы либо из русского поморья либо центральных областей—предприниматели (своеужинники) и подсобный элемент (покрученики), за которыми для покорения нежелавших платить ясак инородцев шли дружины, а за ними и всякие «гулящие» люди; затем—принудительно поселявшиеся в местах гарнизонов и заводов разного рода крестьяне и служилые люди (путем «вызова», «прибора» и т. п.)—беглецы от помещиков, от гонения на старую веру, от Московских властей—вообще, и ссыль-

ные самой этой властью, и, наконец, в последнее пятидесятилетие—миллионы крестьянства, усматривавшего тогда в переселении в Сибирь единственный способ изменить свою тяжелую долю и стихийно шедшего в Сибирь—иногда вопреки прямому запрету правительства, опасавшегося развития вредного для помещиков «брожения». Все эти элементы—первые раньше, а последние позднее—встречались в Сибири с самыми разнообразными племенами, причем, в особенности сначала, новые пришельцы ограничивались лишь финансовым покорением туземцев (ясак), не нарушая даже их племенной организации. Впоследствии, и по мере территориального распространения русских, туземцы оттеснялись в места менее удобные, и это обстоятельство является объяснением к факту современной крайней отсталости и вымирания некоторых, наиболее слабых северных племен и экономической и культурной отсталости других.

Все наиболее многочисленное (т.-е. за последнее, перед революцией, двадцатилетие) переселенческое движение в Сибирь—движение, которое, в сущности, и обусловило современную экономическую мощность этой части Республики, протекало при содействии государства. Размеры этого содействия, характеризующие, вместе с тем, и общий размах движения, могут быть охарактеризованы следующим.

За десятилетие (с 1906 по 1915 г.) на переселенческое дело в Сибири было израсходовано свыше 250 милл. рублей и проследовало за Урал 3 800 000 переселенцев, при чем первое место по водворению принадлежит Томской губ. (39,7% всех водворившихся). Домообзаводственных и общеполезных ссуд было выдано, в общем, 850 тысячам семей (по 125 р. на семью),—организовано свыше 400 врачебно-продовольственных пунктов, свыше 500 пунктов продажи с.-х. машин и орудий. Почвенно-ботаническими исследованиями было охвачено более 145 милл. дес. земли, из коих 28 милл. дес. были признаны пригодными для культурной разработки. Статистико-экономически были обследованы свыше 1 милл. хозяйств (главным образом в целях обнаружения земельных излишков у инородцев),—отведено под переселение по собственно Сибири около 13 милл. дес. земли (больше всего в Томском районе—около 5,5 милл., затем в Енисейском—2,9 милл. и Иркутском—2 милл.). Гидротехнически обследовано, всего за Уралом, свыше 50 милл. дес., построено до 20 тысяч верст грунтовых дорог, расчищено леса на нескольких тысячах десятин в тайге, и, по-

путно с образованием переселенческих участков, землеустроено старожилое население на площади свыше 10 милл. дес.

Если принять во внимание, что никакие правительственные работы никогда не поспевали за темпом собственно народной колонизации, то и приведенные сухие цифры достаточно определят размах последней. Не скажут они лишь об отрицательных ее явлениях, остановиться на которых мы считаем необходимым, хотя бы вскользь, здесь же.

Основным дефектом колонизации Сибири, поскольку таковая зависела от правительства, следует признать отсутствие единого плана и системы. Под влиянием напора переселенческой волны, достигавшей в иные годы (1907 и 1908) 600 и более тысяч, правительство начерно лишь удовлетворяло потребности этой человеческой массы, наскоро готовило (межевало) переселенческие участки, наспех же и мелиорировало таковые, большей частью после их заселения, мало, в общем, заботясь о создании культурно-экономических условий в местах водворения, об увязке мест нового поселения с населенными прежде центрами и рынками и, наконец, об ограждении прав туземцев. В итоге множество переселенцев вынуждено было итти обратно, участки запустевали, хозяйство на многих из наиболее удаленных, хотя и удобных из них, не могло развиваться просто за отсутствием сбыта,—согнанные со своих мест «инородцы» экономически деградировали. Соответствия колонизации с обще-экономическими запросами колонизуемых районов и даже с их естественными ресурсами не было—в тайгу, напр., поселялся украинец или татарин только потому, что степных участков в данный момент не оказывалось. Соответствующие результаты особенно сильно сказались в пореволюционный период, и, вместо прежних молчаливо и принудительно раскрытых объятий навстречу любому количеству засельщиков из малоземельного центра, современная Сибирь с полным основанием отвечает на соответственные попытки: ни одной, пока, десятины под земледелие.

Лишь в самое последнее, перед революцией, время б. Министерство Земледелия, в лице Переселенческого Управления, пыталось ставить колонизационные вопросы в народно-хозяйственную плоскость,—в частности связать эти вопросы с железнодорожным строительством. Но попытки эти успеха не имели, так как общественная и экономическая мысль того времени склонна была освещать проблему колонизации только с аграрной точки зрения.

Неправильность этого последнего взгляда очевидна и особенно показательна на Сибири: ниже, под колонизационным углом, будет изложена ее краткая экономическая география. При ознакомлении с нею не нужно, однако, забывать, что даже и предшествовавшая революции колонизация обусловила в Сибири, и чисто американский рост городских поселений, и колоссальное увеличение (на 1, примерно, милл. дес.) посевной площади ежегодно, и двухсотмиллионные, в пудах, хлебо-излишки, и пятимиллионный (в пудах) вывоз масла, и сто милл. пудов вывоза сырья только по Зап. Сибири, и достижение Сибирской магистралью 13 милл. руб. чистого дохода и т. д. и т. д.

ЕСТЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК СИБИРИ.

Под Сибирью, в современных ее административно-территориальных границах, понимаются губернии Омская, Ново-Николаевская, Томская, Алтайская (Зап. Сибирь) и губернии Енисейская и Иркутская (Восточная Сибирь). Географически к первой из них относится Тюменская губ. и так называемая Ойратская автономная область (выделенная из Алтайской губ.), а ко второй—автономные республики: Бурято-Монгольская (выделенная частью из Иркутской губ., частью из Забайкалья) и Якутская. Административно Сибирь объединена единым управлением в Ново-Николаевске (Сибревком). Дальний Восток—восточное продолжение Сибири—составляет теперь обособленную единицу с своим управлением (Дальревком) и с специфическими чертами эволюции. Об этой окраине—отдельно и ниже.

Среди прочих окраин РСФСР Сибирь занимает исключительное место, как по своей огромной величине (свыше 4 000 верст от Урала) и по разнообразию естественных условий, так и по сравнительной ничтожности освоения ее человеческим трудом и капиталом. Целые пустыни тундры и лесов не имеют вовсе человеческого жилья, а между тем, потенциальные возможности края, особенно ввиду все увеличивающейся мировой потребности в сырье—колоссальны. Вопрос дальнейшего оживления Сибири—в победе над ее расстояниями и неблагоприятными, в общем, географическими условиями.

Западная Сибирь.

Поверхность. Простираясь от Уральского хребта до р. Енисея, Западная Сибирь в своей большей части равнинна, со сла-

бым склоном к Ледовитому океану. Лишь на юго-востоке Западной Сибири поднимается горная страна Алтай, с вечными ледниками, залежами полезных ископаемых (Кузнецкая котловина), стремительными реками и альпийскими пастбищами.

Растительность. Южная зона безлесных степей Западной Сибири, начиная с Иртыша и среднего течения Оби, переходит (между Тоболом и Иртышом) в лесостепь, уступающую место, на севере, таежной или урманной зоне. По мере приближения к северу и к востоку высокоствольные леса сибирской тайги мельчают, и, примерно на 64 параллели, их сменяет безлесная вечно мерзлая тундра.

Естеств. зоны. Таким образом, Западная Сибирь обнимает собою четыре основных естественных зоны, прорезываемые с юга на север крупнейшими р.р. Обью и Иртышем; на водоразделе последних залегает огромное непроходимое болото—Васьюганское, заграждающее путь земледельческой колонизации края от Сибирской магистрали к плодородным почвам р. Васьюгана.

Почвы. Почвы степной зоны по преимуществу щебенистые, с солонцами. Особенность главнейших степей—Барабинской и Ишимской—длинные песчано-черноземные гривы, понижения которых заняты солонцами, болотами и озерами. Обводнение степной зоны по общему правилу недостаточно.

Лесо-степь в своей центральной части—плодородный чернозем, сменяющийся на юге каштановыми почвами сухих степей и солонцами, а на севере—подзолистыми почвами тайги. По своему химическому составу сибирский чернозем не отличается от южнорусского. Почвы тундры—торфяно-болотистые, покрытые вечно сырым покровом из мхов и лишайников.

Климат. Климат Западной Сибири резко континентальный и с меньшими (кроме Алтая) осадками, по сравнению с одноширотными местностями Европ. части Республики. Средняя температура пятимесячного вегетационного периода одинакова с одноширотными западными районами $+15^0$), что при неистощенности почв, обусловливает сравнительную выгодность земледельческого промысла. Алтай—особенно в своей южной части—приближается по климату к лучшим районам Украины.

По мере приближения к северу, климат Западной Сибири делается все менее благоприятным. Средняя годовая температура таежной зоны —1^0 (в Европ. России одноширотные районы имеют $+1^0$), полярно же тундровая зона имеет среднюю годовую тем-

пературу от —0,2° до —7,8° (в Обдорском уезде). Именно климатические условия и являются, большей частью, главным препятствием успешной обработки в общем плодородной территории Западной Сибири.

Восточная Сибирь.

Поверхность. Восточная Сибирь гораздо более гориста, чем Сибирь Западная. Степи занимают здесь меньшие площади и прерываются меньшими возвышенностями; тундра обширнее и дальше продвинулась на север. % лесистости Восточной Сибири, выше, чем в Западной.

Почвы. Открытые и полуоткрытые равнины Восточной Сибири в высшей степени плодородны. Чернозем получил широкое распространение в равнинных частях Минусинского, Красноярского, Ачинского и даже Канского уездов. На юге и западе Минусинской котловины, по левую сторону Енисея, преобладают каштановые почвы, на лесном же средне-сибирском плоскогорье и в Енисейской тайге—лесные суглинки с различной степенью оподзоленности. В долинах рек и в пониженных сырых низинах—болотные и полуболотные почвы, на берегах же рек и иногда на водоразделах—пески. В Иркутской губ. чернозем залегает по долинам притоков Ангары, доходит до Иркутска и направляется вверх по Лене. В Якутской республике лучшие почвы—красноватый суглинок. Главные реки Восточной Сибири—Енисей и Лена.

Климат. Климат Восточной Сибири значительно континентальнее и суровее, чем в Сибири Западной. Сравнительно мягким климатом обладает лишь Минусинский уезд, где средняя годовая температура равняется +0,7°.

К культурно-земледельческой полосе В. Сибири относятся: Минусинский, Ачинский, Красноярский и Канский уезды Енисейской губ.,—вся прилегающая к железной дороге полоса Иркутской губернии и Бурмонгольской Республики. Средняя годовая температура здесь на 1 градус, в общем, ниже, чем в Западной Сибири (—0,23); количество осадков меньше на 20 *мм* (360). Менее благоприятен здесь, в общем, и климат зоны высокоствольных лесов, зона же тундры исключает вовсе возможность земледелия (средняя температура лета +5°). Предельная граница возможности земледелия, как постоянного и основного занятия населения, на севере граничит, повидимому, с 59° сев. широты.

НАСЕЛЕНИЕ.

Степень заселенности Сибири. Население современной Сибири распределяется по ее огромной, в общем, территории чрезвычайно неравномерно,—в силу того, что процесс этого распределения есть, в сущности, процесс непрерывной ее колонизации. На 8 с лишним милл. *кв. км* Сибири приходится ныне 9 с небольшим милл. душ обоего пола, или 1,1 чел. на *кв. км*, но, тогда как весь север края, примерно за 64 параллелью, населен крайне слабо (от 0,2 до 0,01 чел. на *кв. км*), и притом главным образом бродячими инородцами (переселенческий процесс здесь почти не имел места),—примыкающая к линии Сибирской железной дороги полоса обладает уже плотностью в 17 и более человек на *кв. км*. При этом следует отличать два вида плотности населения: административную, не превышающую в Сибири 10,7 чел. на *кв. км*. (Ново-Николаевская губ.), и плотность хозяйственную,— по обжитой части территории. Эта последняя плотность значительно выше первой, напр., по Алтайской губ. (8,2 и 17,3).

Самой густо населенной губернией Сибири должна быть признана Ново-Николаевская, если принять во внимание степень использованности ее земель.

Нижеприводимая таблица пояснит вышесказанное [1]).

Губернии	Общ. площадь [2])	Обжитая площ. [2])	Административн. плотность	Примерн. плотность общеж. част. и губ.
Омская	ок. 250 (219784)	229 (200554)	7,1	9,3
Алтайская . . .	222 (194734)	92 (81181)	8,2	17,3
Ново-Никол. . . .	144 (126502)	102 (89270)	10,7	14,4
Енисейская . . .	2580 (2246529)	108 (94647)	0,5	12,7
Томская	411 (361113)	200 (176000)	3,0	6,5
Иркутская (с 8-м.).	914 (803734)	—	1,1	—
Якутская	3880 (3311520)	—	0,09	—
	8401 (7263916)			

[1]) По данным В. И. Рубинского.

[2]) В тысячах *кв. км* (в кв. верстах).

Наименее использована территория Енисейской губ. Весь Туруханский край последней площадью свыше 1,6 милл. *кв. км* (1,5 милл. кв. верст) имеет населения лишь 17 000 чел. Зато в обжитой ее полосе плотность населения достаточно велика (12,7). Понижается общая плотность и Томской губернии Нарымским, почти совсем пустынным, краем. Вообще чем бо̀льшие массивы тундры и тайги включает в себя данная губерния и чем менее связываются отдельные ее местности с сколько-нибудь удобными путями сообщения, предопределявшими силу колонизационного процесса—тем менее показательными оказываются общие данные о ее плотности и тем резче колебания последней по отдельным уездам.

В общем и целом, Сибирь, даже в наиболее заселенных ее частях, уплотнена чрезвычайно слабо. 15 и даже 17 чел. на 1 *кв. км.* (максимальные плотности наиболее плодородных и удобных мест Зап. Сибири и Алтая)—величины, по сравнению с Европейской частью Республик—конечно незначительные.

Этнографический состав населения. Этнографически бо̀льшую часть населения Сибири составляют, в общем, русские, и лишь в Якутской Республике их всего лишь 12,5%. Русские, в общем же, оттеснили своим колонизационным потоком аборигенов страны на окраины, и так называемые «инородцы» удержались в центральной части Сибири лишь там, куда до сих пор русские почему-либо не проникали. Исключение, в этом отношении, составляют некоторые племена, издавна ведущие земледельческое хозяйство; но и здесь наделы переселенцев большей частью вкрапливаются в туземное землепользование. Из туземцев в настоящее время остались: вогулы—вымирающее племя в количестве до 10 000 чел. (на севере Тюменской губ.), экономически порабощенные зырянами, самоеды—оленеводы, также малочисленная народность, оттесненная к полярному северу, остяки—добывающие себе пропитание по р.р. Оби и Енисею звероловством и рыболовством, якуты—населяющие теперь свою Республику, занимающиеся и земледелием (на юге), и скотоводством, и охотою (на севере), буряты—живущие вокруг озера Байкала и занимающиеся земледелием и скотоводством, киргизы—оттесненные русскими на юг Омской, Ново-Николаевской, Томской и Алтайской губ.,—частью еще кочевые скотоводы, частью переходящие к земледелию, алтайцы—близкие по роду занятий с киргизами,

сагайцы, качинцы, кизильцы, тунгусы и др.,—разделившие, в смысле экономического оттеснения и общекультурной угнетенности, участь всех вообще инородцев Сибири в результате колонизаторской политики России прошлого.

Что касается русского населения, то последнее составилось в Сибири из представителей буквально всех населяющих Европейскую часть Республики народностей и губерний. На-ряду с чистым татарином здесь, нередко в одном и том же селении, встречаются горцы, украинцы, белоруссы, мордовцы, великороссы и башкиры,—все, более или менее ассимилировавшиеся на местных условиях,—в значительной степени воспринявшие туземные навыки. С другой стороны, в отдельных частях Сибири раскинулись и компактные гнезда выходцев отдельных губерний. Недавнему переселенцу («самоходу»—по обидно насмешливому прозвищу прошлого) противополагаются старожилы («чалдоны»), основание оседания которых в Сибири нередко кроется в кнуте и ссылке. Сибирские старожилы—выдержанный и крепкий народ, чуждый какой бы то ни было сантиментальности и закаленный в борьбе с суровой природой. В составе старожилов особую группу занимали до последнего времени казаки (до 60 000), поселявшиеся в Сибири для ограждения ее постепенно отходивших к востоку и югу границ от набегов кочевников. Казакам (западно-сибирским), в частности, была отведена раньше лучшая, прилегающая к Иртышу полоса земли, отрезавшая от реки туземцев киргиз.

Широко-захватному хозяйству старожилов в Сибири был положен предел работами переселенческой организации, а всем вообще категориям землепользователей — Октябрьской революцией.

Следует, при этом, иметь в виду, что частного землевладения в Сибири почти не было (на всю Сибирь не более 500 тыс. дес.) за исключением отдельных пожалованных раньше «поместий» и казачьих «офицерских» участков.

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПРОМЫСЛЫ.

Землепользование. Современное использование территории Сибири под сельское хозяйство может быть охарактеризовано нижеследующей таблицей:

Губернии	Площ. землеп. сел. нас.	% к общ. площ.	Число хоз. в сел. местн.	Над. земли на 1 хоз. (средн.)
Тюменская . . .	7 922 432	7,1	144 094	55,0
Омская	13 715 976	68,7	269 911	50,8
Томская	7 987 643	20,3	166 196	42,0
Енисейская . . .	10 350 598	4,1	155 963	66,3
Ново-Никол. . . .	8 024 000	58,9	175 218	45,9
Алтайская (без Ойратска) . . .	7 802 544	72,7	245 538	31,7
Иркутская . . .	4 193 231	5,5	86 339	48,5

Эта таблица интересна в двух, прежде всего, отношениях. Так как местности, не охваченные земледелием, или вовсе пустынны или населены весьма слабо инородцами и, вообще говоря, не эксплоатируются, то использование природных богатств Сибири вообще может считаться охватывающим только ту ее часть, которая освоена земледелием, т.-е. $^1/_{14}$ часть Тюменской губ., $^1/_5$ Томской и т. д. С другой стороны, общегубернские данные, при разложении их на уезды, дают совершенно иную, как, напр., по Тюменской губ., картину. Оказывается, что % использования земли в Ялуторовском уезде достигает 87, в Ишимском 77 и т. д. Иначе говоря—здесь, так же как и в отношении плотности, наблюдается явление понижения общего итога использования территории губернии за счет неудобных, лесистых, либо болотистых, частей ее.

Далее обращает на себя внимание как бы чрезмерная обеспеченность землей сибирского населения, по сравнению с средне-европейской. Однако, если принять во внимание, что, с одной стороны, в состав наделов здесь входит и лес и что система полеводства лишь едва приходит, по общему правилу, в залежно-паровое и в лучшем случае в двух- и трехполье, при чем хозяйство сибиряка вообще чрезвычайно экстенсивно (площадь пашни занимает, в составе надела, видное место лишь в лесо-степных губерниях, в остальных же не превышает $^1/_6$, а посев относится к пашне лишь в 40—50%), то при этих условиях означенное

обстоятельство представляется и легко объяснимым и, сравнительно, нормальным. Сибирь, в ее культурной полосе, переживает кризис залежно-парового хозяйства, что особенно чувствительно сказывается на инородцах.

Посевная площадь. Посевная площадь 6 губерний современной Сибири (без Якутской области) определялась в 1920 г. в 8 милл. дес., из них 52% было занято пшеницей (преим. Зап. Сибирь), при чем твердые сорта преобладают в Тюменской и Томской губ., а мягкие в б. южных частях Сибири и на Алтае. К востоку, как и с юга на север, посев пшеницы уменьшается (новое его повышение—в Минусинском уезде) за счет ржи; далее, главное место из кормовых растений занимает овес; некоторое значение имеет в хозяйствах посев льна и конопли. Преобладают в Сибири яровые хлеба. В % отношении отдельные культуры располагаются по губерниям так:

Губернии	Продов. раст.	Кормовые раст.	Технич. раст.
Алтайская . . .	60	37	3
Омская	65	33	3
Томская . . .	58	38	4
Енисейская . .	69	28	3
Иркутская . .	74	23	3
Тюменская . .	60	37	3

Урожайность. Очевидно, в Сибири преобладает зерновое хозяйство, при чем урожайность здесь всех хлебов за последнее 8-летие понижается на 20—25%, особенно в западных губерниях, определяясь, в среднем, в 983 *кг* (60 пуд.) с десятины. Напротив, в районах со свежими почвами (даже в Нарымском крае) урожаи и теперь бывают очень высоки (до 3 276 *кг* (200 п.) пшеницы, 2 457 *кг* (150 пуд.) овса и т. д.).

Хлебный баланс. Хлебный баланс рассматриваемых частей Сибири может быть охарактеризован, по данным посевной площади 1920 г., тем общим выводом [1]), что Сибирь, в целом, может дать излишков хлеба до 278 милл. *кг* (17 милл. пуд.). Эта цифра чрезмерно низка: в довоенное время из Сибири (правда с Семипалат. и Акмол. обл.) вывозилось до 1 310 милл. *кг* (80 милл. п.); общие же зерновые излишки исчислялись в 1 638 милл. *кг* и

[1]) По отдельным губерниям, ввиду изменения их границ, данные не показательны.

выше. Тем не менее сельскохозяйственное значение Сибири—в частности как поставщика хлебного сырья—продолжает оставаться потенциально огромным, при условии рационализации с.-х. производства и обеспечения последнего рынками сбыта. Такие факты, как доведение цен на пшеницу в южных степях Сибири до войны до 15—30 к. пуд,—вследствие отсутствия рынков и путей сообщения,—конечно, способны дискредитировать всякие производственные начинания.

Животноводство. Сельскохозяйственную будущность Сибирского, главным образом Западного, края особенно подкрепляет состояние в Сибири животноводства, тем больше дополняющего земледелие, чем севернее или южнее оно осуществляется. Особо богаты скотом Тюменская, Томская и Алтайская губ.,—как и Бурмонгольская и Якутская республики и Ойратская область.

По обеспеченности сельского населения скотом Сибирь стоит на первом месте в ряду земледельческих районов РСФСР и всеми видами скота превосходит каждый в отдельности из этих районов в два-три раза. Без всякого скота в Сибири всего лишь 4,2% наличных хозяйств, тогда как в центральной РСФСР 8%; без рабочего скота в Сибири 8,7% (против 27,3 по РСФСР) и без коров—7,5% (против 12,8%). Среднее обеспечение одного хозяйства по Сибири скотом: лошадьми рабоч. возраста—2,4; крупным рогатым скотом старше года—2,9; овцами—4,1; козами—0,1 и свиньями—1,6.

Правда, в последние годы животноводство потерпело значительный урон, но все же далекий от размеров урона по урожайным губерниям. Весьма серьезно отразился в Сибири урон крупного рогатого скота на маслоделии. Сибирский скот не отличается особо выдающимися качествами, но главные его достоинства—выносливость и большое содержание жира в молоке. Значительное развитие получило здесь в прежнее время и овцеводство (тонкорунное—в Минусинском уезде), ныне почти заглохшее.

О л е н е в о д с т в о на севере Сибири находится в крайнем упадке. Общее число оленей приближается, вероятно, к 1 милл. (главным образом по Тюменской губ. и Якутск. респ.), но точного их учета не ведется. Уход за оленями совершенно примитивный, и вместо 10—12 милл. руб. валового дохода, возможного при рациональном оленеводческом хозяйстве, последнее ведется едва ли не убыточно, служа жалким средством существования вымирающим народностям.

Особой, присущей только Сибири, отраслью животноводства является мараловодство — в пределах горного Алтая и юга Енисейской губ. Марал—это разновидность оленя, при чем главную ценность маралов составляют их рога (панты), фунт которых расценивается в Китае по 20—25 руб. Всего маралов на Алтае до 5 тысяч.

Пчеловодство. Значительным подспорьем в сибирском хозяйстве являлось до сих пор пчеловодство, особенно развитое на Алтае и в Томской губ., и лишь Юго-Восток преобладал над Сибирью в % занимавшихся пчеловодством крестьянских хозяйств (3,4 против 2,4).

Принимая во внимание, что при рациональном ведении пчеловодческого хозяйства с рамочного улья можно получить до 131 *кг* (8 пудов) меда по 8 руб. пуд., и что средний размер пасеки в Сибири определяется в 12,1 ульев, доход от всего пчеловодства в Сибири может быть определен в 2 с лишним милл. руб.

Птицеводство. Птицеводство (домашнее) постепенно приобретает в Сибири значение выгодного промысла. Богатство водой и лугами обусловливает особенное удобство для разведения гусей и уток. В Омской губ. сильно развито куроводство и яичный экспорт. Сибирская домашняя птица находила себе сбыт как на английском, так и на немецком рынках.

Вывоз, вообще, из Сибири пищевых продуктов животного происхождения, вследствие неприспособленности транспорта (недостаточность холодильников), особенно значительным не был. Однако, в 1911 г. из Западной Сибири было вывезено в тыс. *кг* (в тыс. пудов):

мясных продуктов	48 600 (2 967)
крупн. рогат. скота	17 805 (1 087)
мяса	41 766 (2 562)
свинины	4 128 (252)
яиц	3 882 (237)
бит. птицы (дом.)	803 (49)
„ (дичь)	803 (49)

ЛЕСА СИБИРИ.

Общая площадь и степень доступности. Общая площадь лесов Сибири, по приблизительным подсчетам, исчисляется в огромной цифре—до 400 милл. дес., распределяющихся по отдельным губерниям следующим образом:

	В тыс. дес. Общ. площ.	В том числе доступная к экспл.
Омская	5 626	4 366
Н.-Никол.	4 904	4 531
Алтайская	2 292	2 026
Ойратская	5 126	2 771
Томская	31 536	14 387
Енисейская	185 119	10 545
Иркутская	66 613	7 614
Якутская	40 000	—
Тюменская	56 000	14 500
Итого . . .	397 000	61 000

Только в трех первых губерниях леса оказываются, в своей преобладающей части, доступными к эксплоатации. В остальных значительная, а в Енисейской губ. огромная, часть лесов недоступна, плохо обследована и, частично, вовсе неизвестна. Таким образом, и самое исчисление общей площади всего лесного массива Сибири может быть произведено только предположительно. Состав лесов в зависимости от естественных зон—весьма разнообразен. Тундра и лесостепь, в общем, мало ценны в лесном отношении, таежная же полоса и предгорья богаты сосной, кедром (наиболее ценная порода из лесных насаждений Сибири), елью, пихтой, лиственницей, березой и осиной. Процент лиственных лесов в составе произрастаний тайги достигает в иных местах 80 (южная часть Васьюганского района), в среднем же для равнинно-болотного пояса составляет 54%, что априорно предопределяет сравнительную легкость колонизации таких местностей.

Лесные районы. По экономическому признаку леса Сибири могут быть разделены на следующие районы: Иртышский—с крайне неудобным в отношений существующих рынков расположением лесных массивов, Обский—с огромными лесными площадями, используемыми лишь по средней части района, Енисейский—с весьма ценными, но также мало эксплоатируемыми лесами и Прибайкальский. Общая черта всех районов—ничтожное лесоиспользование, за отсутствием людей, дорог и, конечно, рынков.

Размеры современного отпуска леса. Действительный отпуск древесины из казенных лесов не превышает по Сибири 7—8% возможного отпуска. В конечном итоге—вследствие отдаленности от путей сообщения и отсутствия населения до 90% существующих лесов горят, заболачиваются, засариваются и вообще пор-

тятся совершенно бесцельно. Между тем в южных степных областях Сибири во всей своей силе ощущается лесной голод.

Возможные излишки леса на внесибирский рынок. Учитывая полное удовлетворение южного спроса на лес при условии организованного транспорта и рационального использования всей вообще доступной к эксплоатации лесной площади в Сибири, разные исследования разно определяют и возможные, в результате, ежегодные излишки (экспорт): Н. И. Григорьев—в 46 милл. *кв. м* (4,7 милл. куб. саж.), А. А. Дунин-Горкавич—в 48,6 милл. *кв. м* (5 милл.). Во всяком случае полная эксплоатация сибирской тайги, мыслимая, впрочем, лишь при широком развитии колонизации, может удовлетворить все вообще нужды Сибири, дать крупные излишки на экспорт и широко развить механическую и химическую лесную промышленность.

РЫБОЛОВСТВО.

Рыболовство в Сибири распространено в районах Барабинском, Обском, Енисейском и Байкальском, но лишь во втором из них, а именно в неземледельческой полосе Тюменской губ., оно составляет основное занятие немногочисленного местного населения и имеет достаточно крупное промышленное значение в жизни края, с вывозом около 16 милл. *кг.* (1 милл. пуд.) довольно ценной рыбы на Урал и в серединную часть РСФСР. Рыбным промыслом в низовьях Оби занято около 10 000 чел. Способ приготовления прекрасной, в общем, рыбы в Сибири—примитивен. Общая ценность рыбного промысла во всех районах не превышает пока 4 милл. руб.

ЗВЕРОЛОВСТВО И ПУШНОЙ ПРОМЫСЕЛ.

Охота на всякого рода зверя и птицу играет значительную роль в экономике жителей как полярной тундры Сибири, так и тайги. Но неорганизованность этого промысла, а также лесные пожары уменьшают из года в год его значение, и количество промысловых животных быстро сокращается. В частности, это замечание относится прежде всего к соболю, хождение за которым явилось одной из первопричин колонизации Сибири и который уже редко встречается в западных областях. По отдельным губерниям Сибири охотничий промысел имеет свои особенности.

Так, в Тюменской губ., главным образом на севере, промышляется песец, горностай, волк, дикий олень, белка, лисица и заяц; в меньшем количестве—соболь, колонок, бурый медведь, лось, россомаха, выдра и некоторые виды птиц—напр. глухари, тетерева и, особенно, рябчики. В общем, за 1913 г.—на 538 284 р. В Томской губ. белка (на севере) и марал (на Алтае); в Нарымском крае—соболь, лиса, горностай и некоторые другие виды животных и птиц; для туземцев охота здесь составляет основное занятие. В Енисейской губ. главным предметом охоты является песец, при чем общая ценность охотничьего, в этой губернии, промысла может быть определена за год в сумме не менее 1 милл. руб. В общем и целом, пушной промысел дает инородцам Сибири (русские занимаются охотой случайно) до 2 милл. руб. ежегодно; при исключении же скупщической прибыли тот же промысел мог бы давать вчетверо больше.

ИСКОПАЕМЫЕ И ГОРНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

1. Алтай.

Районы полезных ископаемых. Алтайский район Сибири чрезвычайно богат золотом, серебром, медными, свинцовыми и цинковыми рудами (южная и юго-вост. часть), солью (юго-зап. и зап. часть), россыпным золотом, серебром и железной рудой (средняя часть) и, наконец, каменным углем и железными рудами (Кузнецкий бассейн) и золотоносными россыпями (Кузнецкий Алатау). Наибольшее значение имеет здесь Кузнецкий бассейн, запасы минерального топлива в котором, по мнению некоторых исследователей, превышают запасы угля Донбасса по крайней мере в 30 раз. Число открытых и действующих здесь копей весьма значительно. К разработке некоторых из них, на началах акционирования, привлечены теперь и иностранцы. Вообще же развитию рудного дела на Алтае препятствовал неоднократно недостаток рабочих рук,—недостаточная плотность населения этого края, и, главным образом, недостаток обслуживающих район путей сообщения. По сравнению с колоссальными возможностями, использование Алтая совершенно ничтожно.

Енисейский район.

Енисейский район изобилует чрезвычайно богатыми медными рудами (7 групп месторождений), железными рудами (8 групп), ка-

менным углем, в частности величайшим в мире Тунгусским бассейном в Туруханском крае, полезной площадью свыше 427 000 *км* (400 000 верст), золотом (особенно в Енисейском уезде, давшем за период 1882—1899 гг. по 3 522 *кг* (215 пуд.) в год из общей добычи, за это время, по губернии 44 701 *кг* (2 729 пуд.), графитом, асбестом, солью и слюдою.

Иркутский район.

Иркутский район не менее богат железными рудами, медью, углем, солью, асбестом, цинком, оловом и, наконец, знаменитыми Ленскими золотоносными приисками, богатейшими в мире,—давшими уже до 491 000 *кг* (30 000 пуд.) шлихового золота, при таком же еще остатке. Кроме того, золотые россыпи меньшего значения имеются в губернии почти повсеместно, при чем не исключена возможность открытия новых, богатых золотом, залежей.

В общем и целом, как видно из вышеизложенного, запасы полезных ископаемых по Сибири колоссальны, но их разбросанность и неорганизованность транспорта отрицательно влияют на темп эксплоатации. Наиболее важной отраслью горного дела в Сибири является, несомненно, тяжелая металлургическая промышленность, сосредоточивающаяся в двух главных центрах: Кузнецко-Алтайском и Минусинском. Первый—особо выгоден по огромным и удачно сочетаемым запасам хорошо разведанных руд и минерального топлива, с уже наличными жел. дорогами и достаточно освоенный населением, и второй—вполне благонадежный для развития крупной металлургической промышленности, при условии сооружения новых крупных заводов. При всем том, все же для должного развития горной промышленности в Сибири недостаточно еще людей и развитой сети путей сообщения. Восполнить этот пробел и тем реализовать исключительно богатые перспективы Сибири в отношении горного промысла—задачи государственной колонизации подлежащих территорий. Естественные условия для этого более чем благоприятны.

ОБРАБАТЫВАЮЩАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ СИБИРИ.

В Сибири, как стране по преимуществу земледельческой, обрабатывающая промышленность началась именно с обработки продуктов земледелия: мукомольное дело (главным образом в Том-

ской и Ново-Николаевской губ.), винокурение, кожевенное дело, пимокатное производство, мыловарение и т. п. отрасли, носящие в некоторых местностях преимущественно кустарный характер. Более сложные формы обрабатывающей промышленности и по сю пору находятся в зачаточном состоянии—по той же общей для Сибири причине: малой степени развития всякой вообще промышленности, недостатку равномерности в распределении населения, недохватке рабочих рук в наиболее интересных районах и недоразвитости, а иногда и полному отсутствию путей сообщения и близких, достаточно емких рынков.

Лишь в недавнее время (с 1918 г.) в Сибири начинают образовываться крупные предприятия по производству, прежде всего, сахара, но начинания эти (в Алтайской губ. и в Минусинском уезде) были ликвидированы во время гражданской войны. Между тем здесь имеются все шансы на развитие не только свеклосахарного производства, но и льно-обделочных заводов, а значит и на развитие текстильной промышленности; суконные фабрики явились бы логическим последствием укрупнения масштаба тонкорунного овцеводства. Использование безбрежной тайги открывает широкие возможности к возникновению механической и химической лесной промышленности, начатки которой были заложены еще Переселенческим Управлением. Колонизация и здесь оказывается альфой и омегой всего дела.

Особо, в области обрабатывающей промышленности, должно быть отмечено маслоделие—самая видная отрасль сибирской промышленности. Число маслодельных заводов выросло за десятилетие с 1893 г. с двух до 380, вывоз же масла из Сибири с 36 милл. *кг* (2,2 милл. пуд.) в 1903 г. достиг в 1911 г. 72 милл. *кг* (4,2 милл.)—на 4,6 милл. руб. (при общей стоимости производимого масла в 60 милл. руб.)—главным образом за границу. Такой эффект—непосредственное влияние колонизации, с внешним ее проявлением—постройкой Сибирской ж. д. Главный район производства масла—Ново-Николаевск, Алтайская, Томская и Тюменская губ. В самое последнее время на Алтае сильно развивается сыроварение. В кедровых районах имеют место—правда в незначительных размерах—работы по производству кедрового масла (напр. в Бийском уезде, Алтайской г.).

ПУТИ СООБЩЕНИЯ.

Пути сообщения—первооснова развития и, вместе с тем, самое больное место Сибири. Долгое время первые русские засельщики Сибири довольствовались в ней естественными путями—реками и волоками между ними, но по мере усложнения экономической жизни Сибирь стала задыхаться от никчемности огромных водных артерий, не дававших выхода к рынкам и не согласованных в своей эксплоатации с сетью других видов и способов транспорта. Тем не менее, значение водных путей для Сибири не уменьшилось, и они продолжают играть огромную роль в общей экономике края,—едва ли, в общем, меньшее, чем пути железнодорожные, ввиду основного характера сибирских грузов (громоздкость, дешевизна) и цели их направления (внешние рынки). Значение грунтовых путей (знаменитых сибирских трактов, вроде «московского»), конечно, сильно упало, но при недоразвитости и неорганизованности прочих путей сообщения, некоторые из грунтовых и полу-шоссейного типа дорог, особенно из построенных Переселенческим Управлением в таежных районах, продолжают и поныне служить едва ли не единственным средством связи отдаленных районов с рынками и эконом. центрами.

Железные дороги. а) Сибирская магистраль, построенная в 1898 г. до Иркутска,—единственная крупная железнодорожная артерия, связывающая Европу с Великим океаном. Экономическое ее значение огромно как в области колоссального увеличения сибирского экспорта, так и вообще в деле изменения характера и форм сибирского хозяйства (об этом ниже). Ко времени империалистической войны эта дорога из бездоходной превратилась в первую по доходности из всех железных дорог (выше б. Николаевской), способствовала развитию городских центров и т. д., и т. д. Однако, еще и до войны она оказывалась перегруженною и не могущей удовлетворить предъявлявшимся к ней требованиям. Продолжение собственно Сибирской дороги—Забайкальская и далее на восток—Амурская.

б) Эскибастуская—угольного значения, 101 *км* (95 в.).

в) Ветка на Томск 95 *км.* (89 в.).

г) Тюмень-Омская, разгрузочного для магистрали характера, 557 *км* (522 в.).

д) Алтайская (Ново-Николаевск — Бийск — Барнаул) — крупного колонизационного значения (около 640 *км*) (600 в.).

е) Кулундинская (ст. Татарская—Славгород) 160 *км* (150 в.)—начало соединения Сибирской магистрали с проектируемой Южной магистралью, земледельческо-колонизационного значения.

ж) Ачинск-Минусинская (колонизационная).

з) Юрга-Колчугинская (то же) и

и) Колчугино—Кузнецк—Тельбес 286 *км* (268 в.), теперь достраивающаяся и обслуживающая каменноугольное дело.

Нетрудно видеть, что при огромном масштабе Сибири этих железнодорожных линий более чем недостаточно, и миллионы десятин нетронутых рукой человека земель Сибири с их недрами и поверхностными насаждениями—лучшее тому доказательство. Не менее свидетельствует о том же и замедлившийся, в связи с перегрузкою Сибирской магистрали, темп экономического роста края. Стимулировать последний—дело дальнейшей колонизации Сибири на новых основаниях,—прежде всего при посредстве нового железнодорожного строительства.

Водные пути. Положительные свойства сибирских рек—их длина и полноводность—обнаруживаются в полной мере лишь в их нижнем и отчасти в среднем течении. Между тем, население и экономическая жизнь сосредоточиваются здесь по преимуществу в верховьях. С другой стороны, впадение главных рек Сибири в Ледовитый океан и протекание их лучшей части по суровым климатам и безлюдным районам также уменьшают экономическую ценность этих исстари путей колонизации. Кроме того, сибирские реки изобилуют, особенно в верхних течениях, мелями и перекатами.

Обь—судоходна почти на всем своем протяжении. Бассейн ее рек—15 888 верст. Устья Оби—естественный выход на внешние рынка, вся же вообще система, при условии ее комбинирования с железнодорожными или водными же путями сообщения, может приобрести огромное значение в деле лесного экспорта. Главные реки системы: Томь (судоходна до Кузнецка), Тавда и Чулым (судоходны), Иртыш (судоходен), Тура и Тобол (мало удобны для пароходства — более удобны для сплава).

Енисей—судоходен вплоть до Минусинска, Ангара—порожиста, но, при условии приведения ее в удобный для судоходства вид и соединения с проектируемой ж. д. Томск—Енисейск, сулит огромные возможности в деле колонизации огромного района, с выходом продукции в устье Енисея и далее, в океан.

Лена—судоходна от Жиголовой, ниже Витима—даже для морских судов.

Экономическое значение всех этих водных артерий, как выше сказано,—огромно; особенно в соединении с Сибирской магистралью. Так, алтайский хлеб идет с верхнего течения Оби до Н.-Николаевска, далее, в перемоле на муку, по железной дороге,—частью водой на Тюмень и далее на Котлас, все продукты Приленского край следуют водой и т. д. Дальнейшее использование существующих рек, их мелиорация, соединение и комбинирование с ж. д.—вопрос последующей планомерной колонизации Сибири.

Колесные пути. Колесных путей насчитывается по описываемым районам Сибири свыше 213 т. *км* (200 тысяч верст) около одной десятой части которых—чисто колонизационные. На все огромное протяжение Сибири их, конечно, совершенно недостаточно, тем более, что условия климата чрезвычайно тяжело отзываются на состоянии этого рода сооружений. Огромное количество участков так наз. «переселенческого фонда» продолжает быть необслуженным никакими дорогами, составляя в полном смысле слова «мертвый» экономически фонд.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЦЕНТРЫ СИБИРИ.

Центры современной хозяйственной жизни Сибири, ее товарно-распределительные пункты и передаточные пункты сырья далеко не совпадают с подобными центрами в прежнее время. В результате проведения железных дорог и заселения края рост городов и населенных пунктов Сибири был далеко не одинаков,—трудно в соответствии с этим предопределить и дальнейшее развитие отдельных из них. Наиболее значительные центры Сибири следующие: Тюмень—конечный пункт водного пути для сибирских грузов на Пермь-Котласскую дорогу. Современный губернский центр, будущее экономическое значение которого проблематично, ввиду возможных обходов его новыми линиями железных дорог. Тобольск—мало экономически развит.

Омск—особенно выгодно расположенный географически (на пересечении магистрали с Иртышем)—б. центр громадных операций по сосредоточению сибирского сырья и обширных складов с.-х. товаров. Ныне в связи с отходом к Киркраю питавших его южных областей—несколько утратил свое значение.

Ново-Сибирск—современная столица Сибири, выросший из 15-тысячного поселка буквально по-американски, вследствие тяготения к нему по водным и жел. дор. путям всего Алтайского района и нахождения на магистрали. Дальнейшее его развитие совершенно несомненно.

Томск—прежний центр Сибири—теперь уступил свое место Ниво-Николаевску. Его будущее зависит полностью от новых ж.-д. путей. Обилие учебных заведений, университет и политехникум.

Барнаул—административный и экономический центр Алтая—местный Ново-Николаевск. Бийск—хлебный центр своей округи.

Красноярск—средоточие грузов богатого Минусинского края. Минусинск и Енисейск имеют все основания для дальнейшего роста, при условии проведения новых путей.

Иркутск—падающий центр, без достаточно развитой промышленности. Распределитель товаров, идущих в золотоносные районы. Собственных грузов мало.

Кроме этих общеизвестных городских центров Сибири, в последней, под влиянием постройки магистрали, возникли новые пункты: Татарск, Сибирская, Богатол, Тулун, Камень, Усть-Чарышское, Берское, Славгород и др. Их возникновение—результат недавней колонизации. При условии углубления последней будущее их обеспечено.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ СИБИРИ.

Из вышеприведенного краткого экономического обзора народнохозяйственной жизни Сибири явствует, во-первых, что естественные производительные силы ее крайне разнообразны и потенциально колоссальны и, во-вторых, что использованы они в сколько-нибудь значительной мере лишь в области сельского хозяйства. Промышленность, как добывающая, так и обрабатывающая, находится в зачаточном состоянии,—колоссальные площади Сибири пустуют, и, в общем, Сибирь, как таковая, и в десятой доле не производит того, что при условии рационального использования она производить могла бы.

Перспективные запросы Сибири. Какие, однако, основные запросы выдвигаются в этом отношении самой Сибирью и государством в целом? В общем они сводятся к следующему.

1. Экспорт колоссальных запасов леса на рынки Западной Европы через порты Ледовитого океана и Балтийские и через устье реки Енисея:

2. Снабжение лесными материалами и древесным углем Урала, постепенно истощающего свои лесные запасы, а также снабжение лесом степных областей юга Сибири, Киркрая и Туркестана.

3. Развитие, в целях экспорта, сельскохозяйственной продукции в сторону продуктивного скотоводства и возделывания технических культур и -

4. Развитие горной металлургической промышленности.

Все эти запросы, каждый в отдельности и вместе взятые, настолько одинаково жизненны для государства, что априорно наметить очередность их удовлетворения не представляется возможным; но именно совокупность данных запросов и определяет объем колонизационной проблемы, понимая под колонизацией всестороннее развитие производительных сил края, основанное на пополнении местных ресурсов трудом и капиталом.

Значение путей сообщения. Как мы видим, развитие каждой отрасли народного хозяйства Сибири упирается, как в тупик, прежде всего в проблему организации транспорта.

Сибирская магистраль. Так, до проведения Сибирской ж. д. и самое переселенческое движение в Сибирь не отличалось интенсивностью. За трехсотлетний период население последней едва достигло $6\frac{1}{2}$ милл. душ, из коих русских около 4 милл., при чем русские пришельцы занимали, главным образом, центральную степную и лесостепную часть сибирской низменности, заходя вглубь материка лишь по долинам крупных рек. Сосредоточившись на небольшой, сравнительно, полосе, тяготея к немногочисленным экономическим центрам—городам, это население занялось по преимуществу земледелием, развитию которого способствовали девственные почвы Сибири и земельный ее простор. Почвенная карта последней есть, в сущности, график ее колонизации: вся черноземная и соприкасающаяся с ней полосы заняты, почти сплошь, переселенцами, развивавшими свое хозяйство вширь, используя для выпаса скота большие смежные с собственно пашнею площади. Сибирский простор обусловил распространение залежной системы хозяйства, отсутствие же надлежащей организации сбыта повлекло за собой длительность этой системы и натуральный характер земледельческого промысла. Те же причины (недоразвитость путей сообщения и рынков) замедляли также и

развитие сибирской промышленности, и экономическая жизнь Сибири вообще не могла получить должного размаха.

С проведением «Великого Сибирского пути» жизнь Сибири получает сильный толчок вперед, и опять-таки прежде всего в отношении вселения в нее нового трудового элемента. С 30 тысяч человек ежегодной сибирской колонизации до постройки дороги, ежегодная цифра вселения достигает за последующее двадцатилетие (1896—1916) 200 тысяч, превысив в 1908 г. 650 тыс. человек. Всего за последнее двадцатилетие в Сибири русского элемента водворилось столько же, сколько за всю трехсотлетнюю историю (4 милл.). В связи с этим чрезвычайно быстро растет посевная площадь Сибири (с 3,7 милл. дес. в 1905 г. до 8,1 милл. дес. в 1915) и, соответственно, сбор хлебов (с 2 621 м. *кг* (160 милл. пуд.) в 1905 г. до 4 914 милл. *кг* (300 милл.) к 1915). Переполнение Сибири хлебом (вывоз из Сибири хлеба в 1916 г. достиг 1 360 милл. *кг* — 83 милл. пуд.) обусловило собой установление, по настоянию центральных аграриев, так назыв. челябинского перелома тарифа, что в результате стимулировало удешевление с.-х. производства путем его машинизации. В одном 1913 г. с.-х. машин было ввезено в Сибирь свыше 81,9 милл. *кг* (5 милл. пуд.) против 5 733 тыс. *кг* (350 тыс.) в 1901 г., и в Сибири, таким образом, получило широкое распространение экстенсивно-машинная обработка полей. Резко, под влиянием расширения и развития собственно земледельческого промысла в Сибири, выросло и животноводство, при чем на 100 душ населения оказывалось: лошадей 55, крупн. рог. скота 74, овец и коз 65 и свиней 16, тогда как в 50 губерниях Европейской России соответственных видов скота на 100 душ приходилось всего: 20, 30, 34 и 11. Маслодельная промышленность (см. выше) развивалась соответственно.

Значительно меньшее влияние оказало проведение Сибирской ж. д. на внесельскую обрабатывающую и добывающую промышленность, так как наиболее ценные, напр., месторождения полезных ископаемых оказались вне сферы влияния магистрали, а подъездных путей к ней построено сразу не было. Не было, конечно, и должного капитала у местного, по преимуществу новосельческого, населения, центр же, в лице своего финансового и промышленного капитала, продолжал смотреть на Сибирь, как на штрафную, по преимуществу, колонию, пытавшуюся к тому же удешевлять производство сырья,—к невыгоде помещиков центральной полосы. Усилилась здесь лишь добыча леса и угля—главным образом для

нужд самой ж. д., но и это лишь временно—пока не были использованы прилежащие к дороге месторождения. Как на курьез в этом отношении следует указать, что Томская ж. д. в 1921 и 1923 г.г. получала шпалы с Урала.

Коротко говоря, даже проведение одной только Сибирской магистрали, с весьма ограниченным, на юг и на север, влиянием, переродило Сибирь, дав ей за двадцатилетие такой толчок к развитию, которого она не имела и за все 300 лет до того времени. Но этот толчок уже утратил теперь свою силу, несмотря на то, что после проведения Сибирской магистрали к ней в меридиональном направлении уже пристроен теперь ряд линий, и для дальнейшего развития производительных сил Сибири, даже с наличным населением, требуются новые и новые железнодорожные оси колонизации. Без них невозможно создание местных крупных рынков и вообще культурно-экономических центров,—немыслимо согласование местных отраслей народного хозяйства между собой и общереспубликанскими, в целях планомерного использования рынка внешнего. Бессмысленна, наконец, дальнейшая «человеческая» колонизация, обреченная без путей сообщения на постепенное замирание, как и всякое производство—на депрессию.

Новое ж.-д. строительство. Учитывая это (главным образом последнее) обстоятельство, еще в 1917 г. особое совещание по железнодорожному строительству наметило план такового на пятилетие, при чем в части собственно Сибири к первой очереди были отнесены: а) Барнаул-Кузнецкая линия 373 *км* (350 в.), с назначением обслуживать как богатейшие залежи каменного угля, так и промышленность Алтая, б) Кольчугино—Кузнецк—Тельбес 286 *км* (268 в.)—первая часть линии теперь достраивается, с тем же назначением, в) Ачинск—Енисейск 327 *км* (307 в.), необходимая в целях главным образом лесного экспорта, г) Верхнеудинск—Кяхта 246 *км* (231 в.) в целях сближения с Монголией, д) Ленская (Тулун—Усть-Кут—653 *км*—612 в.), как обслуживающая золотоносный район, и е) Тобольск—Товдинское 192 *км* (180 в.), как соединительная с существующей сетью.

Эти отдельные линии согласовывались как с более южными, проектировавшимися проведением по Киркраю и Туркестану (южно-сибирская магистраль, линия Славгород—Семипалатинск—Алмати, Петропавловск—Кокчетав, Акмолинск—Спасский Завод, Алмати—Джаркент—Кульджа, Пишпек—Токмак—Иссык-Куль, и Александров-Гай—Эмба—Чарджуй), так и с второочередными и последую-

щими, в числе которых большое значение придавалось линии Томск—Енисейск 533 *км* (500 в.), долженствовавшей обслуживать последовательную колонизацию Причульмского края и служить восточным продолжением «северной» сибирской магистрали (один из железнодорожных пунктов Тюменской губ.—Томск), намечавшейся к постройке как в целях разгрузочных для «средней» магистрали, так и для экспорта сибирского леса и колонизации северной зоны.

В общем и целом, тогда еще было намечено собственно колонизационных дорог по Азиатской России протяжением более чем на 10 607 *км* (10 000 в.); но до сих пор почти все это остается в проекте. Однако, если раньше, при прежних методах колонизации, железнодорожное строительство в Сибири можно было считать обходимой роскошью, то теперь организация транспорта, как способ государственной колонизации, должна признаваться условием первой необходимости.

Колонизационный фонд. С этой точки зрения, вопрос о колонизационном фонде Сибири, как вопрос о ее колонизационных возможностях и перспективах, ныне меньше всего может ставиться в плоскость учета количества более или менее пригодных для заселения десятин земли. Такой земли в Сибири десятки миллионов десятин, но пытаться колонизовать их без организации прежде всего транспорта и экономических центров было бы нелепостью.

Учет зем. фонда прежних заготовок. Насколько бессодержательным мог бы оказаться такой учет,—покажет нижеследующее. По данным переселенческой организации, в пределах Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний на 1 января 1917 г. свободного фонда для переселенцев числилось до 225 тыс. «долей», т.-е. около 3 милл. дес., но из них почти все количество считалось требовавшим, предварительно до заселения, и проведения дорог и осуществления мелиорации. «Дорожный дефицит,—читаем в объяснительной записке к смете расходов переселенческого ведомства на 1918 г.,—только последних четырех лет снова выразится в 1918 г. в 2 670 *км* (2½ тыс. верст) недостройки. Иначе говоря, не менее 50 тыс. долей из состава нового фонда, вместо того, чтобы поступить под заселение, опять пополнят собою тот и без того немалый «мертвый», по бездорожью, земельный запас, который образовался из старых заготовок на огромном пространстве в 200, приблизительно, тысяч долей, требующих для

своего оживления не менее 10 670 *км* (10 тыс. верст) новых дорог...» И далее, в отношении водной мелиорации: «свыше 90 тыс. долей из заготовок последних четырех лет должны попрежнему числиться «мертвыми» за отсутствием должного обводнения...». В итоге, из 10, примерно, милл. дес., бывших так или иначе на учете Переселенческого Управления,—«8½ не могут быть признаны пригодными для немедленного заселения трудовым людом, отчасти по экономическим условиям, а отчасти по технической его необорудованности».

Эти покаянные строки переселенческого ведомства относятся к 1917 г., после же этого точного переучета земельного фонда по Сибири не производилось (некоторые попытки увенчались полным неуспехом),—и общеизвестными остаются только факты стихийного перемещения переселенцев с участков на участки, на старожильческие наделы, на оброчные статьи и т. п. Более всего этот процесс проявился в отношении участков таежных, приживаемость на которых, особенно в период общего ослабления экономических сил страны, свелась в иных случаях к нулю. Целые таежные волости, лишь кое-как державшиеся на месте, благодаря сверхестественным часто усилиям Переселенческого Управления, организовавшего здесь подсобные предприятия и кустарные промыслы, теперь особенно за период нэпа сползли вниз (куда—в точности учтено, за отсутствием регистрации, быть не может),—а с другой стороны, эта снижающаяся волна встречалась с другой—беженцами войны и голода, также стремившимися на лучшие ранее не заполненные участки. Кроме того, ввиду недостатка за последние годы перед войной вполне удобных участков, в Сибири скопилось множество так наз. «неприписных» переселенцев (свыше 300 000 чел.), которые считали себя вправе в первую очередь получить земли (кстати сказать, этот процесс устройства неприписных далеко еще не закончился). Создались, в результате всего этого, целые новые районы заселения,—как, напр., Чае-Иксинский в Томской губ.,—иные же прежние районы, как, напр., Козеюльский (Мариинская тайга), Барзасский и другие, обезлюдены полностью. «Базис» для таежной колонизации, заключавшийся единственно в кое-каких грунтовых дорогах и колодцах, оказался, на тяжелое время, слишком «тонким» и невыдержавшим условий периода.

Результаты учета. В конечном итоге собственно земельный «фонд», как таковой, запутался окончательно, но зато прояснился

вопрос о методах нормальной колонизации в таежной и подтаежной зонах Сибири, и сделалось очевидным—на почве отдельных обследований считавшихся незаполненными переселенческих участков в лесостепной полосе,—что в ней никакого уже свободного фонда, годного для немедленного заселения, не имеется. «Мертвый» фонд вырос в своем объеме колоссально, и не по технической, главным образом, трудности его освоения, а по причине экономической невыгодности ведения на нем, из-за отсутствия крупных путей сообщения, какого бы то ни было хозяйства.

Таким образом, казалось бы, не стоит и вообще подсчитывать теперь итоги межевой, дорожной и гидротехнической деятельности б. Переселенческого Управления, ограничившись констатированием наличности десятков миллионов десятин земли в северной части Сибири, и, на основе нового учета экономических данных как на заселенной, так и таежной территории—прямо строить новые планы колонизации на базе уже железнодорожного строительства.

Однако, такой подход к вопросу был бы неправилен уже потому, что многие достаточно ценные описания и обследования ныне мертвого фонда сохранились, как сохранились на нем и остатки мелиоративных сооружений. Абсолютно мертвого фонда земель в Сибири, да и нигде, не имеется, и вопрос лишь в том, как обратить его относительную непригодность в ценные свойства. С этой точки зрения подсчитать числящийся на учете сибирских земельных органов земельный фонд уместно.

Специалист-практик по сибирской колонизации В. И. Рубинский дает следующую, в результате множества, направленных к наибольшей правдоподобности, поправок, таблицу земельно-колонизационного фонда по Сибири (см. табл. на стр. 170).

Оказывается, что удобного фонда во всей Сибири имеется всего лишь около 132 тыс. дес.—примерно всего лишь на 15 тысяч едоков, и то в мало привлекательных и отдаленных местностях. Ясно, что рассчитывать на него как на нечто крупное не приходится. С другой стороны—огромна площадь фонда, требующего мелиорации, при чем характерна оговорка самого В. И. Рубинского: он считает этот фонд значительно преуменьшенным, ввиду неучета вышеупомянутых сползаний. Опять-таки ясно, что и этот фонд не может учитываться сейчас как реальная база для сколько-нибудь легкой колонизации: его не оживить никакими частичными культурно-техническими мероприя-

тиями. Значение этого фонда—только показательное, в качестве «тех или иных естественно обособленных массивов, колонизация которых должна производиться на новых началах» (Рубинский).

Действительно свободный земельный фонд прежнего образования в десятинах.

Губернии	Годный для немедленного заселения	Требующий предварит. техническ. подготовки	Всего
Омская	—	522 888	522 888
Н.-Николаевская	—	50 000	50 000
Томская	—	787 954	787 954
Алтайская	—	—	—
Ойратская авт. о.	—	—	—
Енисейская	97 629	1 577 265	1 615 619
Иркутская	34 301	732 131	766 421
Бурмонгольская респ.	—	502 741	502 741
Тюменская	—	99 870	99 870
Итого	131 930	4 272 849	4 379 805

Новые начала колонизации Сибири. Та только колонизация жизненна, хозяйственно рентабельна и выгодна для государства, которая, будучи основана на правильно учтенных экономических предпосылках развития производительных сил данной местности и на интересах целого, окажется, вместе с тем, сопровождаемой достаточным техническим оборудованием. Только тогда она явится «наивыгоднейшим в мире коммерческим делом», и только тогда как сами колонизуемые районы, так и субъекты колонизации ощутят ее объективную ценность.

Едва ли можно ошибиться, утверждая, что и использование леса, и добывающая (главным образом металлургическая, каменноугольная и золотодобывающая) промышленность, и сельское хозяйство, в его рационализированном виде,—одинаково важны для развития производительных сил Сибири. Какая из этих отраслей народного хозяйства потребует скорейшего, по мировой и общегосу-

дарственной конъюнктуре, развития—сейчас разрешать не приходится, но нужно быть готовым к тому, чтобы в нужный момент иметь возможность сознательно открыть тот или иной клапан и тем дать выход, в известном направлении, накопившемуся пару.

Развитие ни одной из показанных отраслей немыслимо в Сибири без колонизации, а последняя в каждом отдельном случае требует обязательного, в организационном смысле, сочетания двух основных начал: труда и финансового капитала. Силою вещей колонизация Сибири оказывается возможною вширь лишь в отношении либо лесных, либо вообще отдаленных массивов. Это органически связывает сибирскую колонизацию с организацией транспорта и придает ей промышленный уклон. Развитию вширь собственно земледельческой колонизации в Сибири достаточно обоснованных предпосылок не имеется: сельское хозяйство здесь, как выше указано, должно будет получить в результате новых колонизационных мероприятий новый в своей чисто земледельческой, уже освоенной полосе более интенсивный уклон,—распространяющееся же, по неизбежности, за пределы этой полосы имеет приобрести скотоводческое, либо смешанно-промысловое, но отнюдь не чисто зерновое направление и далеко не всегда будет связано с колонизацией только сельскохозяйственной.

Словом, перспективы сибирской «людской» колонизации упираются ныне на использование подтаежных или таежных пространств,—на основе предварительного либо, в крайнем случае, попутного обеспечения этих пространств прежде всего путями сообщения, а затем—всеми необходимыми для культурно-экономического развития данной местности в данном направлении условиями. Попытки к такой колонизации тайги имели место и в дореволюционное время (проекты Н. К. Шумана по планомерной колонизации Причулымья и Амурского края), но, правильные в своей идее и в отношении местных эффектов, они потерпели неудачу. Причина—неувязанность каждой из этих попыток с действительными интересами края и общегосударственными задачами, которые, к тому же, тогда оказывались весьма специфическими.

КОНКРЕТНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ КОЛОНИЗАЦИИ СИБИРИ.

Итак, ныне вопрос сводится к тому, чтобы, учитывая более или менее обследованные естественно обособленные массивы Сибири, подойти к ним, как районам возможной или желатель-

ной с точки зрения наличных экономических условий, колонизации.

В порядке этих запросов и выявим некоторые районы (не исчерпывающе[1]).

Использование и экспорт леса.

Тюменский район. Одним из наиболее удобных районов для развития лесного хозяйства в грандиозном масштабе—хозяйства, связанного с сельскохозяйственным и промышленным освоением местности (ибо лесоэксплоатация очень затруднительна без местной продовольственной и хотя бы мелкопромышленной базы), следует признать северную половину Тюменской губернии, а именно—северные части Туринского и Тобольского уездов и южные части уездов Березовского и Сургутского. Здесь чрезвычайно богатые лесные произрастания чередуются с удобными для возделывания почвами, имеются речки, сенокосы. Географическое положение района, в общем, чрезвычайно выгодно: смежный Урал представляет собой готовый рынок, а с другой стороны—Обь-Иртышский водный путь и, как продолжением его, морское сообщение с Архангельском, создает возможность сношения района с рынками Европы. В составе всего района естественно обособливаются три массива.

Первый (до 7 милл. дес.) в пределах бассейнов левых притоков Иртыша, второй (до 3 милл. дес.) в бассейне правых притоков той же реки и третий (до 30 милл. дес.)—к северу от двух первых. Все эти массивы почти сплошь пустынны, но климатические условия вполне допускают не только промысловые, но и земледельческие, на-ряду с скотоводческими, занятия населения. В основе этих занятий—лесной промысел как в смысле эксплоатации сырой древесины, так и переработки ее в более ценные продукты. В основание колонизационных мероприятий всех трех массивов должно быть положено сооружение удобных и дешевых путей сообщения, так как весь означенный район ни одной железнодорожной линией не обслуживается, водные же пути, при современном их состоянии, удовлетворить потребности ожидаемого колоссального транспорта не в состоянии. Назначение железнодорожных линий—главным образом экспорт продуктов лесной промышленно-

---

[1]) По материалам того же Рубинского.

сти, выход которым наиболее целесообразен и возможен в западном направлении—на Урал, и далее к портам Ледовитого океана. Проектов соответствующих линий имеется несколько, при чем, при осуществлении хотя бы главнейших из них,—а именно соединения пристани Чемышевской (на Оби) либо с Архангельском, либо с Мурманском и пересечения второго из указанных массивов северной магистралью,—достаточно на первое время обеспечится лесопромышленное развитие района и заселение края. Грузооборот рассчитывается почти в 8 190 милл. *кг* (500 милл. пудов) одной древесины в западном направлении; на восток пойдут железо, инструменты, хлеб и т. п. При соединении ж.-д. линий еще с южными путями—тюменский лес пойдет и в южную Сибирь, в Киркрай и в Туркестан. Примерная емкость района при 5-десятинном на едока наделе—только по первым двум массивам района определяется в 600 000 человек. Стоимость вовлечения одной десятины в нар.-хоз. оборот (по расчету на заселяемую часть)—около 10 руб., включая сюда все расходы по рациональной организации территории. Для детальной разработки планов колонизации этого района, в общем мало изученного, потребуется специальное экспедиционное обследование.

Тарский район. Вторым по сравнительной близости к Западу и по удобству комбинированной системы колонизации (лесной и земледельческой) лесоэксплоатационным районом могут быть признаны так наз. тарские (Омской губ.) урманы, площадью, примерно, в 3,5 милл. дес., южная половина которых (прииртышская) уже частично была освоена переселенцами, не выдержавшими, однако, в суровое время экономической изолированности местности и постепенно сползающими теперь к югу. Для приостановки этого процесса необходимы, в частности, работы мелиорационного характера, главным образом дорожные, на протяжении до 1 000 *км.* Благодаря грандиозным пожарам тарские «урманы» (или что то же—тайга) представляют собою теперь крупные оазисы лесных насаждений на общем равнинном, пересеченном многими реками и оврагами, фоне достаточно плодородных при удобрении и удобных климатически земель. Примерная емкость северной части района—140 тыс. едоков, при условии сохранения 30% площади под лесом; емкость южной (вместе с наличными переселенцами)—60 000. При всех благоприятных условиях данного района экономическое его будущее обеспечится только при условии его пересечения (почти посредине) проектируемой север-

ной магистралью и комбинации ее операций с иртышскими водными перевозками. Основное назначение района, богатого лиственными лесами,—поставка деловой древесины и древесного угля на Урал.

Васюганский район. Васюганский район, общей площадью до 6 милл. дес., расположен в пределах Нарымского края Томской губ. и охватывает бассейн р. Васюгана—правого притока Оби. К обжитым местам выхода не имеет и потому почти совершенно пустынен, в общем сильно залесен и болотист, но с удобными для земледелия гривами. Между тем, при условии проведения железной дороги от ст. Татарской до так наз. юрт Грабцевых, т.-е. до места, откуда Васюган судоходен,—район делается доступным, легко осваиваемым и, главное, не имеющим себе конкуренции по дешевизне и легкости транспортирования лесных грузов на безлесный юг, потребность населения которого в одной деловой древесине определяется в 1 165 тыс. куб. *м* (120 тыс. куб. саж.) ежегодно. Возможное предложение леса—до 1 651 тыс. куб. *м* (170 тысяч куб. саж.). Район обследован особой колонизационной экспедицией, определившей, между прочим, его емкость в 150 000 душ, при доказанной пригодности земель Васюгана для земледельческого (в соединении на севере района с скотоводческим) хозяйства, с подсобным лесным, рыбным и охотническими промыслами. Мелиорации и сколько-нибудь сложной подготовки земель для заселения требует только северная часть района.

Чае-Иксинский район. В востоку от Васюганского района расположен Чае-Иксинско-Парабельский район, именующийся так по включающимся в него бассейнам соответственных рек—левых притоков Оби. Площадь—6 милл. дес., частично (по берегу Оби) заселенная главным образом «вольными» колонизаторами. Общие условия—сходны с Васюганскими, но более благоприятны в смысле доступности района. Примерная емкость—200 000 ед. (вместе с существующими). Прорезанный северной магистралью район этот сможет дать много леса в южные области.

Мариинско-Чулымский район. Смежно с культурной обжитой частью Томской губ. за водоразделом между р.р. Кетью и Чулымом расположен крупный Мариинско-Чулымский район, площадью до 4 милл. дес., менее заболоченный, но более лесистый, чем предыдущие. Частично заселен, благодаря грунтовым магистралям постройки б. Переселенческого Управления, но посте-

пенно обезлюживается. Лесной запас района—2 милл. дес., используемых совершенно ничтожно. Для оживления этого хорошо обследованного района необходимы железные дороги Томск—Енисейск с веткой на Ачинск и Томск—р. Чулым. Ежегодный возможный при этих условиях отпуск леса—260 000 такс. саж., необходимых для покрытия спроса на лес в степных областях и Туркестане. Изыскания Томск-Чулымской дороги закончены. Если же не смогут быть построены вышеупомянутые линии, то и одно проведение ветки Ижигорское—Зырянское стоимостью всего лишь в 3 милл. рублей откроет новую эру в колонизации Севера. Емкость района—примерно 240 000 человек.

Горно-промышленные районы.

Томский. А югу от Мариинско-Чулымского района, в бассейне р. Томи, расположен крупный горно-таежный массив, охватывающий культурные равнинные земли Кузнецкого и Щегловского уездов, общей площадью до 3,5 милл. дес., покрытый в своей большей части дремучим лесом. Лишь к северо-западу район понижается, постепенно сливаясь с равниной. В основе будущих колонизационных проектов по этому району должно быть положено промышленное использование недр земли и белого угля, так как весь массив—сплошное залегание полезных ископаемых (золото, серебро, свинец, медь, железо и уголь). Заселение района должно быть теснейшим образом связано с потребностями горной промышленности (обеспечение землею рабочих и привлечение таковых). Вероятная форма заселения—поселки, с организацией приусадебных мест. Земледелие здесь неуместно. Некоторые перспективы—за скотоводством. Использование леса—как подсобный к горному промысел. Железнодорожное строительство—всецело в интересах горнопромышленности.

Абаканский. В аналогичных в смысле методов колонизации условиях находится так наз. Абаканский горно-лесной район, расположенный по системе р. Абакана. Значительные залежи железных руд придают району горнопромышленный характер. Площадь района—2 милл. дес. При достаточном его развитии, вполне возможно и желательно уплотнение населением соседнего левобережного Минусинского района,—частью степного, частью же (на востоке) горного, обладающего богатыми залежами железных руд и минерального топлива. Это уплотнение, при земледельческо-

скотоводческом направлении хозяйства, обеспечит увеличение грузооборота, а, значит, и доходность Ачинск-Минусинской ж. д., осуществление же проектов орошения прилегающих сюда Кайбальской, Уйбатской и Сагайской степей, улучшив хозяйство туземного населения, с тем вместе и откроет здесь новые колонизационные возможности.

Районы расширения с.-х. продукции.

К таковым могут быть отнесены: а) Тобольский, в нижней части названного уезда, на излишках, после землеустройства, местных старожилов, уже достаточно обжитой, лесисто-болотистой, земледельчески-скотоводческого направления, площадью до 300 000 дес. удобной земли (жел. дорога Тобольск—Ишим), б) Рыбинско-Каргалинский—на левом берегу Иртыша, также частью уже заселенный, но могущий, при орошении и проведении жел. дорог, дать удобный для с.-х. освоения земельный фонд до 1 милл. дес., в) Каинско-Каргатский к югу от Васьюганского района, непосредственно примыкающий к обжитой земледельческой полосе Западной Сибири, площадью до 3,5 милл. дес. могущей быть осушенной и удобной для земледелия земли (плохо обследован), г) Ойратский—после землеустройства местного населения, с примерной площадью с.-х. освоения в 1 милл. дес., пригодных как для собственно земледельческого хозяйства, (напр. по Чуйскому тракту), так и, в горных частях, скотоводческого, и, наконец, д) Южно-сибирский—относящийся уже к территории Киркрая, но, при условии проведения южно-сибирской магистрали и соединения ее с средней, а затем с северной магистралями, долженствующий самым положительным образом повлиять на все вообще колонизационное дело Азиатской части Республики и в частности—на развитие горно-промышленности Сибири. Емкость этого района колоссальна (до 1,2 милл. едоков). Как сказано, однако, районы так наз. сельскохозяйственной колонизации не являются, за исключением, впрочем, последнего, районами первоочередными. Ближайшее будущее рациональной колонизации Сибирского края—в оживлении лесных и горных богатств его.

Колонизационные районы Восточной Сибири.

Все вышеочерченные районы, за исключением Абаканско-Минусинского, относятся к Западной Сибири, колонизационные перспективы которой более или менее ясны. Иначе обстоит дело с

Сибирью Восточной, удаленность которой от рынка и непреоборимо конкурирующее положение прилегающих районов (З. Сибирь, Д. Восток, Манчжурия, Китай, Америка и Япония) оставляют пока для сбыта продуктов массового производства лишь собственный внутренний, чрезвычайно малоемкий рынок. Очевидно будущее Восточной Сибири прямо зависит от роста экономических возможностей Западной, рынок которой может, в конце концов, потребовать привозного сырья. Единственный пока путь развития Восточной Сибири, в общем достаточно богатой естественными рессурсами,—это увеличение емкости ее рынка через посредство развития железнодорожного строительства, улучшения качества водных путей и уплотнения местного населения. В частности, крупных шансов для расширения зоны зернового хозяйства нет даже в житнице Восточной Сибири—Минусинском крае. Зато некоторые виды промышленности могут получить в Вост. Сибири достаточное развитие. При всем том свободный фонд Восточной Сибири, как выше указано, колоссален: в Енисейской губ. (даже без Туруханского и Усинского края) он определяется в 40, примерно, милл. дес. тайги, не могущей пока найти себе выхода на рынки; Иркутская губ. обладает еще большим земельным запасом (до 70 милл. дес.), такого же, приблизительно, экономического характера, как и в Енисейской губ.; Якутская республика еще более многоземельна и пустынна. Только железные дороги в будущем сделают весь край этот полным жизни. Отдельными колонизационными районами Восточной Сибири могли бы быть намечены следующие: а) район, предполагаемый к пересечению Минусинск-Тайшетской ж. д. (проект Енисейского Губземуправления), горный, малоизученный, смешанно-земледельческо-скотоводческого направления, б) Ишимо-Ангарский железнорудный район преимущественно местного, питающего золотопромышленность, назначения, имеющий достаточно хорошие перспективы в горном и соляном отношении лишь при проведении жел. дорог Нижнеудинск—Кяхта и Приленской (по последнему варианту Иркутского Губплана Тулун—Усть-Кут), незначительной, в общем, колонизационной емкости; в) Кут-Неповский, к северу от проектируемой Приленской дороги, между Ангарой и Леной, сравнительно равнинный и залесенный, с удобной площадью для с.-х. использования примерно в 4 милл. дес., и г) Ленский, по правую сторону р. Лены, с отдельными, по р.р. Чуе, Чае, Киренке и Орлинке, сравнительно удобными для заселения массивами, общей

площадью до 1 милл. дес.,—земледельческо-скотоводческого назначения, с подсобными занятиями в лесной, горной и золотой промышленности.

В общем и целом, колонизационные перспективы Восточной Сибири весьма незначительны сравнительно с огромностью составляющей ее территории. Резко, однако, должны измениться эти перспективы в связи с постройкой хотя бы одной, основной для восточно-сибирской золотопромышленности, дороги—вышеупомянутой Приленской, долженствующей соединить богатейший Олекминско-Витимский золотоносный район (в 1883—1894 гг. дал 590 тыс. *кг* (36 000 пуд.) золота) с сибирской магистралью. Проектов такого соединения имеется несколько как в восточном (через Иркутск) направлении, так и в западном (от Тайшета). Последние, в общем, оказываются для края более выгодными, и на последнем из них теперь, повидимому, останавливаются окончательно.

Концессионные предположения. Само собой разумеется, что осуществление колонизации хотя бы даже одного из выше показанных районов потребует крупных государственных затрат, что при современном стесненном в материальном отношении положении Республики отдаляет на неопределенное время желательное по существу и частично неотложное развитие экономической жизни Сибири.

Ускорить этот процесс мог бы прилив иностранного капитала, при условии поставления его в подконтрольное положение в смысле выполнения им определенных, не без выгоды, конечно, и для предпринимателей, государственно-полезных заданий.

Этот вопрос, вслед за изданием 23 ноября 1920 г. известного декрета о концессиях, был основательно проработан в особой, под председательством тов. Ломова (б. член президиума ВСНХ), комиссии, труды которой изложены в компактной книжке—«Объекты концессий Западной Сибири». М. 1922. Отсылая интересующихся к этой работе, отметим здесь, что к числу объектов допустимых в Зап. Сибири концессий комиссией были отнесены: а) северный район—в бассейне рек Оби и Иртыша, с основной концессией по транспортному оборудованию этих рек и их притоков, и постройка северной широтной магистрали (Верхотурье, Тобольск, Томск) с ветками Тавда—Тобольск, Называемская—Тюкалинск—Тара и Кемерово—Судженка—Чулым и б) район горного Алтая с постройкой ж. д. Кузнецк—Барнаул—Акмолинск—

Атбасар и Кузнецк—Тельбес. Эти районы охватывают огромную площадь, оживление которой транспортными артериями обеспечивает, как мы знаем, всестороннее экономическое их развитие и потому заведомо выгодно для государства. На концессионера здесь возможно было бы возложить постройку и оборудование соответственных линий и подготовки колонизационного вдоль этих линий фонда, в эквивалент же ему—предложить право эксплоатации и использования части лесов, земель, горных и прочих естественных богатств.

Таким образом, колонизация Сибири в данном случае частично осуществлялась бы за счет иностранного капитала, что для конечного ее эффекта было бы, в общем, безразлично.

ВЫВОДЫ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Все вышеизложенное может быть выражено в нижеследующих, получивших одобрение Государственного Колонизационного Научно-Исследовательского Института, положениях [1]:

1. В доступных районах Сибири с благоприятными естественными условиями свободный земельный фонд легкого освоения должен считаться исчерпанным; использование же для сельского хозяйства массивов свободного земельного фонда, расположенного в низменной и горной тайге, возможно лишь после затраты крупных средств на их предварительную подготовку и приведение в культурный вид, что при существующем финансовом положении представляется затруднительным, а при данной обстановке сельскохозяйственного производства—и нерентабельным.

2. Вышеуказанное обстоятельство в корне меняет прежний взгляд на колонизационное значение Сибири. Земледельческая колонизация ее, в виде массовой переброски в Сибирь избыточного сельского населения из Европ. части СССР, должна считаться в ее прежней форме, в общем и целом, законченной. Перспективы же дальнейшей широкой сельскохозяйственной колонизации Сибири должны быть поставлены в прямую зависимость от увеличения спроса на продукты сельского хозяйства, от развития промышленности и путей сообщения, от наличия необходимых капиталов и от улучшения техники приведения трудно-осваяемых земель в куль-

[1] См. „Труды" (ук. соч.).

турный вид. Поскольку не все из указанных предпосылок имеются в данное время налицо,—широкая сельскохозяйственная колонизация Сибири должна быть снята, как очередная задача ближайшего времени.

3. Колонизация предшествующего периода, происходившая под напором крестьянского выселения из Европейской части СССР, не имела за собой достаточной хозяйственной и технической подготовки Сибири к заселению и оставила колонизационные районы в состоянии незаконченности. Есть основание полагать, что это обстоятельство повело к слабой устойчивости переселенческих хозяйств, а в связи с кризисом последних лет и к сильнейшей дезорганизации их. В зависимости от этого наблюдается значительный рост как обратного переселения из Сибири в Европейскую часть СССР, так и внутрисибирского расселения.

4. Первая и неотложная задача по отношению к Сибири заключается в устранении недостатков прошлой колонизации и в укреплении возникшего в колонизационных районах хозяйства, чему должно предшествовать обстоятельное обследование этих районов.

5. Отсюда возникает необходимость, с одной стороны, в наилучшем техническом устройстве колонизуемых территорий (проведение и ремонт дорог, раскорчевка лесных площадей, осушка и обводнение участков и пр.), а с другой—в создании благоприятных хозяйственных условий (организация торговли продуктами сельского хозяйства и предметами личного и хозяйственного потребления, снабжение населения инвентарем, организация кустарных промыслов, а также иных форм промышленности по переработке продуктов сельского хозяйства и проч.).

6. Поскольку одной из причин массового выселения из степных и лесо-степных земледельческих районов Сибири следует считать кризис залежной системы хозяйства, вызванный уплотнением сельскогоо населения и сокращением землепользования крестьянских хозяйств, представляется неотложно необходимым принятие ряда мер экономического и культурно-показательного характера, которые содействовали бы переходу к иным формам полеводства.

7. Самое осуществление этих мероприятий требует затраты значительных государственных средств, но, главным образом, оно должно иметь в своей основе наилучшее использование сил и средств самого населения путем кооперирования его, а также при-

влечения к работе существующих производственных и потребительских кооперативных организаций.

8. В дальнейшем колонизационная работа в Сибири должна быть теснейшим образом связана с промышленной эксплоатацией естественных богатств, добычей и переработкой сырья как для внутрисибирского потребления, так и для вывоза за пределы Сибири.

9. Необходимо отметить особое значение для колонизации создания внутренних сибирских рынков, слабое развитие которых препятствовало оживлению местной хозяйственной жизни и чрезвычайно понижало колонизационную емкость Сибири, а в конечном счете служило одной из главнейших причин к наблюдающемуся в настоящее время процессу деколонизации Сибири.

10. Широкое развитие местной промышленности может иметь место лишь при условии обеспечения Сибири железнодорожными оборудованиями, водными и грунтовыми путями сообщения. Наибольшую роль при этом должны сыграть новые железнодорожные линии в виде северно-сибирской и южно-сибирской магистралей, которые вовлекут в хозяйственный оборот и откроют для заселения значительные районы.

11. Первоочередной же задачей, особенно в деле развития внутреннего сибирского рынка, является сооружение подъездных путей к существующей сибирской магистрали как с севера, так и с юга, чем достигается, с одной стороны, вовлечение в товарно-хозяйственный оборот, а следовательно, и в колонизацию, отдаленных от жел. дор. магистрали районов, а с другой—взаимный обмен продуктами хозяйства этих районов, служащих по своим условиям естественным взаимным дополнением. На первом плане в этом отношении должны быть те подъездные пути, которые создадут обмен между северными таежными, но безлюдными районами и южными земледельческими, но безлесными.

12. Ввиду прямой заинтересованности различных государственных и частных учреждений в колонизации различных районов, как необходимом условии их хозяйственного использования, надлежит привлекать их к колонизационной работе путем использования их сил и средств, ввиду чего колонизационно-переселенческие мероприятия в этих районах, объем их работы, характер и размер переселенческих контингентов, направление переселенческого хозяйства и проч. должны быть теснейшим образом согласованы с хозяйственными планами указанных учреждений.

13. Считая, что массовая переброска избыточного земледельческого населения из Европейской части СССР в Сибирь при настоящих условиях невозможна, представляется, однако, целесообразным и необходимым допустить колонизацию отдельных районов Сибири в порядке трудовой заимки или в порядке предварительной подготовки земельного фонда теми элементами из Европейской части СССР или из каких-либо иных районов, которые по своим хозяйственным привычкам и материальным средствам представляются достаточно надежными и способными к созданию прочных и крепких колонистских хозяйств.

14. Особую, но совершенно необходимую задачу в общем плане колонизации Сибири должна составлять забота об отдельных местных национальных группах, поскольку они являются вместе с тем и наилучшим колонизационным элементом для освоения отдельных районов, что имеет наиболее важное значение по отношению к северным окраинам Сибири. Эта забота должна найти свое выражение в мерах, направленных к поднятию их культурного уровня и укреплению и развитию их хозяйства.

ГЛАВА II.

ЕВРОПЕЙСКИЙ СЕВЕР РСФСР.

ВВЕДЕНИЕ.

Колоссальное количество лесов, сосредоточенных в северной полосе Европейской части РСФСР (79 милл. дес. или 55% всех лесов страны), при крайне незначительной степени освоения человеком всей территории этой полосы (здесь, на пространстве свыше 120 милл. дес. живет лишь около 3 милл. чел., т.-е. 2% от всего населения), сравнительно близкое расположение лесных массивов у океанских выходов, водных артерий и, отчасти, ж.-д. путей, развитие и дальнейшее оборудование которых напрашивается в экспортных целях само собою,—необходимость, наконец, как в экономических, так и в политических целях, всемерно поспешить с организацией эксплоатации леса, как наиболее легко доступного здесь естественного ресурса,—все это, вместе взятое, с одной стороны, объединяет северную полосу в экономически цельный район и, с другой—придает проблеме колонизации, как способу подчинить пространство человеку, исключительно важное и актуальное значение.

Но актуальность и важность колонизации Севера отнюдь не обозначает, конечно, что этот район должен быть обязательно колонизован в первую, по сравнению с другими, отодвигаемыми назад, местностями, очередь. Восстановить и развить наше сельское хозяйство, как базу для обрабатывающей промышленности и источник экспорта, а также удовлетворения продовольственных нужд городского населения, конечно, не менее важно, чем восстановить и развить промышленность вообще и в частности—лесную. Все эти вопросы экономического строительства Советского Союза о д и н а к о в о серьезны и неотложны, и потому говорить, например, о преимуществе промышленной перед сел.-хозяйственной колонизацией вообще—совершенно невозможно, как и непра-

вильно вообще противопоставлять Северу Юго-Восток или Киргизию. Но всегда может наступить момент, когда, при данной экономической и политической конъюнктуре, государству окажется явно выгодным определенно взять курс на развитие той или иной отрасли народного хозяйства—форсировать колонизацию того либо иного района.

Оставляя в настоящем случае в стороне эти вопросы, описание северо-европейского района будем вести, как и по другим территориям, безотносительно к очередности осуществления здесь колонизационных мероприятий.

Понятие «Севера». Под понятием «Севера», или «Севера Европейской части РСФСР», далеко не всегда разумеются одни и те же составляющие единицы. Так, до революции «Севером» было принято считать, с точки зрения интересов главным образом лесного хозяйства, бывшие губернии Архангельскую, Вологодскую, Олонецкую, Пермскую, Вятскую и часть Тобольской[1]); в других более или менее авторитетных источниках тот же «Север» оказывался без Тобольской, но с Новгородской и Костромской губерниями. Далее, и уже после революции, в связи с районированием РСФСР Север вообще разделяется Госпланом на две области: северо-западную (губ. Ленинградская, Мурманская, Череповецкая, Псковская и Новгородская и автономная Карельская Республика,—т.-е. старые губернии Псковская, Новгородская, Олонецкая, Петроградская и западные уезды Вологодской) и северо-восточную (губ. Архангельская, Вологодская, Северо-Двинская и автономная область Коми,—т.-е. старые губернии Вологодская и Архангельская). Вятская губ., в порядке этого районирования, отошла уже к Вятско-Ветлужскому району, Пермская же, в виде особого округа,—к Уральскому. Но и это деление оказывается не вполне бесспорным не только в теории, но и на практике. Так, лесо-экономическая литература к прежним территориям Архангельской, Вологодской и Олонецкой губ. попрежнему продолжает относить, как к северному району, Пермский край[2]),—но, с другой стороны, в состав территории влияния государственного объединения лесов Севера (Северолес) не вошли губ. Ленинградская, Костромская, Псковская, Новгородская, Пермская

---

[1]) „Очередные задачи казенного лесного управления после войны". Записки Лесного Деп-та.

[2]) Проф. Орлов. „Общие черты экономической обстановки русского лесного хозяйства". Вестник Лесного Хозяйства, № 1—2, М. 1923

и даже часть Вятской. Наконец, северные колонизационные экспедиции НКЗема, исключив из поля своего зрения губернии Костромскую, Псковскую и Вятский край,—все же причисляют к коренному Северу Ленинградскую и Новгородскую губ., в противоположность некоторым другим исследователям колонизационной проблемы края, считающим в составе коренного Севера и Вятскую и Пермскую губернию [1]). Словом, незыблемости в определении понятия Севера, как единого целого, не наблюдается,—нет, тем более, строго установившегося взгляда и на подразделение Севера на отдельные районы. Достаточно в этом отношении вспомнить несходящиеся районы проф. Дояренко, Скворцова, Прасолова, Челинцева, Рихтера и других, специальные районы лесоводов и, наконец, в последнее время попытки колонизационнного районирования Севера [2]), чтобы убедиться в недостаточной еще доработанности вопроса.

В данном случае нам, впрочем, и не столь важно окончательное решение последнего.

При экономическом описании всего Севера, как колонизационного района, здесь, по условиям места, необходимо дать лишь отчетливую характеристику общесеверной экономики, а этой цели достаточно послужат бесспорные, лежащие выше 60° с. ш. территории, т.-е. губ. Мурманская, Архангельская, Северо-Двинская, Череповецкая, Вологодская, Карельская республика и Авт. Обл. Коми. Частично сюда должна быть, впрочем, отнесена и Ленинградская губ., вклинивающаяся своими северо-восточными уездами между Карельским и Череповецким районами.

ТЕРРИТОРИЯ.

Территория рассматриваемого района простирается с запада на восток от 0 до 35° (от Пулкова) вост. долготы и расположена своим основным массивом выше 60 параллели сев. широты. Обнимая собою, в общем и целом, область распространения сплошных лесов, район этот занимает огромную площадь [свыше 1 100 тыс. *кв. км* (1 милл. кв. верст)] и не может потому быть одинаков по природным свойствам и связанным с ними хозяйственным возможностям.

Разность тех и других обусловливает то или иное райони-

---

1) Сб. „О земле“. М. 1922, стр. 53.

2) См. Овчинников, ук. соч., и Ободовский.

рование Севера. Не останавливаясь окончательно ни на одном из существующих вариантов последнего, отметим лишь, что одни из них принимают в свою основу широтное направление, другие долготное. Первое имеет перед вторым то преимущество, что в нем яснее отпечатлевается степень освояемости всего района— тем меньшая, чем больше к северу простирается местность. Но меридианальное направление удобно, с другой стороны, своей показательностью нарастания суровости климата по мере отдаления от запада, качественности лесных насаждений и их экономического тяготения к существующим жел. дорогам и водным путям, расположенным в большей части края меридианально.

Истина, несомненно, в сочетании признаков того и другого порядка—в конструировании районов и по долготному и по широтному учету как естественных, так и экономических моментов. Здесь же мы воспользуемся последней, по времени, попыткой зонального районирования Севера колонизационной экспедицией [1]),— как методологически интересной с точки зрения собственно колонизационной. При этом предваряем особенно студентов, что принятая экспедицией широтная схема должна обязательно сопровождаться долготными поправками, частично, впрочем, и принятыми здесь во внимание при разбивке соответствующих зон на части западную, центральную и восточную; соответствующие поправки должны быть внесены и в амплитуды колебаний климата.

В соответствии с этим объединяем отдельные административные деления Севера, в вышеуказанном его понятии и составе, в следующие зональные полосы:

I. Волховской, Лодейнопольский и Вытегорский уезды Ленинградской губ., Олонецкий у. Карельской респ., центральные и северные уезды Череповецкой губ., Кадниковский и Тотемский уу. Вологодской губ. и Никольский и Великоустинский уу. Северо-Двинской губ.

II. Повенецкий, Пудожский и Петрозаводский уезды Карельской респ., Каргопольский и Вельский Вологодской, Шенкурский Архангельской, Сольвычегодский Северо-Двинской губ. и Усть-Сысольский Зырянской области.

III. Кемский у. Карельской респ., Онежский, Елецкий, Архан-

---

[1]) См. „План колонизации северо-европейской части СССР". Сев. Кол. Эксп. Ленинград 1924.

гельский и Пинежский уу. Архангельской губ., Усть-Вымский и Усть-Куломский уу. Зырянской обл.

IV. Мурманская губ. (Кольский полустров), Мезенский и Печорский уу. Архангельской губ. и Ижмо-Печорский у. Зырянской обл.

Отличительные естественно-исторические признаки этих районов могут быть сведены в следующую таблицу (см. табл. на стр. 188).

При уточнении на местности указанных зональных полос сведением подлежащих территорий в обособленные физико-географические единицы получим следующие, уже в долготном направлении, подрайоны: а) Кольский полустров, характеризующийся общей неблагоприятностью условий для ведения зернового хозяйства, но богатый рыбными промыслами, б) Карельско-Олонецкий, с переходным от морского к континентальному климатом,—в общем малоплодородный, по преимуществу лесной и болотный, изобилующий источниками гидроэнергии и прорезываемый целиком Мурманской жел. дор., в) Юго-Западный озерный, благоприятный для земледелия, особенно для культуры льна, корнеплодов и трав, многоскотный, достаточно заселенный и тяготеющий полностью своими водными системами и железной дорогой к Ленинграду, г) Архангельский—мало удобный в своей северной части для земледелия, скотоводческий, сильно залесенный, малообжитой и мало обслуживаемый единственной меридианальною магистралью, д) Зырянский—более суровый и сухой по климату, чем предыдущий, лесной, еще более изолированный от экономических центров и пустынный, скотоводческий и пригодный для земледелия лишь в юго-западной и отчасти центральной своей части, е) Северо-Двинский—переходный от Архангельского к земледелию с животноводческим направлением, сравнительно удобный для с.-х. промысла, залесенный, но уже значительно обжитой и ж) Вологодский—земледельческий, с развитой молочной промышленностью, многоскотный, удобный, в общем, для освоения,—с меньшей, чем в последних трех подрайонах, заселенностью и опирающийся на широтную северную магистраль.

В общем и целом, изложенные во введении к настоящему очерку предпосылки объединения в одно целое всего «Севера»—и на широтном, и на долготном его подразделениях—оправдываются полностью. Это—край почти сплошного леса, пустынный на севере и востоке, мало, сравнительно, удобный для с.-х. продукции,

Естеств.-историч. зоны	Площадь (в тыс. дес.)	Устройство поверхности	Преобладающие почвы	Средняя годов. температура / Средняя температура июля	Осадков в год в *мм* / Продолжител. вегетап. пер.	Лесов / освоен. земель — % ко всей площади
I	17 098	Всхолмл. равнина.	Оподзол. сугл. с примесью супесчан. и болотн. почв.	+ 3,7 — + 1,8 / 17,9 — 18,1	517 — 507 / 146 — 139 дн.	71 / 18
II	19 493	на зап. — пересеч. центр. — равн. на восток — всхолмл.	на зап. — песчан. центр. — мох. бол. и трав. бол. на восток — суглин. и супесч.	+ 2,4 — + 0,1 / 16,3 — 16,8	573 — 424 / 147 — 129 дн.	75 / 7
III	33 574	на зап. — равнина „ „ — озерная „ „ — болотистая на восток — всхолмл. и пересеч.	на зап. — болотн. суглин. супесч. на вост. — оподзол. глинист и песч..	— 1,1 — — 3,0 / 13,0 — 15,2	406—401 / 128—130—110 дн. (с зап. на вост.)	74 / 0,8
IV	50 912	Кольск. пол. — возвыш. плато центр. — горный на восток — равнин.	на зап. — оподзол. песч. и супесч. на вост. — тундров. почва по рекам — луга		200—300 / Полярный климат, на западе смягчаемый в Мурм. г. течением Гольфстрома и резко континент. на востоке. 104 дня вегет. периода	40 / 0,2

но таящий в себе колоссальные промышленные возможности, находящиеся пока в стадии омертвения в силу их полной несвязанности с общей народно-хозяйственной жизнью страны.

Насколько Север богат, помимо лесов, другими еще натуральными ресурсами, показывает нижеследующий, далеко при том не исчерпывающий, перечень местонахождений его полезных ископаемых и источников гидроэнергии.

А. Магнитный железняк (железные руды)—на восточном берегу Онежского озера, с запасами 30% руды до 35 милл. пуд. и в районе Кольского залива и гор. Мурманска с 30—35% содержанием металл. железа.

Б. Озерные железные руды на дне озер Петрозаводского, Пудожского и Повенецкого уездов, с общим запасом руды примерно в 3 млрд. пудов.

В. Кварциты, мраморы и граниты в Карелии.

Г. Слюда, полевой шпат и кварц—на западном берегу Белого моря, между Кемью и Ковдой.

Д. Нефть—на Ухте в районе площадью в 12 000 кв. верст, с предполагаемыми запасами нефти в 150 млрд. пудов, при 100 милл. пуд. ежегодной добычи. К этим цифрам, впредь до их проверки, следует, однако, относиться с осторожностью.

Е. Жемчуг—на р. Керети, в Кемском у.

Ж. Медные руды—на рр. Цильма, Ижма, Сула и Уса.

З. Точильный камень—на Печоре, Цильме, Ухте.

Что касается источников гидроэнергии, то западная часть края ими особенно богата. Общеизвестны следующие:

1. Р. Сегежа, вытекающая из Сегозера в Тыгозеро—30 000 лош. сил.

2. Р. Выг, с порогами и водопадами—до 300 000 лош. сил.

3. Р. Суна, с водопадами Кивач—до 40 000 лош. сил.

4. Р. Нива (вытек. из. оз. Имандры)—до 280 000 л. с.

5. Р. Ковда (Камск. у.)—до 170 000 л. с.

6. Р. Кереть (впад. в Кандалакшск. губу)—до 40 000 л. с.

7. Р. Кемь (пороги)—до 390 000 л. с.

8. Рр. Вымь, Ухта и Ижма—до 20 000 л. с.

НАСЕЛЕНИЕ.

(По переписи 1920 г.).

Наименование админ. района	Площадь [1]		Население в тыс. душ			Плотность нас. на 1 *кв. км*
			Гор.	Сел.	Всего	
1. Карельский	65 071	(57 150)	15	202	217	3,8
2. Мурманский	148 140	(130 210)	5	14	19	0,8
3. Череповецкий . . .	63 195	(55 523)	42	590	632	11,5
4. Вологодский . . .	104 130	(91 520)	79	835	913	10,0
5. Северо-Двинский .	101 945	(89 600)	28	604	632	7,2
6. Архангельский . .	572 404	(502 938)	70	290	360	0,6
7. Зырянский (Коми) .	274 110	(240 884)	9	177	186	0,7
Итого . . .	1 328 995	1 167 875	245	2 512	2 959	2,5

Сказанное выше о незначительной населенности края приобретает особую наглядность при ознакомлении с этой таблицей. Но если принять во внимание еще дазиметрическую плотность населения, т.-е. ту плотность, которая приходится на взятую в конкретных географических границах единицу территории, то окажется, что незаселенность Севера, как целого,—мнима. В долинах рек, на более или менее плодородных водоразделах, вдоль грунтовых трактов и вообще путей сообщения население северного края оказывается сгущенным не менее, а иногда и более, чем в центральных частях республики. Напротив, вся так называемая полутундровая полоса края (Мурманск. губ. и северные уезды Архангельской губ. и области Коми) почти вовсе лишена людей, что резко понижает среднюю плотность населения губернии (области). Далее, необходимо принять во внимание, что из 120, примерно, миллионов дес., составляющих коренной Север, около 80 миллионов дес., т.-е. до 70% территории, занимают почти непроходимые леса и что площадь земель с.-х. назначения составляет по разным зонам от 0,01 до 18, в лучшем случае, процентов.

[1]) В *кв. км* (в кв. верстах).

Таким образом, можно a priori заключить, что культурно-экономическому освоению Севера не могли не препятствовать до сих пор два основных обстоятельства: его географическое расположение, обусловливающее недостаточно благоприятные климат и почву, и необозримый «океан» лесов, физически затруднявших колонизацию. Однако, современное неравномерное распределение населения по территории края, особенно «гнездовая» группировка этого населения на небольших, сравнительно, площадях,—в значительной степени объясняется, помимо случаев очевидного практицизма, теми еще социально-экономическими предпосылками, которые направляли на Север колонизационные продвижения.

История колонизации Севера. Заселение Севера русскими началось еще с XIII века, когда новгородцы, в поисках за пушным и морским зверем, через Свирь, Онежское озеро, Северную Двину, Выг и от Ладожского озера через «дикую лопь» добрались уже до берегов «студеного» моря. Этот первоначальный вид колонизации Севера осуществлялся, по общему правилу, экономически сильным в то время элементом—«именитыми» людьми, основывавшими в выгодно, в отношении промыслов, расположенных местах капиталистические фактории, в виде ловчих станов, рыболовческих поселков и, где можно, соляных варниц. У этих факторий сосредоточивался затем по проторенным путям и «обычный», маломощный люд, и, таким образом, оазисами, а не сплошным заселением шла первоначальная колонизация новгородцами прежде всего Поморья.

По тому же, выборочному, пути следовала на север и последующая колонизация северного края—монастырская (как с запада, так и с юга), в результате которой по всем берегам Белого моря и затем по Олонецкому краю образовались опять-таки разъединенные огромными пространствами торгово-промышленные фактории, часто с земледельческими при них поселениями,—уединенными и разбросанными на огромной лесной площади. Некоторые местности Севера, как, напр., бассейны Сев. Двины и притока ее Ваги, оказались к XV веку заселенными,—в итоге означенной колонизации, дополнявшейся и движением отдельных «дружин» земледельцев,—почти в тех же пределах, как это имеет место и в настоящее время. Скученность людей являлась везде гарантией их безопасности и от «зверя» и от нападений туземных племен, встречавшихся на пути колонизаторов.

В XIV веке Двинская и Важская области стали привлекать к

себе «низовских» и московских князей, искавших выхода к морю под ударами татар и вследствие притеснений баскаков. К XV веку здесь, по Белозеру, по Кеми, по Ухтоме, Андоге и верхней Шексне, а также по озеру Кубенскому, образовались более или менее крупные «княжества», с переводом в последние «людишек» из южных вотчин и с пополнением их всякого рода пришельцами. Отдельные князья (белозерские, кубенские) развили при этом значительную хозяйственную деятельность, выдавали крупные «подмоги», и в результате—их владения заселялись сравнительно густо, тогда как рядом лежащие, не худшие, но с менее предприимчивым хозяином—пустовали. Вновь и здесь создались, таким образом, своеобразные оазисы.

В XVII в. шедшая из Московского государства княжеская, монастырская и вольно-земледельческая колонизация была приостановлена, в направлении на Унжу, осевшими между Унжей и Ветлугой черемисами, ранее того оттесненными сюда с юга мордвой,—не желавшими примириться с иноземным продвижением к весьма активно ему препятствовавшими. Поэтому Вятская земля заселилась, впоследствии, обходным путем с севера, а не прямым, южным, а потом т. н. Черемисская сторона так и осталась пустовать, ибо пути колонизации направились уже на лучшие земли—в Пермь и Сибирь,—через Вятскую обл., при чем многие местности из ранее освоенных на Поморьи,—вследствие этого нового направления колонизации, опустели (Заволочье, Предвятская и самая Вятская земля).

Размещение населения и прилив его извне в Поморье или на Север Европейской России закончился к XVIII веку, при чем торговое оживление края, созданное с половины XVI века, архангельскою торговлей, стало, начиная с Петра Первого, в связи с организацией балтийских портов, упадать. Балтийское побережье перетянуло к себе товары из Поморья, северные пути обезлюдели, города на них постепенно глохли.

В общем и целом, русский Север, щедро снабжавший в свое время Московское государство не только рыбой, пушниной, солью и вообще полезными ископаемыми, но даже и хлебом, как бы заснул на целых три столетия, и, в то время как другие части государства быстро росли экономически,—он и до ныне сохранил в основе ту же картину оазисного размещения населения и слабой вообще его плотности, какая сложилась здесь под влиянием социально-экономических факторов к началу XVIII в. Немало,

впрочем, способствовало такой незавидной устойчивости и то, что дореволюционная власть, по-своему проводя повсеместно землеустройство крестьян с неизменным и всемерным охранением интересов «благородного» сословия, менее всего обратила внимания на Север, где якобы все равно земли «много» и где в ней дворянство непосредственно заинтересовано не было. В итоге, в надел местному населению земли было отведены совершенно механически, обычно без всякого учета угодий,—просто вдоль рек, и таким образом, независимо от односторонней неправильности землеустроительного процесса, последним обесценивались в смысле дальнейшего освоения междуречные пространства. Кроме того, разделка земель под с.-х. угодия из-под леса в казенных дачах, т.-е. необходимейшее условие для дальнейшего проникновения хозяйствующего человека вглубь Севера, подчинялась на протяжении лет множеству противоречащих распоряжений и, в конце концов, под влиянием преследований местных лесных администраторов, прекратилась, а с тем вместе пошли на убыль и размеры хлебопашества.

Явное малоземелье заброшенных в безлюдные пространства земледельцев побудило старое правительство издать в 1870 году закон о праве крестьян Архангельской и теперешней Северо-Двинской губ. переселяться на любые другие земли в пределах тех же губерний (имевший незначительное применение), а с 1908 г. в пределы вообще северных губерний было открыто переселение крестьян из всех прочих местностей, при чем для образования переселенческих участков (при полном земельном неустройстве местного населения) были сорганизованы специальные партии. В результате работ последних соответствующий «фонд» (главным образом в теперешней Северо-Двинск. губ.) был, конечно, найден, и на нем поселилось до 1917 г. свыше 2 000 семей—выходцев из прибалтийских губерний. Ныне большинство засельщиков разбежалось, так как прямое, конечно, назначение всех аналогичных «фондов» служить цели рационального землеустройства прежде всего местного населения. Таким образом, попытка колонизации Севера в последние, перед революцией, годы, как не обосновывавшаяся должными экономическими предпосылками, потерпела естественное крушение.

Переселение на Мурман регулировалось еще с 1868 г. особо льготными правилами, но 19 тыс. современного населения края достаточно свидетельствуют о степени успешности его колонизации за все время.

Современный этнографический состав населения. Процесс освоения Севера русским элементом привел, в конечном итоге, к тому, что, за исключением самых отдаленных и уединенных пространств, основных аборигенов края здесь, кроме зырян и карелов, почти не встречается. По данным 1916 г., в пределах бывших Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний коренного туземного населения насчитывается лишь около 250 тыс. чел. (менее 10%), при чем наибольшую численно группу составляли (по П. И. Семенову) зыряне (154 тыс.), затем карелы (около 90 тыс.) и, наконец, совсем ничтожную—самоеды и лопари (по 2 тыс. чел.). Первые две группы обрели себе теперь национальную автономию (Карельская республика и Зырянская область), последние же две, рассыпанные по тундре, влачат достаточно жалкое существование, занимаясь рыбной ловлей, охотой и оленеводством.

В современных границах Карельская республика составляется, по населению, из 42, примерно, процентов карел и 58% русских, область же Коми—из 83% зырян и 17% русских. Лопари обитают на Кольском полуострове, самоеды—вдоль берегов Белого моря.

ЛЕСА.

Общая площадь лесов Северного края составляет, как сказано, около 80% от всей его территории. Едва ли, поэтому, требует особого доказательства утверждение, что именно в лесе и заключается основное богатство Севера.

При этом, однако, это богатство в высокой степени своеобразно: мешая человеку своей огромной массою приступить к его использованию, оно, вместе с тем, постепенно умаляется от этого неиспользования, засоряясь и заболачиваясь.

В последние перед войною годы все северные леса отпускали за границу, в общем, по 398 милл. *кг* (60 милл. пуд.) в год лесного товара, ценностью в 20 милл. руб.; Швеция же, Норвегия и Финляндия вместе, при меньшей на 1/3 удобной лесной площади, исчисляли свой экспорт во вдесятеро бо́льшие суммы. Неиспользованной древесины у нас, в пройденных рубкою дачах, остается от 40 до 80%, и, в результате, ранее ценные леса после хищнической рубки резко ухудшаются в качестве.

Характеризуя Беломорский лесо-экспортный район, к которому относится в своем основном массиве описываемый Север, по

подрайонам,—проф. Орлов делает следующие заключения: в Печорском и Мезенском подрайонах (25 милл. дес.) леса почти не эксплоатируются, и хозяйство в них почти не начиналось (0,008 и 0,023 *куб. м* использования с десятины); в Мурманском подрайоне (10 милл. дес.) лесо-эксплоатация лишь едва проявляется (0,08 *куб. м* с дес.); в Онежском подрайоне (3 милл. дес.) дело обстоит несколько лучше (0,11 *куб. м* с дес.), и лишь Северо-Двинский район с крупным центром Архангельском дал 0,14 *куб. м* лесоиспользования с десятины (всего здесь лесов 24 милл. дес.), тогда как в соседнем Уральско-Горнозаводском районе отпуск леса в иных дачах достигает 2,21 *куб. м*.

Принимая во внимание, что значительная часть северных лесов фактически вовсе неиспользована и недоступна, эти средние подесятинные показатели лесоиспользования должны быть, конечно, приняты с поправками, но неоспоримым все же является тот факт, что при правильном лесоиспользовании леса Севера могли бы увеличить свой отпуск по крайней мере в 5 раз против довоенного,—при достаточно, в общем, благоприятной для нас в этом отношении конъюнктуре на мировом рынке и при растущей потребности в лесе со стороны малолесных губерний.

Оздоровить лес, начать правильную его эксплоатацию и получить соответствующие результаты возможно на Севере только при двух условиях: а) внедрения сюда необходимого кадра трудового элемента в дополнение к туземному и б) обеспечения края такими путями сообщения, которые дали бы возможность, с одной стороны, «врубиться» в лесную толщу и с другой—эксплоатировать лесную продукцию на рынки.

Совершенно ясно, что выполнение этих условий и составляет на Севере основную задачу колонизации.

В нижеследующей таблице приводятся некоторые данные о лесах по вышеуказанным (1—4) зонам (см. табл. на стр. 195).

Эта таблица, с приведенными в ней поправками на долготность, еще ярче подчеркивает вышесказанное.

Оказывается, что лишь в западной части первого района лесоиспользованность, благодаря сплошной рубке, достигала и раньше 80% возможной. Вообще же по Северу процент лесоиспользованности не превышает 25, и таким образом 75% естественного ежегодного лесного прироста, стоимостью около 50 милл. руб., способствуют не экономическому оживлению края, а общему качественному ухудшению лесов, т.-е. и общему же понижению цен-

Зоны	Общая площадь лесов в тыс. дес.	% лесистости	На 100 д. земли удоб. лесн. площ. в дес.	Плотность сел. насел. на 1 *кв. км*	Подрайоны	Экономическая характеристика: Преоблад. лесн. породы	Естеств. прирост в год с 1 дес. в куб. метрах (фут.)	Нормальная продукция: Общая возм. годов. продукция в *куб. м* (фут.)	Нормальная продукция: В сост. возм. год. продукции: Дров в %	Сред. в %	Брев. в %	Приблиз. стоим. корн. продукции в тыс. руб.	Довоенн. использ.: В % к возм. продукции	Довоенн. использ.: Основной характер	Организация сбыта (В соврем. экономич. условиях): Рынки	Организация сбыта: Пути
I	12 208	71	59,11	8,3	зап. (50%)	ель (40%) сосна (30%) листв. (30%)	1,84 (65)	10 124 (357 500)	50	40	10	10 000	50—80	Сплошной	Ленинград Волга	Сев.-Мурм. и Мга-Рыб. ж. д. и водн. сист.
					вост. (50%)	ель (70%) сосна (20%) лист. (10%)	1,84 (65)	8 954 (316 500)	50	30	20	15 000	17	Выборочн. (вплоть до хищнич.)	Архангел. Ленинград Волга	Сухона и прилег. вод. сист.
II	14 446	74,9	62,9	3,1	вост. (65%)	ель (30%) сосна (60%) листв. (10%)	1,42 (50)	13 047 (463 300)	40	35	25	15 000	16	Выборочн. (лесопил.)	Беломорск. и отчасти Онеж. порт.	Бассейны Онеги и Сев. Двины
					зап. (35%)	ель (30%) сосна (60%) листв. (10%)	1,27 (45)	2 967 (104 940)	45	30	25		15	Выборочн.	Ленинград. порты	Бассейны Онеж. озера
III	24 757	73,7	62,7	1,0	зап. (20%)	ель (20%) сосна (80%)	0,57 (20)	18 458 (651 640)	41	38	21	13 000	30	Выборочн. (лесопил.)	Зап. порты Бел. моря	Бассейны Онеги и Сев. Двины.
					сред. (35%)	ель (60%) сосна (30%) листв. (10%)	0,85 (30)						30	Выборочн.	Онеж. пор.	
					вост, (45%)	ель (40%) сосна (50%)	0,99 (35)						10—12	Выборочн.	Арханг. и Белом. поб.	
IV	20 405	40,0	32,1	0,2	—	листв. (10%) сосна (70%) ель (20%) листв. береза (10%)	0,36 (13)	6 310 (223 000)	68	21	11	8 000	10—12	Выборочн.	Мурманск, Кола-Умба, Кандалакша	Сплав. реки полуострова и Мурманская ж. д.

ности его основного капитала. Однако, далеко не везде лесоэксплоатация характеризовалась вышеуказанной низкою степенью. В лесных дачах, в районах сгущенного населения,—некоторые лесные дачи, особенно при выборочной системе рубки, использовались выше допустимой нормы. В итоге оголенные из-под ценного леса площади порастали кустарником и заболочивались, а с другой стороны, более отдаленные лесные участки вовсе не затрагивались пилой и топором и засаривались от собственного переизбытка.

Возникающие отсюда задачи северного лесного хозяйства совершенно очевидны: нужно, прежде всего, привести леса в известность и порядок, затем избрать районы наиболее рентабельной, первоочередной, эксплоатации, обеспечить правильное течение таковой привлечением сюда должного количества рабочих рук, для которых создать, конечно, экономически нормальные условия жизни (не стесняясь, в отдельных случаях, отводом под заселение освобождаемых из-под леса пространств) и, наконец,—наладить сбыт лесной продукции в сыром и обработанном виде путем организации как путей сообщения, так и лесообрабатывающей промышленности.

ПУТИ СООБЩЕНИЯ.

Распределение водной (сплавной или судоходной) и гужевой сети по коренным губерниям Севера и степень насыщенности каждой из этих губерний путями сообщения может быть представлено таблицей на стр. 198.

Железные дороги. Как видно, обслуженность Севера путями сообщения вообще совершенно незначительна, будучи во много раз ниже средне-российской, и неизмеримо ниже западно-европейской. Что касается железных дорог, то на Севере их имеется: три (Мурманская, Архангельская и Котласская) меридианального и одна (Северная)—широтного направления. Из первых двух, построенных для соединения центра страны с северными портами и таким образом преимущественно транспортного характера, только Мурманская, проходя по району, богатому своими промышленными возможностями, может явиться при благоприятных условиях действительной «осью колонизации»,—Архангельская же, лишенная вовсе подъездных путей и не подходящая к тому же к самому городу Архангельску, не оказывает почти никакого влияния на прорезаемый ею район и в современном своем состоянии оказывается только «извозчиком». Столь же мало пригодна для даль-

Губернии	Число *км* (верст) путей			Всего по губ.	На 1 *кв. км* приходится сажен путей			
	Жел.-дор.	Водных	Гужевых		Ж.-д.	Водн.	Гужев.	Всего по губ.
1. Три вост. уезда Ленингр. губ.	311 (292)	5 172 (4 848)	1 046 (952)	6 092	6,0	21,6	16,6	14,4
2. Карельск. республика	795 (745)	7 231 (6 778)	1 426 (1 337)	8 860	1,5	5,1	9,0	5,2
3. Вологодская губ. . .	629 (590)	7 853 (7 361)	4 299 (4 030)	11 981	4,9	6,8	24,0	11,9
4. Череповецкая . . .	417 (391)	6 544 (6 134)	2 720 (2 549)	9 074	3,6	11,1	23,7	12,8
5. Мурманская	288 (270)	1 467 (1 375)	—	1 645	1,0	0,09	0,4	0,5
6. Архангельская . . .	240 (225)	15 815 (14 824)	2 241 (2 101)	17 150	0,6	5,5	5,5	3,9
7. Северо-Двинская . . .	224 (210)	5 154 (4 830)	1 953 (1 831)	6 871	1,0	6,6	10,3	5,9
8. Зырянская область .	26 (24)	9 908 (9 288)	1 122 (1 052)	10 364	0,08	4,0	2,7	2,3
Всего по Северу .	2 930 (2 747)	59 144 (55 438)	14 807 (13 852)	72 037	2,3	7,6	11,5	7,1

нейшего развития при настоящих условиях и линия Вятка—Котлас, упирающаяся в тупик между двумя замерзающими реками. Широтная дорога—Северная—лишь окаймляет Северный край с юга, и потому весь основной к северу массив страны остается без ее влияния. В общем, существующие железные дороги Севера при недоразвитости подъездных к ним путей и отсутствию надлежащей связи с водными путями оказываются, кроме Мурманской, мало полезными для края (а для всего северо-востока его и вовсе бесполезными) в смысле глубинного использования его ресурсов.

Водные пути. Основными путями для всей восточной, от Онежского озера, части Севера являются пути водные—судоходные и примыкающие к ним сплавные реки. Наибольшее значение из этих путей имеют реки системы Северной Двины, смыкающиеся с железными дорогами в Котласе, в Вологде и в Архангельске. Но в качестве подъездных путей эти реки по своей теперешней неустроенности (мелководье и порожистость в местах соединения с ж. д.), а также недостаточной провозоспособности самих ж.-д. линий (Котласская) используются недостаточно полно. Огромный бассейн р. Печоры, а также бассейны Мезени и Онеги вовсе не связаны с жел.-дор. сетью и потому не могут играть значительной роли в торгово-промышленном отношении. Словом, при всей грандиозности водных путей Севера и их, казалось бы, колоссальной потенциальной ценности, они в современном состоянии не могут быть признаны такими, на основе которых можно было бы осуществить сколько-нибудь крупное по масштабу экономическое строительство.

Грунтовые пути. Грунтовые пути играют еще меньшую роль в теперешней жизни Севера—по своей незначительной протяженности, плохой оборудованности, разбросанности и неувязке с другими видами путей сообщения. Целые группы селений, расположенных не только на северных и восточных окраинах, но даже и в Карелии, вовсе обходятся без дорог, за неимением таковых, и заменяя дороги летом—водою, а зимой—тропами. Государственные тракты находятся в плохом состоянии и часто непроезжи. Ни под какой вид механической тяги все вообще грунтовые пути Севера непригодны.

При таком положении вещей перед Севером встает дилемма: либо, сохранив существующую дорожную сеть, продолжать мертвый сон на неисчислимых, под спудом, богатейших ресурсах, либо—начать строить новые железные дороги (магистрали) и этим

оживить край, создав экономическую базу для пробуждения и развития лесо- и горно-промышленности, охоты, рыболовства и возможного здесь во многих местах сельского хозяйства, с крупнейшей животноводческой отраслью. Всякий другой способ, особенно для северо-восточной части края, заранее обречен на неудачу, и с этим необходимо считаться в первую очередь при построении планов колонизации, основой которой повсеместно и вообще являются пути сообщения [1].

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

При общей характеристике территории Севера мы уже имели случай констатировать, что по мере удаления от юга процент земель, используемых в сельском хозяйстве, делается все ниже и ниже и что, таким образом, освоение Севера оказывается, соразмерно, труднее. Однако, этот вывод не может быть целиком применен к сельскохозяйственному промыслу в смысле фактической возможности его распространения. Следует в этом отношении помнить, что сельское хозяйство, как источник продовольственных продуктов для населения, слагается из двух основных отраслей: полеводства и скотоводства, и что если обычные культуры первого почему-либо в данной местности неприемлемы, то второе, связываясь с культурами кормовыми и техническими, нередко с избытком восполняет зерновой дефицит.

---

[1]) Несколько иначе обстоит дело на западе. Здесь всю сравнительно узкую полосу территории прорезает Мурманская ж. дор., — нерв местной, крайне еще неразвитой, жизни. Учтя опыт Канады, С.-А. С. Штатов и Аргентины, успешно колонизовавших свои пустыни через железные дороги, Мурманская дорога испросила себе еще в 1923 г. около 1,5 милл. дес. земли отдельными участками вдоль полотна, с обязательством колонизовать означенные земли. Совершенно правильная мысль эта и приводится теперь в исполнение дорогой, буквально отвоевывающей у суровой природы места для новых поселений, создавая удобную почву на болотах и устраивая постепенно засельщиков. Создавая таким путем экономическую базу для самой себя, дорога вместе с тем превращается, как государственно-хозяйственное предприятие, в источник благосостояния пионеров-переселенцев. Главные средства на колонизацию дорога получает от отпуска древесины всяким организациям, и чем шире будет поставлено это дело, тем успешнее, конечно, будет разрешена для Олонецкого и Мурманского края проблема колонизации вплоть до обрастания Мурманской магистрали подъездными жел.-дор. линиями и ветками. Такой способ колонизации предполагается распространить и на другие дороги.

Что касается полеводства, то длительность вообще вегетационного периода на Севере не ставит непреодолимых препятствий к возделыванию зерновых культур вплоть до 65 параллели, и лишь на Кольском полуострове, т.-е. за полярным кругом, да в Мезенском и Пинежском уездах Архангельской губ. и в северо-восточной части Зырянской области,—вследствие малого количества осадков и резкой континентальности климата, зерновые культуры по общему правилу неуместны. На всем прочем пространстве они, в определенных сортах и комбинации с другими полезными злаками, могут возделываться достаточно успешно, и поэтому вопрос о полеводстве сводится здесь не столько к почвенными и климатическим, сколько к экономическим условиям [1]).

При всем том центр тяжести сельского хозяйства на Севере лежит не в зерновой культуре, и следует, очевидно, примириться с тем, что доставлять сюда хлеб окажется еще долгое время более выгодным, чем занимать значительные площади под посевы, так как под них пришлось бы по почвенным признакам отводить с полною сводкою леса, те именно места, которые заняты сейчас сортовыми, ценными лесонасаждениями, что, очевидно, может иметь место лишь в виде исключения [2]). Между тем на всей территории Севера имеется другой, почти неисчерпаемый и почти готовый вид угодий сельскохозяйственного пользования—заливные луга, сравнимые по своему высокому качеству разве только с западными прериями Америки. Так как распространению скотоводства (равно как и огородным культурам) физико-географических пределов на Севере не ставится и так как оно издревле получило здесь широкое развитие (напр., Холмогоры) вплоть

---

[1]) Эта общая обрисовка с.-х. ситуации Севера находит себе конкретное подтверждение на примерах общеизвестных, по высокой показательности, хозяйств Печенегского на Мурмане и б. Соловецкого монастырей, а также удачных опытов крестьян Онежского и Печорского уездов, где успешно вызревает рожь и ячмень и мыслима, вообще говоря, даже культура пшеницы, издавна принятая в севооборот Шенкурского, напр., уезда, при примитивнейшем способе обработки земли.

[2]) Соответствующие подсчеты показывают, что в южной зоне, т.-е. в зоне сравнительно широкой потенциальной возможности развития земледелия, при достаточном уплотнении населения и создании здесь общих благоприятных экономических условий, правильно организованное интенсивное плодосменное сельское зернового направления хозяйство может теоретически дать больший, чем лесное, при низкой здесь качественности леса, доход с единицы площади; в более северных зонах положение обратное.

до возникновения сравнительно крупной молочной обрабатывающей промышленности (маслоделия), то ясно, что основную перспективную ставку в области сельского хозяйства Север должен делать на сенно-молочную отрасль[1]),—поскольку, однако, проникновение земледелия вглубь лесов не окажется, в ряде случаев, необходимым в общих интересах оживления Севера. Крайне широкие перспективы открываются и в том и в другом случаях перед мелиорацией.

Такова, несомненно, общая направляющая линия. Но в отношении отдельных местностей Севера она может и должна соответственно специфицироваться.

В частности, первая—южная—зона заключает в себе, особенно в восточной своей части, лучшие по качеству почвы севера, при достаточно благоприятных климатических условиях. Сельское хозяйство с животноводческим уклоном здесь может развиваться почти повсеместно, за счет даже значительной сводки сравнительно малоценного леса, при многопольном севообороте с значительным привхождением посева кормовых трав. Из зерновых культур здесь наиболее уместны рожь, ячмень и овес, из технических—лен и картофель.

В большей части второй зоны общие с.-х. условия менее благоприятны, чем в первой, но развитие животноводческого хозяйства и, как подсобного ему, зернового (гл. обр. на корма) вполне возможно за счет мелиорации луговых пространств и лесных расчисток. Зерновые и технические культуры—те же, что и в первом районе. Подсобный промысел—лес.

Территории третьей и четвертой зон, а также некоторых (восточных) частей второй—в общем, по природным условиям, мало пригодны для развития полевого хозяйства, которое здесь есте-

---

[1]) Чрезвычайно характерным оказывается в данном случае категорическое заявление Архангельского губземуправления. Исходя из того, что отношение пашни к лугам по губернии выражается в формуле 1 : 2,4 (а в Печорском уезде 1 : 30,7, тогда как в центральных губ. 1 : 0,35), — что, несмотря на явную недостаточность добываемого здесь количества зернопродуктов (не более 30—40% общей потребности населения губернии), посевная площадь вовсе не расширяется в противоположность явной прогрессивной тенденции в скотоводстве, местные работники находят, что именно племенное и продуктивное животноводство должно лечь в основу организационных планов построения северного сельского хозяйства, — при неограниченных, по местности, кормовых перспективах. („Генеральный план развития сельского хозяйства в Архангельской губ.“, Матерьялы План. Ком. НКЗ.)

ственно вытесняется животноводством и породными культурами. Из зерновых здесь наиболее приемлем ячмень. Сельскохозяйственный промысел в целом не может, на крайнем Севере, явиться, по общему правилу, основою труда засельщиков. Последнею здесь оказывается рыболовный, лесной и охотничий промыслы.

Следующие таблицы характеризуют современное положение сельского хозяйства на Севере (см. табл. на стр. 203 и 204).

Ознакомление с обеими вышеприведенными таблицами иллюстрирует вышесказанное о северном сельском хозяйстве.

Процент используемой в сельском хозяйстве площади резко падает в направлении севера под влиянием как степени с.-х. удобности территории, так и плотности населения; далее, сельское население двух первых зон пользуется землею для с. х. почти в двойном против двух последних размерах, что подчеркивает только подсобный характер сельского хозяйства на крайнем севере; совершенно затем ясно, что чем ближе к северу, тем преобладание животноводства становится сильнее (на 100 дес. пашни в последних двух зонах 350 и 783 дес. сенокоса), и тем меньшую роль играет полеводство, соотношение культур в составе которого также подчеркивает с.-х. зональность. В третьей зоне рожь уже уступает место ячменю, овес почти исчезает, а в четвертой резко преобладающей культурой оказывается один только ячмень. Наконец, расчет причитающейся на 1 хозяйство удобной лесной площади показывает (при ведении рационального лесного хозяйства считается правильным также соотношение, при котором на 50 дес. леса приходится 1 рабочая единица населения), насколько велик, в двух последних зонах, недостаток рабочих рук для разработки леса. В первых двух зонах это соотношение более благоприятно.

Что касается второй таблицы, то она оказывается интересной в части показания находящихся по отдаленным северным губерниям количеств и рода скота на 1 хозяйство. Обеспечение производительским скотом на севере весьма значительно, что, в связи с общими перспективами развития здесь сельского хозяйства, обеспечивает осуществимость соответствующих мероприятий.

Рыболовство и охота. Рыболовство на севере может быть подразделено на два вида: имеющее значение подсобного к другим промысла—главным образом в продовольственных целях, и собственно промышленное—на рынок. К первому виду относится занятие рыболовством всего вообще приречного и приозерного на-

А. Территория и культуры[1]).

Зоны	На 100 дес. территории приходится земли, используемой в с. х.		На 1 хозяйств. десятин			Из 100 дес. земли с.-х. назнач. находится под сенокосом десятин	Посевные культуры в $^0/_0{}^0/_0$ к общей площади посева						На 1 хоз. прих. дес. удобн. лесной площ. (камеральное исч.)	На 100 дес. пашни приход. дес. сенокоса
	Всей	Под посев	Всего	Пашни и сенокоса	Посева		Ячмень	Рожь	Овес	Лен	Картофель	Прочие		
I	17,9	3,5	11	7,4	2,2	55,8	9,7	39,1	37,5	5,1	3,4	5,4	36	126
II	6,8	1,1	10,5	7,7	1,8	59,7	20,2	37,3	34,0	2,9	3,1	2,5	97	148
III	0,8	0,1	5,2	4,9	0,9	77,8	53,5	28,7	2,8	1,9	5,2	7,9	408	350
IV	0,2	0,01	5,6	0,4	0,4	88,6	85,0	9,2	0,01	1,6	3,0	1,2	1 158	783

[1]) Таблица скомбинирована по данным колонизационной экспедиции.

Б. Животноводство

(по переписи 1920 г.).

Губернии	Число хозяйств	В тысячах									
		Число голов скота					Всего	На 1 хоз. голов скота			
		Лошадей	Кр. рогат	Овец	Свиней	Прочего		Лош.	Кр. р.	Итого	Всего скота
Архангельская . .	74,1	50,4	120,1	109,1	—	237,7[1])	517,5	0,7	1,6	2,3	6,9
Сев.-Двинская . .	156,6	143,6	280,3	200,1	45,4	—	669,9	0,9	1,8	2,7	4,3
Череповецкая . .	126,8	107,2	267,7	162,7	1,6	—	539,7	0,8	2,0	2,8	4,3
Вологодская . . .	181,8	163,9	369,1	254,5	7,2	0,3	795,3	0,9	2,0	2,9	4,4
Карельская (б. Олонецкая)	62,9	48,1	139,1	79,3	—	2,1	268,9	0,8	2,2	3,0	4,2

[1]) В составе скота по Архангельской губ. выделяется своим удельным весом графа „прочего“, в которую входят основной массой олени. Оленеводство, развитое в тундрах Печорского и Мезенского уу., является единственным пока видом эксплоатации приполярной тундры, при чем количество оленей исчислялось раньше для Архангельской губ. в ее прежних границах в 450 000 голов. Теперь, с отходом большей части Печорского у. к области Коми, учесть соразмерно их количество трудно. Оленеводство—одна из доходнейших отраслей народного хозяйства района, но постановка ее—ниже всякой критики, и олени постепенно исчезают вследствие периодических падежей от сибирской язвы. До войны в Печорском уезде функционировало 53 замш. завода с производством на сумму до 500 000 руб. Стоимость мяса и невыделанных шкур—огромная.

селения края, ко второму—приморского, объектом охоты которого являются морской зверь и морская рыба.

Из последней особую ценность имеют:

а) беломорская сельдь (Кандалакшская губа и Сорокская бухта),

б) семга (по архангельскому побережью и в устьях рек),

в) треска, составляющая 70% улова русских рыбаков побережья Баренцова моря,

г) навага и сиг—по всем северным морям и речным водам.

Морские звери: нерпы, моржи, белухи, тюлени—главным образом на Мурманском побережье и в горле Белого и в Баренцовом море.

В общем, рыбные ресурсы края, запасы которых не исчислялись, но, несомненно, весьма значительны, используются чрезвычайно экстенсивно ввиду неудовлетворительной организации как самого лова, так и особенно консервирования. Соседнее с Мурманским норвежское население во много раз более успешно пользуется богатствами своего побережья, восточное же поморье еще более отстает, ввиду отсутствия экономических стимулов, от улова западного. Между тем, правильная организация рыболовства составляет коренной вопрос для всего поморья, эта отрасль труда является основной и по содержанию своему неисчерпаемо богатой.

Главным видом собственно охоты (преимущ. в восточной части края) является на Севере добывание рябчиков, белок, куропаток, тетеревов и из зверей—горностаев, лисиц и песцов. Но крупно-промышленного значения охота здесь пока не имеет,—не выходя за пределы кустарнических приемов.

КОЛОНИЗАЦИОННЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ.

Из всего вышеизложенного с несомненностью явствует, что проблема оживления Севера неразрывно связывается с проблемой его колонизации. При этом роль колонизации здесь в высшей степени сложна и многообразна. Коренной вопрос экономики края—лесное хозяйство—не может быть разрешен сколько-нибудь удовлетворительно без обеспечения Севера достаточным количеством соответственно распределенной на местности, в качестве постоянных засельщиков, рабочей силы; эта сила, однако, только тогда пойдет на север, когда там будут проложены пути сообщения.

По расчетам С. В. Ободовского (сб. «О земле», вып. 3),

полное использование всего годичного простора северных лесов потребовало бы сосредоточения у мест разработки до 900 000 рабочих и 400—500 тыс. лошадей в течение круглого года: подобное распределение рабочей силы (сосредоточенной теперь в 50, примерно, процентах, как раз не там, где ей надлежало бы быть в интересах лесоэксплоатации, что и обусловливает современное использование только 8% годичного лесного прироста) потребует постройки свыше 10 тысяч верст железных дорог [1]), множества жилищ, хозяйственных зданий и заводов, создания местных источников питания посредством обращения части лесной площади (до 10%) под постоянную оседлость и земледельческую культуру и множества других, дорого стоящих и сложных мероприятий землеустроительного, мелиоративного и организационного характера.

Это—программа-максимум колонизации, могущая получить осуществление лишь через десятки лет; минимум же ее—постепенное развертывание нового экономического фронта вдоль существующих линий железных дорог и судоходных рек с попутной организацией на рациональных началах, и территории, и населения, и капитала.

---

[1]) Из существующих многочисленных (до 35) проектов сооружения на Севере новых жел.-дорожных линий,—всех, вообще говоря, неотложных и совершенно необходимых для оживления края,—в период с 1916 по 1918 год был выработан ряд схем северного железнодорожного строительства, получивших окончательную увязку в 1919 г. в комиссии по новым жел. дорогам. Согласно этому последнему варианту, новые железные дороги проектируются здесь к постройке в следующих основных направлениях:

1. Сибирско-Мурманская магистраль (Сороки—Котлас—Чердынь—Надеждинский завод) с ответвлением Званка—Котлас.

2. Обь-Беломорская магистраль (Архангельск—Ухта—Обь) с ответвлением Троицкое—Чардынь—Усолье и Ухта—Усть—Цильма.

3. Московско-Ухтинская магистраль (Буй—Котлас—Ухта).

4. Московско-Мурманская магистраль (Суда—Вытегра—Пудож—Повенец—Медв. гора).

5. Мурманско-Туркестанская магистраль (Медв. Гора—Конеша—Кологрив).

Назначение этих дорог очевидно. Прорезывая север в разных направлениях и вызывая к жизни, таким образом, его наиболее ценные ресурсы (лес, ископаемые и земельные фонды), они вместе с тем либо дают выход сибирскому хлебу на Запад, либо соединяют центр с морскими портами и особо ценными (Ухта) районами, или, наконец, служат головными участками таких грандиозных сверхмагистралей, как Мурманск—Средняя Азия—Китай, или Мурманск—Средняя Азия—Индия, или Архангельск—Обь—Чита—Владивосток.

Само собой разумеется, что к этим путям должно будет приспосабливаться оборудование и развитие как водных, так и гужевых путей.

Здесь, конечно,—вся суть в разумном, практически выполнимом и последовательном плане колонизационных мероприятий, рассчитанных в их осуществлении строго календарно и обеспеченных беспрерывным, заранее предусмотренным притоком средств. По всем видимостям, колонизацию Севера придется начать с рационального расселения скученного в долинах рек местного населения по специально для того изысканному в полном контакте с местными учреждениями, сравнительно легкому для освоения, фонду. При этом несомненно придется разработать для каждого сколько-нибудь крупного колонизационно-расселенческого массива тот именно тип хозяйства, который здесь окажется наиболее рациональным по совокупности естественных и экономических условий местности, всячески стимулировать расселенческую самодеятельность и обеспечить действительное со стороны переселенца выполнение плана хозяйства. Параллельно с расселением на тот же фонд, буде здесь окажутся излишки, можно будет постепенно открыть и переселение извне, но здесь труднейшим, вообще, вопросом явится вопрос о том, из каких источников субсидировать, на началах либо прямой помощи, либо кредита, колонизаторов на их устройство, которое вместе с мелиорациями и т. п. обойдется, конечно, дороже, чем даже оазисное орошение на Юго-Востоке. Наконец, и почти незамедлительно, здесь станет вопрос о новых, хотя бы подъездных, железнодорожных ветках и вообще об оборудовании транспорта. Было бы неправильно считать, что даже процесс расселения, как первоначальный этап весьма ограниченной по масштабу колонизации, может протекать (а тем более закончиться) без реального разрешения этой последней проблемы как экономической базы колонизации. Тем более—при первой же попытке обратиться к сколько-нибудь широким в этом отношении начинаниям.

Словом, даже по весьма и весьма сокращенной программе, колонизация севера неминуемо упирается в проблему народно-хозяйственной организации капитала.

Ввиду заведомой ограниченности наших внутренних возможностей в этом отношении, неизбежно, повидимому, стремиться к привлечению на Север капитала иностранного, в форме лесных концессий. Совершенно ясно, что такого рода концессии, в условиях малоиспользованности Севера, явятся не чем иным как своеобразным способом колонизации; в качестве таковых они должны составлять одно из звеньев общего плана развития производитель-

ных ресурсов края, подчиняясь, во всяком случае, плану мероприятий колонизационных.

С этой точки зрения под лесные концессии должны сдаваться лишь пространства в малонаселенных районах, с проведением по последним железных дорог и оборудованием водных путей сообщения, с широкими мелиорационными обязательствами, с отводом земли под заселение, с организацией обрабатывающей и добывающей промышленности и т. п. операциями, детально согласованными с колонизационными планами. Современная практика идет, однако, по несколько иному пути, и мы имели уже в настоящее время ряд концессий в Онежском бассейне (Англолес, Норвеголес и Голландолес) и по линии Мга-Рыбинской ж. д., вся связанность которых с делом колонизации выражается в отчислении концессионерами 1% от доходности в «колонизационный фонд» (!),—по плану же лесных концессий Северолеса под концессии вообще предположены лучшие по экономическому положению леса, общей площадью более 50% всех лесов Севера. Здесь налицо полная неувязка с разумной колонизационной политикой.

В общем итоге, план колонизации Севера должен дать численное выражение расходов, на нее упадающих,—по сравнению с доходами, реально ожидаемыми от ее эффекта. Наиболее реальный способ осуществления колонизации—привлечение к этому делу железных дорог, по примеру Мурманской.

Совершенно, наконец, самостоятельную и чрезвычайно важную задачу в колонизации Севера должно составлять оборудование и заселение морского побережья, и, в первую очередь, Мурманского берега и Канинско-Чешской береговой линии. Важность этой задачи определяется исключительно крупным промысловым значением морского побережья и возможностью фактического и политического захвата промысловых районов другими государствами.

Производство работ по образованию новых участков на побережьях Мурманском и Канинско-Чешском и по землеустройству имеющегося тут ловецкого населения, а также проведение подготовительных мероприятий по развитию средствами государства, кооперативных организаций или частных лиц каботажного судоходства, по развитию морского рыбного и звериного промыслов и введению более совершенных способов морского лова—составляет, поэтому, очередную потребность ближайшего времени.

ГЛАВА III.

ДАЛЬНЕ-ВОСТОЧНАЯ ОБЛАСТЬ.

Состав района и его общая характеристика. Дальне-Восточная область в составе губерний Забайкальской, Амурской, Приморской и Камчатской, занимает площадь в 2 541 082 *кв. км* (2 232 950 кв. верст) и является отдаленнейшей восточной окраиной РСФСР, через которую открывается свободный выход в океан на мировые морские пути, соединяющие весь вообще Восток с Америкой и Европой. В отношении экономического районирования (Госплан) область охватывает частью Ленско-Забайкальский и полностью Приморский районы.

Уже само по себе географическое положение ДВ области предопределяет ее огромное значение для всего Советского Союза; нижеописываемые естественные ресурсы Дальнего Востока реально обосновывают его удельный вес в ряду других районов Республики.

Поверхность. Большая часть ДВ области занята горами, достигающими наибольшего распространения в западной части Забайкалья и в северной части так. наз. Уссурийского края, где на долю речных долин и равнин приходится не более $^1/_6$ части всей поверхности. Преимущественное направление горных хребтов и отрогов меридиональное, что затрудняет в прибрежных районах устройство бухт для судов глубокой осадки. Горы ДВ при предельной высоте 1 400 *м* (4 500 фут.) изобилуют полезными ископаемыми (золото, уголь, серебро, свинец, цинк, железо, вольфрам). Из низменностей должны быть отмечены: Забайкальская (на ю.-в. губернии), Зее-Буреинская и Средне-Амурская, кладущие специфический отпечаток на направление местного народного хозяйства.

Климат. В общем и целом, климат в области тем суровей, чем севернее,—тем суше, чем западнее. В частности, в Забайкальской губ. мы имеем продолжительную (до 5 месяцев), малоснежную, суровую, но солнечную зиму,—короткое, жаркое и дождливое, с речными разливами, лето, сопровождающееся уже в ав-

густе ночными заморозками,—медленную весну и ясную осень. В Амурской губернии климат несколько мягче, особенно в Зее-Буреинской равнине, но в общем близок по своему характеру к климату Забайкалья. В Приморской губернии зима значительно короче, лето длиннее; лучшее время года—осень; близость моря обусловливает общую влажность климата и туманность. Особое положение в климатическом отношении занимает Камчатка, где суровость и влажность климата не имеет себе равных в РСФСР. Здесь зима продолжается до 7 месяцев, число солнечных дней незначительно (на Командорских, напр., островах—не более 25 %); постоянные туманы, дожди, летом—утренники, иногда—иней, холодная роса.

Почва. Почвы области крайне разнообразны. Исключительно суровый климат ее севера обусловливает наиболее характерное для данного района общее явление—так наз. «вечную» мерзлоту, предельные границы распространения которой на юг очерчиваются от г. Урги (Монголия) через г. Благовещенск к северной части полуострова Камчатки. Эта мерзлота разной степени глубины в значительной степени предопределяет пути использования края: в южном своем распространении она обусловливает собою лишь некоторые специальные приемы земледелия,—в северном ее наличие ставит непреодолимые пока препятствия к развитию с.-х. промысла. Горы области попреимуществу каменисты, с преобладанием гранита. На отлогих их склонах—суглинки, вполне пригодные для земледелия,—в долинах же рек и на водоразделах преобладают глинистые, в общем сырые и потому засухоустойчивые почвы, а также легкие и плодородные иловато-песчаные (Зее-Буреинская и Амурская низменности). Черноземные и черноземовидные почвы встречаются реже (южные степи Забайкалья и долина р. Камчатки), собственно же песчаные почвы распространены мало и обычно покрыты сосновым лесом. Болотные почвы—на всем севере области—в тайге и особенно в зоне вечной мерзлоты.

Растительность. На всем севере области и на горах, а также частично в долинах—хвойные либо лиственные леса обычных пород (сосна, ель, лиственница, кедр, пихта, береза, осина, тополь, клен, липа, вяз, ясень, ветла, сиб. яблоня и т. п.), разного рода кустарники (багульник, ерник, жимолость, черемуха, орешник, дикий виноград, бузина) и некоторые виды ягод (смородина, малина, голубица, брусника и земляника). Юго-восток и юг области—безлесная степь с более или менее богатым травяным покровом (особенно тучным в Приморской и Камчатской губерниях). На

крайнем севере области—мхи. В общем и целом, климат области способствует ее богатой растительности, с большим содержанием влаги.

Воды и реки. Упираясь на востоке через Японское, Охотское, Берингово и Камчатское моря в океан и ограничиваясь с запада Байкальским озером, ДВ область имеет также и много внутренних вод, на первом месте из которых следует поставить образующуюся из двух забайкальских речек Шилки и Аргуня реку Амур в 2 985 *км* (2 800 в.), с крупными притоками р.р. Зеей, Буреей и Уссури. Система Амура, в большей своей части судоходного, является центром развития сельскохозяйственного промысла: образуемые большими водными протоками долины в высшей степени плодородны. В Забайкальской губ. должны быть отмечены впадающие в Байкал судоходные реки Верхняя Ангара, Баргузин и Селенга, а также приток Лены—Витим (золотопромышленные центры). Камчатская губерния изобилует множеством стремительных горных речек, наиболее крупными из которых являются Камчатка, Анадырь и Охотка. В общем все реки ДВ области в своей несудоходной части удобны, тем не менее, для сплава леса и могут почитаться хозяйственно полезными. Степень орошаемости области благодаря рекам и озерам—вполне достаточна. Морская линия области обеспечивает сношения с прилежащими странами, но удобных для крупных судов бухт—особенно на севере области—мало. Камчатское в частности побережье недостаточно, в целом, удобно и для каботажного плавания. Отрицательным для морских сообщений явлением здесь, вообще, оказываются туманы.

НАСЕЛЕНИЕ И ИСТОРИЯ КОЛОНИЗАЦИИ КРАЯ.

Население области, исходя из данных переписей 1917 и 1923 г.г., исчисляется в общем в 1 408 455 чел. [1]), из них 29% городского. По отдельным губерниям эта населенность выражается:

Для Забайкальской губ.	497 348	чел.
„ Амурской „	337 096	„
„ Приморской „	538 427	„
„ Камчатской „	35 574	„

Средняя географическая плотность населения области—0,6 чел. на 1 *кв. км.* Для Забайкальской губ.—1,9, а для Камчатки—0,03.

---

[1]) По данным проф. Кобозева 1 800 000.

Хозяйственная плотность иная; в частности, для наиболее населенного течения реки Амура она повышается в иных местах до 10 и более человек на кв. версту. С другой стороны, на дальнем севере области либо нет вовсе никакого населения, либо немногочисленные вымирающие туземные племена.

Большая часть (96%) населения—русские. Туземцев всяких наименований всего около 40 000 чел., занимающихся, главным образом, охотой и рыболовством. Их культурное и экономическое развитие—весьма низкое, как результат безмерной эксплоатации хищнического торгового капитала. Все инородцы, как и в Сибири, оттеснены на север. Китайцев и корейцев (постоянно живущих в области) здесь насчитывается до 200 000. Это либо торговцы, либо, главным образом, рабочие.

По характеру занятий, население распределяется так:

занимающихся горным промыслом	30 000
„ лесным „	20 000
„ рыболовным „	20 000
„ сел. хоз-вом „	900 000 чел. [1]).

РЕЗУЛЬТАТ КОЛОНИЗАЦИИ КРАЯ.

ДВ область начала усиленно колонизоваться лишь со второй половины XIX в. [2]) путем, прежде всего, поселения здесь, сначала в Забайкальи, а потом по берегам Амура и Уссури, нескольких тысяч «казаков» с семьями, т.-е. либо принудительно обращенных в военное сословие тех же сибирских крестьян, либо «штрафных чинов», зачислявшихся в вновь образованные казачьи войска в достаточно большом количестве. Затем, и вплоть до 90-х годов того же столетия, эта военная колонизация углублялась и расширялась, получив свое логическое завершение в так называемом «отводе Духовского», коим свыше 5 милл. дес. земли было закреплено за казаками. С другой стороны, сильно поощрялась и колонизация собственно крестьянская: на Дальнем Востоке переселенцы освобождались от всяких повинностей, получали крупные ссуды и могли покупать в собственность землю

---

[1]) По данным проф. Кобозева 1 200 000.

[2]) Промысловая колонизация XVII и XVII вв.,—указ 1799 г. о заселении Забайкалья и последующие колонизационные мероприятия правительства не дали до шестидесятых годов XIX в. крупных количественно результатов.

по 3 р. дес., при нормальном бесплатном наделе в 100 дес. на семью. Естественно при этих условиях создалось в ряде местностей совершенно никчемное многоземелье и имущественное неравенство. «Гнус» и затопления в корне подрывали благосостояние слабейших. Немало направлялось сюда и ссыльных. В общем до начала девятисотых годов сюда прибыло, кроме казачьего и ссыльного элемента, около 40 000 переселенцев. С постройкой Сибирской магистрали и особенно после японской войны ДВ колонизация значительно развилась. Так, за десятилетие (по 1915 г.) здесь водворилось свыше 270 000 душ обоего пола, поселившихся главным образом по долинам рек Зеи, Буреи и Амура. Этот период характеризуется уже более планомерными колонизационными мероприятиями б. Переселенческого Управления. В пределах ДВ было специально обследовано для колонизации около 15 милл. дес.,—отведено переселенцам свыше 5 милл.,—построено много верст дорог и гидротехнических сооружений. Наконец, был составлен проект так наз. «планомерной» колонизации Амурской области, но осуществления он не получил.

В общем итоге ДВ колонизации, прежний земельный простор в культурно-земледельческой полосе ДВ исчез, и взамен его были введены общесибирские нормы наделения. Но хозяйства переселенцев, в общем и целом, оказывались достаточно крепкими. Характерную особенность, между прочим, отметил в отношении навыков наших переселенцев Дальнего Востока американский ученый Гальма, посетивший Иман в 1918 г.: крестьяне одного из поселков после недельных усилий зажгли, наконец, девственный лес—только для того чтобы спасти свои стада от роя мошек и комаров, при чем, по подсчету Гальмы, леса сгорело на полмиллиона долларов, тогда как скот не стоил и двадцати тысяч...

ПУТИ СООБЩЕНИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЦЕНТРЫ.

Пути сообщения. ДВ область прорезывается с запада на восток одной ж.-д. магистралью, носящей в отдельных своих частях различные названия: Читинской (Забайкальской), Амурской и Уссурийской с подъездными путями и В.-Китайской жел. дор. (Нерчинск-Манчжурия и Ник.-Уссурийск-Пограничная). Небольшие еще ветки проложены от ст. Океанской Уссур. ж. д. до Сучанских копей и от ст. Бочкарево Амурской до Благовещенска. Всего жел.-дор. путей 4 465 *км* (4 185 в.). При всем жизненном значении

указанных жел. дор. для ДВ их, как и для Сибири, явно недостаточно, так как вся, в сущности, северная и восточная части области остаются полностью вне сферы их влияния. Отсюда, естественно, и проекты новых линий (совещание инж. Борисова): Хабаровск-Николаевск и Верхнеудинск-Кяхта. Значение этих проектов очевидно; теперь же и в связи с явной целесообразностью использования как полезных ископаемых (золото), так крупных лесных массивов области выдвигаются и новые, для осуществления хотя бы концессионным путем, проекты: от ст. Свободная до Николаевска на Амуре и от Хабаровска до Советской гавани.

Водные пути, это—море и реки, описанные выше. Основная водная артерия—Шилка—Амур в течение 6 зимних месяцев бездействует. Остальное сообщение — грунтовые тракты около 37 500 *км* (35 000 верст), не всегда доступные и удобные (шоссейных—около 13 500 *км*; 12,4 тыс. верст).

Общая по ДВ области перспектива в отношении путей сообщения—привести разные их виды в должное согласование и всячески подкрепить транспорт в вертикальном направлении.

Экономические центры. Из экономических центров ДВ области наиболее значительны: а) Чита — крупный, в перспективе, промышленный центр сосредоточения продуктов горной промышленности, б) Нерчинск — средоточие рудной промышленности, в) Благовещенск—распределитель хлебных, мясных и товарных грузов на север, г) Хабаровск—современный административный центр областного управления и порт на Амуре, д) Николаевск—центр Амурской рыбопромышленности и крупный порт (бездействует 6 зимних мес.) и е) Владивосток—крупный торговый порт (современный грузооборот около 740 милл. *кг*; 45 милл. пуд.) международного значения. Остальные населенные центры не выходят, по масштабу, из обычных рамок в лучшем случае уездного города.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Важнейшей отраслью хозяйства ДВО—как по числу занятого в ней населения (см. выше), так и по сопоставлению отдельных частей областного бюджета—является сельское хозяйство.

Абсолютная цифра площади, вовлеченной в с.-х. культуру,

выражалась, в последние перед революцией годы, в следующих цифрах:

Забайкальск. губ.	384 100 дес.
Амурская „	502 000 „
Приморская „	294 300 „
Всего . . .	1 180 400 дес.,

что составляет всего лишь около 1,7% от общей площади земли области, пригодной под с.-х. культуру.

На одно хозяйство обрабатываемой земли, скота и инвентаря в среднем приходится:

Название губерний	Земли	Лошадей	Рог. скота	Стоимость инв. в руб.
в Забайкальской губ. .	6,2 дес.	11,1 (мол. 6)	12,3	282,2
„ Амурской „ .	13,6 „	7,2 („ 4)	3,65	79,9
„ Приморской „ .	4,9 „	3,2 („ 2)	3,45	75,0

Социальный состав крестьян: бедняков (без лошадей и с 1 лош.) 33%, середняков (с 2—4 лош.)—46%, кулаков—22%.

ОСНОВНЫЕ ЗЕРНОВЫЕ КУЛЬТУРЫ И УРОЖАЙНОСТЬ.

Губернии	Культуры в % за 1923 г.			Средн. урожайность за 10 лет в пуд. с дес.		
	Пшеница	Рожь	Овес	Пшеница	Рожь	Овес
Забайкальская губ. . . .	24,3	47,8	12,2	38	42	40
Амурская „	49,1	3,5	37,0	62	46	40
Приморская „ . . .	31,0	2,9	33,2	40	60	65

Валовой сбор важнейших хлебов в милл. *кг* (тыс. пудов) и колич. дес. посева в тыс. десятин.

Губернии	1917 год		
	Прод.	Корм.	Дес. пос.
Забайкальская губ.	93 (5 680)	36 (2 216)	248
Амурская „	187 (12 075)	161 (9 955)	503
Приморская „	84 (5 190)	82 (4 936)	333

Губернии	1922 год				1923 год			
	Прод.	Корм.	Техн. культ.	Дес. пос.	Прод.	Корм.	Техн. культ.	Дес. пос.
Забайк. г..	118 (7 220)	23 (1 382)	—	174	84 (5 194)	21 (1 325)	—	220
Амурск. г.	141 (8 639)	103 (6 330)	294	205	77 (4 721)	125 (7 648)	—	276
Primор. г.	164 (10 128)	105 (6 463)	456	255	77 (4 691)	98 (5 981)	—	245

Итак, из приведенных таблиц мы усматриваем, что для З а б а й к а л ь я—основным хозяйственным базисом является животноводство мясомолочного направления на-ряду с земледельческим, исключительно потребительным хозяйством; для А м у р с к о й г у б.—зерновое хозяйство для рынка и в качестве подсобной отрасли продуктивное животноводство и для П р и м о р с к о й г у б.—технико-промышленные и специальные культуры на-ряду с интенсивным молочным животноводством.

И далее принимаем, как данное, что нормальная средняя производительность продов. хлебов по ДВ выражалась к 1917 г. в 377 милл. *кг* (23 милл. пуд.) при общей местной потребности в продов. зерне в 426 милл. *кг* (26 милл. пуд.). Ныне потребный ввоз извне тех же продов. хлебов определяется уже в 98 милл. *кг*, а мясных продуктов—20 милл. *кг* (1,2 милл. пуд.). Районом, обеспечивающим хлебными продуктами, являлась и является лишь Амурская губ. (85 милл. *кг*; 5,2 милл. пуд.).

В общем и целом, в отношении сельского хозяйства на ДВ

следует сказать, что климатические и почвенные его условия не благоприятствуют для широкого развития зерновых культур, но что богатейшие возможности открываются здесь для широкого развития животноводства (Забайкалье) и промышленных специальных культур (Приморье). Уже теперь под культурой льна мы имеем в Приморьи до 15 000 дес., под бобами 8 000, под табаком 1 000 и под рисом 12 000.

На дальнейшем поощрении и развитии именно этих направлений и должна строиться экономическая политика ДВО в области сельского хозяйства.

ОТРАСЛИ ХОЗЯЙСТВА ОБЛАСТНОЙ ВАЛОВОЙ ДОХОД В МИЛ. ЗОЛ. РУБ.

	Довоенный	ДВО
Земледелие	56,0	42,5
Скотоводство	38,0	30,5
Пушной промысел	7,5	2,5
Лесное дело	8,5	2,5
Золотопромышл.	25,0	5,5
Проч. горн. отрасли	2,5	2,5
Рыболовство	5,0	3,0
Обрабатыв. пром.	6,0	1,0
Итого	148,5	90,0 (по Кобозеву)

ПУШНОЙ ПРОМЫСЕЛ.

Пушной промысел в ДВО и до сих пор является источником существования части ее населения,—главным образом туземных на севере и с.-в. племен. Даже русское население в $1/_{20}$ своей части живет, попреимуществу, за счет добычи зверя, и до $1/_5$ населения так или иначе связано с пушным промыслом. Добыча от охоты составляет не менее 20—30% дохода таежного сельского хозяина.

Основные пушные районы:

Камчатский (соболь, лисица, песец, медведь, бобр, выдра и белка, а из копытных и морских—олень, лось, нерпа, сивучи и моржи) с минимальной годовой добычей на 3 милл. рублей.

Приморский (медведь, колонок, соболь, горностай, барсук, выдра, волк, енот, козуля, олень, кабарга и т. п.) с добычей на сумму до 1 милл. рублей.

Сахалинский, близкий по типу к Приморскому, с добычей в 700—750 тыс. руб.

Амурский (белка, колонок, лисица, хорь, соболь, горностай, рысь, выдра, изюбрь, лось и т. п.) с ценностью добычи в 600 000 руб.

Командорский (бобер, песец, котик и т. п.) с добычей на 200 000 руб.

Нерчинско-Каренгский (близкий по типу Амурскому)— 320 000 руб.

Итого общая валовая стоимость могущей поступать ежегодно по ДВО пушнины определяется в значительную сумму—5,8—6 милл. руб. минимально, при хищнических, в общем, приемах добычи. Организация этого промысла на рациональных основах—колонизационно-государственная задача огромной важности и вопрос сохранения и бытия туземных племен.

РЫБНОЕ ХОЗЯЙСТВО И МОРСКИЕ ПРОМЫСЛЫ.

По своему количественному и качественному составу рыбные богатства ДВО, несомненно, велики, а при правильном хозяйственном подходе прямо колоссальны. Даже в 1922 г., крайне трудном экономическом году, на ДВ было заготовлено около 196 милл. *кг* (12 милл. пуд.) рыбных изделий, тогда как таковая же продукция Каспийско-Волжского района (46% всего улова Европ. России) определилась в 1910 г. в 262 милл. *кг* (9,7 милл. пуд.). Недаром Япония всячески стремится прибрать к рукам использование этих богатств. На ДВ добывается: сельдь до 16 милл. *кг* (1 милл. пуд.), треска 33 м. *кг* (2 милл. пуд.), камбала, скумбрия, тунцы, крабы, трепанги, морск. капуста, молюски, киты, кашалоты, горбуша, кета. Из общей добычи до 33 милл. *кг* (2 милл. пуд.) рыбы идет на продовольствие местного населения, остальное же вывозится, главным образом, в Японию, Англию, Китай, Америку (примерно, на 35 милл. руб.), частью же на запад (на 1 милл. руб.). Из общей стоимости продукции в 36—37 милл. руб. до 27 милл. рублей падают на Камчатку с Охотским районом. Общая доходность государства—2,2 милл. руб. Обработка рыбы—варварская, рыбо-консервной промышленности на ДВ почти нет (консервируется не более 10%). Из 34 000 рабочих, занятых сейчас в рыбной промышленности, только $^1/_7$ часть русских; остальные японцы.

Слабая заселенность морского побережья и недостаточность надзора обусловливают хищнические приемы лова. Правильная организация использования водных богатств ДВО сулит колоссальные экономические перспективы.

ЛЕСА.

По последним данным, более или менее обследованные леса ДВО распределяются по губерниям так (в тысячах десятин):

Губернии	Общ. площ. земли	Лесная площадь	Удобн. лесн. площадь	% лесистости
Приморская губ. . .	52 315	32 220	19 540	60
Амурская „ . .	37 010	21 224	11 334	57
Забайкал. „ . .	37 354	21 165	10 610	56
Камчатск. „ . .	52 800	5 000	2 640	10
о. Сахалин	3 900	2 500	1 560	64
	183 379	82 389	45 688	45

Значительность лесной площади ДВО указывает на серьезнейшее экономическое значение лесного дела в области. Тем более, что наиболее ценные леса (сосна, ель, кедр, пихта) сосредоточены по удобным путям транспорта, с непосредственными выходами к портам Тихоокеанского побережья и близости этих портов к внешним лесным рынкам, главным образом Японии и Китая.

Возможный годичный отпуск Д.-Восточного леса определяется, примерно, в 75,2 милл. *куб. м*; современный 10—15 милл. *куб. м.* Таким образом, до 60 милл. *куб. м* отмирают, гниют и разрушаются на корню, засаривая и портя все вообще лесные насаждения. Возможный доход от эксплоатации леса—34 милл. руб.; современный—1,097 милл. рублей.

Все перспективы лесного дела в ДВО упираются в проблему внешнего, вполне обеспеченного, экспорта, но для организации лесопользования в крупном масштабе требуется и улучшение существующих водных путей сообщения, и урегулирование ж.-д. тарифов, и проложение лесовозных дорог, и, наконец,—оживление лесных массивов вселением в их пределы новых засельщиков,—тем более, что собственно безлесная культурная полоса на

ДВ уже использована. Таким образом лесные перспективы прямо связываются здесь с перспективами планомерной, на началах сибирской, таежной колонизации. По совокупности экономических условий, конкретно для использования в ближайшем будущем могли бы быть намечены лесные площади в следующих районах:

	Площ. лесопром. района в тыс. дес.	*Куб. м*	Возм. годичн. отпуск леса в тыс. куб. ф.
1. Побережье Тихого ок. от устья Амура до бухты Терней	5 130	4 950	175 000
2. Бассейн р. Уссури	5 200	2 500	88 000
3. Низовье Амура от Хаб. и Никол.	5 500	850	30 000
4. Район хреб. М. Хингана (Ю. в Ам. г.)	2 500	1 300	46 000
5. Среднее течение Зеи	2 300	156	5 500
6. Системы рек Ингоды и Хилки	1 180	667	23 600
	21 810	10 423	368 000

Часть этих районов должна быть сдана в концессионное пользование, так как этот способ является при современных условиях единственным—для ускорения темпа эволюции лесного хозяйства.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Состояние до- и пореволюционной горной промышленности на ДВ может быть охарактеризовано следующей таблицей:

Добыто в тыс. *кг* на сумму в тыс. руб.

	1916	1923	1916	1923 (за 9 мес.)
	килограммы		тыс. рублей	
Золото	29	8,2	38 000	8 550
Ископ. уголь	1 257	749	6 780	4 100
Серебро-свинц. руд.	34	—	500	—
Железных руд.	9	3,7	169	100
Прочих видов пром.	—	—	690	50
Итого за год			46 250	17 000

что составляет около 36,5% довоенной стоимости продукции. Занято рабочих: в 1916 г.—51 000, а в 1923 г.—28 000.

Как видно, горная промышленность ДВ сильно деградировала, но это обстоятельство должно быть признано временным и объясняемым объективными условиями пережитого времени.

Перспективы восстановления и развития горной промышленности в ДВО значительны. Выясненные пока запасы ископаемых определяются:

для з о л о т а — 819 000 *кг* (Забайкалье, Приамурье, Приморье и Охотский край);
для у г л я — 2 900 милл. тонн (Забайкалье, Амурская губ., Прим. г. и о. Сахалин);
для ж е л. р у д ы — 9 милл. тонн (Забайкалье, Амурская г. и Приморье);
для н е ф т и — 16 крупных месторождений (Сахалин);
для с е р е б р о - с в и н ц. р у д — 2 милл. тонн заведомо известных и свыше 500 месторождений (Забайкалье, Приморье);
для в о л ь ф р а м а — 491 000 *кг* (Забайкалье) — вся довоенная потребность России.

Остановка—за организующим началом и капиталами.

Из о б р а б а т ы в а ю щ е й промышленности, в общем, по ДВО мало развитой, сравнительно крупное значение имеют: мукомольное дело (6 900 000 руб.), производство различных продуктов питания, кроме крупы и муки (8 100 000 рублей), винокурение (2 340 000 руб.), металлообрабатывающая (1 273 000 руб.), кожевенная (1 130 000 руб.). В общей годовой продукции ДВО промышленности на общую сумму 24,2 милл. р., 9,3 милл. падает на государственные предприятия, 0,57 милл. руб. на кооперат. и 14,3 милл. на частные.

Колонизационные перспективы ДВО. Из вышеприведенного краткого экономического обзора ДВО следует, что центр тяжести перспектив хозяйственной жизни области лежит не в зерново-продовольственных культурах, а в культурах промышленных и в промышленных занятиях,—в развитии в частности золотопромышленности, лесного, рыбного и пушного дела,—мало индустриализированных. Здесь требуется крупный капитал, и за отсутствием государственного—частный, концессионный, при последовательном, однако, расширении базы государственного торгового капитала. Впредь же до этого, реальной основой экономической политики ДВ на ближайшее пятилетие может явиться только колонизация

сельскохозяйственная. Перед зерновым хозяйством ДВ,—замечает совершенно основательно проф. Кобозев (ук. соч.)—не стоят, ни сейчас, ни в ближайшем будущем, задачи выхода на Тихоокеанский рынок и тем менее на рынок западный, но, с другой стороны, столь же ясно, что свой внутренний рынок ДВ не может уступить за хлеб и спирт Манчжурии, именно из-за конкуренции которой зерновое хозяйство у нас, пока что, падает (за время войны и революции запашки по ДВ сократились на 40%). Нужно изыскать средства восстановить и расширить довоенный фонд до полного покрытия внутренней потребности, увеличить его на 600 000 дес. против 1922 г., т.-е. на 80%, и специализировать с.-х. производство по районам так, чтобы организация его соответствовала естественно-историческим и экономическим особенностям последних.

Это и составляет, в широком смысле, колонизационную задачу ближайшего будущего, при чем земельные, удобные для заселения, запасы ДВО (3,2 милл. дес.) избыточно достаточны для расширения пашни. Однако из всего этого колонизационного фонда прежнего образования лишь незначительная часть пригодна для немедленного освоения.

Губернии.	В десятинах Всего колон. фонда	В том числе пригодн. для немедл. зас.
Забайкальская	889 000 (303 000 степи).	266 150
Амурская	2 130 000	185 000
Приморская	255 000	43 500
Итого . . .	3 274 000	494 650

Указанные до 500 000 дес. вполне удобной земли и могли бы явиться реальной базой для доведения с. х. ДВО до желательного и необходимого уровня (дальнейшее утеснение старожил, при общем экстенсивном направлении с. хоз-ва, экономически пока нецелесообразно),—но при построении планов дальнейшей с.-х. колонизации ДВО следует учесть, что и при освоении лучшей части области переселенцами прежних годов, этими переселенцами затрачивалось на поднимаемую десятину целины не ниже как на 35 р. золотом своего труда, что теперешний земельный фонд значительно труднее прежнего и что, в общем, дальнейшая с.-х.

колонизация ДВО обойдется, вместе с устройством дорог и мелиораций, дорого [1]).

Тем не менее, результаты даже прежней колонизации оказывались, экономически, весьма ценными. В частности в Приморьи средний годовой бюджет крестьянской семьи исчислен в 2 059 р., при чистой доходности в 279 руб., а в хозяйстве амурского крестьянина хозяйственных ценностей на душу о. п. приходится в 5 раз больше, чем, напр., у воронежского крестьянина.

---

[1]) Затраты средней семьи на хоз. домообзаводство в лучших районах (напр. Зее-Буреинском) определялись в 745 р., средняя же стоимость обзаведения экономически крепкого хозяйства в 1 290 р. Казенные расходы на устройство одной семьи в среднем 560 р., а при планомерной колонизации втрое.

ГЛАВА IV.

НИЖНЕЕ ПОВОЛЖЬЕ.

ВВЕДЕНИЕ.

(Губ. Самарская, Саратовская, Сталинградская, Астраханская и Калмыцкая автономная область.)

«Нижнее Поволжье», как потенциально возможный район колонизации, отнюдь не охватывает собою все те губернии и автономные национальные образования, которые расположены по Волге. В данном случае—это лишь части губерний Самарской, Саратовской, Сталинградской, Астраханской и Калмыцкой авт. области, объединяемые в одно целое как естественно-историческими признаками (сравнительная засушливость климата, тяжелые почвы), так и характером использования земельных площадей (экстенсивное земледелие и скотоводство), обусловившим низкую, здесь, плотность населения и, соответственно, крупные земельные запасы, рациональное использование которых по единому плану может дать весьма крупный экономический эффект без особо значительных затрат. Наконец, именно в составляемый указанными частями вышеназванных губерний район обнаруживается теперь сильнейшая самовольная тяга населения из западных и сев.-западных губерний, предотвратить последствия которой, т.-е. беспорядочное расхищение ценнейшего земельного фонда, конечно, необходимо.

По всем этим основаниям «Нижнее Поволжье» в вышеуказанном смысле выдвигается современной экономикой на видное место, в качестве обособленного колонизационного района.

Общая характеристика района. Нижеописываемый район разделяется, грубо, на две основных части: с е в е р о-з а п а д н у ю, лесо-степную, с благоприятными для земледелия каштановыми и черноземными почвами и осадками выше 300 *мм*, при удовлетворительном обеспечении естественными водными источниками и неглубоком залегании грунтовых вод, что обусловливает в этой

части господство экстенсивного зернового земледелия с преимущественным посевом твердых высокосортных сортов пшеницы,—и юго-восточную,—сухую степь, переходящую на юге в пески. В этой второй части преобладают бурые и солонцеватые почвы, количество годовых осадков значительно менее 300 *мм*, грунтовые воды худшего, чем в первой, качества и залегают глубоко (ниже 17 *м*; 8 саж.); доминирующий вид хозяйства здесь скотоводческо-земледельческий и скотоводческий, в ярко выраженных хищнических формах.

В общем и целом, хозяйство района протекает в нерациональных, убыточных и политически неприемлемых формах. Рационализировать это хозяйство в целях извлечения отсюда наибольшего количества рыночной продукции, с максимальным при этом повышением производительности труда—такова непременная задача ближайшего будущего, упирающаяся в разрешение здесь проблемы с.-х. колонизации.

Так как при этом объем, направление и методы этой последней зависят прежде всего от общих регулирующих состояние сельского хозяйства экономических факторов и так как эти факторы оказываются неодинаковыми по составляющим район территориям, то дальнейший, под колонизационным углом зрения, обзор данного района представляется уместным вести по главнейшим входящим в него губерниям. Общий синтез—после погубернского описания.

САМАРСКАЯ ГУБЕРНИЯ.

Распределение основного (89,4%), т.-е. сельского, населения губернии по составляющим ее уездам, площадь последних и соответственная плотность населения может быть выражена следующей таблицей (по данным перспективного плана 1923/24 г.):

Наимен. уезда	Площадь в тыс. дес.	Населен. в тыс. душ о. п.	Плотность на 1 *кв. км*
Бугурусланский	1 917	592	41,1
Мелекесский	1 287	411	33,2
Самарский	1 715	512	31,1
Баликовский	392	86	26,9
Бузулукский	2 021	438	21,6
Пугачевский	2 122	307	15,1
По губернии	9 393	2 349	26,3

Эта таблица, в связи с вышеприведенной общей характеристикой района, дает достаточное представление о том, что центр тяжести колонизационной проблемы упадает на Пугачевский уезд. Однако, эта проблема, в условиях данной губернии, оказывается значительно шире.

Естественно-исторический очерк. Самарская губ. по основным своим естественно-историческим условиям может быть разделена на три ярко-выраженных района: а) Северный—лесостепной, б) Центральный—черноземно-степной и в) Южный—степной, переходящий на юге и юго-востоке в сухую степь. В общем, губерния представляет из себя, за исключением холмистых и горных мест на севере и северо-востоке, равнинную степь. Преобладающими почвами губернии являются черноземы—большей частью суглинистые. Климат губернии континентальный, сухой. Количество осадков в год, в среднем 300 *мм*, явно незначительное. Вследствие малолесности губернии, годичного запаса древесины не хватает для удовлетворения потребности в лесе местного населения. В общем и целом, громадная часть всей территории губернии кроме только самого крайнего юга (в области сухой степи) характеризуется наличием таких естественных данных, которые могли бы обусловить наибольшее развитие земледелия и сельско-хозяйственной промышленности. Однако, при отсутствии искусственного водоснабжения и правильной организации сельского хозяйства, эта основная отрасль занятий населения губернии оказывается пока не надежной (колебание погодных урожаев чрезвычайно резко). Тем не менее, будущее губернии несомненно в земледелии.

Основное направление хозяйства губ. Самарская губ. в прошлом по справедливости считалась житницей России. За последнее, перед войной, десятилетие общий сбор зерновых хлебов достигал в ней 2 075 милл. *кг* (126,7 милл. пуд.) в год; рост посевной площади за двадцатилетие определился в 184%; из среднего годового вывоза 1 703 милл. *кг* (104 милл. пуд.) 67,6% упадало на хлебные грузы: среди последних—80% на зерновые хлеба. Качество всех вообще хлебных продуктов губернии, благодаря сильной концентрации питательных веществ в почве, оказывалось значительно выше, нежели в других губерниях, не говоря уже о Западной Европе, и самарская пшеница завоевала себе почетное место на мировом рынке, играя видную роль в нашем торговом балансе. Сбор хлеба на 1 душу населения достигал

983 слишком *кг*, при среднем по России в 720 *кг*. Крестьянское хозяйство губернии характеризовалось товарностью, крепостью и экстенсивным уклоном, при значительном, сравнительно, развитии животноводства. Повторявшиеся здесь периодически засухи лишь ослабляли временно местное хозяйство, но население губернии приспосабливалось, постепенно, к неблагоприятностям климата и, делая необходимые запасы, переживало более или менее безболезненно тяжелые годы. Потенциальная энергия местного сельского хозяйства оказывалась настолько значительной, что уже достаточно потрясенная событиями разразившейся на ее территории гражданской войны, Самарская губ. все же дала Республике в 1919—1920 гг. — 360 мил. *кг* налогового обложения, т.-е. одну треть поставки всего Поволжья.

Засуха 1921—1922 гг. в корне подорвала сельское хозяйство губернии. Общая посевная площадь ее к 1922 г. составила лишь 30,8% от посевной площади 1913 г., при чем наибольшее, в этом отношении, колебание испытала пшеница, посев которой определился в 1922 г. лишь в 10% от 1913 г. В соответствии с этим сбор хлеба на 1 душу населения упал с 1 016 *кг* (62,1 пуда) до 28 *кг* (1,7 пуда) (в 1921 г.), посев на хозяйство—с 7,16 дес. до 2,5 (1922 г.) Полеводство вообще расстроилось полностью, как в отношении севооборотов, так и приемов земледелия—связанное же с последним животноводство потерпело не меньший урон, составив в общем количественно в 1922 г. лишь 20% от среднего за пятилетие 1914—1918 гг. Овцы, наполнявшие губернию в 1918 г. в количестве полутора миллионов голов, остались к 1922 г. в числе лишь 170 тыс., лошади—в 23%, крупный рогатый скот—в 33%, свиньи почти сошли на нет полностью (осталось 0,7%) и т. д.

При всех данных условиях неудивительно, что несмотря на увеличение к 1923 г. по Самарской губ. и посевной площади (с 900 тыс. дес. в 1922 г. до 1 100 тыс.) и общего количества скота (на 400 000, при чем количество лошадей прибавилось на 17, а рогатого скота на 44%), общий продовольственный бюджет губернии сводится теперь с дефицитом в 20 милл. ржаных единиц (10 милл. руб. золотом), современный же бюджет среднего крестьянского хозяйства таков, что никакой возможности улучшить это хозяйство не имеется. Почти все продукты потребляются на месте, а если что и продается, то в ущерб питанию. Мертвый инвентарь изношен чрезвычайно. Вместе с тем баланс рабочего

времени показывает, что в семье среднего крестьянина-самарца— больше половины рабочих рук свободна за неприменением. Приведенные бюджетные данные относятся, как указано, к среднему хозяйству, но нужно еще иметь в виду, что 85% всех хозяйств относятся к маломощным.

На-ряду с катастрофическим разрушением сельского хозяйства не благополучно в Самарской губ. и во многих других отношениях. Землепользование, вследствие выморочности, оказывается крайне запутанным; лесное хозяйство подорвано, мелиоративные и обводнительные сооружения в значительном % разрушены, ветеринарное дело в упадке.

Вышеприведенное свидетельствует о том огромном комплексе вопросов, который должен лечь в основу с одной стороны разрешения общей проблемы восстановления и развития сельского хозяйства в Самарской губ., а с другой—правильного подхода к установлению наиболее целесообразного предназначения, в связи с общими перспективами, государственных земельных имуществ, т.-е. в сущности постановки колонизационных проблем.

Перспективы сельского хозяйства. Основной, несомненно, задачей ближайшего будущего в области собственно сельского хозяйства губернии является всемерная его рационализация путем введения улучшенных севооборотов и включения в их состав засухоустойчивых культур, при общем зерново-пшеничном направлении и организационной товарной структуре хозяйства,—в расчете, что к 1924 г. песевная площадь достигла размеров 1913 г., животноводство же нормы 1916 г. Если при должной организации хозяйства под посев будут обращены все 6 милл. дес. пахотной земли губернии, то продукция ее выразится, даже при пониженном урожае, в 4 095 милл. *кг* (250 милл. пуд.) зерна, в 2 129 милл. *кг* (130 милл. пуд.) картофеля и свеклы и в 2 654 милл. *кг* (162 милл. пуд.) трав,—при 5½-миллионом стаде всякого рода скота. Эти перспективы, по сравнению даже с лучшими годами прошлого, колоссальны и свидетельствуют об огромной потенциальной мощи Самарской губернии. Однако, производительные силы последней могут развернуться во всю ширь только при всестороннем и планомерном согласовании целого ряда мероприятий, что в конечном итоге сводится к построению плана колонизации губернии, в связи с планом землеустроительных мероприятий.

Землеустройство. Современное трудовое землепользование Самарской губ. характеризуется рядом дефектов. С одной сто-

роны,—крайние, отличающие все вообще Поволжье, дальноземелье, чересполосица, многодворность и т. п. собственно технические непорядки, отягченные недостаточностью мелиоративных (водообеспечивающих) сооружений, с другой—чрезвычайная неопределенность фактических границ землепользования, возникшая на почве выморочности населения 1921—1922 г., и чрезмерность землеобеспечения, по сравнению с наличными ресурсами хозяйствующего населения. В процессе революции почти все земли Самарской губ. были распределены, или, вернее, расписаны между трудовым земледельческим населением, получившим, таким образом, к своим, и без того не малым наделам, еще около 3 милл. дес.,—ныне же население губернии уменьшилось, по сравнению с 1920 г., на 500 с лишним тысяч человек (на 18,33%) и действительно освоить все номинально числящиеся за ним земли буквально не в состоянии еще на долгие годы. Отсюда возникает необходимость: а) установления таких отвечающих целесообразной организации хозяйства данного района норм землеобеспечения, которые соответствовали бы вместе с тем и фактической возможности освоения земли; б) проведения параллельно с этим рационального землеустройства, сводящегося здесь в наиболее общих чертах к внутриселенному разверстанию, с дроблением общины и образованием выселков по возможности оптимального размера и в) выявления, попутно, излишнего земельного фонда,—госземзапаса, имеющего быть обращенным на другие государственные надобности, что прямо связывает здесь проблему землеустройства с проблемой колонизации, подчиняя первую задачам последней.

Установление целесообразных норм является наиболее трудным делом и должно несомненно быть приурочено к диференцированным в соответствии с естественными и экономическими особенностями губернии районам. Хотя работа по установлению такого рода норм по губернии уже проделана, при чем, в зависимости от совокупности признаков (расстояние от рынков и т. п.), величина их (норм) оказывается колеблющейся по отдельным уездам от 2,37 до 5,32 дес. на едока,—тем не менее осуществить на деле намеченную операцию в крупном масштабе почти невозможно, в силу того, прежде всего, что применение норм требует массового внутригубернского расселения, непосильного ни для населения, ни для государства. И потому еще, что даже и при условии расселения, средств на обработку нормальных наделов у значительного большинства населения (64%) нехватает. Таким образом

в этой части вопроса следует, повидимому, остановиться на частичном, только в некоторых местах фактическом осуществлении вполне рационального землеустройства населения, с попутным, быть может, и внутригубернским расселением,—по общему же правилу—лишь исчислить потребное для наличного заселения количество земли по нормам, в целях последующей передачи этих земель развившим свои производительные силы хозяевам, а впредь до того зачислить все немогущие быть обработанными сейчас земли в состав доходных статей, на предмет сдачи их в аренду наиболее крепким элементам, и на-ряду с этим определить действительные, сверх норм, излишки. Такова грубая, недетализируемая здесь схема, приводящая к следующим, столь же грубо выраженным численно, результатам: за трудовым землепользованием имеет быть закреплено, в общем итоге, из всех 8 милл. дес. удобной земли сельскохозяйственного назначения губернии $6^1/_2$ милл., а $1^1/_2$ милл. дес. подлежат зачислению в состав госземимущества.

Госземимущества. На 1 января 1924 г. в списке государственных земельных имуществ Самарской губ. значится 547 454 дес., из коих 193 210 дес. составляют совхозы (числом 151), 17 208 дес. заливные покосы (64 участка) и остальная площадь—пахотные земли. Около 1 милл. дес. госземимуществ еще не выявлено, после же такого выявления общая площадь госземимуществ (1,5 милл. дес.) распределится по основному назначению следующим образом: совхозов—12,8%, гослугфонда—1,2%, пахотных угодий (доходные статьи из земзапаса) 86%.

Совхозы. Наибоольшая площадь совхозов (86 204 дес.) расположена в Пугачевском уезде и затем в нисходящем порядке—в Бузулукском (46 681), Самарском (26 315), Мелекесском (15 337), Бугурусланском (13 634) и Балаковском (4 744).

Луговой фонд. Государственный луговой фонд, расположен, главным образом, в уездах Мелекесском, Самарском, Пугачевском и Балаковском по реке Волге и может эксплоатироваться лишь в порядке аренды. Ныне использование его далеко еще не полно, но по мере восстановления животноводства в губернии потребность в заливных покосах лишь едва сможет быть удовлетворена наличностью данных угодий.

Земзапас. В связи с вышеизложенным о современном состоянии трудового землепользования в Самарской губ., стоит вопрос

о количестве и качестве здесь собственно пахотного земзапаса, имеющего получить то или иное предназначение. Вопрос этот разбивается на два: а) о свободном земельном фонде теперь и б) о том земельном свободном фонде, который должен получиться в результате полного освоения земли местным населением по рациональным нормам. В настоящее время, сообразно учету действительных сил населения, неиспользуемые последним земли составляют, в общем по губернии, площадь до 1 250 000 дес., располагающихся по уездам следующим образом: в Пугачевском—700 000, в Бузулукском—260 000, в Бугурусланском—105 000, в Самарском—115 000, в Балаковском—60 000 и в Мелекесском—10 000 дес. Из этой общей (1 250 000 дес.) земельной площади в состав доходных статей частью уже образовано, частью намечается к отмежеванию примерно 350 000 дес. в уездах: Мелекесском (10 000), Бугурусланском (95 000), Бузулукском—(120 000), в Самарском (95 000), и Балаковском (30 000), остальные же 900 000 дес. составляют заведомо пока свободный фонд. Однако, не все 350 000 дес., ныне почитаемых доходными статьями, будут находиться и впредь в составе госземимуществ. 70 000 дес. из них в северных уездах губернии (Мелекесском, Самарском, части Бугурусланского и Бузулукского) в течение ближайших же 5 лет придется несомненно передать в трудовое пользование сравнительно малоземельному населению этих уездов, и таким образом собственно арендный фонд определится на ближайшие пятилетия (2—3) в 280 тыс. дес. Равным образом на все 900 000 дес. свободного пока земельного фонда будут состоять в этом виде госземимуществ неопределенно-длительное время. Дело в том, что совершенно излишними для населения Самарской губ. землями в расчете на рациональное землеустройство могут считаться лишь 500 000 дес., которые тем самым и должны быть предназначены под иногубернское переселение. Все прочее до общей современной площади госземзапаса (1 250 000 дес.) земли, в том числе и доходные статьи, имеют быть в конце концов переданы местному трудовому населению, и таким образом расчеты на их использование могут приурочиваться лишь к 2—3 десятилетиям. На основании изложенного вся совокупность госземимуществ Самарской губ. в их современном, хотя далеко полностью и невыявленном составе может быть выражена следующей, в круглых цифрах, таблицей:

А. Постоянного назначения.

1. Совхозы	230 000	дес.
2. Гослугфонд	20 000	„
3. Колонизац. фонд	500 000	„
Итого	750 000	дес.

Б. Временного назначения.

1. Доходные замстатьи	350 000	дес.
2. Своб. фонд	400 000	„
Итого	750 000	дес.
Всего госземимуществ	1 500 000	дес.

Обращаясь к вопросу о намеченном местными органами порядке использования всего вышеуказанного массива госземимуществ, следует отметить, что лишь 15,7% всего состава госземимуществ выявлено сколько-нибудь реально: остальные 83,3%, т.-е. более 1 250 000 десят., учитываются камерально. При данных условиях весьма трудно, если не невозможно, определить и расценить истинную целесообразность намечаемого предназначения данного, хотя бы и крупного, массива, и отсюда вытекает совершенная необходимость скорейшего приведения в известность госземимуществ губернии на местности. Только тогда можно вполне обоснованно подойти к разрешению означенного вопроса.

Колонизационные перспективы. Оставляя в стороне совхозы, гослугфонд и земельно-доходные статьи, в отношении использования которых и расположения на местности возникают наименьшие сомнения, особого внимания заслуживает вопрос об использовании 900 000 дес. земельного запаса. Последний по данным местного зем. управления располагается по уездам следующим образом.

В тыс. десятин.

Уезды.	Под колонизацию.	Своб. фонд (крупн. аренды).
Бузулукский	75	50
Балаковский	15	—
Пугачевский	350	350
Самарский	60	—
	500	400

Означенная таблица показывает, что огромная часть свободного теперь госземзапаса расположена в Пугачевском уезде, т.-е. как раз в той части губернии, которая наиболее трудна для освоения в смысле ее водообеспеченности. И если совершенно правильно относить Пугачевский район к району крупной капиталистической (на 20—30 лет) аренды (концессии), то весьма сомнительной представляется возможность успешной колонизации этого района выходцами из центральных губерний. Здесь уместно высказать, в этом отношении, особое пожелание, чтобы массовое, вообще, в Самарскую губернию вселение не форсировалось впредь до того, с одной стороны, пока гидротехническими обследованиями не будет доказана освояемость этого фонда и последний не будет обслужен соответствующими сооружениями хотя бы в минимуме, а с другой— пока район этот не будет экономически связан с прилегающими.

Осуществление вышесказанного составляет необходимое условие рационально осуществляемой колонизации. Вне этого последняя не должна получать в Самарской губернии сколько-нибудь широкого распространения, и в этом случае предпочтительнее, временно, также и колонизационный фонд почитать объектом крупной капиталистической аренды.

Концессии. Что касается последней, то под концессионное, вообще, использование следует предоставлять площади, непосильные для трудового переселенца и требующие вложения крупного капитала. Таковыми являются в первую очередь площади, допускающие орошение. Вследствие допустимости у нас скотоводческих концессий в достаточно крупном масштабе, все неиспользуемые в ближайшее время свободные земли Самарской губ. могут быть предназначены к этому виду использования в расчете на то, что предприниматели, получив значительные площади на срок в 20—30 лет, отграничат соответственные участки, соорудят здесь плотины и приспособления для орошения, пути сообщения и вообще окультурят местность, непосильную для наших собственных средств и ресурсов. Главный вид концессионного использования в Самарской губ.—нагульное скотоводство и овцеводство в соединении с крупным, основанным на применении машин, зерновым хозяйством. По истечении сроков концессий (а при необходимости и ранее, путем выкупа), концессионные участки имеют поступать: частью (в мере и до нормы иногубернского вселения) под колонизацию,—прочие земли—местному населению. Иным путем ввести в с.-х. оборот большую часть земфонда Самарской губ. нельзя.

САРАТОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ.

Данные о площади и населении Саратовской губернии и распределении их по уездам помещаем в следующей таблице:

Уезды	Площадь в тыс. десятин	Плотность нас. на *кв. км*
Аткарский	879	31,4
Балашовский	923	39,7
Кузнецкий	465	44,4
Петровский	662	45,1
Сердобский	656	48,7
Вольский	514	37,5
Саратовский	718	35,0
Хвалынский	571	34,5
Еланский	546	35,9
Камышинский	465	30,0
Дергачевский	892	10,3
Новоузенский	953	7,6
Итого	8 244	—

Саратовская губерния по своим естественно-историческим и экономическим условиям может быть разделена на 4 основных района: 1) северо-западный, в составе уездов Аткарского, Балашовского, Кузнецкого, Петровского и Сердобского, 2) приволжский—уезды Хвалынский, Вольский и Саратовский, 3) южный—уезды Еланский и Камышинский и 4) заволжский—уезды Дергачевский и Новоузенский.

В почвенном отношении губерния характеризуется сменой следующих почв: на севере—лесные, лесостепные, подзолистые и лесные почвы,—далее, к югу, чернозем, постепенно переходящий в каштановые почвы, и на юге—солонцеватые почвы. В общем, правобережная часть губернии (первые три района) представляет

собой степное пространство,— заволжская же часть губернии— гладкая равнина, с уклоном к югу, пересекаемая на сев.-вост. и юго-западе отрогами Уральского хребта—холмами Общего Сырта.

Климат губернии—континентальный. В отношении осадков наиболее благоприятен I район (до 500 *мм*), к засушливым областям относится IV район (до 250 *мм* осадков). I и II районы хорошо обеспечены естественными водными источниками и реками, водоснабжение же III и IV районов по общему правилу недостаточно. В соответствии с этим наиболее благоприятна для земледелия правобережная часть губернии, в заволжском же районе широкое развитие земледелия возможно лишь при широком же развитии методов сухого земледелия, мелиорации и рациональном построении скотоводческо-земледельческого хозяйства, обеспеченного страховыми, орошаемыми или увлажняемыми участками.

Из общей территории губернии пашня занимает 67%, лес 10%, пастбища 9%, неудобные земли 9%, сенокосы 3%. На Заволжье (22%) упадает 50% пастбищ и неудобных земель.

Саратовская губ.—район экстенсивного товарного земледелия. Плотности населения губернии соответствуют и разные степени интенсивности сельского хозяйства: северная и сев-зап. части представляют собою районы типичного трехполья, южная часть— зона не вполне закончившегося перехода от залежья к трехполью и заволжская равнина—район залежной системы, лишь с едва намечающимися переходом к более высоким ступеням хозяйственного развития. Система хозяйства правобережной части губернии—зерновая, в Заволжье—земледельческо-скотоводческая; по мере приближения к ЮВ (Александров-Гайский район) последняя переходит в скотоводческо-земледельческую.

Товарность сельского хозяйства губернии выражалась до войны во все увеличивающейся части хлебной продукции, выбрасывавшейся на рынок, и в росте посевных площадей наиболее рыночных культур—пшеницы за счет продовольственных хлебов — ржи, проса и т. п. Сравнительно с другими губерниями Юго-Востока избытки хлеба в Саратовской губ. были весьма значительными и уступали лишь Самарской губ.

По преобладанию культур до войны районы губернии распределяются следующим образом: I р.—ржано-пшеничный, II р.— переходный от ржаного к пшеничному, III и IV р.р.—пшеничные. Рост посевных площадей зерновых хлебов определялся в значительной мере ростом потребностей все увеличивающегося населения

губ. и сопровождался сокращением кормовых угодий, пастбищ и выгонов. Следствием этого, при слабой обеспеченности естественными лугами (5 пудов трав на голову скота), явилось сокращение скотоводства, главным образом, за счет овец и крупного рогатого скота; только в IV районе, базируясь на больших площадях залежей и неудобных земель, животноводство заметно развивалось до 1917 г. Садоводство играет более или менее значительную роль в Приволжской полосе, где оно приобретает промышленный характер. Огородничество заметно развивается в пригородных районах, бахчеводство в Камышинском уезде. Кустарные промыслы в губ., за исключением Кузнецкого района, развиты слабо.

За время войны и революции в сельском хозяйстве губернии произошли глубокие изменения в сторону его ослабления. Посевная площадь крестьянских хозяйств сильно сократилась, и по отношению к 1908 г. площадь посева в 1921 г. составляла в I районе—66%, во II р.—54%, в IV р.—42%, наибольшему сокращению подвергался посев пшеницы, площадь которой в 1920 г. составляла 20% площади 1908 г. Особенно резкое понижение посева на один двор дал Новоузенский уезд, с 12,5 дес. в 1908 г. до 2,9 дес. в 1921 году.

Обеспеченность крестьянских хозяйств скотом также резко понизилась и по отношению к 1908 г. в 1921 г. составляла в I районе—лошадей 54%, рогатого скота 61% и овец 55%, во II районе—лошадей и рог. скота 33% и овец 25%, в IV районе—лошадей и верблюдов 20%, рогатого скота 32%, овец 11%, свиньи во всех районах почти исчезли совершенно (осталось 2%), III район по посевной площади и убыли скота занимает среднее положение между II и IV районами, приближаясь к II району.

Больше всего пострадали неустойчивые и раньше, зачастую хищнические, односторонне зерновые хозяйства IV района, в котором и раньше намечалось истощение почвы и падение урожайности. Менее пострадала правобережная часть губернии, но и здесь хозяйство пришло в упадочное состояние.

В соответствии с наметившимися в довоенное время тенденциями земледелие губернии должно, в общем, сохранить первенствующее место; скотоводство должно будет играть подсобную роль в хозяйстве.

В правобережной части губ. полеводство должно развиваться в сторону перехода от трехполья к многопольному севообороту.

В Заволжском районе успех развития сел. хоз-ва в значительной мере будет зависеть от удачного сочетания в хозяйстве земледельческого направления с скотоводческим; в северо-западной части этого района более заметную роль должно играть земледелие, в южной и юго-восточной — скотоводство; должно быть организовано рациональное экстенсивно-залежное хозяйство, приспособленное к засушливому климату введением засухоустойчивых культур и оазисного орошения.

Землеустройство. Основоному направлению сельского хозяйства губернии должны соответствовать прежде всего землеустроительные мероприятия. Преобладающей формой землепользования Саратовской губ. является общинная: единоличное трудовое землепользование, выросшее ко времени революции до 25%, было ею сметено. Главными недостатками современного землепользования являются крупные размеры селений, чересполосность и дальноземелье.

На-ряду с устранением этих недостатков, что составляет главную задачу местного землеустройства, должно быть произведено установление границ землепользований в III и IV районах, где за убылью населения из бывших нетрудовых и частью крестьянских земель образовались значительные площади земельного запаса, никем не использовываемого. В особенности это касается Заволжского района.

Попутно с земельным устройством местного населения должны быть выявлены, обследованы и подготовлены для использования площади государственного земельного запаса, оказавшегося излишним для туземного населения. Таким образом и здесь, как в Самарской губ., землеустройство Заволжского района целиком будет преследовать колонизационные цели.

Госземимущества. Из общей площади государственных земельных имуществ губернии—811 000 дес.—560 000 дес., т.-е. 70%, упадают на левобережную часть (Заволжский район) и только 251 тыс. дес. (30%)—на правобережье. Оставляя в стороне эти 30% как имеющие специальные назначения,—служить базой рационализации и расширения на вышеуказанных началах хозяйства населения правобережного района,—сосредоточим внимание на левобережном.

В настоящее время в состав госземимуществ Заволжского района входят (по площади в тыс. дес.):

Совхозов.	Доходных статей.	Госземзапаса.	Итого.
55,2	6,2	499,5	560,9

Колонизационный фонд. Считая, что при рациональном землеустройстве местного населения по методу, изложенному выше в отношении Самарской губ., здесь придется зачислить за местным населением 1 291 тыс. дес. (в соответствии с разбивкою территории Заволжья на зерновой, зерново-скотоводческий и скотоводческий районы с приуроченьем к наличным хозяйствам по разным районам различных норм землеобеспечения от 38 до 66 дес.),—собственно свободный на будущее колонизационный фонд Заволжья определится в следующих величинах:

Районы	Подрайоны	Нормы наделения в дес. на семью	Колонизац. фонд (общ. площ. в дес.)	Емкость (в семьях)
Зерновой	—	38	143 216	3 783
(центр. зап. часть Заволжья).	1	45	22 520	2 056
Зерново-скотов.	2	46	86 296	1 876
(сев. и центр. вост. часть Заволжья)	3	51,5	164 675	3 217
Скотоводческ.	1	60	56 280	938
(Осиново-Гайский, Новоузенский и Александрово-Гайск. районы)	2	66	29 238	433
			572 825	12 313

Колонизационные перспективы. Последними двумя цифрами и определяются земельно-колонизационные перспективы Саратовского Заволжья. Свыше полумиллиона десятин, без ущерба местному населению, заселять здесь безусловно можно, при чем самое исчисление этой площади при сопоставлении полученных результатов с цифрою числящегося теперь в составе госземимуществ госземзапаса (499 тыс. дес.) показывает, что последний далеко еще не выявлен. Здесь, так же как и в Самарской губ., в процессе землеустроительного выявления этого фонда должны будут определиться земли «временного» (впредь до землеустройства) назначения, т.-е., в частности, могущие быть сданными в концессионное использование, которое явится, таким образом, свое-

образным способом колонизации. Это представляется тем более необходимым, что значительная часть земель Саратовского левобережья требует обводнения, непосильного пока нашим внутренним ресурсам. В частности—создание водохранилищ на р.р. М. и Б. Узенях и перевод части воды р. Урал в р. Кушум (постройка плотин и прорытие каналов) может дать 60 тыс. дес. «страховых» площадей чрезвычайно рентабельного использования. Независимо от этого уже теперь здесь могли бы быть сданными от концессий не менее 30 тыс. дес. под мясное скотоводство.

Общие основания заселения Заволжской части Саратовской губ. должны быть аналогичны Самарским (см. ниже—выводы и заключение).

СТАЛИНГРАДСКАЯ ГУБЕРНИЯ.

Сталинградская губерния, как административная единица, образована в 1920 г. из частей губерний: Саратовской, Астраханской и Области Войска Донского. Расположена по обе стороны Волги.

В современных границах Сталинградская губерния разделяется на 6 уездов, площадь и демография которых может быть представлена следующей таблицей (по данным на 1924 г.).

Уезды	Площадь в тыс. дес.	Плотность населения на *кв. км*	% сельского населения
Сталинградский	1 894	30	64,6
Хоперский	1 354	18	91,8
Усть-Медведицкий	1 513	15	94,9
Николаевский	808	13	77,3
Ленинский	1 492	12	87,4
2-й Донской	1 562	7	92,6
Итого	8 623	15,5	—

Губерния, в общем, характеризуется малой плотностью населения, предопределяющей, в числе прочих факторов, характер хозяйства губернии и колонизационные возможности.

Естественно-исторические условия. Климат губернии сухой, колебания температуры резкие (от 10 до 24). По почвенно-климатическим условиям губерния разделяется на четыре района: 1) абсолютного чернозема, 2) темно-каштановых почв, 3) светло-каштановых почв и 4) район типичной полупустыни, из которого выделяется Волго-Ахтубинская долина, занятая садами и огородами. Осадки убывают от I района (400 *мм*) к последнему (250 *мм* и ниже).

Левобережная часть губернии бедна водой и путями сообщения; правобережная—как в том, так и в другом отношении—богаче: она имеет полностью бассейн рек Хопра, Медведицы и значительную часть Дона. Губернский город Сталинград представляет из себя железнодорожный узел, где сходятся железные дороги, в достаточной степени обслуживающие губернию.

Леса занимают 2,4% общей площади губернии и распределены по уездам более или менее равномерно. Пески и овраги имеют значительное распространение в Усть-Медведицком уезде (15,3% от всей площади), а также в уездах 2-м Донском, Хоперском и Сталинградском (10,9—9,0 и 7,6%).

Основное направление хозяйства. Основное направление занятий населения губернии—сельское хозяйство. Сталинградская губерния—губерния производящая, вывозившая в прежнее время пшеницу (50% всей посевной площади губернии в 1916 г. было занято этой последней культурой). Ныне сельское хозяйство губернии находится в упадке. Посевная площадь под пшеницею не достигает и половины площади 1916 г.

Схематически сельское хозяйство губернии определяется двумя главными направлениями: полеводством и скотоводством. К первому направлению тяготеют территории Хоперского и Усть-Медведицкого уездов (68 и 54%% пашни), 2-й Донской, Сталинградский и Николаевский уезды (34, 44 и 37%% пашни и 50% выгона)—чисто скотоводческий.

Полеводство и скотоводство. Посевная площадь губернии за время войны, революции и голода резко сократилась, особенно в отношении основных культур—пшеницы, ячменя и овса. Относительно увеличивается посев проса, картофеля и абсолютно огородных культур. В 1923 г. наблюдается восстановительный процесс производства более ценных хлебов.

На одно крестьянское хозяйство наиболее резко с 1916 г. упала к 1922 г. посевная площадь по 2-му Донскому уезду (с 13

до 7 дес.), и только в этом уезде в 1923 г. вновь, по сравнению с 1922 г., наблюдается значительное падение (с 7 до 5,5). Остальные уезды дают более или менее нормальную для Поволжья скалу падения и повышения, при чем наибольшее, по сравнению с 1922 г., повышение посевной площади в 1923 г. дает Сталинградский уезд (с 3,8 до 7,3 дес.).

Животноводство губернии претерпело с 1916 г. наибольший урон в своей основной отрасли—в разведении овец и крупного рогатого скота. К 1922 г. количество первых уменьшилось с 1 807 тыс. голов до 425 тыс., а второго—с 1 300 тыс. до 580. К 1923 г. все отрасли животноводства начали восстанавливаться, и наиболее интенсивно—овцы (на 450 тыс. гол.). В этом последнем году на 1 крестьянское хозяйство более всего рабочего скота приходилось в Усть-Медведицком уезде (2,09),—наименьшее—в Николаевском уезде (0,7). Больше, чем в других уездах, на 1 хозяйство приходится овец в Ленинском уезде (5,04).

Интенсификация сельского хозяйства за все прошлое время захватила лишь садово-огородные хозяйства в Ахтубинской долине. По направлению с северо-запада на юго-восток замечается увеличение экстенсивности в полеводстве и животноводстве, и в том же направлении—переход от высших систем к низшим, от трехполья к залежи. Промыслы имеют лишь относительное значение в приволжских уездах губернии (рыболовство) и в восточной ее части (добыча силоса).

Землеиспользование. Земельная территория губернии используется населением в настоящее время далеко не полностью, вследствие недостаточной обеспеченности трудовых хозяйств капиталом и выморочности. В землеустроительном отношении губерния характеризуется крупными размерами селений (особенно на б. казачьей территории) и обусловливающимся этим дальноземельем. Выдел земель частям поселков и вообще расселение—основная задача землеустройства, которое должно быть строго согласовано с рационализацией сельского хозяйства в широком масштабе: в правобережной части губернии на началах товарно-экстенсивного земледелия с подсобным скотоводством, а в левобережной части (у.у. Ленинский и Николаевский)—создания крупных коллективных и кооперативных хозяйств скотоводческого направления, с подсобным, где возможно, земледелием.

Госземимущества. При всех данных непорядках в землеустройстве местного с.-х. населения, при утрате за время гра-

жданской войны ценного материала по учету этого населения и освоенных им земель, в высшей степени трудной оказывается в настоящее время проблема и учета и использования государственных земельных имуществ.

Исчисление возможного колонизационного фонда. Всего по губернии выявлено к 1924 г. около 1,3 милл. дес. госземимуществ, из коих только 57 тыс. дес., т.-е. не менее 41%, числится под совхозами. Огромную массу госземимуществ составляет земельный фонд, но при этом лишь часть его, а именно около 600 тыс. дес. (35%) от всех видов госземимуществ, может быть признана, безусловно, наперед, свободною для любого вида использования—в частности под колонизацию. Остальная площадь из выявленных госземимуществ, т.-е. свыше 700 тыс. дес., составляет «условно» свободные земли, т.-е. такие, которые, будучи свободными фактически, получают, тем не менее, априорное предназначение служить как бы резервом для дополнительного землеобеспечения местного трудового населения при условии рационального построения, по нормам, его хозяйства. Принимая во внимание, что много выморочных и вообще излишних земельных участков еще не выявлены, следует полагать, что за счет этого выявления сократится площадь теперешнего «условного» фонда и увеличится площадь фонда колонизационного. Примерно, такого нового фонда ожидается, главным образом в правобережной части губернии, до 300 тыс. дес., и, таким образом, в конечном итоге, колонизационный фонд определится по Сталинградской губ. в 1, приблизительно, миллион десятин, тогда как резерв (временное, впредь до окончательного земельного устройства, использование)—в 700—800 тыс. дес.

Современная картина расположения земельных фондов по уездам с учетом ожидаемого добавления в условный резерв определяется следующей таблицей:

Уезды.	Врем. своб. зем. запас.	Колонизационный фонд.
	В тыс. дес.	
Усть-Медведицкий	146	0,5
Хоперский	52	19
Сталинградский	5	134
Николаевский	121	68
2-й Донской	140	205,5
Ленинский	265	125
	729	607

Из этой таблицы видно, что центр тяжести колонизационных работ неминуемо упадет на уезды—Сталинградский, Николаевский и Ленинский. Конечно, все колонизационные мероприятия здесь должны будут вестись на началах, принятых для рационального землеустройства (см. выше,—организация хозяйств двух основных типов), и конечно, не иначе, как на базе широко поставленных мелиоративных (обводнительных) работ (см. выше по Саратовской губ.), с созданием «страховых» площадей (оазисное орошение) и с применением, особенно в правобережной части губернии, приемов сухого земледелия. Подбор колонизаторских контингентов (землевладельцев и групп скотоводов) здесь также должен быть строго согласован с местными условиями.

Концессии. Естественно, конечно, и здесь предусмотреть возможность использования главным образом «условно» свободного земельного фонда под крупную капиталистическую аренду (концессии),—в видах вовлечения, до землеустройства и колонизации, впусте лежащих земель в народно-хозяйственный оборот. Свыше ста, в общем, тысяч десятин здесь могло бы быть сдано концессионерам под мясное скотоводство (2-й Донской уезд) и под овцеводство (близ Эльтонского озера), на 20—30 лет, с обязательным, конечно, окультурением площади, с устройством мясо-консервных заводов и холодильных установок.

АСТРАХАНСКАЯ ГУБЕРНИЯ И АВТОНОМНАЯ КАЛМЫЦКАЯ ОБЛАСТЬ.

Общая площадь, количество населения и основные элементы хозяйствования по указанным губернии и области могут быть представлены следующими таблицами (по переписи 1920 г.):

Наименование адм. единицы	Площадь в (тыс. кв. км)	Сельское население (в тыс.)	Плотность населения на 1 кв. км	Посев			Лошадей	
				Всего (в тыс. дес.)	% сеющих хозяйств	На 1 сеющ. хоз-во	Всего (в тыс. гол.)	На 1 хоз-во
1. Астраханская	21,1	244,8	13,2	84,8	39,7	3,8	41,5	0,8
2. Калмыцкая	98,8	124,6	1,4	42,1	22,7	5,2	9,3	0,3

Наименование адм. единицы	Рогатого скота		Овец		Всего голов скота на 1 хозяйство
	Всего (в тыс.)	На 1 хозяйство	Всего (в тыс. гол.)	На 1 хозяйство	
1. Астраханская	151,3	3,0	94,5	1,7	6
2. Калмыцкая	128,4	4,2	185,5	6,1	11,7

Общая характеристика хозяйств. Совершенно очевидно, что хозяйство на указанных территориях более чем экстенсивно, с крупным уклоном к скотоводству. Более того, скотоводческие хозяйства даже значительно преобладают, количественно, над земледельческими как в Астраханской губ., так и в Калмыцкой области (60,3 и 77,3% всех хозяйств оказываются здесь вовсе не ведущими полеводства),—что является прямым следствием местных естественно-исторических условий.

Колонизационные перспективы. Большая часть территории Астраханско-Калмыцкого района (за исключением отдельных площадей Енотаевского у., Больше-Дербетовского округа и части, присоединенной к Калмобласти от Сталинградской губ.) представляют из себя сухую полупустыню, использовать которую, без орошения, можно только под скотоводство—в лучшем случае оседлое. В Астраханской губ. на песчаных степях колонизационные перспективы сводятся лишь к рационализации скотоводства путем внедрения туда на незначительный пока, свободный (по скотоводческим нормам) земельный фонд (около 100 тыс. дес.) соответствующих коллективов или кооперативов, а на условно свободный (до 100 тыс. дес.) крупно капиталистических предприятий (концессий) культурно мелиоративного характера (рациональное овцеводство),—что же касается Калмыцкой области, то здесь единственной колонизационной задачей может явиться только постепенное устройство желающих перейти к земледелию калмыков на оседлое положение.

Концессии. Впредь до осуществления этого длительного и требующего крупных организационных усилий процесса, значительные площади калмыцких степей должны остаться незанятыми другим населением. Но использовать их концессионным путем—возможно и желательно, так как после 20—30-летнего их держания

в капиталистической аренде, соответственные площади отойдут калмыкам уже достаточно мелиорированными. Под концессии в Калмыцкой области можно легко было бы сдать теперь же до 200 тыс. дес.—под коневодство, скотоводство и овцеводство. Калмыцкие породы животных достаточно известны и могут не только возродиться здесь при благоприятных условиях, но и получить соответственное улучшение кровей.

ВЫВОДЫ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Сводя все вышеизложенное в общерайонные, под колонизационным углом зрения, положения, получаем нижеследующие перспективные выводы [1]).

1. Естественные условия Нижнего Поволжья, в общем благоприятствующие, несмотря на засушливость климата, развитию разнообразных отраслей сельского хозяйства, а также географическое положение Поволжья в отношении рынков сбыта, выдвигают его, как район развития товарного сельского хозяйства для экспорта. Отсюда вытекает необходимость для государства, прежде всего, восстановить и укрепить местное сельское хозяйство, а в дальнейшем развивать и оживлять край путем вовлечения в оборот неиспользуемых ныне земель.

2. Весь прошлый опыт организации в Поволжьи сельского хозяйства свидетельствует о том, что направление и принятые системы последнего не вполне соответствовали природным условиям, а сложившиеся формы земельных отношений и порядки землепользования обусловливали хищническое и бессистемное использование земельного фонда, что вместе взятое приводило к периодическим неурожаям и неустойчивости местного сельского хозяйства и было причиной значительного обезлюдения края.

3. Организация в Поволжьи устойчивого сельского хозяйства и дальнейшее оживление края может быть достигнуто в настоящее время лишь при условии: во-первых, всемерной рационализации всего местного сельского хозяйства с сохранением его; во-вторых, правильного устройства земельной территории в соответствии с требованиями рационализированного хозяйства.

4. В течение ближайшего более или менее длительного пе-

---

[1]) Получившие одобрение Гос. Колонизационного Научно-Исследовательск. Института. См. „Труды Института",—стр. 333—336 и 342—345.

риода хозяйственная обстановка Союза и мировые рынки будут требовать от Поволжья развития полеводства и животноводства, с дифференцированием этих отраслей по отдельным районам в зависимости от естественных условий их; районы с благоприятными почвенными и климатическими условиями должны служить местом широкого земледелия с подсобным скотоводческим промыслом, базирующимся на использовании продуктов земледелия; районы с мало благоприятными естественными условиями и недостаточным увлажнением развивать широкое товарное скотоводство пастбищного типа должны с одновременным земледелием на подходящих к тому участках; азональные районы поймы р.р. Волги и Ахтубы остаются, как и ныне, районами промышленного садоводства и развития огородных культур.

5. Широкому товарному развитию названных отраслей хозяйства должно содействовать создание в крае промышленности по переработке продуктов сельского хозяйства; этим будет достигнуто и увеличение емкости Поволжья в смысле размещения здесь большего количества добавочного населения.

6. В ряду мероприятий по достижению намеченных выше задач особое значение приобретает колонизация Поволжья пришлым населением, как средство к вовлечению в хозяйственный оборот земельного фонда, остающегося избыточным по удовлетворении потребностей местного населения.

7. Колонизационно-переселенческим мероприятиям должно предшествовать составление плана колонизации Поволжья, увязанного в свою очередь с общим планом укрепления и развития местного сельского хозяйства; размер и направление этих мероприятий должны подчиняться необходимости наиболее полного, рационального и выгодного для государства использования земельного фонда.

8. Колонизация Поволжья не может ограничиваться переброской одной лишь живой силы, на-ряду с этим она должна сопровождаться переброской материальных средств в форме государственных кредитов, концессионного и кооперативного капитала и средств самих переселенцев.

9. Поскольку средства государства в настоящий момент представляются ограниченными (задача же колонизации Поволжья не может быть отложена), центр тяжести финансирования колонизационных мероприятий должен быть перенесен на другие, указанные в предыдущем пункте источники.

10. Для концессионного использования должны предоставляться площади, требующие вложения крупного капитала, непосильного для трудовых переселенцев, а также не могущие быть использованными в ближайшее время государством; таковыми являются в первую очередь площади, требующие искусственного орошения и крупных мелиораций. В отношении мелиорационно-колонизационных концессий государство должно будет взять на себя функции надзора и регулирования отношений между концессионером и трудовым населением.

11. Кооперативный капитал может быть привлекаем для колонизационных целей Поволжья в первую очередь в форме кредитного, имеющего целью кредитование переселенческих трудовых хозяйств в момент их организации, а затем и в форме производственного—для организации кустарных и промышленных предприятий по переработке и сбыту продуктов сельского хозяйства.

12. Привлечение средств самих переселенцев должно достигаться путем подбора переселенцев в местах их выхода по признаку материальной обеспеченности и в тех размерах последней, какие в состоянии обеспечить переселенцам создание хозяйства на новом месте собственными силами без помощи государства.

13. Помимо материальной обеспеченности, переселенцы должны подбираться для Поволжья по признаку их хозяйственной культурности и способности к усвоению приемов засушливого земледелия, а также по признаку их сплоченности и организованности. С этой целью представляется (между прочим) целесообразным привлечение сюда иммигрантов, снабженных орудиями и средствами производства, сектантов-духоборов и молокан из Закавказья и Америки, а из остальных переселенцев надлежит отдавать преимущество тем, которые организованы в коммуны, артели и товарищества. Необходимым условием должна быть также и обеспеченность семьи переселенца достаточным количеством механической рабочей силы.

14. Организация в Поволжьи переселенческого хозяйства в смысле типов и систем хозяйства и полеводства должна соответствовать наличным естественным особенностям открытых для колонизации районов, как то предуказано научно проверенными опытными данными; с этой целью при передаче переселенцам земельных участков с них должны браться обязательства—точно выполнять требования местных земельных органов о правильном

и рациональном использовании и обработке предоставляемых им земель; в этих требованиях необходимо, однако, проявлять гибкость и осторожность, учитывая, по возможности, всю экономическую целесообразность их в данных хозяйственных условиях. Вместе с тем надлежит иметь в виду, что выполнение этих требований переселенцами может быть достигнуто лишь при условии надлежащей постановки широкой агрономической помощи населению через местный агрономический персонал и путем создания сети показательных хозяйств крестьянского типа.

15. Для достижения целей, указанных в предыдущем пункте, представляется целесообразным передавать переселенцам земли вначале лишь на правах бесплатной аренды, и только после выполнения ими предъявленных к ним требований земли могут поступать в их постоянное трудовое пользование. В качестве мер, способствующих переходу переселенцев к желательным формам хозяйства, при колонизации должна быть использована система премирования, а также оказание льгот по уплатам единого сельскохозяйственного налога.

16. Для придания крестьянскому хозяйству Поволжья наибольшей устойчивости и в целях создания «страховых» площадей— надлежит принять меры содействия к возможно широкому проведению водных мелиораций путем орошения, правильного и лиманного, небольших площадей. Эти работы могут быть надлежаще поставлены только при условии расширения кредитования населения выдачей мелиоративных ссуд и возможно более полным привлечением к этому делу кредитов сельскохозяйственного банка и кооперации, вместе с тем необходимо широко инструктировать население по части техники собирания и надлежащего использования зимних и летних атмосферных осадков.

17. Поскольку условия водоснабжения в Поволжьи являются решающими, необходимо тщательное предварительное гидротехническое обследование колонизационного фонда; на-ряду с этим населению переселенческих участков обязательно должны предшествовать или, в крайнем случае, сопутствовать необходимые работы по обводнению этих участков.

18. Нормы земельного обеспечения переселенцев в обжитых районах Поволжья с преобладающим местным населением должны устанавливаться в соответствии с земельным обеспечением этого населения; в районах малообжитых земельные нормы, как переселенцев, так и имеющихся на месте старожилов, должны строиться

из расчета полного использования трудовой силы семьи нормального рабочего состава; при этом в земледельческих районах при расчете трудоемкости должен приниматься инвентарь, необходимый для рациональной обработки земли при данных естественных и экономических условиях.

19. В тех случаях, когда колонизационный фонд расположен в районах с неурегулированными земельными отношениями местного населения, одновременно с образованием переселенческих участков должно итти устройство местного населения. В основу землеотводных и землеустроительных работ должно быть положено создание наиболее рациональных земельных участков в смысле их размера, конфигурации, расположения в отношении водных источников и т. п.

20. При производстве землеотводных работ в Поволжьи необходимо, по возможности, предварительно или одновременно с населением переселенческих участков производить и внутринадельное землеустройство их в смысле подготовки к хозяйственному использованию сообразно хозяйственным намерениям самих переселяющихся и местным условиям.

21. Учитывая неблагоприятные формы местного землепользования, затрудняющие рациональное использование земли (дальноземелье, многодворность селений и пр.), представляется крайне необходимым, в целях общей рационализации местного хозяйства, приступить к землеустроительным работам, независимо от подготовки колонизационного фонда, в тех старожильческих районах, где дефекты землепользования сказываются особенно резко.

22. В районе Калмыцкой автономной области колонизационно-переселенческие мероприятия должны находиться в прямой связи с обострившимся здесь кризисом кочевого скотоводческого хозяйства и с наблюдающимся на этой почве стремлением кочевого калмыцкого населения к переселению из восточных и центральных улусов области в западные с одновременным оседанием и переходом к земледелию; однако, при этом в полной мере должно быть предусмотрено рациональное использование освобождающегося земельного фонда восточных улусов.

23. Выдвигая колонизацию Поволжья, как одну из неотложных и спешных хозяйственных задач, необходимо оговорить, что она должна быть осуществляема в самой тесной связи с мероприятиями, направленными к переустройству хозяйства сельского населения,

оставшегося на месте после событий последних лет, так как ни политически, ни экономически невозможно предоставить крестьянское хозяйство оскудевшего района медленному процессу восстановления собственными силами, насаждая в то же время, в районах колонизации, рационально организуемые хозяйства при содействии государства; только при этом условии может быть достигнута общая реорганизация местного хозяйства и избегнуто повторение катастрофы 1921 года.

ГЛАВА V.

ЮГО-ВОСТОК.

(Северо-Кавказская область.)

ВВЕДЕНИЕ.

Довоенный Юго-Восточный край, в составе губерний и областей—Донской, Ставропольской, Кубанской, Черноморской и Терской—424 734 *кв. км* (373 206 кв. верст), преобразован ныне, в порядке районирования РСФСР, в Северо-Кавказскую область. В основу этого образования положены следующие принципы: а) выделение на территории Союза, на основании экономических признаков, областей, каждая из которых представляет собою хозяйственное целое и выполняет свою особую задачу в общем плане хозяйственного строительства целого, б) децентрализация управления по обособленным естественно и экономически областям и дальнейшее приближение служебного аппарата к населению, в) приспособление форм этого управления к общности экономических интересов составляющих область единиц и г) единство приемов развития производительных сил данного района. Считаясь с тем, что Юго-Восток являлся и является типичнейшим и богатейшим сельскохозяйственным районом (12% производства всех вообще зерновых хлебов, 30% пшеницы и 75% шерсти по дореволюционной России), восстановление и развитие хозяйства которого идет более быстрым, чем в других частях РСФСР, темпом, при чем местная промышленность играет в общем балансе Союза незначительную роль, в основе современной районной конституции «Северо-Кавказской» области положен сельскохозяйственный признак. С тем вместе предопределена и особая задача Области в общем хозяйственном плане—служить сырьевой и экспортной с.-х. базой Союза.

Вся территория СКО, общей площадью около 30 милл. дес. земли при 20 милл. удобных и $10^1/_2$ милл. посева (до револ.),

разделяется ныне, по вышеуказанному признаку, на 12 округов— Донской, Донецкий, Шахтенский, Морозовский, Таганрогский, Сальский, Кубанский, Черноморский, Майкопский, Армавирский, Ставропольский и Терский и 4 автономных области: Кабардино-Балкарскую, Карачаево-Черкесскую, Адыгее-Черкесскую и Чеченскую. Округа области соответствуют либо прежним уездам, либо даже губерниям, будучи ныне специфицированы по своим экономическим особенностям. Административный центр СКО—Ростов-Дон, где и сосредоточены областные учреждения.

За отсутствием в нашем распоряжении всех однотипных и требующих еще основательной проработки данных по новому районированию, нижеприводимый экономический, под колонизационным углом зрения, очерк СКО приурочен к прежним административным делениям ЮВ области, с сосредоточением основного внимания на имеющих для нас специальный интерес б. губерниях Донской, Ставропольской, Кубано-Черноморской и Терской. Автономные области, а также тяготевшая к ЮВ автономная республика Горская (ныне разложенная на три автономные области: Северо-Осетинскую, Ингушетскую и Сунженскую) будут затрагиваться ниже лишь постольку, поскольку это окажется неизбежным в целях обще-колонизационной характеристики основных территорий края, откуда эти автономные образования и получили свое начало.

ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК СКО.

Поверхность воды и климат. На огромном пространстве СКО встречаются самые разнообразные формы поверхности—от низменностей до горных кряжей. В общем, область может быть разделена, в орографическом отношении, на 4 части: а) низменность (незначительная часть края—в устьях рр. Кумы и Терека), б) преобладающую по области равнину (весь бассейн Дона, среднее и нижнее течение Кубани, среднее течение р. Кумы, левобережная часть р. Терека и часть бассейна р. Сулака), степного, с элементами полупустыни на востоке, характера, в) предгорье и г) горную область (собств. Кавказ), трудно отделимую от предгорий. Воды области состоят из прибрежных полос морей Азовского, Черного и Каспийского, дающих выход местной продукции на внешний рынок, и рек: а) горного происхождения (Кубань, Терек, Кума и Сулак) и степных (Дон с притоками).

Климат области тем континентальнее, суше и резче, чем вос-

точнее лежит данная территория. В общем и целом он вполне благоприятен для жизни человека и сельского хозяйства, за исключением только восточной и северо-западной части, где главным злом является недостаток влаги (до 200 *мм* осадков в год) и сухость воздуха (в Ставропольском округе более 2 милл .дес. сухих степей; в одинаковом положении ю.-в. часть Сальского округа). Наиболее плодородна вся западная часть области, в особенности побережье Азовского и Черного морей.

Полезные ископаемые. Свинцовые, цинковые и серебряные руды сосредоточены в районе Эльбруса при слиянии рек Садона и Хода в Терском округе, медные руды—на сев. Кавказе, в районе Казбека, железные руды—на Таманском полуострове и по Донскому краю, нефть (Грозный) и каменный уголь и антрацит (часть не отошедшего к Украине Донецкого бассейна).

Почвы. Территорию СКО можно разделить на следующие почвенные районы (по проф. С. А. Захарову): а) район южнорусских черноземов (большая часть территории б. Донского края), б) район приазовских черноземов (южн. часть Донского края, северная Куб. округа и западная Ставропольского), в) район каштановых почв (примыкает с востока к двум предыдущим), г) район горных черноземов (Предкавказская возвышенность), д) район бурых, солонцеватых, песчаных почв и сероземов (с подрайонами Прикаспийско-Кумским и Кумско-Терским)—расположенный между нижним течение Волги, берегом Каспийского моря и районом каштановых почв, е) район лесных почв (полоса предгорья), ж) Прикаспийский (преимущественно светло-каштановые и песчаные почвы), з) Черноморский и и) Высокогорный. Наибольшее для нас значение имеют первые три, пятый и восьмой районы.

Соответственно рельефу, почве и климату, в СКО наблюдаются нижеследующие растительные зоны: в сев. части области (Донской край)—с сев.-вост. на юго-запад: а) разнотравная злаковая степь, б) типчаково-ковыльная степь и в) полупустыня.

В южн. части области (от вост. Маныча и низовьев р. Кумы и Терека)—с сев.-зап. на юго-восток: а) пустынный тип, б) разнотравная степь и в) лесо-степная, лесная и альпийская зоны.

Животный мир СКО богат лишь в горной и предгорной полосах, где только он и может иметь сколько-нибудь серьезное экономическое значение. В колонизационном разрезе особого интереса это не представляет.

ИСТОРИЯ КОЛОНИЗАЦИИ КРАЯ.

Из того интересного факта, что со времени так наз. X ревизии, т.-е. 1858 г., население СКО возросло в 3,5 раза, тогда как в Московском центре за тот же период оно увеличилось лишь в $1^1/_2$ раза, а в Сибири в $2^1/_2$ раза,—видно, насколько большое значение имел для Ю.-В. края приток сюда извне новых засельщиков. Особенно это относится к б. Кубанской и Ставропольской губ., где население за это время возросло в 4 — 5 раз, что, конечно, ни в коем случае не может быть отнесено за счет естественного прироста.

Дон. Ранее других местностей ЮВ стал притягивать к себе выходцев из центральной части России не знавший в то время крепостничества Дон, на берегах которого уже с конца XVI столетия начало образовываться из пришельцев всякого сословия и национальностей (гл. образом беглых) так наз. «донское казачество». Через 100 лет—это уже «войско», но постепенно привольная и выгодная жизнь на Дону начинает терпеть всякие ограничения—появились донские чиновники, и к началу XIX в. здесь уже числится из пришельцев до 60 000 крестьян, записанных за частными владельцами. Несмотря на это, на Дон попрежнему продолжают притекать многочисленные толпы малороссийских казаков и крестьян, и за двадцатипятилетие (к 1822 г.) население Донобласти вновь увеличивается на 52,5%. К этому времени общее количество населения составляет здесь уже 511 313 ч. о. п., из коих «казаков»—355 377 душ.

Географически население Донского края распределялось неравномерно, сосредоточиваясь главным образом в округах Хоперском, Усть-Медведицком и теперешнем 1-м Донском округе. Менее других привлекали к себе население так наз. Задонские степи, лежавшие к юго-востоку от юртовых земель и заселенные кочевавшими калмыками.

В следующий период (до 1860 г.) население собственно казачьих округов начинает увеличиваться значительно менее быстро, чем население округов крестьянских (юго-западная часть области). Так с 1847 по 1860 г. % увеличения населения первых определился в 10,5, тогда как последних—в 38,1%. Это в значительной степени за счет приобретения местными помещиками крестьян из центральной полосы государства.

Начиная с 60-х годов XIX столетия крепостная колонизация

Дона теряет свое первенствующее значение, уступая место промышленно-предпринимательской, в лице так наз. «иногородних», притекавших главным образом в городские поселения и способствовавших быстрому росту последних (за 25 лет население Ростова увеличилось, с 17 574 чел. в 1860 г., в пять раз). Средний размер колонизационного движения на Дон до 90-х годов XIX столетия—20—25 тыс. человек, после чего, и в связи с развитием переселенческого движения в Сибирь, колонизационный поток в Донскую степь начинает ослабевать. В XX веке колонизационное движение здесь приобретает характер неустойчивости и малой интенсивности. В общем и целом, к 1914 г. в Донобласти оказалось уже 53% крестьянского населения, тогда как в 1822 г. крестьян числилось всего лишь 29%.

Кубань. Колонизация К у б а н с к о г о края, закрепленного за Россией лишь в конце XVIII столетия и заселенного перед тем ногайскими ордами, началась с вселения в низовья Кубани из-за Буга разного рода людей, получивших здесь наименование «черноморских казаков», и перевода, вследствие этого, ногайцев к туркменам по реке Куме и берегам Каспийскиго моря. Всего по 1811 г. здесь было устроено около 50 000 человек—преимущественно казаков,—выходцев из Полтавской и Черниговской губ., но немало приписалось к ним за это время и разного рода «гулящих» и прочих людей из малороссийских и прочих губерний. Одновременно с вызовом «казаков» из малороссийских губерний здесь было принудительно поселено и до 1 000 семей донского казачества. Сюда же в середине XIX века принудительно же было переселено до 2 000 семей собственно крестьян из губ. Полтавской, Харьковской и Черниговской.

Параллельно на Кубани шло и стихийное движение крестьянства, исчисляемое к той же середине XIX в. в 100 000 чел. Часть из этого элемента была принудительно обращена в казачество.

Массовая земледельческая колонизация Кубани заканчивается, примерно, к 70-м годам XIX в. (общее население области достигает уже 733 тысяч при 62,5% казаков),—последующие же годы дают приток почти исключительно «иногороднего» вселения. Заслуживает быть отмеченным то обстоятельство, что после русско-турецкой войны (в 1878 г.) из Кубанской области выселяются в Турцию покоренные черкесы.

Географически колонизация Кубанского края осуществлялась с северо-запада на юг и юго-восток. Главная масса поселений

сосредоточивается сначала в правобережной части Кубани—главным образом в Ейском отделе, затем—в пределах Краснодарского, Кавказского, Баталпашинского и Лабинского отделов и, наконец—в Закубаньи. К концу XIX в. география селений вполне оформливается и широко, повсеместно, развивается отрубной, фермерский характер землепользования.

Черноморье. Колонизация Черноморья берет свое начало с водворения здесь в 1864 г. между Новороссийском и Туапсе «нашего батальона Кубанского казачьего войска», в составе 629 сем., или 4 157 человек—на место переселившихся в Турцию черкесов. Через год в район этого поселения внедряются вышедшие из Турции греки, а еще через год—по реке Шапсухе—турецкие армяне. С 1866 г. правительство принимает меры к дальнейшей колонизации этого края, но заселение его идет в общем крайне медленно. За двадцать лет здесь образовалось всего лишь 38 нас. пунктов,—не направляются сюда и самовольцы. К концу восьмидесятых годов весь плодороднейший черноморский район насчитывает в себе лишь до 10 тыс. населения, вместо 100 000 горцев, из него эмигрировавших. С проведением, однако, Тихорецкой ж. д. колонизация края усиливается, но главным образом за счет городского, торгового люда. К 1914 г. общая численность населения достигает здесь уже, в связи с мероприятиями б. Переселенческого Управления, 194 тыс. чел., но к 1920 г. жителей Черноморского округа оказывается только 159 984 чел. (89 289 чел. городского и 70 695 чел. сельского). Сельскохозяйственная плотность района остается необычайно низкой (8 чел. на кв. в.), несмотря на исключительно благоприятные условия.

Ставрополье. Колонизация Ставропольской территории шла параллельно колонизации западной части ЮВ края, хотя начало ее было положено с Волги и Каспия—постройкой крепостей и заселением их казаками с Хопра и Волги. Приблизительно с половины XVIII столетия здесь начинается водворение крепостных на пожалованные разным лицам земли,—с сев.-запада на юго-восток,—в том же направлении идет и движение самовольцев. Наиболее, в конечном итоге, заселяется западная часть губернии, как более удобная в климатическом и хозяйственном отношениях и более безопасная. К началу XIX века русское население достигает здесь 95 тысяч чел., при 30% этого населения собственно в Ставропольском уезде. Далее, население края

сильно вырастает, за счет, главным образом, переселенческого движения. В 1869 г. его уже насчитывается, только в крестьянской части, свыше 300 тысяч при 429 тысячах общего населения. В 70-х, 80-х и последующих годах колонизация здесь идет с такой же стихийной силой, давая ежегодно от 10 до 12 тысяч переселенцев. В общем, по Ставропольской губ. наблюдается почти исключительно крестьянская земледельческая колонизация.

Терек. Колонизация Терского края начинается только с 70-х годов минувшего столетия—путем либо принудительного здесь водворения казаков, либо, впоследствии, небольших партий «легальных», или, наконец, самовольных переселенцев. Подвергались колонизации главным образом районы вне-туземного заселения, и лишь в 90-х годах этот момент получил заметное влияние. В 1899 г. пришлое население в отношении к общему числу составляло 37%, а в 1920 г. оно поднялось уже до 44%.

В общем и целом, Юго-Восток пережил и военную, и крепостную, и легализованную добровольную, и самовольческую, и с.-х., и промышленную формы колонизации. Широких и сколько-нибудь планомерных колонизационных предприятий на всей его территории не осуществлялось, а, между тем, край попрежнему оказывается заселенным в несоответственной его производительной способности степени.

НАСЕЛЕНИЕ.

На общей площади СКО в 336 818 *кв. км* (295 983 кв. верст) проживает в общем 7 364 милл. жителей, что дает среднюю, на область, плотность населения: а) общую—22,0 чел. на *кв. км* и б) сельского населения—18,5 чел.

Губернии	Площ. в кв. в. (без водн. пр.)		Общ. плотн. населения	Плотн. насел. сельск.
Донская	79 111	(69 537) [1]	22,3	17,3
Ставропольская	34 649	(30 483)	29,8	27,4
Куб.-Черноморская	89 233	(78 381)	34,5	27,3
Терская	29 498	(25 877)	22,7	17,0
Автономные области				
Адыг.-Черк.	3 030	(2 641)	33,5	33,5
Карач.-Черк.	10 654	(9 364)	14,7	12,9
Каб.-Балк.	12 165	(10 690)	15,7	15,0
Чеченская	9 995	(8 786)	28,9	28,9
Автономные Республики				
Горская	10 956	(9 629)	30,4	23,9

[1]) В *кв. км* (кв. вер.).

Из дальнейшего уточнения этой таблицы усматривается, что наиболее интересная для нас плотность сельского населения распределяется по отдельным частям области далеко не одинаково, в зависимости, главным образом, от естественно-исторических особенностей этих мест и процесса колонизации края. Так, наряду с чрезвычайно значительной общей и с.-х. плотностями по Ростовскому уезду (84,1 и 43,0)—Сальский, например, округ обладает вообще одной из самых низких плотностей (4,6), уступая в этом отношении место лишь Туркменскому району Ставропольского округа (2,7). Две этих последних территории вместе с Черноморским округом (8,5) населены наименее. Распределение населения на городское и сельское также весьма неодинаково. По прежним административным делениям, сельского населения в $^0/_0$ к общему числу по переписи 1920 г. имелось: в Донском крае—77,4, в Куб.-Черноморской области—79,3, в Терской—75,1 и в Ставропольском—92,3. Близко к этим цифрам оказывается и соотношение по той же переписи занятий населения. Соответственно тем же административным единицам сельским хозяйством занималось: 75,4$^0/_0$, 79,0$^0/_0$ (в Черном. 40,6$^0/_0$), 81,2 и 85,7$^0/_0$ населения.

Во всех б. губерниях ЮВ преобладающим занятием населения является сельское хозяйство, что наиболее ярко выделяется на территории б. Ставропольской и Кубанской губ. (более 60$^0/_0$ населения от 10 лет и старше, а в отношении только самодеятельных—87,9$^0/_0$ занято сельским хозяйством). За этими губерниями идут Донская и Терская. Второй наиболее мощной группой по занятиям является промысел без сельского хозяйства. Им почти исключительно занято городское население края; особенно выделяется в этом отношении б. Терская губ. и город Ростов.

В связи с вышеочерченной естественно-исторической обстановкой области, современное размещение и занятия ее населения легко объяснимы.

С колонизационной точки зрения чрезвычайно важен затем вопрос об этнографическом составе современного населения. В этом отношении отдельные части области имеют свои отличительные черты.

Так, на территории б. Донской губ.—90,9$^0/_0$ населения принадлежит к великороссам, 2,5%—армяне, 2,2%—украинцы, 2%—евреи, 0,8%—немцев, 0,6$^0/_0$—калмыков и 0,1$^0/_0$—греков.

На территории б. Кубанской губ. соотношение уже иное: вели-

короссов—78,9%, украинцев—11,3% и кавказских горцев—3%; остальные—в понижении. В соответствии с принципами советского строительства, из тех частей б. Кубанской губ., где, главным образом, сосредоточивались горцы,—из частей соответствующих отделов образованы ныне автономные области: Карачаево-Черкесская и Адыгейско-Черкесская; русских в первой все же осталось свыше 50%, а во второй 42%.

В Ставропольской губ. великорусская национальность составляет лишь 66,9%, зато повышаются украинцы (27,3%); остальные—в мало значительных количествах.

На территории б. Терской губ. преобладали кавказские горцы, великороссы же составляли 38,9%. В соответствии с этим, из Терской территории ныне выделены с одной стороны Чеченская, а с другой—Кабардино-Балкарская авт. области, а также Горская (ныне три автон. области) республика.

Б. Черноморская губ.—также достаточно пестра этнически. Здесь и греки (15%), и персы (0,3%), и черкесы (3,3%). Преобладающие, однако, народности—русская и украинская.

Разный этнический состав населения СКО, разные ее естественно-исторические условия и неодинаковые, в силу этого, плотности населения обусловили собою и чрезвычайное разнообразие в типах поселений области. Широко разбросанные б. казачьи станицы и переселенческие села, далеко выведенные в степь хутора, ютящиеся на скалах аулы горцев и рассеянные во восточным степям юрты кочевых народов — все это определенным образом влияет на экономику края, специализируя отдельные местности.

Господствующим типом на территории б. Донской губ. являются мелкие и средние селения, в Кубанской и Ставропольской губ. преобладают, в общем, мелкие, но, с другой стороны, значителен в них и % весьма крупных. С другой стороны, в б. Донской губ. на 1 насел. пункт приходится в среднем почти одинаковое с б. Кубанской губ. число жителей (527 и 529), по Ставропольской губ.—1 781 и по Терской губ.—196. Эти цифры—показатели сравнительной мощности населенных пунктов. Наименьший радиус поселения приходится на Терскую губ.—1 пос. на 12,3 *кв. км* (10,8 кв. в.), более значительный 21,3 *кв. км* (18,7 в.) на Кубанскую, затем на Донскую 35 *кв. км* (30,7 кв. в.) и, наконец, на Ставропольскую 74 *кв. км* (64,9 кв. в.). В пределах последней (по прежнему административному делению) Ме-

двеженский и Туркменский округа отличаются наибольшим радиусом 99,2 и 199,2 *кв. км* (87,2 и 175,0 кв. верст).

Война, голод 1921 г. и административное переустройство последних лет значительно изменили вышеочерченную картину распределения и состояния поселения по СКО. Но общие основы остались прежними, и характернейшей особенностью области и теперь является крупность и разбросанность населенных центров, чрезвычайное, вследствие этого, «дальноземелье», малая, в общем, насыщенность населением территории и пестрота национального состава на юге и на юго-востоке. Туземные народности занимаются, главным образом, скотоводством, оттеснившие же их, в процессе колонизации, в горы и в степи русские—земледелием.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Полеводство. Главным занятием населения СКО является, как указано выше, сельское хозяйство, при чем из всех отраслей его первое место по удельному весу принадлежит, несомненно, полеводству, распространенному преимущественно в северо-западной зоне,—в бассейнах рр. Дона и Кубани, в верховьях рр. Кумы и Терека, а также по берегам морей Азовского и Черного. Эта полеводственная зона почти в 2½ раза больше другой зоны области—животноводческой. Только одного зерна главных с.-х. культур—пшеницы, ячменя, ржи и овса—из края вывозилось до войны свыше 3 276 милл. *кг* (200 милл. пуд.) в год. В среднем за пятилетие 1911—1916 гг. здесь было посеяно 15,8% всех хлебов Европейской России, а наиболее ценных (пшеницы и ячменя) около 25%.

При всем том земледельческий промысел на современной территории СКО получил развитие лишь с XVIII в. До того времени здесь преобладало скотоводство, изживавшееся в процессе колонизации. В целом, за последние 35 лет посевная площадь изменилась по краю (в довоенных границах) следующим образом.

В тысячах десятин

	Озимые	Яровые	Всего
1880 годы	1 350	1 580	2 930
1890 „	2 640	4 690	7 330
1900 „	2 945	6 100	9 045
1914 „	3 200	7 430	10 630

при общем сборе хлебов в 9 009 милл. *кг* (500 тыс. пудов) хлеба.

Общая площадь посева выросла за этот период в 4 раза, площадь озимых почти втрое, площадь яровых более чем впятеро. По отдельным губерниям этот процесс был еще ярче. Так, по Ставропольской губ. за тот же период посевная площадь выросла в 7 раз.

Начиная с 1914 года, посевная площадь по территории области падает. По приведенным схематически к границам 1922 года административным делениям края, изменение посевных площадей может быть выражено следующей таблицей (в тысячах десятин).

Губернии	1914	1916	1917	1920	1922	1923
Донская	2 350	2 184	2 173	1 100	742	1 200
Кубанская	2 988	2 834	2 486	1 736	1 520	2 016
Ставропольская	2 464	1 965	2 047	1 496	510	707
Терская	838	644	557	386	567	676
Горская республика	—	—	—	—	101	147
Карач.-Черк. о.	—	—	—	—	40	45
Кабард.-Балк. о.	—	—	—	—	43	93
Чеченская о.	—	—	—	—	71	88
По всему краю	8 630	7 627	7 263	4 718	3 339	4 692

В результате империалистической и гражданской войн, а также голода 1921 г., посевная площадь на территории быв. Донской и Ставропольской губ. упала к 1922 г. до ¼ 1914 г., на Кубани сокращение посевной площади достигло 50%, а на Тереке около 45%. В общем в 1922 г. оказалось засеянным около 40% посевной площади 1916 г., но в 1923 г. после хорошего урожая посевная площадь повсеместно по СКО возрастает на 45%; однако она еще очень далека от довоенной. Таким образом современное состояние полеводства по области явно не соответствует ее производительным ресурсам, хотя и проявляет резкую тенденцию к достижению хотя бы прежнего уровня. В 1923 г. сбор хлебов по области достиг 3 276 милл. *кг* (200 милл. пуд.). Главное значение в полеводстве края принадлежало в 1916 г. пшенице (около

50%) и ячменю (23,6%); в 1922 г. яровая пшеница оттесняется на задний план кукурузой и картофелем,—в 1923 г. яровая пшеница и ячмень снова начинают восстановливать свое значение за счет площади, занятой кукурузой.

Урожайность хлебов по СКО на крестьянских полях при существующей повсеместно экстенсивности систем местного полеводства, стремящегося вширь в ущерб качеству работы, определяется следующей таблицей по данным 1906—1915 гг.

Сбор в *кг* (пудах) с десятины.

Территории б. губерний	Озим. рожь	Озим. пшен.	Яров. пшен.	Овес	Ячмень	Просо	Кукур.
Донская . . .	573 (35)	672 (41)	589 (36)	688 (42)	721 (44)	573(35)	836 (51)
Ставропольск.	622 (38)	688 (42)	622 (38)	819 (50)	852 (52)	655(40)	1 235 (76
Куб.-Черном. .	966 (59)	966 (59)	885 (54)	983 (60)	1 132 (63)	901(55)	1 327 (81)
Терская . . .	672 (41)	802 (49)	836 (51)	836 (51)	885 (54)	885(54)	1 163 (71)

Приведенные размеры урожаев ниже урожаев, полученных на опытных станциях в 2½ раза, что делает совершенно возможным повышение собственно крестьянских урожаев на десятки пудов с десятины.

Но даже и эти сверхнизкие урожаи в СКО не постоянны. В засушливые годы едва могут быть возвращены семена, что делает зерновое хозяйство в степной зоне полным риска.

По отдельным культурам главнейшие хлебные злаки распределяются по СКО следующим образом (1923 г.) в тысячах десятин.

Территории б. губерний	Рожь	Озим. пшен.	Яров. пшен.	Ячм.	Овес	Просо	Кукур.
Донская	312	17	427	190	180	36	32
Ставропольская	37	307	67	93	92	45	50
Куб.-Черном.	58	823	189	348	320	27	163
Терская	5	192	5	50	44	66	188

Данные этой таблицы достаточно характеризуют направление местного хозяйства. Рожь в общем и целом занимает всего лишь 8,8% посевной площади области, тогда как озимая пшеница — 30,7%; давая более резкие колебания урожаев, последняя все же экономически выгоднее. Вообще пшеница даже в 1923 г. занимала 45% всей посевной площади, составляя главный предмет экспорта, что и предопределяет основную линию в деле дальнейшего здесь регулирования с.-х. промысла.

Технические растения в общем распространены по СКО неравномерно. Среди них главную роль и возможную крупную будущность имеют сахарная свекла, картофель, подсолнечники, лён и табак.

Общее направление крестьянского зернового хозяйства в области определилось в качестве экстенсивного, резко товарного. На 1 душу сельского населения приходилось по 1,8 дес. Тоже направление сохраняется в общем и в настоящее время. Хлебный баланс края в соответствии с состоянием зернового хозяйства может быть выражен следующей таблицей в тысячах:

	1908—1911 г.г.	1922—1923 г.г.
Население	9 600 жит.	7 000 жит.
Посевная площадь	8 000 дес.	4 612 дес.
Общий сбор хлеба	8 813 (538 000) [1]	3 276 (200 000) [1]
Обсеменение 131 *кг* (8 п.)	1 572 (96 000)	540 (33 000)
Экспорт за границу	3 047 (186 000)	360 (22 000)
„ в Россию	1 028 (64 000)	246 (15 000)
Потребн. края по 328 *кг* (20 п.)	3 145 (192 000)	2 130 (130 000)
	8 813 (538 000)	3 276 (200 000)

[1]) Первые цифры—тысячи *кг*, вторые (в скобках)—пуды.

Скотоводство. По переписи 1916 г. на территории СКО находилось скота—в тысячах голов и на 100 душ населения [1]).

Б. территор. единицы	Лошади	Крупн. рог. скот	Мелк. скот
Донская	522/23	1 405/58	2 165/66
Кубанская	984/31	1 497/44	3 143/81
Ставропольская	363/36	607/58	1 758/166
Терская	374/25	1 127/75	2 661/185

Столь выдающееся обеспечение края скотом обусловливается как историческими, так и естественными условиями: некоторая часть населения (калмыки) издавна являлись скотоводами,—безлюдные, солонцеватые и вообще неудобные почвы полупустынных зон вообще исключают и теперь возможность развития на них зернового хозяйства. Наконец, вследствие редкости населения—скотоводство является простейшим способом использования даже и плодородных пространств. В качестве же подсобной отрасли к залежной системе полеводства и чисто зерновой системе хозяйства скотоводство опять-таки являлось необходимым дополнением. Общее направление скотоводства в крае—резко экстенсивное.

Средоточие скотоводчества в так называемой животноводческой зоне (юго-восточной), расположенной в бассейне р. Маныч, низовьях Кумы, Терека и Сулака, по берегу Каспийского моря и отчасти в верховьях рек Кумы и Лабы. И если в зоне полеводства (см. выше) процент земли, занятой под посевы, в некоторых местах достигает 80 при 292 головах скота на 100 душ населения, то и в животноводческой зоне, совпадающей в степной полосе с распространением бедных гумусом почв, покрытых редким полынно-злаковым покровом, и недостаточным количеством осадков, под посевами занято менее 15% всей с.-х. площади, и общее число всех с.-х. животных на 100 душ населения равняется 1 188, т.-е. вчетверо

[1]) Первые цифры дают общее количество скота в тысячах голов, вторые—количество голов на 100 душ населения.

больше, чем в полеводственной зоне, при почти впятеро большем обеспечении хозяйств мелким скотом (201 и 998), что указывает в частности на развитие здесь овцеводства.

В результате войны, революции и голода скотоводство потерпело здесь крупный урон. Так, свиноводство сократилось здесь до 8%, овцеводство до 20%, общее количество крупного рогатого скота убыло наполовину. Лошадей на территории б. Ставропольской губ. осталось лишь 25%, а по б. Терской губ.—57%. В 1923 г. начинается некоторое восстановление стад: лошадей на 4%, крупного рогатого скота на 14%, овец на 0,3% и свиней на 74%. В общем современное количество животных по отношению к 1916 г. составляет: лошадей—42%, крупного рогатого скота—68%, овец—32% и свиней—18%.

Из отдельных видов с.-х. животных области необходимо упомянуть о «донской лошади», как о результате принудительного коневодства казаков, получившего мировую известность в качестве основы нашей прежней кавалерии. К 1910 году казачьих табунов в Донобласти (Сальский округ) числилось 135 с общим количеством голов 79 581 и частных табунов 119 с 47 324 лошадьми. В 1923 г. Донземуправлением было зарегистрировано на Дону... два коллектива с 26 кобылами. Известны также в области калмыцкая и кабардинская породы. Из пород рогатого скота заслуживают быть отмеченными калмыцкая, ногайская, черноморская и горская. Из грубошерстных овец известны породы волошская, малич, курдючная и карачаевская.

В общем и целом животноводству в СКО предстоит еще большая будущность—как ввиду наличия здесь в качестве основы прекрасных пород, так и потому, что кормовые ресурсы области обеспечивают к тому полную возможность—путем искусственного кормодобывания и главным образом получения кукурузного силоса; рынок же для животноводческих продуктов вообще ныне чрезвычайно широк и выгоден. Конечно прежнее экстенсивное использование для этой цели целинных и залежных выпасов и сенокоса должно будет в северо-западной полосе отойти в область преданий, что же касается юго-востока области, то развитие скотоводства в значительной степени зависит здесь от организации хотя бы элементарных обводнительных сооружений. Иначе все богатейшие по существу задонские, манычские, ставропольские, калмыцкие и терские степи надолго еще останутся мертвым фондом даже и для экстенсивного скотоводства. Довоеный экспорт [(жи-

вотноводческих продуктов) 26 208 000 *кг* (1 600 000 пуд.) шерсти, 0 828 000 *кг* (600 000 пуд.) кож] должен быть, конечно, восстановлен за счет продуктивного скотоводства в скорейшем будущем при рационализации количества и механизации тягловой силы.

ПРОЧИЕ ПОДСОБНЫЕ ОТРАСЛИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА.

Огородничество и бахчеводство, при достаточности своего местного удельного веса в отдельных районах, в общем большого значения в областном масштабе не имеют вследствие неорганизованности сбыта. В будущем этим отраслям предстоит самое широкое развитие, как равно и плодоводству, шелководству, виноградарству, виноделию, а также птицеводству, пчеловодству и табаководству.

Рыболовство должно будет занять особое видное место среди других с.-х. промыслов области. Рыба является здесь, во-первых, одним из главных пищевых продуктов (для прибрежных жителей всех водных бассейнов области и даже для отдаленных от последних поселений) и, во-вторых, объектом экспорта—особеннно в отношении сельди (западно-каспийский район).

Экономический синтез сельского хозяйства СКО. В предвоенный период сельское хозяйство СКО являлось по преимуществу экстенсивным, т.-е. естественно-исторические условия производства использовывались здесь без приложения к земле крупных затрат труда и капитала. Плотность населения оказывалась в области меньшей чем в Европ. России, средний же посев на 1 крестьянское хозяйство превышал таковой же по Европейской России почти вдвое и количество скота на 1 хозяйство—почти в полтора раза. В отличие далее от Европ. России, половина посевной площади которой занята рожью и овсом, на территории СКО три четверти посевной площади падали на ячмень и пшеницу. В общем СК край высевал главным образом ценные хлебные растения, имеющие экспортное значение и действительно вывозившиеся за границу на сумму (в среднем за пятилетие 1908—1913 гг.) свыше 150 милл. руб. в год. Немало экспортировалось из края и прочих видов с.-х. сырья. Таким образом направление юго-восточного хозяйства определялось влиянием внешнего рынка, являясь по существу товарным.

Со времени империалистической войны и в процессе затем

революционных событий сельское хозяйство СКО резко деградирует, несколько видоизменяется в направлении, но к 1923 г. вновь являет признаки восстановления—по принятому ранее направлению—выращиванию главным образом ценных экспортных злаков (экспорт за границу пшеницы определялся, в 1923 г. в 655 милл. *кг* (40 милл. пуд.). Здесь прежде всего сказываются влияния естественно-исторических условий и затем—вновь изменившейся по сравнению, напр., с 1920 г. экономической обстановки, обусловившей и последующий взгляд на область, как на сырье-экспортную базу.

В конечном итоге сельское хозяйство СКО попрежнему, очевидно, будет развиваться в внешне-экспортном направлении, но от прежней «роскоши» в преобладании экстенсивных, по приемам обработки земли и животноводства, способов ведения хозяйства теперь, конечно, придется отказаться. Многоземелье области, связанное с сократившейся еще во многих местах системой парозалежного полеводства, должно будет уступить место более рациональным системам; целинные земли (за исключением необходимого резерва) будут, несомненно, освоены коллективной подлежащей всяческому поощрению тракторной обработкой, и, на почве рациональной с.-х. колонизации, связанной с крупными мелиоративными мероприятиями и вообще с притоком труда и капитала на пустынные еще территории края, излишки в ценной хлебной продукции последнего увеличатся в ближайшем будущем, по крайней мере, вдвое.

Немалую роль в общем развитии сельского хозяйства СКО должна будет сыграть и социальная нивеллировка местной деревни. Даже и до сих пор из всех 785 тыс. хозяйств области 271 тыс. (более 1/3) имеют 12% посевной площади, тогда как 104 тысячи наиболее крупных хозяйств засевают 32%. Беднота в общем и целом продолжает закабаляться и, маневрируя налогами и аппаратом, указанное обстоятельство изжить необходимо.

ЛЕСА СКО.

В СКО под лесами насчитывается 3 144 570 дес. с 2 469 031 дес. удобной лесной площади. По территории б. губерний в границах 1922 года леса распределяются очень неравномерно, как видно из следующей таблицы (в тысячах десятин):

Административные единицы	Площ. лесов		Пл. лес. госуд.		% лесистости	Пл. лесов на 1 жит. в десят.
	Общая	Удобн.	Общая	Удобн.		
Куб.-Черном.	1 965	1 516	1 410	1 019	21	0,56
Карач.-Черкес.	275	244	275	244	23	1,7
Кабард.-Балк.	106	103	69	67	9,3	0,65
Ставропольск.	23	23	23	23	0,7	0,025
Донская	65	65	65	65	0,9	0,04
Терская	61	46	40	25	0,8	0,07
Чеченская	202	152	202	152	17	0,6
Горская	225	199	225	199	19	0,59
Адыгейско-Черк.	21	21	6	6	3,5	0,25
Дагестан	197	94	197	94	2,9	0,12
Итого . . .	3 144	2 469	2 516	1 898	7,9	0,407

Но и эти данные не дают истинного представления о степени неравномерности распределения лесов по области. Так, все, даже мелкие, отдельные части б. губерний и прочих административных образований области, находящиеся в степной (в лесоводственном отношении) полосе, сосредоточивают в себе всего 12% всей лесной площади, в предгородной—21% и в горной—67%, в соответствии с чем далеко не одинаковой оказывается лесистость в пределах каждой данной административной единицы. На 100% доступны леса только в степной зоне, при чем всего доступных лесов по области насчитывается, таким образом, лишь 31%. Исключительно, конечно, богато, качественно, лесом черноморское побережье, в районе же Приазовья и в долинах рр. Сала и Маныч леса отсутствуют вовсе. Леса СКО, имеющие в общем запас древесины на корню свыше 970 милл. *куб. м* (100 милл. куб. с.), с ежегодным приростом более 9,7 милл. *куб. м* (1 милл. куб. с.), с чрезвычайно разнообразным составом древесных пород—от сев.

сосны и березы до субтропической кавказской пальмы, представляют собой самый благоприятный источник для развития прежде всего деревообрабатывающей промышленности во всех ее видах. Это и начало иметь место до войны и революции, ныне же лесное хозяйство области расстроено совершенно. Восстановление последнего, равно как и лесопромышленности, возможно лишь при условии проникновения в недоступные пока, но богатейшие горные леса, т.-е. с организацией лесовозного транспорта. В степной же полосе следует принять решительные меры по облесению песков, площадь которых, определяемая уже в 1,5 милл. дес., увеличивается ежегодно на 2—2½ %.

Местная краевая потребность в лесе—8 740 т. *куб. м*—9 712 т. *куб. м* (900 000—1 000 000 к. с.) ежегодно, т.-е. совпадает с возможным отпуском. Покупательная же способность местного рынка—не более ¼ потребительской емкости. Сближение той и другой и должно явиться главным стимулом развития в области лесной промышленности, что может последовать в результате только общего восстановления экономического благосостояния края и всей республики, а впредь до этого—соответственный излишек, против покупательной емкости подлежал бы экспорту за границу. Организация этого последнего дела—вопрос сегодняшнего дня.

ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ СКО.

Государственный земельный фонд распределяется по территориям основных бывших губерний области следующим образом:

Б. губернии	Общ. площ. в тыс дес.	В том числе (в процентах)		
		Земель труд. пользован.	Госземимущ.	Городских земель
Днская я	6 970	85,2	14,1	0,7
Куб.-Черном.	7 749	78,2	21,2	0,6
Терская	3 089	84,2	15,4	0,4
Ставропольская . . .	3 252	86,3	13,1	0,6

Земли первой категории (трудового пользования) значительно преобладают по всей области, при чем землепользование трудового населения в связи с естественно-историческими особенностями края не может считаться рациональным. Основной дефект землепользования—крупноселенность и вытекающее отсюда дальноземелье (ср. выше радиусы поселений). Задача предстоящего по всей области землеустройства—приблизить население к земле и заменить попутно широко развитые здесь исторически единоличные формы землепользования—главным образом отрубного характера—формами коллективными, собственно же в скотоводческих районах — регламентировать пользование пастбищами. Это все окажется возможным только при широком проведении мелиоративных мероприятий и в частности обводнительных и дорожных.

В связи с засухой 1921 г. земледельческое население на всей области убыло в довольно значительном количестве. Вследствие этого—выморочность многих земель. Параллельно с этим в области имеется также немало малоземельных, справедливое требование дополнительной земли которых найдет себе, очевидно, удовлетворение за счет оказавшихся в последнее время вышеупомянутых излишков. С тем вместе, однако, в целом ряде местностей области—в общем многоземельной—имеются так назыв. сверхизлишки: в порядке обязательного землеустройства эти последние должны будут войти в состав госземимуществ и получить соответствующее предназначение.

Государственных земельных имуществ насчитывается по области около 2 500 000 дес., распределяющихся по отдельным административным подразделениям следующим образом:

Донская губ.	986 799
Куб.-Черном. губ.	205 749
Ставропольск. „	405 483
Терская „	595 579
	2 193 610

Остальное количество падает на территории б. Горской и Дагестанской республик и на автономные области. Из всего количества госземимуществ приведено в известность более половины, а именно около 1 800 000 дес., остальные не обследованы.

Местные предположения ближайшего будущего (пятилетие) об использовании госземимуществ области сводятся к следующему. Под переселение извне и колонизацию предполагается изыскать до 500 тыс. дес. земли (100 тыс. дес. в Зап. и Вост. коннозаводствах Сальского округа, 260 тыс. в Ачикуланском районе Терской губ., 70 тыс. дес. в Туркменском округе и до 40 000 дес. на Черноморском побережьи), 200 тыс. дес. под коннозаводство (в Сальском округе), до 100 тыс. дес. под мериносовое овцеводство (50 тыс. в Туркменском районе и по 25 тыс. в Сальском и Моздокском районах) и, наконец, до 350 тыс. дес. под с.-х. концессии (до 200 тыс. дес. требующей обводнения земли в Сальском округе, до 25 тыс. такой же земли в Приморско-Ахтарском районе, до 55 тыс. дес. земли в Туркменском районе и до 60 000 дес. в Мусса-Аджинском районе Прикумья). Сюда же должны быть отнесены и Приазовские плавни, в общем составе до 250 тыс. дес., могущие, при их осушении (путем приложения главным образом концессионного капитала) дать крупной с.-х. эффект.

ВОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО СКО.

Вследствие заведомой во многих местах области недостоточности и неравномерного распределения водных ресурсов, засушливости на юго-востоке области климата, необорудованности водного транспорта и неиспользованности силы падающей воды множество вопросов в области экономического развития края упирается в водную проблему. В частности перед экономическим строительством СКО стоят следующие конкретные задачи.

1. Рациональное использование наличной массы воды в целях удовлетворения нужд населения (обводнение прудов, постройка колодцев, водосборных цистерн и т. п.), совершенно необходимое в восточной части Донской обл., в Кугаейской степи, во всем Ставропольи, в Прикумьи, в Моздокском и Георгиевском районах Терского края, в М. Кабарде и Ачикулаке, т.-е. там, где только с получением питьевой воды в достаточном количестве разрешается вопрос о возможности ведения сельского хозяйства и колонизации.

2. Регулирование расходования водных ресурсов в целях расширения полезной площади и защиты используемых земель от

воздействия неурегулированной водной стихии—путем как орошения (оазисного и сплошного) части земель в Донском крае (Сальский округ), на Кубани, в Прикумьи, в Моздокском и Георгиевском районах, в Кизлярском районе и в Ставропольском округе, так и осушения (в частности Закубанских и Приазовских плавней).

3. Устройство и улучшение приморских гаваней, шлюзование Дона, Кубани, Терека, устройство водохранилищ.

4. Использование белого угля как на реках с. Кавказа, так и при условии шлюзования на степных реках.

До сих пор так или иначе мелиорировано в области в общем итоге 512 280 дес., что составляет 2% всей территории и около 5% посевной площади. Объем предстоящих еще работ значительно больший.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ СКО.

Степень развития обрабатывающей и добывающей промышленности СКО, несмотря на благоприятные условия (обилие и дешевизна местных продуктов сельского хозяйства), стоит значительно ниже, чем в России вообще. Так % населения, занятого здесь в промышленности, составлял в довоенное время лишь 0,4, тогда как для всей России он оказывался 1,4. Причины такой отсталости лежат в недостатке как избыточного для этой отрасли народного хозяйства населения, так и капитала, в недоразвитости транспорта, большой легкости и выгодности других занятий—непрестанном развитии зернового хозяйства вширь.

В довоенное время наиболее развитой оказывалась обрабатывающая и добывающая промышленность на территории б. Донской губ. (Донбасс, Александро-Грушевский антрацит—крупнейшие товарные мельницы и табачные фабрики), на втором месте стояла Кубанская губ. (главным образом маслобойные и мукомольные предприятия),—далее губ. Терская и, наконец, Ставропольская—с крайне слабо развитой промышленностью вообще. Война и революция сильно подорвали начинавшее укрепляться в крае промышленное производство, и в настоящее время некоторые его отрасли влачат пока жалкое существование.

Из главных видов обрабатывающей промышленности отметим:

а) Мукомольную, характеризуемую следующей таблицей по территориям бывших губерний:

Бывш. губернии	Число заведений		Рабочих	
	1908 г.	1923 г.	1908 г.	1923 г.
Донская	22	11	879	553
Куб.-Черном.	26	22	558	834
Ставропольская	12	8	158	261
Терская	13	6	194	241
Итого	73	47	1 789	1 839

Бывш. губернии	Производительность за 24 ч. в тыс. *кг* (пуд.)		Перераб. зерна в тыс. *кг* (пуд.)	
	1908 г.	1923 г.	1908 г.	1923 г.
Донская	1 179 (72,2)	693 (42,3)	301 211 (18 389)	95 088 (5 805)
Куб.-Черном.	1 400 (85,5)	1 038 (63,4)	107 635 (6 571)	120 331 (7 346)
Ставропольск.	552 (33,7)	464 (28,3)	38 871 (2 373)	46 062 (2 812)
Терская	425 (25,9)	290 (17,7)	26 814 (1 637)	28 682 (1 751)
Итого	3 556 (217,4)	2 485 (151,7)	474 531 (28 970)	290 162 (17 714)

б) маслобойную с аналогичным приведенному регрессом при наличии в 1908 г. 33 заведений и продукции в 40 345 т. *кг* (2 463 тыс. п.) (гл. обр. по Кубани);

в) табачную, дававшую в 1912 г. 2 245 т. *кг* (137 038 пуд.) табака и 4 465 746 000 штук папирос, а ныне, соответственно 196 т. *кг* (11 968 пуд.) табака и 1 980 929 шт. папирос (гл. обр. по Донскому округу);

г) цементную, сократившуюся с 1912 г. в девять раз с 456 милл. *кг* (27 878 тыс. пуд.) производства до 64 милл. *кг* (3 880 тыс. пуд.) при вдвое уменьшившемся числе рабочих;

д) металлообрабатывающую — переживающую еще больший кризис.

Из добывающей промышленности главное значение имеют следующие ее виды:

а) каменноугольная — вследствие отхода значительной угленосной территории из пределев СКО в Украину сократилась по сравнению с 1915 г. [10 303 милл. *кг* (620,03 милл. пуд.) добычи] более чем в пятьсот раз [16,4 милл. *кг* (1 милл. пуд.) антрацита в 1923 г.—с богатого, но удаленного и мало разработанного Белокалитвенского района], с чем вместе лишилась угольной топливной базы и вся местная обрабатывающая промышленность. В силу этого, особое теперь здесь значение приобретает: б) нефтедобывающая промышленность. Наиболее крупные залежи нефти ныне разрабатываются: в Майкопском, Крымском, Калужском, Ильском, Черкесском и Грозненском районах, дававших вместе (кроме последнего) в 1913 г. 146 милл. *кг* (8 939 тыс. пуд.) жидкого топлива, а ныне (1923) — около 49 милл. *кг* (3 000 тыс. пудов). Грозненская же нефть была получена в 1922—1923 гг. в количестве 1 490 милл. *кг* (91 милл. пуд.) против 1 753 милл. *кг* (107 милл. пуд.) максимальной добычи в 1917 г. Будущее нефтяной, особенно Грозненской, промышленности, колоссально.

ПУТИ СООБЩЕНИЯ.

Железнодорожное строительство СКО было направлено до сих пор на соединение края, как сырьевой зерновой базы, с центром, на соединение двух морей,—на создание выхода избытка производства за границу. В соответствии с этим и были построены жел. дороги: Москва—Харьков—Ростов, Грязи—Царицын и Москва—Воронеж—Ростов, затем Ростов—Владикавказ, Ростов—Краснодар—Новороссийск, ветвь на Кисловодск, и продолжена магистраль до Петровска; наконец, с магистралью был соединен Ставрополь, линия Тихорецкая-Царицын, Ейская дорога, Кубано-Черноморская, линии Армавир-Туапсинская и Черноморская.

В настоящее время ж.-д. транспорт обслуживает по области 432 т. *кв. м* (380 тыс. кв. верст)—общим своим протяжением в. 4 690 *км* (4 400 верст), что составляет $^1/_{16}$ *км* ж.-д. пути на 100 *кв. км* площади. По сравнению с Западн. Европой—соотношение ничтожное. Главная часть коммерческих грузов—хлеб,

нефть и лесные материалы, при чем общий грузооборот теперь составляет $^1/_3$ довоенного.

Дальнейшие задачи в области ж.-д. строительства—работа на экспорт, увязанная с колонизацией края.

Современное положение водного транспорта ввиду изношенности судов и необорудованности вод — неудовлетворительное. В этом отношении необходимо осуществление многих строительных и мелиоративных работ.

Грунтовых дорог (шоссейных) имеется по области всего лишь около 1 060 *км* (1 000 верст) (*км* дороги на 353 *кв. км* площади), что явно недостаточно (в Европ. России на 1 *км* шосс. дороги—150 *кв. км* площади).

КОЛОНИЗАЦИОННЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ СКО.

Учитывая все вышеизложенное в ретроспективном и перспективном отношениях, приходится констатировать, что колонизация СКО, понимаемая в смысле планомерного развития производительных сил местности, путем переброски сюда недостающего труда и капитала, далеко еще не закончена. Напротив, почти все отрасли народного хозяйства области находятся еще лишь на пути к развитию, пределы которого представляются почти безграничными. Было бы, конечно, бесцельно и неразумно проектировать сейчас все возможные в этом отношении мероприятия. Но наметить основы ближайших из них по времени и уместно и необходимо, при чем по условиям изживаемого периода, основную ставку на предстоящее, по крайней мере, десятилетие необходимо делать на колонизацию сельскохозяйственную. Попутно, конечно, могут и должны будут получить здесь осуществление и другие виды колонизации—промышленная, курортная и т. п., но прежде всего целесообразно развить здесь путем колонизации экспортное назначение края, не затрогивая пока сколько-нибудь существенно автономных областей. Колонизационные возможности СКО в этом направлении основываются на наличности в области свыше 2 милл. дес. неиспользованных земель с.-х. назначения, распределение которых по территории б. губерний показано выше. Но из этого большого сравнительно земельного запаса лишь несколько более четверти может служить, по своему современному культурному и экономическому состоянию, целям трудовой колонизации ближайшего

будущего. Остальные земли свободного запаса будут пока колонизоваться путем приложения к ним предпринимательского капитала либо путем организации специальных хозяйств скотоводческого направления. Однако и данная, ограниченная в объеме, ближайшая по времени с.-х. колонизация СКО трудовым элементом должна сопровождаться рядом весьма существенных оговорок.

В общем и целом, все вышеуказанное может быть сведено к следующим,—получившим одобрение Гос. колонизационного научно-исследовательского института[1]) положениям.

Общие положения.

Округа Северо-Кавказского края отличаются особо благоприятными климатическими и почвенными условиями, что в прежнее время давало соответствующим губерниям возможность занимать одно из первых мест по вывозу хлеба и кроме того снабжать внутренние рынки разнообразными продуктами земледельческого промысла и сильного развитого в указанном крае животноводства. Поэтому колонизация Сев.-Кавк. края, обладающего всеми данными для скорейшего восстановления нашего хлебного вывоза и процветания самых разнообразных видов сельского хозяйства, а также для развития многих отраслей промышленности, как добывающей, так и обрабатывающей, и привлекавшего за последнее полустолетие большое количество переселенцев из внутренних губерний,—должна составить одну из первоочередных задач в системе мероприятий по восстановлению экономической мощи страны.

Определение колонизационного фонда.

В округах Сев.-Кавк. края расположена весьма значительная, по предварительным подсчетам превышающая 2 милл. дес., площадь свободного земельного фонда, представляющего громадную ценность и до сих пор неустраненного, мало обследованного и не получившего соответствующего назначения. Поэтому выяснение этого ценного земельного запаса в целях скорейшего вовлечения в хозяйственный оборот страны весьма значительной и притом бесспорно рентабельной части его должно быть произведено в кратчайший срок.

---

[1]) См. „Труды института“. М. 1924 г. Стр. 346 и след.

Той же цели скорейшего образования свободного земельного фонда должно содействовать и землеустройство тех групп населения, кои обладают значительными земельными излишками, подлежащими отчуждению при земельном устройстве края.

Принимая во внимание, что и на Дону, и на Кубани, и на Тереке проживают весьма значительные количества так наз. «иногородних», т.-е. земледельцев, не получивших в крае наделов и живших арендой казачьих угодий, при чем и в настоящее время после наделения землей некоторой части этой группы населения все же имеются районы, в коих остались безземельные «иногородние»,—надлежит в первую очередь устроить указанную категорию местного земледельческого населения.

Равным образом, при определении свободного колонизационного фонда, должны быть учтены потребности в земле групп населения, скученных в некоторых районах, испытывающих относительное перенаселение.

Особый характер колонизационных мероприятий.

Округа Сев.-Кавк. края, при их разнообразии в климатическом, орографическом, гидрографическом и иных отношениях, предопределяющих применение к ним различных видов колонизации, отличаются тем общим признаком, что значительно бо̀льшая часть расположенного в них свободного земельного фонда требует для ее оживления и превращения в состояние, годное для земледелия, сложных и дорогих гидротехнических сооружений. Это обстоятельство в связи с рентабельностью сельского хозяйства в крае при рациональной его постановке и с выгодами географического положения некоторых весьма ценных его районов вынуждает обратить особое внимание на скорейшую разработку всех вопросов, необходимых для развития концессионных предприятий в крае, а также выяснение других способов финансирования крупных мелиоративных работ путем организации мелиоративных объединений.

В силу тех же обстоятельств для районов, входящих в состав территорий, подлежащих мелиорации при помощи крупных гидротехнических устройств, надлежит признать в качестве руководящего правила, что освоение для целей колонизации или расселения старожильческого населения новых площадей при помощи мелких мелиорационных сооружений должно быть допускаемо лишь постольку, поскольку это не может повредить осуществлению общего плана мелиорации данного района.

Ввиду исключительно важного значения водных запасов и рационального использования их для экономического развития края вообще и в частности для образования нового пригодного для эксплоатации земельного фонда и далеко незаконченного изучения водного хозяйства Сев.-Кавк. края—представляется необходимым приступить к систематизации уже имеющихся материалов по изучению гидрологии края и скорейшему выполнению плана первоочередных изысканий и строительных работ и достигнуть этим путем постепенного упорядочения его водного хозяйства.

ОСОБЕННОСТИ КОЛОНИЗАЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ РАЙОНОВ.

Громадное разнообразие естественно-исторических и экономических условий различных районов края делает обязательным применение к каждому из них особых приемов колонизации и составление вследствие этого особых колонизационных планов для всех районов.

Территория б. Донской губ.

При колонизации свободных пространств территории б. Донской губ. ввиду общности условий их заселения с прилегающими к ним районами Сталинградской и смежных с нею губерний должны быть применяемы в общем те же методы колонизации, что и в губерниях нижнего Поволжья.

Сальские степи, поскольку государство нуждается в восстановлении коннозаводства, коневодства и животноводства вообще, надлежит использовать для указанных целей, не обращая полностью под земледельческую колонизацию. Для этой же последней цели могло бы быть использовано до 300 тысяч десятин земли западной части Сальского округа.

Бассейн реки Кубани.

Колонизация в бассейне Кубани может получить развитие в сравнительно крупном размере либо в равнинно-степных местностях (напр. Куго-Ейская степь) площадью до 70 тыс. дес., либо в районах заболоченных, так наз. плавневых, земель (около 200 тыс. дес.), либо, наконец, на бывших казенных землях, на северных склонах Кавказского хребта и его отрогов (по приблизительным подсчетам до 50 тыс. дес.).

Так как в степных районах тип хозяйства должен быть зерновой, с большим уклоном в сторону скотоводства, то по Кубанскому и Черноморскому районам нормы земельного наделения должны быть в целях создания мощных хозяйств несколько увеличены.

Отдельные участки плавневых земель, насколько осушение их может быть произведено без осуществления общего плана регулирования Кубани и мелиорации неудобных земель ее бассейна, могут быть мелиорируемы и заселяемы отдельными объединениями и группами земледельческого населения (мелиоративные товарищества).

Нагорная полоса пригодна лишь для образования скотоводческих хозяйств; поэтому для ее заселения должны быть выработаны особые правила с установлением рациональной скотоводческой нормы наделения и с отводом хотя бы незначительных количеств удобной земли в долинах для устройства усадеб.

Территория б. Ставропольской губ.

На обширных пространствах Туркменской и Ачикулакской территорий, в большей своей части используемых для скотоводческого хозяйства, в особенности для овцеводства, но обладающих также и площадями, пригодными для земледелия, устройство новых засельщиков на землях, остающихся свободными после отвода наделов местному населению, должно иметь в виду организацию земледельческо-скотоводческих, а в некоторых районах даже только скотоводческих хозяйств. Поэтому принятые в этих районах нормы наделения должны быть увеличены для земледельческо-скотоводческих хозяйств не менее, чем до 40—60 десятин, а для чисто скотоводческих до 100 — 200 и даже более десятин в зависимости от безводности района.

Нормы земельного обеспечения хозяйств в районах оазисного орошения, допускающих развитие трудоемких культур, должны быть значительно ниже норм земледельческих и могут ограничиваться в зависимости от местных условий даже немногими единицами десятин.

Так как Туркменские, Ногайские, Ачикулакские и другие смежные с ними пустынные и полупустынные районы до осуществления грандиозного проекта соединения Азовского и Каспийского

морей, судоходным и оросительным каналом могут снабжаться водой главным образом из артезианских колодцев, то, в целях сбережения и рациональной эксплоатации имеющихся запасов этой воды, использование артезианских вод должно производиться на основании особых правил, установленных в законодательном порядке.

Бассейн реки Терека.

Колонизация свободных земель в бассейне реки Терека, имеющихся как в низовьях в Кизлярском районе и пригодных для ценнейших культур, так и в Моздокском районе, используемых пока для зернового хозяйства и скотоводства и подлежащих по составлявшемуся ранее проекту правильному орошению паводковыми водами Терека,—должна быть поставлена в зависимость от осуществления плана урегулирования названной реки и целесообразного использования ее вод для орошения и получения дешевой энергии.

До развития техники возделывания засушливых земель и осуществления крупных гидротехнических работ в целях мелиорации пустующих пока площадей, последние должны служить для восстановления животноводства вообще, в особенности для овцеводства. К этому имеются все данные в засушливых районах Северного Кавказа, где население особенно хорошо знакомо с этой отраслью животноводства.

Такие земли должны сдаваться во временное арендное пользование как отдельных скотоводов и овцеводов, так и объединений их.

Территория б. Черноморской губ.

Совершенно обособленную задачу составляет колонизация Черноморского побережья, обладающего исключительным по ценности и весьма значительным колонизационным фондом. По климатическим условиям и рельефу местности основным занятием местного населения должно быть не полеводство, а виноградарство, садоводство, табаководство, скотоводство и различные промыслы и прежде всего лесной, при чем должны быть учтены и надобности курортного дела, будущее коего на побережьи неоспоримо, а также и особое значение побережной железной дороги. Принимая во внимание, что для освоения края требуются громадные средства, необходимо приступить к разработке особого плана колонизации

этого района, имеющего в виду интегральное развитие всех сторон хозяйственной жизни края.

В качестве меры, не терпящей отлагательства, следует указать лишь на необходимость скорейшего отвода земель уже осевшему на месте населению и выяснению свободного фонда.

Автономные области.

Также особо стоит вопрос об использовании свободных земель автономных областей Сев.-Кавк. края. Здесь в первую очередь надлежит поставить обследование свободного фонда Карачая и Кабарды и плавневых земель в Адыгее.

Обследованный и мелиорированный фонд этих областей должен быть в соответствии с общими началами политики, осуществляемой в отношении отдельных национальностей, использован в целях поземельного устройства местного населения.

ГЛАВА VI.

КАЗАКСКАЯ (Б. КИРГИЗСКАЯ) АСР.

ВВЕДЕНИЕ.

Дореволюционная земледельческая колонизация Киргизии и Туркестана, явившаяся в конце XIX века на смену предшествующей военно-стратегической и торгово-промысловой колонизации этих окраин, находилась в резком противоречии с задачами планомерного землеустройства местного коренного населения.

Озабоченная только усилением землеотводных работ в районах, пригодных для чисто земледельческого хозяйства, землевладельческая власть старого режима была не склонна к производству массовых исследовательских работ на окраинах в целях выяснения потребностей всего местного хозяйства в целом и наилучших способов ближайшего и всестороннего развития местных производительных сил. Она ограничивалась главным образом тем, что необходимо было непосредственно для выяснения так называемых «излишков» землепользования у коренного туземного населения в целях возможно более полного и быстрого изъятия последних под переселенческие участки. Экономические и национальные интересы туземного коренного населения грубо при этом попирались, результаты же дореволюционных исследований форм и условий хозяйства ныне автономных окраин оказывались в виде общего правила неполными, односторонними и колонизаторски тенденциозными.

Земельные и хозяйственные органы современных советских республик и областей, образованных теперь на территории Киргизии и б. Туркестана, до сих пор не располагают нужными научными и техническими силами и средствами исправить и пополнить результаты дореволюционных исследований, а тем более заменить их новыми на основании новых массовых и сплошных работ. Поэтому местное землеустройство до сих пор не имеет под собой

достаточно обоснованного и объективного базиса особенно ввиду того, что соответственный опыт коренной России для автономных окраин, ввиду своеобразия их земельного уклада, является совершенно неприменимым и неприемлемым. Установленный ныне принцип выявления в автономных республиках и областях свободных земельных фондов для всевозможных государственных надобностей лишь при условии предварительного обеспечения землей туземного коренного и вообще старожильческого населения, при отказе к тому же от начала полной и прямой централизации земельного управления, является достаточной, конечно, гарантией против возрождения прежнего колонизаторства и верным способом согласования земельных прав и интересов коренного населения с задачами общегосударственного планомерного развития производительных сил.

В таком разрезе колонизация, оказываясь не чем иным, как способом быстрейшего и всестороннего развития местных производительных сил в рамках общегосударственного плана путем организации местного хозяйства и восполнения местных ресурсов только недостающими элементами, уже не может явиться действием, способным хоть сколько-нибудь болезненно затронуть права и интересы аборигенов края. Напротив как чисто экономическое мероприятие, направленное на достижение положительных эффектов в интересах прежде всего местного населения, она может в будущем только приветствоваться всякими вообще окраинами.

Однако, поскольку современными объективными условиями колонизация Севера, Юго-Востока, Сибири и Дальнего Востока мыслится возможной и желательной в ближайшем будущем, а некоторых из этих областей даже и незамедлительно, — постольку к нижеописываемым районам, не изжившим еще контр-колонизационных настроений, колонизационная проблема ставится лишь в исследовательском разрезе.

Именно такая постановка вопроса в свое время подчеркивалась Госуд. колонизационным научно-исследовательским институтом [1], — особо подчеркивается она и здесь.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ СТРОЕНИЕ.

До октября 1924 года Киргизская республика с административным центром в г. Оренбурге обнимала собою общую площадь

[1] См. „Труды Гос. Колониз. Института“, М. 1924 г. Стр. 336 и след.

в 2,16 милл. кв. *км* (1,9 милл. кв. верст) и распределялась на 7 губерний и 2 района (без уездов—на правах губ. единиц).

Губернии и районы.	Кв. *км.*	(Кв. верст)	В %.
Оренбургская губ.	48 467	(42 586)	2,2
Букеевская „	78 547	(69 041)	3,6
Кустанайская „	120 792	(106 169)	5,5
Тургайский район	167 078	(146 860)	7,5
Уральская губ.	181 188	(159 253)	8,2
Актюбинская губ.	278 296	(244 172)	12,6
Адаевский район	292 219	(256 456)	13,2
Акмолинская губ.	500 495	(439 978)	22,7
Семипалатинская губ.	542 197	(476 612)	24,5
	2 209 279	(1 941 123)	100

Указанный территориальный состав Кирреспублики оставлял вне национального объединения еще значительное число киргизов, издавна проживавших на территории Туркестана. Новым размежеванием Средней Азии, состоявшимся 27 октября 1924 г. на II сессии ЦИК СССР, к Кирреспублике присоединен ныне обширный район, состоящий из большей части б. Сыр-Дарьинской и Джетысуйской областей, одного уезда б. Аму-Дарьинской обл. и части территории б. Хорезмской республики (две последних единицы объединены в автономную Кара-Калпакскую область) — всего площадью около 1 милл. кв. в., с населением свыше 2 милл. человек. Кроме того, в состав Кирреспублики передана из Алтайской губ. так называемая Керестелевская степь, с присоединением ее к Семипалатинской губ.

Таким образом в настоящее время Кирреспублика занимает громадную территорию площадью около 3,4 милл. *кв. км* (3 милл. кв. верст) с 6,5 милл. человек населения однородного национального состава.

ЕСТЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК.

В общем и целом, Киргизский край представляет собою огромную низменность, — лишь на северо-западе и юго-востоке с горными возвышенностями и незначительным, вследствие этого, в общем, количеством лесных насаждений. Климат края — резко континентальный при огромной испаряемости, местами во много раз превосходящей количество выпадающих, вообще незначительных, осадков (от 300 до 100 *мм*, с максимумом в летние месяцы, и лишь в пригорной части Джетысуйской обл.—800 и более *мм*).

В зависимости от климата, в пределах Киркрая могут быть выделены следующие почвенно-ботанические зоны:

1. Зона обыкновенного и южного чернозема (земледельческая), с южной ее границей на 51 и 52° с. шир., обнимающая собою дубово-березовую лесо-степь, северную половину ковыльных степей, с солонцами на юге, и горно-сопочный район на северо-востоке. 2. Зона светло-каштановых почв (полуземледельческая), сменяющая к югу первую с южной границей на 51, 49 и 49,5° сев. ш., с осадками от 300 и к югу и на восток — до 250, 200 и 150 *мм*, обнимающая полосу ковыльных степей и северную окраину полынных степей. 3. Зона бурых почв (менее 150 *мм* осадков — скотоводческая, с оазисным земледелием), с комплексами слабо солонцеватых, солонцеватых и солонцовых почв среди полынных степей, с высоким и ровным на юге пустынным плато «Усть-Урт» и Мугоджарской горной областью, а также с так называемой Зайсанской котловиной, где возможно поливное земледелие. 4. Переходная от бурой к серой зоне (скотоводческая) — песчано-пустынные пространства Прикаспийской области, область Приуральских песков. 5) Вертикальные зоны почв и растительности с преобладанием тайги и подзолистых почв на Алтае и горных ярусов на Тарбагатае (лесное хозяйство и пчеловодство), прорезывающие вышеупомянутые, простирающиеся горизонтально, зоны.

МИНЕРАЛЬНЫЕ БОГАТСТВА КРАЯ (ГЛАВНЕЙШИЕ).

Нефть, в пределах республики, залегает: в Прикаспийском районе (два крупных месторождения), в Эмба-Сагизском в 267 *км* (250 в.) от Ташкентской ж. д. и от Каспийского моря, в Прибалхашском и в Темирском районе в 64—120 *км* (60—120 в.) от Ташкентской ж. д. Общая площадь залеганий нефти—около 7 милл. дес.; изучено 55 отдельных месторождений площадью в 6 000 дес. нефтеносной земли. В первом районе оборудованы два крупных промысла. Развитию нефтедобывания мешают пустынность районов и несвязанность их путями сообщения с жел. дорогами и водными магистралями.

Уголь (каменный) сосредоточивается в восточной части республики (Акмолинской и Семипалатинской губ.). Особенно богаты углем Карагандинское месторождение, в 32 *км* (30 в.) от Спасского медеплавильного завода и в 197 *км* (185 в.) от г. Акмо-

линска (запас угля 4 914 млрд. *кг* (300 млрд. пудов), Экибастусское в 139 *км* (130 в.) от Павлодара (запас — 139 млрд. *кг* (8,5 млрд. пудов) и Кендерлыкское (близ г. Зайсана) — с запасом угля в 491 млрд. *кг* (30 млрд. пудов). Причины недостаточной, сравнительно, используемости — те же, что и для нефти.

Золото: в Южно-Алтайском районе, Кокчетавском, Оренбургском и Мугоджарском. Запасы — не поддаются точному учету, но среднее содержание: в 1 638 *кг* (100 пудов) породы — 170—191 *г* (20—25 золотников) золота.

Серебро-свинцовые руды обозначались более чем в 200 залеганиях,—главным образом в Каркаралинском уезде, Семипалатинской губ.

Полиметаллические руды: наиболее известные залегания Риддерское (цинк, свинец, медь и золото) в 85 *км* (80 в.) от Усть-Каменногорска и Зырянское (цинк, свинец, медь и серебро) в 128 *км* (120 в.) от Усть-Каменногорска.

Медь встречается почти во всей Киргизии, и особенно часто в Акмолинской губ. (Спасские медные промыслы).

Соль, по количеству запасов и месторождений, занимает первое место среди полезных ископаемых края, сосредоточиваясь главным образом в самосадочных озерах. Главные из них: Куули (в Адаевской губ.)—327,6 млрд. *кг* (20 млрд. пуд.) и Индерское (Уральской губ.) — 24,5 млрд. *кг* (1,5 млрд. пуд.). Среди месторождений каменной соли — Илецкий промысел, разрабатывающий лучшую в Европе соль. Ее запасы — не менее 819 млрд. *кг* (50 млрд. пуд.).

Кроме перечисленных, в крае немало и других полезных ископаемых, еще недостаточно разведанных: бурого угля, горючего сланца, асфальта, торфа, графита, железа, марганца, олова, хрома, вольфрама, асбеста, разных глин и драгоценных камней.

ВОДООБЕСПЕЧЕНИЕ.

Киргизская республика в общем очень бедна водою. Крайне незначительное количество внутренних вод вообще (Каспийское и Аральское моря, и реки Урал, Тобол, Ишим и Иртыш, Сыр-Дарья, Чу и Или и из озер—Балхаш) и ограниченный запас грунтовых (весьма пестрых по составу) делают здесь водный вопрос основным, от разрешения которого зависит, в частности будущее основной отрасли местного хозяйства — сельского. Киргизский

кочевой быт в значительной степени обусловливается недостатком воды, и систематическая работа по водоснабжению—единственное средство овладеть огромнейшим земельным простором края (всего 13% площади эксплоатируется теперь по земледельческому и полуземледельческому районам).

В свое время были разработаны проекты орошения и обводнения отдельных площадей (шлюзование Темира, вывод воды из Иргиза, Тургая, Тобола, Ишима и Нуры, устройство в разных местах водохранилищ, котлованов, организации увлажнительных и оросительных (р. р. Чу и Или) работ и т. п.), но все они и по сию пору не осуществлены. Между тем в этом—будущее Республики.

ПУТИ СООБЩЕНИЯ.

Единственная судоходная река в пределах Кирреспублики—Иртыш, р. р. Сыр-Дарья и Или—не судоходны; морское сообщение—только по Каспийскому морю от Гурьева до Астрахани.

Грунтовых дорог—свыше 4 264 *км* (4 000 верст); их значение при современных экономических условиях—ничтожное.

Железные дороги: Сибирская (незначительный захват территории Петропавловского уезда), Покровско-Уральская, Оренбург-Ташкентская (с линией Арысь-Пишпек) и подъездная ветка Экибазтузская.

В общем и целом наличных путей в республике более чем недостаточно. Огромнейшие ее территории (все пространство к востоку от Ташкентской ж. д.) остаются вне связи с экономическими центрами и рельсовой сетью РСФСР, сельское хозяйство и промышленность в этих районах обречены поэтому на бесславное, вопреки естественным ресурсам, существование, оросительные мероприятия бесцельны,—выхода к наличным излишкам хлеба не имеется. Поэтому будущее Киркрая, в равной с водообеспечением степени зависит от проложения новых железнодорожных линий и комбинирования их с водным транспортом и организацией различных сторон хозяйства.

Общеизвестны и неотложны в осуществлении следующие проекты новых железнодорожных линий по территории КССР:

а) Южно-Сибирской магистрали (Орск—Акмолинск—Павлодар—Славгород—Барнаул)—1 972 *км* (1 850 верст);

б) Славгород—Семипалатинск и далее на Алмаату (Джетыс. обл.)—1 512 *км* (1 415 верст);

в) Петропавловск—Кокчетав, 225 *км* (220 в.) — строится; далее до ст. Щучьей.

г) Акмолинск—Спасский завод, 272 *км* (255 в.);

д) Александров Гай—Эмба;

е) Кустанай—Кокчетав;

ж) Семипалатинск—Буран;

з) Кокчетав—Акмолинск—Спасский завод и

и) Семипалатинск—Алмаату (Верный).

Значение всех этих линий и каждой в отдельности очевидно без пояснений.

НАСЕЛЕНИЕ.

(По данным демограф. и сел.-хоз. переписей 1920 г.)

Население Казакской республики, в отношении распределения его по губерниям, национальному составу и плотности, может быть представлено следующей таблицей:

Губернии	Общее колич. нас. в тыс. душ	Плотн. нас. на 1 *кв. км*	% сельск. населения	% киргизск. населения	% великороссов и украинц.	% прочих национальн.
Оренбургск.	775,1	17,4	80,6	3,5	84,7	11,8
Актюбинск.	456,1	1,8	93,7	74,2	24,1	3,7
Кустанайск.	450,6	4,0	95,3	39,2	55,4	5,4
Тургайск.	88,6	0,6	99,1	99,9	0,1	—
Букеевская	241,5	3,5	98,5	94,5	4,7	0,8
Уральская	519,7	3,1	89,0	58,1	29,2	8,7
Акмолинск.	1 219,9	2,7	95,4	39,1	56,8	4,1
Семипалат.	1 084,8	2,2	90,8	58,1	40,0	1,9
Адаевская	101,4	0,3	98,7	98,2	1,6	0,2
По КССР.	4 938,3	2,5	91,7	50,3	45,6	4,1

По отошедшим только что к Киркраю областям б. Туркестана население может быть определено более или менее точно лишь по Джетысуйской обл. (966 тыс. жителей, при плотности в 2,7 человек на 1 *кв. км* и при 25% русского населения) и отчасти по

б. Сыр-Дарьинской обл. (соотв. цифры: 1 055—4,3—8,3%); в общем, как указано выше, население современного Киркрая составляет свыше 6 милл. душ обоего пола, при 3,5 милл. человек собственно киргиз.

Из данных вышеприведенной таблицы усматривается прежде всего крайне незначительная в общем степень заселенности края,—тем в общем меньшая, чем южнее и западнее простирается его площадь, в южной и юго-западной своей частях пригодная только для скотоводства. Весьма резко колеблется плотность населения и в пределах губерний, по тем же естественным условиям, предопределяющим характер занятий жителей: так, в Орском, наиболее южном, а значит и менее удобном для земледелия, уезде Оренбургской губернии, плотность населения всего лишь 7,6 человек на 1 *кв. км*, тогда как в Каширинском, той же губернии,—25,9, в Челкарском у. Актюбинской губ.—0,7, в Акбулакском—5,6 и т. д. Наименее населен Адаевский район—0,3 человека на 1 *кв. км.* Во всех губерниях, кроме Оренбургской, есть буквально пустынные пространства. Общий характер заселенности края диаметрально противоположен Сибирскому: здесь население тем менее сгущено, чем дальше лежат соответствующие местности от сибирской магистрали к югу и западу. На густоту населения республики, как и Сибири, оказал свое решающее влияние колонизационный поток, двигавшийся сначала по водным, а затем по железнодорожным артериям.

В целом, по КССР, городское население составляет лишь 8,3% (преобладают великороссы—72,8%). Остальное — сельское (оседлые, полуоседлые и кочевые земледельцы, преобладают киргизы—50,3%). Преобладающая вообще нация в республике—киргизы. Но, тогда как в южных и юго-западных губерниях киргизское население преобладает абсолютно (99,9%, 98,2%, 94,5% и т. д.)—в северной и восточной частях республики, в черноземной главным образом зоне, русского населения значительно больше (84,7%, 56,8%, 55,4%). Это явление—результат колонизации края.

КОЛОНИЗАЦИЯ КИРГИЗИИ В ПРОШЛОМ.

Первые шаги русских в Киркрае носили характер военной колонизации — казачьих поселений — и имели место лишь в XVIII в., когда были построены Омск, Семипалатинск и Усть-Каменногорск, и когда была создана так называемая Пресногорь-

ковская линия от креп. Звериноголовской через Петропавловск на Омск, «для обороны от нападений кочевников». В 1763 году было приступлено, по указу, к заселению местностей по р.р. Иртышу и Бухтарме в целях обеспечения содержания гарнизонов местных крепостей, но действительно значительная, количественно, колонизация края русским элементом началась лишь после 1861 года, когда, и по отдельным законоположениям, и главным образом самовольно, в Киркрай, а также в Семиречье и в Сыр-Дарьинскую область двинулось южное ответвление сибирской переселенческой волны. В частности в б. Акмолинскую область таким порядком вселилось по 1890 год до 15 000 человек, еще большее движение обнаружилось в районе Кустаная. В значительном большинстве случаев это вселение носило неорганизованный характер: правительство придавало ему тогда небольшое значение, и переселенцы устраивались так или иначе обычно либо на договорных началах с киргизами, либо просто на «свободных», по первому впечатлению, землях. Понятно, что это не могло не вызвать множества недоразумений, и вслед за разрешением к постройке Сибирской железной дороги изданы были и правила образования переселенческих участков (1893 г.)—в частности для Киркрая и Туркестана, согласно коим переселенческие участки могли образовываться здесь только на «излишках» туземного землепользования[1]).

---

[1]) Несколько иную, хотя в общем сходную с вышеприведенной, картину представляет собой история колонизации б. Сыр-Дарьинской обл. и Семиречья. Здесь в результате военных операций против кокандцев к началу шестидесятых годов XIX столетия учреждается в составе указанных областей Туркестанское генерал-губернаторство (впоследствии распространившееся на всю Среднюю Азию), при чем первые русские поселения в Семиречьи возникли еще ранее—из самовольно спустившихся туда сибирских казаков (к 1867 г.—до 11 000 ч.), составлявших ядро так называемого Семиреченского казачьего войска. С 1868 г. в Семиречьи, по вызову, поселилось около 3 000 семей русских крестьян—общим числом свыше 15 тыс. чел. — главным образом в Ташкентском уезде. На-ряду с этим там же было поселено около 60 000 дунган и таранчей из Китая. Часть двигавшихся в Семиречье переселенцев стала в семидесятых годах оседать и в Сыр-Дарьинской области, и в разных уездах последней до 1905 г. возникло в общем несколько десятков поселков, вплотную врезавшихся в лучшие земли туземного населения. Беззастенчивое при этом отношение русских засельщиков (конечно при попустительстве местных властей) оказалось при этом настолько ярким, что даже сам генерал-губернатор Туркестана счел необходимым приостановить колонизационный процесс и в 1897 году закрыл своим приказом дальнейшее вселение извне в пределы края.

В целях подведения под исчисление таких излишков экономической базы, была организована специальная экспедиция (Ф. А. Щербины), установившая в течение 5 лет по 12 освоившимся русским уездам Киркрая приблизительные нормы для киргизского землепользования в отдельных местностях (от 150 до 550 дес. на кибитку) в качестве норм ограждения существующих форм хозяйства и констатировавшая затем факт перехода некоторой части киргиз на оседлость. В результате работ этой экспедиции было вычислено, что для 106 тыс. киргизских хозяйств должно было быть им оставлено 17 милл. дес., а остальные 18 милл. дес. киргизской территории—отойти под «излишки».

Несмотря на то, что за 13 лет работ по нарезке, по правилам 1893 г. и по нормам Щербины, переселенческих участков в Киркрае, земли под переселение было отведено лишь не более 25% исчисленных «излишков» (3,8 милл. дес.—на 400 000 душ),—киргизы не оказались довольны таким «изъятием», так как, хотя изменившиеся, с проведением железных дорог и русской иммиграции, экономические условия и понижали действительную потребность киргиз в земле, делая пастушеское ее использование в земледельческом черноземном районе заведомо нецелесообразным, тем не менее землеотводный пресс переселенческих партий нажимал и слишком сильно и скоро, буквально разоряя тех, кто по бедности или некультурности, не успевал приспособить свое хозяйство к новой обстановке.

После 1905 г. переселенческое движение, как известно, резко увеличилось, и правительство, считая нормы Щербины чрезмерными, организовало новое обследование степных областей (Кузнецова), выяснившего новый «сдвиг» киргизского хозяйства в сторону земледелия и возможность теперь уменьшения норм «оставления» (до 50—350 дес. на хозяйство) и увеличения соответственно «излишков».

Вслед за этим, и по 1915 год, в Киркрае—уже на новых основаниях было отведено под переселение до 13 милл. дес. земли, на которой устроено в общем около 2 милл. чел. переселенцев из России, оттеснивших северную линию Киргизских степей значительно к югу (примерно Уральск—Илецк—Орск—Атбасар—Павлодар), значительно изменивших уклад жизни аборигенов края и вызвавших окончательное крушение кочевого земледелия во всей черноземновидной и темно-каштановой почвенных полосах Киркрая.

Семиречье, управлявшееся по одинаковому с Киркраем Степному положению, подверглось значительно меньшему (сравнительно) освоению (за десятилетие здесь получило устройство наряду с самовольцами—67 446 д. муж. п. при официальной закрытости края с 1897 по 1910 г. для переселенцев), что же касается Сыр-Дарьинской области, то после производства аналогичных с Киргизией обследований на предмет излишков—здесь было водворено свыше 20 тыс. человек.

Переселенческим управлением, получившим с 1905 г. все дело колонизации окраин в свои руки, одновременно с форсированным темпом землеотводных работ, ассигновывались крупные средства на общеполезные надобности переселенцев, строились школы и больницы, организовывались склады с.-х. орудий, строились колодцы. На-ряду с устройством собственно российских переселенцев, за десятилетие 1906—1915 гг. было отведено свыше 3 милл. дес. земли специально под участки переходящих к оседлости (подразумевалось «добровольно») одновременно с изъятием излишков для переселенцев киргиз. С внешней стороны это являлось как бы заботливостью переселенческого ведомства, по существу же переход к оседлости, неизбежный при колонизационных работах, для недостаточно богатых киргиз—являлся мучительнейшей экономической операцией.

При всем том в общем и целом русской колонизацией собственно Киркрая, Семиречья и Сыр-Дарьинской обл. было создано много трудно учитываемых ценностей. Однако ею же, благодаря слишком скорому темпу и заведомому, если не экономическому, то культурно-политическому пренебрежению к «инородцам» по прежней терминологии [1]), было положено основание и к трудно забываемой неприязни туземцев к колонизатору. Отсюда—контр-колонизационное настроение киргизского населения после революции.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Основным экономическим стержнем Казакской республики является сельское хозяйство. Им занята, как мы видели, значительная часть населения края, при чем здесь представлены две

---

[1]) Весьма интересен в этом отношении по своим предпосылкам так называемый Киргизский бунт 1916 г., возникший по поводу призыва киргизов к трудповинности на германском фронте. До 1,5 милл. киргизов ушло в результате в Китай.

основных системы этого хозяйства: зерновая и скотоводственная. Между той и другой наблюдается переходная форма, с уклоном либо к земледелию, либо к скотоводству.

Грубо, вся территория республики (без вновь присоединенной территории) может быть разбита на следующие сел.-хоз. районы:

Районы	Площадь районов		Число хоз. душ о. п. в тысячах		Плотность населения на 1 *кв км.*
	В тыс. *кв. км* (кв. верст)	В % к целому	В %	%	
Земледельческий .	441 (387,4)	20	454,5 / 53,0	2 569 / 56,8	6,6
Полуземледельч. .	410 (360,3)	19	183,1 / 21,3	886 / 21,3	2,5
Скотоводческий . .	1 358 (1 193,4)	61	219,8 / 25,7	1 070 / 23,6	0,9
По КССР. .	2 209 (1 941,1)	100	857,4 / 100	4 526 / 100	2,3

Таким образом, большая часть республики занята скотоводческим районом; основная масса населения (56,8%) сосредоточена в земледельческом районе. Значение земледелия отсюда очевидно. Велик также удельный вес скотоводческих хозяйств (25%).

Чисто земледельческой является губерния Оренбургская. Тургайский и Адаевский районы, наоборот, целиком входят в скотоводческую зону. Прочие губернии заключают в себе территории всех трех районов, за исключением Букеевской и Кустанайской: в первой отсутствует скотоводческий район, а во второй—земледельческий.

В нисходящем, по земледелию, порядке все, кроме Оренбургской, Тургайской и Адаевской, губернии располагаются так: Кустанайская (79% земледельческого промысла), Акмолинская (58%), Актюбинская (48%), Уральская (44%) и Семипалатинская (44%)—закономерность естественно географического характера: чем дальше к югу и к юго-востоку, тем меньше развито земледелие. Во вновь присоединенной к Киргизии части лишь не-

значительный процент территории охвачен земледелием (8 и 6%)— по преимуществу поливного характера. Наибольшая, относительно, масса хозяйств земледельческих районов приходится на Акмолинскую губ. (26%); за ней следуют Оренбургская и Семипалатинская. В этих трех губерниях сосредоточивается 2/3 хозяйств земледельческого района.

Относительные размеры полуземледельческих районов во всех губерниях более или менее одинаковы: они обнимают и территориально и количественно от 21 до 37%. По количеству хозяйств—в полуземледельческих районах резко выделяется Акмолинская и Семипалатинская губернии (55,8% всей массы хозяйств этих районов).

Скотоводческие районы в большинстве губерний занимают преобладающие, по размерам, территории: в Актюбинской и Акмолинской губ.—по 58% территории, в Букеевской — 80, в Семипалатинской—57%, в Джетысуйской—60 и в Сыр-Дарьинской—70%; даже в Уральской губ., с значительным числом русского населения—40%. Количество хозяйств скотоводческих районов этих губерний в отношении к общему по губернии колеблется между 19 и 31%, за исключением Букеевской, где их 63%. Относительно большее число хозяйств скотоводческих районов приходится на Семипалатинскую и Акмолинскую губернии, а также на Джетысуйскую и Сыр-Дарьинскую области.

Следующая таблица даст характеристику состояния главнейших элементов сельского хозяйства, с учетом национального признака, в принятом районном делении.

Районы	В тысячах.			
	Количество хоз-в / В том числе киргизских	В том числе с посевом	Десятин посева	Голов скота
Земледельч.	454 / 58	411 / 51	3 030 / 235	5 963 / 682
Полуземлед.	183 / 180	129 / 128	256 / 255	2 635 / 2 627
Скотоводческ.	219 / 216	20 / 19	14 / 14	4 493 / 4 546
По КССР	857 / 454	561 / 198	3 300 / 504	13 192 / 7 866

Эта таблица, основанная на данных губерний без вновь присоединенной части, достаточно, однако, характеризует общую, по современной Киргизии, картину. Из ознакомления с ней оказывается, что в земледельческом районе почти все хозяйства с посевом (90,5 %), в полуземледельческом около трех четвертей (70,9 %), а в скотоводческих—менее одной десятой (9,2 %); в целом по КССР земледельческие районы сосредоточивают в себе почти всю (91,9 %) посевную площадь, полуземледельческие—(7,7 %)—одну четырнадцатую, скотоводческие—менее одной сотой всего посева (0,4 %).

В подавляющем большинстве случаев хозяйство земледельческого района есть хозяйство русское (87,2 %); напротив, в других районах полностью преобладают киргизы. Между прочим, весьма характерно, что киргизское население в 52,6 % от всего количества киргизских хозяйств проживает в земледельческом районе, где средний % сеющих хозяйств—89; вообще же киргизы дают в общем 43,6 % сеющих хозяйств: признак глубокого проникновения земледелия в массу бывшего кочевого населения; естественно, однако, при этом, что, тогда, как русские засевают на одно сеющее хозяйство 7,7 дес., киргизы 2,55; в земледельческом районе эта последняя средняя норма повышается до 4,63 дес. В общем, киргизское население тех местностей, которые пригодны для зерновой культуры, на 3/4 втянуто в земледелие. Средняя урожайность республики: пшеницы—1,147 *кг* (70 п.), овса, ржи и проса—983 *кг* (60 пуд.) с дес.

Главная масса скота (45,2 %) падает на земледельческий район; скотоводческий заключает в себе 34,8 %, остальные 20 %—на полуземледельческий. Средняя обеспеченность скотом на 1 хоз.: в земледельческом районе—13,1 гол., в скотоводческом—20,9.

В общей массе киргизское хозяйство не было в 1920 г. богаче скотом, чем русское; последнее в среднем имеет на хозяйство 13,2 гол., киргизское—17,3. В этом постепенном разрушении киргизского скотоводства и кроется причина перехода его к земледелию.

Переводя затем данные о посевной площади, о % сеющих хозяйств и соотношении отдельных культур на административное деление республики (до октября 1924 г.), получаем следующую таблицу.

Губернии	Всего дес. посева в тысячах	% к другим губерниям	% хозяйств с посевом	В % к посевн. площ. губ.				
				Рожь	Пшено	Овес	Ячмень	Просо
Оренбургская	659,1	20,0	90,2	6,6	74,2	9,7	4,0	3,1
Актюбинская	364,9	11,1	62,8	2,5	58,9	4,4	9,9	22,4
Кустанайская	569,9	17,2	93,1	0,3	73,4	15,7	6,2	1,7
Тургайская	2,2	0,1	13,9	6,5	77,7	1,4	1,8	18,6
Букеевская	22,6	0,7	15,4	22,0	75,1	0,2	0,3	1,1
Уральская	136,0	4,1	45,5	3,6	50,9	2,9	5,6	34,3
Акмолинская	821,5	24,8	71,1	0,3	67,3	23,8	5,6	0,4
Семипалатинск.	719,4	21,8	65,5	0,0	66,3	20,5	4,4	4,7
Адаевская	5,1	0,2	16,8	—	58,6	—	—	40,2
КССР	3 300,7	100	64,6	2,2	67,2	15,7	5,5	6,0

Первые три графы особых пояснений не требуют—выводы из них слишком очевидны; что же касается распределения главнейших (96,6%) культур, то оно ясно определяет абсолютно преобладающую систему полеводства республики при низком, сравнительно качестве и недостаточности сельскохозяйственного инвентаря (20% посевщиков, главным образом киргизы, его не имеют): залежно-переложную, переродившуюся в иных местах в бессистемное пестрополье. Учитывая возможность впоследствии рационализировать севообороты и то, что в земледельческом районе в среднем эксплоатируется лишь 22% его площади (устроенный посев), а в полуземледельческом—2%, и что таким образом расширение посева до пределов хотя бы Оренбургской губ. (49% территории) повысит первый из указанных процентов вдвое, а второй в 25 раз,—перспективы земледелия по республике надо признать колоссальными.

Совершенно особое место в земледельческих перспективах Киркрая занимают вновь присоединенные к ней области: Сыр-Дарьинская и Джетысуйская. Семиречье и прилегающие к нему уезды Сыр-Дарьинской области, это—естественный район зерновых

хлебов и скотоводства, и если избытки сельского хозяйства центральной и северной частей Киргизии получат своим назначением экспорт в Европу, то хлеб и мясо вышеназванных областей должны будут естественно потечь на юго-запад, в хлопковые районы. Еще до революции Комиссия о новых железных дорогах определила только один хлебный излишек в районе ныне строящейся железной дороги Арысь—Алмаата (Верный) в 459 милл. *кг* (28 милл. пудов). Привоз оттуда хотя бы 328 милл. *кг* (20 милл. пудов) в коренной Туркестан даст возможность обратить под хлопок новые 400 000 десятин, а вообще южной полосе Туркестана—возможность заняться свойственными ей ценными культурами, не заботясь о продовольствии.

При плодородии семиреченских и прилегающих к ним почв (урожайность их выше Кубанского чернозема), при постройке в подлежащих районах оросительных систем (в районе, напр., рр. Чу и Или) и при окончании проведения вышеназванной железнодорожной линии с соответствующим, конечно, уплотнением населения вдоль этой последней указанные перспективы приблизятся к реальности. В значительной степени это—дело советской колонизации.

Вышеприведенные общие данные о сельском хозяйстве Киргизии относятся в большей их части к 1920 году. Следующие два года—годы голода, повлекшие за собой огромные изменения. Эти изменения сводятся, в общем, к следующему:

1. По разным причинам (смерть, эмиграция и т. п.) убыло по КССР до 14% всего числа хозяйств (до 700 000 чел.)—более всего по Кустанайской (26,2%), Оренбургской (22,3%) и Актюбинской (20,2%) губерниям, наиболее ценным в с.-х. отношении. Наименее пострадали из сеющих губерний Джетысуйская и Семипалатинская, имеющие хлебные, невывозимые за слабостью транспорта, излишки.

2. Посевная площадь по КССР уменьшилась на 1,5 милл. дес., т.-е. на 50,6%. Посевщиков убыло 12%—исключительно в земледельческом районе. В прочих количество посевщиков увеличилось и особенно в скотоводческом районе (с 9,2% до 23,9%) [1]. Средний размер посева на 1 хозяйство уменьшился повсеместно кроме Уральской губ. (повышение на 28,6%).

---

[1]) Нужно полагать, явление временное.

3. Посев пшеницы с 67,2% упал до 46,9%. Просо, наоборот, выросло с 6 до 22,9%.

4. Убыль скота измеряется в 43,9%; более всего в земледельческом районе (52,9%). По отдельным видам скота наибольшие разрушения потерпело свиноводство (77%), затем крупный рогатый скот (45,7%) и, наконец, лошади (43,5%).

Когда именно оправится от этого несчастия Киргизский край— сказать, конечно, трудно. В 1923 году некоторое улучшение последовало, но коренного и быстрого восстановления и развития сельского хозяйства—соответствующего общеэкономическим запросам республики, можно ожидать лишь на почве широкого прилива сюда капитала, хотя бы иностранного, и крупных, количественно и качественно, организаторских сил.

РЫБНОЕ ДЕЛО.

Волго-Каспийский район, в части, отошедшей к КССР, давал в 1910—1911 гг. разной рыбы около 16 милл. *кг* (1 милл. пуд.)—на 3 с лишним милл. руб. Расчет этот в отношении дальнейших возможностей приуменьшен: нормальная годовая продукция района должна быть определена не менее, чем в 65,5 милл. *кг* (4 милл. пуд.). Современный улов, по сравнению с этим, ничтожен, и для правильной постановки дела необходим крупный капитал.

Аральский район может дать до 49 милл. *кг* (3 милл пудов) рыбы. Положение аналогично первому району.

Иртыш-Балхашский район в состоянии предъявить не менее 8 190 тыс. *кг* (500 тыс. пудов). Стоимость улова—2—2½ милл. руб.

Внутригубернские районы в общем емки до 9 828 т. *кг* (600 тыс. пудов) рыбы.

Несомненно, рыбной промышленности предстоит большое будущее. Рыба сможет помочь развить в Киркрае скотоводческое хозяйство.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Промышленность Казакстана—как добывающая, так и обрабатывающая—не достаточно развита. Причины—малая населенность и незначительная обеспеченность края путями сообщения. Главные виды промышленности:

Горная и горно-заводская—27 предприятий (действующих—7). Наибольшее значение имеет каменноугольная промышлен-

ность (Экибастус и Карагандинские копи) и соляная (Илецкие копи). Современная производительность первых—33 милл. *кг* (2 с лишним милл. пуд.), вторых—21 милл. *кг* (1,3 милл. пуд.). Нефти (Эмба) добыто в 1922 г. 133 милл. *кг* (8,1 милл. пуд.).

Обрабатывающая промышленность представляется главным образом кожевенным производством (161 предприятие, из них действуют 16) производительностью до 60 000 кож и 40 000 овчин. Остальные виды обрабатывающей промышленности развиты сейчас мало.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Итак, мы видели, что проблема экономического возрождения и развития Казакской республики упирается по всем отраслям в проблему привлечения сюда организационных сил и капитала прежде всего для постройки железнодорожных линий, для мелиорации и рационализации затем и вширь и вглубь существующих производств.

Если бы при всех данных условиях к этому делу мог быть привлечен достаточный государственный и частный капитал (концессионный), то этим в значительной степени разрешилась бы и проблема колонизации Казакстана. Проекты возможных здесь и допустимых концессий уже предначены комиссией тов. Ломова[1]), с основным объектом—постройкою южно-сибирской магистрали,—и таким образом любые комбинации здесь легко могут получить осуществление. Иных реальных путей к быстрому и всестороннему оживлению края пока не имеется.

Что же касается собственно земледельческой колонизации края, которая, вообще говоря, имеет здесь колоссальные перспективы, то таковая должна будет, очевидно, пойти в Казакской республике совершенно иным, чем то имело место раньше, путем.

А именно, ввиду того, что по земельному кодексу этой республики выявление участков для нового заселения может иметь место, по почину землеустроительных учреждений, лишь попутно с землеустройством кочевого, полукочевого и полуоседлого населения по особым нормам, устанавливаемым для отдельных районов в зависимости от естественных условий и степени перехода населения от чисто кочевого быта к полукочевому и оседло-земледельческому (ст. ст. 168 и 170), то очевидно, что при пересеченности всех

---

[1]) Объекты концессий Западной Сибири. М. 1922 г. Стр. 33—54.

видов этого быта по всем губерниям края только степенью осуществимости в данное время такого землеустройства и обусловливается возможность соответственного уплотнения Казакской республики—прежде всего, конечно, туземным же элементом. Особую при этом задачу составит забота о восстановлении и развитии рационализированного киргизского скотоводства.

Во всяком случае ясно, что в ближайшие годы, если на то не последует прямого волеизъявления киргизского пролетариата, внедрения на территорию последнего иноплеменного элемента не последует.

ГЛАВА VII

СРЕДНЕАЗИАТСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РАЙОН.

ПРИРОДА И ЕСТЕСТВЕННЫЕ БОГАТСТВА.

Русский Туркестан расположен между 48°25′ и 35°18′ сев. шир., 19°52′ и 52°43′ восточн. долготы, представляя неправильный многоугольник, вытянутый с запада на восток почти на 2 560 *км* (2 400 верст) и с севера на юг на 1 493 *км* (1 400 в.). Занимая обширную территорию в 2 024 503 *км* (1 778 618 кв. в.), Туркестан в политическом отношении до октября 1924 года разделялся на три республики: Туркестанскую ССР с территорией 1 745 271 *км* (1 524 756 кв. в.), Бухарскую ССР—223 577 *км* (196 507 кв. в.) и Хорезмскую ССР—65 293 *км* (57 346 кв. в.). Согласно волеизъявлению народов, населявших эти многонациональные республики, и постановлению II сессии ВЦИК СССР о национальном размежевании, на территории означенных республик образовались:

1) Союзная Узбекская ССР, занявшая значительную часть территории ТССР, БССР и небольшую часть ХССР. В нее входит АСС Таджикская республика. Она захватывает часть Восточной Бухары, часть Самаркандской области и Памир.

2) Союзная Туркменская ССР, занявшая территорию б. Туркменской области ТССР и часть БССР и ХССР.

3) Автономная Киргизская область, входящая непосредственно в РСФСР и расположившаяся на части территории б. Ферганской и Джетысуйской областей ТССР.

Кроме того части б. Сыр-Дарьинской и Джетысуйской областей, населенные по преимуществу казак-киргизами, вошли в состав АСС Киргизской республики. За отсутствием в данное время у этих новых государственных образований точно установленных государственных границ и избранных политических центров, не представляется возможным определить их территории, а следовательно и основные народно-хозяйственные элементы, к ним приученные.

Узбекская Союзная ССР будет иметь около 5,5—6 милл насел. Туркменская Союзная ССР—1 100 чел., Каракиргизская авт. обл. 650—800 тыс. чел. и Таджикская АССР — около полумиллиона [1]).

С севера Среднеазиатские республики и автономные области граничат с Киргизской АССР, с востока с Китаем—на протяжении 2 283 *км* (2 140 верст), с юга с Афганистаном и Персией, при чем граница с первым из названных государств тянется на протяжении 1 848 *км* (1 732 вер.) и со вторым — 1 031 *км* (966 вер.), наконец, с запада с внутренней союзной границей—Каспийским морем.

В целом Туркестан представляет обширную низменность, окруженную поясом незамкнутых гор, поднятую в среднем на северо-востоке на 365 *м* (1 200 ф.) и спускающуюся к Каспийскому морю на 25 *м* (83,3 ф.) ниже уровня океана. Окружающее эту низменность с северо-востока, юго-востока и юга кольцо гор представляет все более и более мощные поднятия, от незначительных горных цепей на северо-востоке до величайших горных массивов и пиков на юго-востоке и юге. На низменность падает около ³/₄ и на горы около ¹/₄ всей поверхности, и, несмотря на все морфологическое различие типов устройства поверхности Туркестана, он может быть разделен все же на два основных—равнинный и горный Туркестан. Представляя обширную область без стока к океану, Туркестан являет ландшафт сухой страны, где главным агентом, формирующим поверхность, является ветер.

Хребтом Кара-Тау Туркестан делится на два обширных бассейна—Аральский и Чу-Балхашский. Последний в свою очередь Чу-Илийскими горами подразделяется на два более мелких бассейна—Чу-Таласский и Алакаль-Балхашский. Обширные, необъятные пустыни, с вкрапленными там и сям оазисами, наполняют равнинный Туркестан. Начиная с Усть-Урта, занимающего 171 0000 *кв. км* (150 000 кв. вер.) на западе, тянутся на восток песчаные, местами солончаковые, местами каменистые среднеазиатские пустыни: Кара-Кумы 285 000 *кв. км* (250 000 кв. вер.), Кизиль-Кумы 241 000 *кв. км* (300 000 кв. вер.), Приаральские Кара-Кумы, Муюн-Кумы, Сары-Ишик-Отрау, представляющие со-

---

[1]) Настоящая глава составлена в период, предшествовавший оформлению национального размежевания Средней Азии.

бою отдельные, более крупные пятна великой пустыни. Вступая в кольцо гор, эти пустыни переходят в предгорные степи и долины, являющиеся лучшими культурными уголками Туркестана, как, например, Ферганская долина, ограниченная Чаткальским, Ферганским и Алайским хребтами. Замыкающее Туркестан кольцо гор распадается на четыре горных системы—Тарбагатайскую, Тяньшаньскую, Памиро-Алайскую, Копет-Даг-Гиндукушскую, хребты кои, расположенные по преимуществу в широтном направлении, представляют в отдельных пиках высочайшие точки в СССР над уровнем океана. Так, в Тяньшаньской системе в хребте Терскей Алатау Хан-Тенгри—6992 *м* (22 940 ф.), пик Кауфмана в Заалайском хребте — 7 140 *м* (23 423 ф.), высшее поднятие высокогорных плато Памира в системе Сарыкольского массива — 7 630 *м* (25 030 ф.).

Климат Туркестана может быть сведен к следующим районам: а) район пустынь (100—250 *мм* осадков), характеризующихся жарким летом (до 45°) и сравнительно холодной зимой (до —30°) с крайне резкими годовыми амплитудами (от 20 до 40°), б) район степей и предгорий (250—500 *мм* осадков), с теми же характерными особенностями и в) горная область (более 500 *мм* осадков) с самыми разнообразными температурными колебаниями. В общем и целом, климат Туркестана, в значительной мере определяющийся рельефом местности,—особенно благоприятен для сельскохозяйственных культур, основным препятствием для развития которых является лишь необыкновенная сухость климата и чрезвычайно сильные испарения. В некоторых, например, местах Туркестана (Петро-Александровск) за год выпадает лишь 65 *мм* осадков, тогда как испарение превышает это количество почти в 36 раз. При таких условиях приемы обычного земледелия здесь, по общему правилу, неприменимы, и основа всего сельскохозяйственного промысла в Туркестане—искусственное внесение воды в почву, т. е. орошение. Вода есть основа всего местного хозяйства, с давних еще времен санкционированная шариатом (писаный мусульм. закон) и адатом (обычаем). Климат Туркестана предопределяет как общее направление местного народного хозяйства, так и основные культуры сельского хозяйства. В основе последнего лежит культура хлопка. В северных степях Джетысуйской области, на предгорьях и на горных плато Ферганской есть возможность сеять зерновые хлеба и без искусственного орошения (зимние запасы влаги и дожди), но подобные посевы (богара) не являются га-

рантированными и по ценности не могут сравниться с поливными культурами.

Горизонтальная и вертикальная (в зависимости от рельефа) зональность почв Туркестана позволяет разбить их на: 1) область глинисто-щебневых плато, 2) зону песков, 3) область пустынно-степных равнин с светло-бурыми почвами и сероземами, 4) область гор с полосами: а) каштановых почв, б) горных черноземов, в) альпийских лугов. Характерные лессовые почвы Туркестана обнимают пояс северных склонов гор и представляют пористый мягкий суглинок палево-желтого цвета с однородным механическим составом, пористостью, высоким содержанием углекислых солей.

Крупнейшими морями и озерами, расположенными целиком или частью на территории географического русского Туркестана, являются: Каспийское море (455 000 *кв. км*—400 000 кв. в.), лежащее ниже уровня океана на 25 *м* (12 саж.), Аральское море (67 771 *кв. км*—59 590 кв. в.), расположенное уже на 75 *м* (247 ф.) над уровнем океана, озеро Балхаш 640 *км* (600 в.) длины и от 10 до 90 *км* (10—84 в.) ширины—на 345 *м* (1 132 ф.), Иссык-Куль—длина 181 *км* (170 в.) и ширина 60 *км* (56 в.)—на 1 576 *м* (5 173 ф.) над уровнем океана, не считая массы более мелких, в особенности горных, озер. Реки Туркестана, принадлежа к трем типам—ледниковых, снеговых и родниковых,—частично впадают в эти моря и озера, как, например, Атрек—в Каспийское море, величайшие реки средней Азии Аму-Дарья (2 475 *км*—2 320 в.) и Сыр-Дарья (2 875 *км*—2 694 в.)—в Аральское море, р. Или—в Балхаш, частично же не доходят до них, теряясь в песках, как рр. Теджен (Герируд) и Мургаб в б. Туркменской области, Зеравшан в б. Самаркандской области, р. Чу в Сыр-Дарьинской и др.

Флора Туркестана распадается на 2 основных зоны—арало-каспийских степей и пустынь и средне-азиатских гор. В целом преобладает пустынно-степная флора, характерная обилием сухоустойчивых форм (ксерофилов), модифицирующихся в глинистых, песчаных и лессовых пустынях. Здесь встречаются разнообразные виды полыни, солянок, колючек, своеобразных кустарниковых и древесных пород пустыни—саксаула, тамариска, древовидных астрогалусов и др. Флора среднеазиатских гор в ее вертикальной зональности распадается на: а) горностепную зону, характеризующуюся обилием лугов, часто сильно пахучих, древовидными можжевельниками, полукустарниковыми и кустарниковыми породами, фисташками, грецкими орехами, арчой, расположенными от-

дельными экземплярами или небольшими группами, б) зону лесных зарослей (1 220—2 134 *м*—4 000—7 000 ф.) лиственных и хвойных пород—тополь, ясень, клен, береза, платан или чинар, урюк, тяньшаньская ель и в) высокогорную область (2 590—4 573 *м*—8 500—15 000 ф.) с альпийской флорой, лугами, массой цветов, местами превосходными пастбищами. Флора оазисов характеризуется всеми видами южных пород деревьев и кустарников, а частично и субтропическими формами.

Леса. Общая площадь лесов б. Туркреспублики в 29 434 672 дес. распределяется по отдельным областям края далеко не равномерно. Почти все они сосредоточиваются в Ферганской и Джетысуйской областях, на горных плато и вершинах, значительно меньшая часть относится к пустынно-степной зоне. Характерным насаждением последней является засухоустойчивое, годное только для топлива, дерево саксаул, занятая под которым площадь в лесах Туркестанского гослесфонда (14 милл. дес.) определяется в 5,6 милл. дес. Другими видами главнейших лесных насаждений того же фонда покрыты площади: арчей—1,1 милл. дес., гребенщиком—0,8 милл., тополевидными—0,2 милл., елью—0,4 милл., горным кустарником—0,3 милл., фисташкой—0,1 и т. д. Состояние лесов республики вследствие их удаленности от обжитых центров и трудной досягаемости—ниже удовлетворительного. Отпуск леса—незначителен (80 000 куб. саж.) и далеко не удовлетворяет потребностям местной промышленности и строительным. Снабжение степного Туркестана лесом из таежных частей Сибири—очередной вопрос современности.

Азональные факторы района—полезные ископаемые—представлены в Туркестане достаточно широко: здесь найдены золото, серебро, свинец, медь, креозот, каменный уголь, нефть, озокерит, соль (каменная и осадочная), глауберова соль, радиоактивная руда, медь. Но в настоящее время имеют значение в смысле их разработки только немногие.

Обнаруженные каменноугольные бассейны и их запасы:

1) Сулюктинский (ст. Драгомирово)	81,9 млд. *кг*	(5 млд. пуд.)
2) Шурабский (ст. Мельниково)	98,3 „ „	(6 „ „)
3) Кизилькийский (ст. Фергана)	81,9 „ „	(5 „ „)
4) Андижанский (Джеляль-Абадский)	49,1 „ „	(3 „ „)
5) Нарынский (ст. Уч.-Курган)	131 „ „	(8 „ „)
6) Зеравшанский (ст. Самарканд)	8,2 „ „	(0,5 „ „)
7) Чимкентский (ст. Чимкент)	— „ „	(— „ „)
	450,4 млд. *кг*	(25,5 млд. пуд.)

Большинство этих залежей (бассейны 1—5) сосредоточены в Ферганской области, один (6) в Самаркандской и один (7) в Сыр-Дарьинской. Угли Туркестана бурые, от 4 000 до 6 000 кал., некоксующиеся и неспекающиеся, мало пригодные для кузниц и литья, способные легко выветриваться и рассыпаться.

Нефть, обнаруженная в нескольких пунктах, имеет 4 главнейших месторождения: 1) Пром. Чимион (ст. Ванновская), 2) Пром. Санто (ст. Мельниково), 3) Нефтедаг (ст. Бала-Ишем Среднеазиатск. ж. д.), 4) остр. Челекен (Каспийское море).

Месторождения соли в Туркестане чрезвычайно многочисленны (не менее 300 зарегистрированных месторождений, имеющих промысловое значение), и запасы ее не могут быть подсчитаны. Главнейшие районы месторождений—б. Туркменская область и Сыр-Дарьинская. Соль, как каменная, так и самосадочная, при чем наибольшей известностью пользуется «самаркандская» каменная соль (получавшаяся из Бухары через Самарканд) розоватого оттенка.

Радиоактивные руды обнаружены в Ферганской области—«ферганит» (ортованадиевый уран), турамит (ванадат меди), алат и др.

ПУТИ СООБЩЕНИЯ И ТОВАРООБОРОТ.

Основная сеть Туркестанских железных дорог была проведена в 1898—1906 гг., когда Ташкент был сомкнут с Каспийским морем Среднеазиатской жел. дор. и с Европейской Россией Ташкентской ж. д.

Общее протяжение дорог 5 573 *км* (5 224 в.). В состав их входят дороги:

1.	Ташкентская жел. дор. (Кинель—Ташкент) . .	2 187 *км*	(2 050 в.)
2.	Семиреченская ж. д. (Арысь—Пишпек)	551 „	(517 „)
3.	Среднеазиатская ж. д. (Красноводск—Ташкент) .	1 863 „	(1 747 „)
4.	Бухарская (Каган—Карши—Самсоново)	273 „	(256 „)
5.	Ферганская (ст. Урготьевская, Коканд—Андижан, Джелялъ—Абад, Коканд—Наманган)	— „	(— „)
6.	Ветки: Горчаково—Фергана	8,5 „	(8 „)
	Коган — Бухара	13 „	(12 „)
	Мерв — Кушка	314 „	(294 „)
		„	(5 224 в.)

что составляет около $1/4$ *км* на 100 *кв. км*. Означенная сеть не включает разрушенные басмачами за годы гражданской войны и подлежащие восстановлению участки Бухарской ж. д., а также мелкие подъездные ветки в Фергане.

Грунтовые дороги, как почтовые, прочие колесные, вьючные, степные и горные составляют протяжение по всему району 35 833 *км* (33 588 в.), или 2,13 *км* на 100 *кв. км*.

Паровой и парусный флот на Аральском море и Аму-Дарье:

Бассейн	Всего судов / В том числе паровых	Требующ. ремонта	Индикатор. сил	Тоннаж
1. Арал. м.	38/12	38	1 307	255 650
2. Аму-Дарья . . .	28/13	28	3 400	139 600

Из этих данных явствует, что транспортные условия района весьма неблагоприятны. Сеть железных дорог чрезвычайно редка, так же, как и грунтовых. Флот крайне малочислен как по числу единиц, так и по тоннажу и чрезвычайно изношен, громадное количество водных путей используется только каюками (местные лодки грузоподъемностью от 3 276 до 4 095 *кг* (200—2 500 пуд.).

Однако и при таких условиях транспорта среднеазиатское хозяйство, в довоенное время, сумело выработать высокий тип товарноденежного хозяйства, благодаря чрезвычайно благоприятным зональным факторам, допускавшим такую интенсивную товарную культуру, как хлопчатник.

Ввоз и вывоз в Туркестан из России и сопредельных стран (Персии, Китая, Афганистана), а также общий баланс виден из следующей таблички (1914 г.):

Туркестан	Россия		Сопредельн. страны	
	Мил. *кг* (пуд.)	Рублей	Мил. *кг* (пудов)	Рублей
Вывоз . .	ок. 540 (32 946 614)	269 079	438 ок. 57 (3 494 290)	32 573 970
Ввоз . . .	„ 833 (50 820 796)	243 574	671 „ 93 (5 706 002)	27 708 321
Баланс. .	ок. 293 (17 874 182)	25 504	767 ок. 36 (2 211 712)	4 865 649

Эта таблица показывает, что, хотя среднеазиатский экономический район получал товаров из России и сопредельных стран по количеству больше, чем вывозил сам в эти страны, но его вывоз был значительно ценнее, в результате чего внешний торговый баланс Туркестана был активен. Ко всему обороту эта активность составляла 5,2% и в частности для России—4,9% и для сопредельных стран—8%. Туркестан вывозил высокоценные продукты интенсивного земледелия (хлопок), промышленности, обрабатывающей продукты сельского хозяйства (хлопковое масло, хлопковый жмых и др.) и животноводства (шерсть, шелковые коконы, кожи, шкурки каракуля и пр.). Ввозились, наоборот, главным образом массовые дешевые грузы, как дерево, хлеб, топливо и др. Немногие ценные продукты ввоза—мануфактура, химические, металлические и некоторые пищевые продукты (чай, спирт, сахар и др.)—составляли по количеству ввоза всего 17%, а по ценности—73%.

Если сравнить этот внешний товарообмен среднеазиатского рынка с внешним оборотом всего Союза в том же 1914 году, то получится:

	На душу населения	На 1 *кв. км* пл.
СССР	15,2 р.	98 р.
Средняя Азия	71,5 р.	390 р.

Другими словами, товарность среднеазиатского рынка превышала в среднем товарность по всему Союзу в четыре с лишним раза, как на душу населения, так и на единицу площади.

В связи с разрушениями от гражданской войны, басмачества и разрывом в течение 1918—1920 гг. экономических связей с Европейской Россией—к 1922 году среднеазиатское хозяйство приняло натурально-потребительский характер и грузооборот упал по сравнению с 1924 г. до 31%. При этом стоимость этого товарообмена по составу не соответствовала довоенному, так как ценные грузы (хлопок, мануфактура и др.) играли в нем значительно меньшую роль. К 1923/1924 г. вследствие начавшегося интенсивного восстановления хлопководства хозяйство Средней Азии вновь стало воспринимать черты высокого товарноденежного хозяйства, что выразилось в значительно возросшем внешнем обороте, росте стоимости бюджетного побора, оживлении всех сторон экономической жизни, замершей за годы экономической изоляции,

НАСЕЛЕНИЕ, ТЕРРИТОРИЯ И ПРОИЗВОДСТВО.

Территория и население бывшего Туркестана до разделения его на ряд республик могут быть представлены, по последним данным, следующей таблицей:

Наименован. области	Площадь (в тыс. *кв. км*)		Население						
			В тыс. душ (по данным на 1924 г.)			Плотн. всего нас. на 1 *кв. км*	В сост. сел. нас. (1920) % кочев.	% русских в составе всего нас.	
	кв. км	(кв. в.)	Гор.	Сел.	Всего			Гор.	Сел.
Аму-Дарьинская . . .	111	(90)	17	153	170	1,7	10,8	18,4	2,9
Джетысуйск. .	398	(344)	129	843	966	2,7	63,2	54,8	25,2
Самаркандск.	81	(71)	142	631	773	10,9	1,7	26,3	0,4
Сыр-Дарьинская . . .	397	(343)	352	1 055	1 407	4,3	46,6	48,0	8,3
Туркменская.	352	(309)	74	271	375	1,1	4,3	54,3	1,8
Ферганская .	153	(135)	216	1 708	1 924	14,1	9,1	7,6	1,0
Итого по респуб. .	1 492	(1 304)	926	4 661	5 585	5,8	26,1	45,6	7,2

Из этой таблицы усматривается, прежде всего, крайне незначительная, по европейскому масштабу, плотность населения края. Однако надо иметь в виду, что огромные площади территории состоят в разряде вовсе не могущих быть освоенными пустынь, и что значительная часть степных пространств способна воспринять земледельческую культуру только при условии их искусственного обводнения. Если кроме того принять во внимание, что только 15% территории края составляют культурные оазисы, и что, наконец, скотоводческое хозяйство, обусловливающееся здесь естественно-историческими условиями, особенно в своем наиболее экстенсивном, кочевом, направлении, исключает сколько-нибудь значительное уплотнение,—то станет понятной и непременность здесь в общем европейской мерки. С другой стороны, однако, в непосредственной близости от безлюдных пространств, например

в плодородных долинах Ферганы (ныне Кара-Киргизской авт. обл.) и в теперешней Узбекской республике, в некоторых волостях плотность населения достигает 300 чел. на 1 *кв. км*, т.-е. оказывается выше бельгийской. По общему правилу, в Туркестане жители оседают на мелких горных речках и в верховьях больших рек, так как по выходе рек на равнину из них труднее вывести оросительные каналы.

С состоявшимся теперь размежеванием Средней Азии значительно изменится общий характер составляемого новыми национальными образованиями края. Значительное число скотоводов-кочевников отходит вместе с своей территорией к Казакстану, и таким образом общая плотность населения среднеазиатских образований повысится. В их составе остается лишь Туркменская республика, характеризующаяся значительной в общем пустынностью. Общий характер занятия жителей среднеазиатских республик определяется теперь оседло-земледельческим направлением.

Распределение земельной территории по принадлежности может быть охарактеризовано следующей сводной таблицей (в тысячах десятин):

Наименование области	Населения			Государственные		
	Оседлого		Кочевого	Леса	Оброч. ст.	Свободн. фонд
	Туз.	Русск.				
Аму-Дарьинская . . .	608	—	9 063	1 677	—	—
Джетысуйская	152	2,047	25 309	3 665	145	2 647
Самаркандская . . .	2 182	2,8	120	3 684	76	1 179
Сыр-Дарьинская . . .	1 585	451	28 390	4 557	138	651
Туркменская	1 171	80	свед. нет	5 918	48	свед. нет
Ферганская	2 064	76	4 241	1 330	—	962
	7 762	2 656,8	67 123 (без Туркмен. обл.)	20 833	457	5 439 (без Туркмен. обл.)

Главная масса территории заселена тюрками, распределение земель неравномерно по отдельным районам, и использование их явно экстенсивно на большей части территории.

Основной технико-экономической предпосылкой всего среднеазиатского хозяйства является искусственное орошение: на поливных землях сосредоточена, за малым исключением, вся сельскохозяйственная культура и, в частности, вся культура хлопчатника и на землях неполивных, богарных, часть зерновых культур. Сооружение искусственных оросительных каналов теряется в глубокой древности, и для большинства основных туземных ирригационных систем неизвестно время их устройства. Со времени присоединения Средней Азии к России орошаемая площадь была увеличена путем инженерных сооружений менее, чем на 10%, как путем устройства новых систем, так и расширения существующих туземных систем, а именно:

Мургабское имение (ст. Байрам-Али Ср.-Аз. жел. дор.)	45 000 д.
Голодная Степь Самарканд. обл.	45 000 „
Для нужд колонизации в различн. местах	210 000 „
	300 000 д.

Между тем туземными ирригационными системами и вновь созданными инженерными всего орошалось перед войной:

В ТССР.	2 853 000 дес.
Бухаре и Хорезме	1 950 000 „
	4 803 000 дес.

Приведенная цифра (по данным Турководхоза) должна рассматриваться как максимальная, во всяком случае эта площадь колебалась около 4,5 милл. дес.

Следующие орошаемые районы расположены в трех бассейнах:

Бассейны.	Районы.
I. Аму-Дарьинский:	1. Горный Бухарский
	2. Прибрежный Бухарский
	3. Каршинский
	4. Зеравшанский
	5. Мургаб-Тедженский
	6. Южный Пограничный
	7. Прикаспийский
	8. Нижне-Аму-Дарьинский
II. Сыр-Дарьинский:	1. Ферганский
	2. Голодностепский с Дальверзинской степью
	3. Чирчикский с Ангреном и Келесом
	4. Отрарский с рр. Арысь и Бугунь и др.
	5. Нижне-Сыр-Дарьинский с дельтой

III. Чу-Балхашский: 1. Таласский
2. Чуйский
3. Балхашско-Илийский
4. Иссык-Кульский.

Общее число каналов—6 242, протяжением 60 000 в.

Проекты нового орошения, уже составленные до войны, заключали:

Голодная Степь	500 000 дес.
Чуйская долина	240 000 „
Колонизация	200 000 „
	940 000 дес.

при чем чуйские работы были начаты.

Исследования и изыскания велись б. Переселенческим Управлением в отношении преимущественно колонизационного фонда, при чем общее гидро-техническое обследование охватило площадь около 20 000 000 дес., статистико-экономическое значительно больше, а почвенно-ботаническое коснулось всей Сыр-Дарьинской, Ферганской и Джетысуйской областей. Работы б. ОЗУ касались крупных районов необжитых пространств из крупных источников орошения, охватив площадь 7 312 000 дес., и производились 15 отдельными изыскательными партиями. Но помимо этого ряд обследований производился в целях получения ирригационных концессий частными лицами и компаниями. Переселенческий фонд был образован на площади 5 666 961 дес. Все системы орошения распадаются: 1) на туземные системы, 2) инженерные системы и 3) механическое орошение, путем чигирей (водоподъемных колес) или современных машинных установок. При национализации в 1919 году предприятий машинного орошения было национализировано 93 водокачки (73 в Ферганской и 20 в Туркменской области). Кроме того имеется 15 712 гидравлических установок и 12 152 чигиря.

За время войны и революции орошаемая площадь в 1922 г. чрезвычайно сократилась, в целом до 50% довоенной, но с 1923 г. положение улучшилось, и в настоящее время надо считать, что эта площадь не достигает довоенной на 30—35%. Стоимость работ натуральной повинности населению по поддержанию в исправности ирригационных систем обходилась чрезвычайно дорого, колеблясь в зависимости от всех условий местностей в переводе на деньги до 2 р. 50 к., а в некоторых местностях низовий Аму-Дарьи до 8 р. на десятину.

Орошаемое хозяйство интенсивно по самому своему существу, как вследствие агрономических, так и экономических моментов. Планировка местностей на орошаемые площадки, поддержание и ремонт ирригационных сооружений, полное отсутствие паровых полей или их значительное сокращение, культура обязательных кормовых трав, преобладание трудоемких технических культур, усиленное удобрение, древоразведение, необходимость возмещения затрат на орошение и мелиорации, незначительная площадь орошаемого хозяйства и ряд других причин обусловливают интенсификацию хозяйства и, следовательно, в условиях мирохозяйственных связей, его товарноденежный характер.

Группировка по землевладению (по переписи 1917 г.) для ТССР для хозяйств поливных и поливно-богарных давала следующую картину:

	Поливные		Поливно-богарные	
	% хозяйств		% хозяйств	
От 0 до 1/2 дес.	26,0	64,5	22,7	57,2
„ 1/2 „ 1 „	17,9		15,7	
„ 1 „ 2 „	20,6		18,8	
„ 2 „ 3 „	11,2	22,4	10,7	22,6
„ 3 „ 4 „	6,7		6,9	
„ 4 „ 5 „	4,5		5,0	
„ 5 „ 10 „	8,9	13,1	11,7	20,2
свыше 10 „	4,2		8,5	
	100,0		100,0	

Интенсивное по своей природе и трудоемкое хозяйство было чрезвычайно уплотнено на площади, и выход за пределы поливных земель на богару для хозяйств поливно-богарных не давал возможности развернуться сколько-нибудь широко на богаре. Больше половины хозяйств как чисто поливных, так и смешанных владело до 2 дес. земли и 86,9%—79,8% как тех, так и других хозяйств не выходило за пятидесятинный надел.

Соотношение поливных и богарных посевов и пашни было[1]):

	Поливных		Богарных		Всего
	посевов	пашни	посевов	пашни	посевов
1917 г.	1 879 049	2 798 595	869 309	1 573 978	2 748 358
1920 г.	1 287 944	1 982 640	395 405	1 026 049	1 683 349

[1]) С интерполяцией по необследованным частям (см. Статистический Ежегодник 1917—1923 гг. ЦСУ Туркреспублики, стр. 85 и сл., т. II).

Чрезвычайное разнообразие культур, распространение зерновых культур менее чем на половину площади на поливных землях, вновь подтверждают интенсивность туркестанского хозяйства. Хлопок по полным данным в 1917 г. занимал в ТССР 425 849 дес., или 16% всех поливных посевов. Развитие этой культуры за довоенные годы, ее падение за первые годы революции и быстрое восстановление за два последние года видны из следующей таблицы:

1914 г.	589 078 дес.
1915 „	663 558 „
1916 „	680 821 „
1917 „	425 849 „
1918 „	110 000 „
1919 „	138 172 „
1920 „	136 336 „
1921 „	107 042 „
1922 „	63 428 „
1923 „	152 352 „
1924 „	332 729 „

Если сопоставить роль отдельных отраслей народного хозяйства в общей экономике Туркестана по стоимости продукции, то получится следующая таблица:

Период (абсол. цифры и % к итогу)	Стоимость продукции в тысячах рублей					
	Всей	Полеводственной		Скотоводческая	Промышленной	
		Всей	В том числе от хлопка		Всего	В том числе от хлопков. пр.
I. Довоенный						
а) абс. цифры	738 045,7	359 735,0	176 562,1	96 389,0	281 921,6	164 998,4
б) в %	100	48,7		13,1	38,2	
II. 1920 г.						
а) абс. цифры	185 617,6	89 042,0	105 555,2	42 074,0	54 501,6	6 919,9
б) в %	100	48,0		22,7	29,3	

Следует считать, что к 1924 г. полеводческая продукция возросла до 209 105 000 руб., равным образом увеличились и осталь-

ные отрасли народного хозяйства, а именно продукция животноводства возросла втрое, для промышленности % восстановления уже к 1922 г. составил 28,7.

Среднеазиатская промышленность имела слабое развитие вследствие сельскохозяйственного характера страны, отсутствия свободных рабочих рук, занятых в трудоемком земледельческом хозяйстве, примитивности потребностей населения, малого распространения технических знаний и слабости в этом отношении влияний извне. Промышленность Туркестана была тесно связана с переработкой продуктов сельского хозяйства. Старые формы ремесленного и кустарного труда испытали в течение минувших столетий многообразные культурные влияния: арабские, греческие, китайские, персидские и в некоторых отраслях достигли высокого совершенства формы и качества, той типической индивидуальности и красоты, которые дали им широкую известность за пределами Туркестана. Местная посуда из обожженной глины, резные карнизы и двери старых мечетей и дворцов, резная мебель из фанеры, ковры, паласы, кошмы, шелка, шапки, халаты, разная домашняя утварь из дерева и металла, колоссальная ирригационная сеть с ее целесообразными приспособлениями и устройствами, удивительные по архитектуре и частностям отделки мечети и дворцы, местные туземные напитки, сласти и кушанья—далеко известны за пределами Туркестана. Развитие фабрично-заводской промышленности идет особенно быстро с 1899 по 1906 гг.

Число лиц, занятых в кустарной и фабрично-заводской промышленности и стоимость ее продукции в 1913 г.:

Форма промышлености	Лиц	Стоимость продукции В тыс. руб.
I. Фабрично-заводская промышленность	29 874	219 129,5
II. Кустарная промышлен.		
а) в сельских местн. .	79 879	44 323,8
б) в городах	28 445	18 468,3
Итого	138 198	281 921,6

Важнейшей отраслью промышленности являлась хлопкоочистительная промышленность, т.-е. очистка хлопка-сырца от семян и получение волокна. Начав свое развитие с 1881 г., промышленность эта в 1917 г. имела 259 заводов и в общем характер крупного производства. Максимальная цифра очистки хлопка в Средней Азии в 1915 г. выразилась в цифре около 303 милл. *кг* (18 493 т. п.) волокна. В 1921 г. она упала в связи с падением

хлопководства до 9 милл. *кг* (550 т. п.), а в 1924 г. поднялась, следует рассчитывать, до 57 милл. *кг* (3 500 т. п.). В 1924 г. число действующих заводов составляло 41 и готовящихся к пуску—19. 43% заводов были разрушены во время гражданской войны. По очистке хлопка от семян дальнейшая их переработка давала ряд продуктов, в том числе хлопковое масло и мыло. Маслобойная промышленность, существующая как фабрично-заводская отрасль с 1884 г., до 1918 г. располагала 38 заводами, число которых за истекшие годы сократилось. В 1924 г. действовало 4 завода и подлежало пуску 25. Мыловаренное производство было обычно присоединено к маслобойному и было по размерам предприятий некрупным.

Весьма старой является шелковая промышленность: получение грены, выкормка червей, коконосушение, шелкомотание и шелкоткачество имели характер кустарной промышленности. Фабрично-заводские гренажные и коконосушительные заведения стали возникать только по присоединении Туркестана к России. Составляя до войны $^1/_{50}$ мирового производства, шелковая промышленность Туркестана после упадка за первые годы революции стала быстро оправляться и достигала к 1924 г. 48% довоенного состояния. Сухие шелковые коконы Туркестана снова стали искать выхода на внешние рынки.

Из добывающей промышленности следует отметить: а) рыболовство, давшее довоенную рекордную цифру в 24 милл. *кг* (1 500 т. пуд.), б) добычу соли в количестве 82 милл. *кг* (5 000 тыс. пуд.), так как соляные месторождения Туркестана чрезвычайно многочисленны, и одних зарегистрированных, имеющих промысловое значение, насчитывается свыше 300, и в) каменноугольную и нефтяную промышленность.

Каменноугольная промышленность имела максимальную довоенную добычу 200 245 т. *кг* (12 225 тыс. пуд.) (1916 г.). Главные копи—Сулюктинская (ст. Драгомирово) и Кизил-Кийская (ст. Фергана). В последние годы каменноугольная промышленность упала до 90—98 милл. *кг* ($5^1/_2$—6 милл. пуд.) добычи. Нефтяные промыслы Санто (ст. Мельниково) и Чимион (ст. Ванновская) давали максимально около 40 милл. *кг* (2 452 тыс. пуд.) нефти (1911 г.). С тех пор добыча уменьшилась и колебалась около 32 милл. *кг* (2 000 тыс. пуд.). Промысла Челекен давали до войны свыше 180 милл. *кг* (11 000 тыс. пуд.), но затем производительность их упала. Следует отметить, что в Туркестане найден, как отме-

чено уже, ряд полезных ископаемых, которые в будущем обещают развитие горного дела. Не останавливаясь на других отраслях промышленности, следует отметить производство сантонина на сантонинном заводе в г. Чимкенте. Сантонин—лечебное вещество, получается из головок цитварной полыни (дармины), растущей в степях и более нигде не встречающейся, кроме Сев. Америки.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ КРАЯ.

Еще с доисторических времен территория Туркестана являлась объектом вожделений и освоения со стороны всевозможных восточных племен и народностей. Кир Персидский, Александр Македонский, Селевкиды, китайские богдыханы, турки (Караханиды), Хорезм-шахи, Чингис-хан, Тимур, Узбек-хан, туркмены, казацкие (киргизские) ханы и, наконец, русские императоры,—все, один за другим, покоряли предыдущих властителей и так или иначе пытались подчинить прежде осевшее здесь население своему влиянию, своей культуре. В частности китайцы дали краю первую ирригацию, приемы обработки полей, культуру риса, шелка, хлопчатника, арабы—текинскую лошадь и каракулевую овцу, персы—сухое земледелие, сады, посевы люцерны. С прекращением всяких вообще военных действий все виды мирного труда в этой богатейшей окраине получают естественное развитие, в особенности торговля и хлопководство. За пятьдесят лет состояния Туркестана в составе империи здесь выстраиваются Ташкентская и Среднеазиатская, с ответвлениями, железная дорога, создается пароходство на Аму-Дарье и на Аральском море, шоссируются важнейшие грунтовые пути,—технически совершенствуются старые туземные и создаются новые ирригационные системы. Край постепенно изучается и с внешней стороны обнаруживает признаки всестороннего прогресса.

Однако, этот прогресс, как основанный на одностороннем, «колонизаторском», подходе к Туркестану, не мог оказаться прочным. Постановка русского элемента повсеместно в заведомо привилегированное положение перед туземным, открытая борьба с панисламизмом и исключительно грубое попрание во многих случаях элементарных прав огромного большинства коренных аборигенов края—сделали то, что вслед за Октябрьской революцией собственно русские достижения психологически явились для туземного населения края наиболее темным пятном в истории Туркестана, и

развившееся здесь в значительной степени на этой почве национальное движение оказалось весьма сильным и действенным—особенно в Джетысуйской области. Кроме того очевидно, что методы старого «колонизаторства», загонявшие туземцев в горы или в глубь солончаковых степей, на деле совершенно устраняли возможность как развития улучшенных форм кочевого хозяйства, так и рационального перехода туземного населения к оседлости благодаря тем земельным отрезам, которые производились из землепользования туземного населения.

При всем том русская колонизация коренного Туркестана была количественно ничтожна. Бесспорно, что процент русских и в настоящее время оказывается сколько-нибудь значительным только в городах, в сельских же местностях он заметен лишь в отошедшей теперь к Казакстану Джетысуйской области (25,2%), составляя в теперешней Узбекской республике (без Ташкентского уезда) лишь 0,4%. В абсолютных цифрах русский сельский элемент исчисляется в теперешней Туркменской и Узбекской республиках примерно в 6 тыс. чел., в Кара-Киргизской обл.—в 17 тыс. и в Узбекской респ. (без гор. Ташкента) до 35 тысяч человек (вместе с Ташкентским у.). Таким образом, составляя в общем по отдельным освоенным районам от 1,3 до 6% всего населения, русские, конечно, не могли и не могут претендовать на сколько-нибудь серьезное к ним внимание, как к целостной национальной группе. Наличное русское население устраивалось здесь (с 1874 по 1915 г.) либо на уступавшихся им в более или менее добровольном порядке землях туземного населения (главным образом Сыр-Дарьинские поселения), что и получало надлежащее оформление, либо самовольно, входя в те или иные соглашения, с хозяевами земли, а иногда и без этих соглашений, или на «излишках», после 1910 года, киргизского землепользования (в Фергане), или, наконец, в организованном порядке (с 1912 г.) на вновь орошенные средствами казны земли так наз. Голодной степи. Этот последний вид колонизации не успел получить значительного распространения, вообще же, по действовавшим в Туркестане земельным законам, русским пришельцам формально доступ сюда был закрыт, так как, с одной стороны, за оседлым населением были закреплены полностью все состоящие в их обладании земли, а прочая земля считалась до 1910 года в пользовании всего вообще кочевого населения. Этим и производством с 1910 года работ по определению «излишков» (по примеру Киргизии) и объ-

ясняется официальное закрытие Туркестана для переселения еще с конца девяностых годов вплоть до 1912 года (начало организованного заселения орошенных участков).

Характерно, во всяком случае, для истории русской колонизации Туркестана то, что, по закону здесь могли водворяться сначала лишь отставные воинские чины, а затем (на орошенных землях)—«русские подданные всех христианских вероисповеданий» с имуществом ценностью не менее, чем в 1 тыс. рублей (ст. 206 Прав. Перес. по Прод. 1912 г.). По своим экономическим результатам русская колонизация оказывалась достаточно успешной. Хозяйства русских здесь были более крепки, чем даже в лучших местах Сибири,—русские переселенцы справлялись в конце концов и с обработкою хлопка и с другими местными культурами, мало в чем уступая туземцам. Средний бюджет туркестанского крестьянина—1 500 рублей.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КРАЯ.

Экономическая жизнь среднеазиатских образований сплетается из множества противоречий. С одной стороны, напр., исключительно высокая плотность населения, с другой—рядом совершенно пустынные пространства. Высоко интенсивная культура хлопка и экстенсивнейшее скотоводство. Рисовые поля, сплошь залитые водою, и совершенно безводные степи. Сказанное обусловливается естественными условиями местности и может видоизменяться только в том случае, если на безводные теперь пространства будет подана все оживляющая в Туркестане вода. Тогда откроются главные колоссальные перспективы в развитии местного народного хозяйства, и тогда только можно будет говорить о каких бы то ни было перспективах и колонизации, главным образом на основах расселения местного населения. В частности хлопковая культура, всемерное развитие которой составляет одну из основных задач современной с.-х. политики, сосредоточивается главным образом в коренном Туркестане в руках туземцев, поливное землепользование которых стеснено настолько, что фактически оказывается немыслимым осуществить на территории среднего хозяйства (4 дес.) правильное соотношение культур. Недостаточность затем привозного хлеба заставляет этих хозяев значительную часть их полей обращать под совершенно недозволительные здесь по сравнительной ценности

зерновые культуры, и в результате все экономические вопросы упираются здесь в проблему воды,—удачное разрешение которой могло бы вовлечь в народно-хозяйственный оборот Туркестана свыше 3 милл. дес. плодороднейшей земли, т.-е. вдвое большее, чем теперь, количество, из которых 1 милл. мог бы быть обращен под хлопчатник, а 2 других—под другие ценные культуры,—в частности люцерны.

Такая возможность при наличии воды вполне реальна,—о земле же говорить не приходится, так как лессовых степей в Туркестане огромное количество. С другой стороны, та же водная проблема стоит и перед другим важнейшим вопросом—перед вопросом о постепенной рационализации туземного скотоводческого хозяйства. 67 милл. дес. земли, т.-е. свыше 85% от всей земли, числящейся вообще за населением, состоит ныне в пользовании не более 10% этого населения: ясно, что по мере обеспечения соответственных территорий водой такое соотношение, а вместе с ним и формы хозяйства должны будут уступить место более рациональным.

Впрочем, и до этого землеустройство кочевых и полукочевых районов, произведенное на аналогичных с Кирреспубликой основаниях (см. выше), могло бы способствовать в некоторой степени урегулированию этого вопроса на-ряду с выявлением действительно свободных от притязаний кочевников площадей. В общем и здесь краевые задачи объединяются задачей привлечения капитала к организации территории, т.-е. в частности концессионированию орошения и проведению железнодорожных путей.

В итоге представляется уместным формулировать следующие некоторые общие положения в отношении среднеазиатской колонизации.

1. Предшествующий опыт колонизации Туркестанских земель показал, что эта колонизация в широком масштабе невозможна без предварительного устройства коренного населения, как оседлого, так и кочевого.

2. Малоземелье оседлого населения дошло до крайнего предела, требующего исключительного напряжения трудовой энергии оседлых земледельцев для собственного пропитания; между тем этот запас энергии, будучи более равномерно распределен на бо̀льшую территорию, дал бы громадный производственный результат.

3. Устранение этого малоземелья в пределах ныне орошаемого

фонда представляется, однако, невозможным за отсутствием каких бы то ни было пригодных для сего свободных земельных площадей или крупных владений, раздел коих мог бы хотя бы отчасти удовлетворить земельную нужду.

Удовлетворение этой земельной нужды коренного населения, как хлопковых, так и всех иных районов, а следовательно и открытие обширных колонизационных земельных фондов возможны лишь путем орошения новых земельных пространств.

5. Выселение малоземельного оседлого и оседающего кочевого населения на вновь орошаемые земли с наделением их по нормам рационально поставленного товарно-трудового хозяйства откроет вместе с тем возможность производства за счет освободившихся участков переустройки земельно-водных отношений оставшегося на старых местах населения.

6. Только построение на указанных началах хозяйства коренного населения хлопковых районов может обеспечить центру надежную поставку хлопкового сырья до нормы полного удовлетворения потребности в нем промышленных районов. Землеустроительные запросы земледельческого населения Туркестана оказываются таким образом тесно связанными с экономическими интересами всей страны.

7. Орошение земель, лежащих за пределами хлопковой зоны необходимо как для создания районов, снабжающих продовольствием хлопководческие области, так и для массовой культуры целого ряда высоко-ценных продуктов, находящих в этих зонах благоприятные условия для своего развития (сады, виноградники, огородные и лекарственные растения, сахарная свекла и т. п.). Этот же земельный фонд по удовлетворении земельных запросов оседающего на нем кочевого населения мог бы также служить приемником выселяющегося земледельческого населения из других районов как быв. Туркестана, так и из южных губерний европейской части СССР.

8. Планомерное осуществление этих землеустроительно-колонизационных планов невозможно без предварительного разрешения проблемы туркестанского скотоводства.

Должно быть возможно полнее определено место, отводимое скотоводческому хозяйству в общей экономике Туркестана, с определением тех территорий, наибольшее правильное использование которых возможно лишь путем организации скотоводческих хозяйств.

9. К разработке проблемы туркестанского скотоводства должно приступить немедленно. Это исследование нужд скотоводческого хозяйства необходимо поставить по обширной программе, охватывающей подробное выяснение контингента кочевых хозяйств, территориального распространения их с обозначением границ кочевания, предельных норм потребных земельных отводов по расчету на разные естественно-исторические и хозяйственные условия,— цикла мероприятий, обеспечивающих укрепление и дальнейшее развитие скотоводства, и т. д.

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ.

Сибирь.

1. Азиатская Россия—изд. Перес. Упр. СПБ. 1913.
2. Кауфман, А. Переселение и колонизация. М. 1908.
3. Вощинин, В. На Сибирском просторе. СПБ. 1912.
4. Головачев, П. Экономическая география Сибири. М. 1914.
5. „О земле“. Сборник статей, вып. 1 и 3. М. 1921 и 1922.
6. Ядринцев. Сибирь как колония.
7. Тресвятский, В. Итоги перес. дела за десятилетие (1906—1915).
8. Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. Вып. 2. Петроград 1922.
9. Васильев, Н. С. Областное районирование Сибири (к проекту Госплана). Новониколаевск 1923.
10. Объекты концессий Западной Сибири. М. 1922.
11. Труды Гос. Колонизационного Института. М. 1924.
12. Огановский, Н. Южный Алтай. М. 1922.
13. Перспективн. планы восстановл. и разв. с.-х. по отд. губ. Сибири (матер. землпапа 1923/1924 г.).
14. Отчет сибирских экономических совещаний (1 — 5). Новониколаевск 1922—24.
15. Сибирь в 1923—24 году. Под общей редакцией В. М. Лаврова. Новониколаевск 1925.
16. Жизнь Сибири, журн.

Европейский Север РСФСР.

1. Кауфман, А. О колонизации свободных земель северо-восточных губерний. СПБ. 1902.
2. Богдановский, А. Обь—Котлас и Котлас—Сороки (эконом. записки к проекту вел. сев. пути). СПБ. 1910 и 1917.
3. Гиппиус, Л. Север Европейской России. Птрд. 1918.
4. Очередные вопросы колонизации. Вып. I. Север Европ. России. Под ред. В. П. Вощинина. Птрд. 1919.
5. Материалы по вопросам колонизации Севера. Птрд. 1919.
6. Цабель, Л. Колонизация Севера, ее задачи и перспективы. Птрд. 1919.
7. Сборник материалов по колониз. обследов. Севера, №№ 1 и 2 Птрд. 1920
8. Очерки по истории колонизации Севера. Изд. Ком. Севера при Русск. Географ. Обществе. Вып. 1 и 2. Птрд. 1922.

9. Ободовский, С. Лесопромышленная колонизация Севера Европ. России. Сборн. „О земле“, вып. 3. М. 1922.
10. Большаков, М. К вопросу о колонизации области Коми. Там же.
11. Ободовский, С. Земледелие на Севере Европ. России. Там же.
12. Овчинников, Н. Очередные колониз. задачи на Севере Европ. России. Птрд. 1922.
13. Вощинин, В. Вопросы колониз. Севера. Сельское и лесное хозяйство. № 7—8. М. 1922.
14. Рубинский, В. Колонизационные задачи в районе Мурманской ж. д. Благовещенск 1917.
15. Чиркин, Г. Пути развития Мурмана. Птрд. 1922.
16. Производительные силы района Мурманской ж. д. Изд. Правления Мурманской ж. д. Петрозаводск 1923.
17. Логанов, Г. Колонизационные мероприятия Мурм. ж. д. Бюллетень № 1, Гос. Колонизац. Научно-Исследов. Института. М. 1923.
18. Орлов, М. Экономические факторы лесного хозяйства. Вестник Лесного Хозяйства. № 1—2. М. 1923.
19. Гаевский, П. Лесные концессии и колонизация на Севере. Изд. Петроградск. отд. Гос. Колониз. Научн.-Исслед. Института. Птрд. 1923.
20. Эвальд, В. Колонизация Севера России и железнодор. строительство. Труды Гос. Колониз. Научно-Исслед. Инст. Т. I. М. 1924.
21. Сельское хозяйство Сев.-Зап. области и производственная программа на 1923 г. Изд. Сев.-Зап. Обл. Зем. Упр. Петроград 1923.
22. Перспективные и операционные планы восстановления и развития сельского хозяйства в губ. Сев.-Зап. и Сев.-Восточн. областей на 1923—1928 г. г. (материалы Плановой Комиссии НКЗ).
23. Северо-восточная область. Материалы по районированию. Архангельск. 1924 г., ч. 1; 1925 г., ч. 2-я.
24. Труды Госуд. Колон. Научн.-Исслед. Инст. Т. I. М. 1924.
25. Перспективный план колонизации северных губерний европ. части РСФСР. Северная колон. экспедиция. Ленинград 1924.
26. Архангельская губерния. Материалы по вопросу о колонизации и внутреннем расселении С.-В. области. Вып. 1. Изд. Облплана. Архангельск 1925.
27. К вопросу о районировании Европейского Севера Уст-Сысольск 1925.
28. Хозяйство С.-З. края, журн.
29. Северное Хозяйство, журн.
30. Коми Му (Зырянский край), Экономика и статистика Карелии, журн.

Дальний Восток.

1. Азиатская Россия. Изд. Перес. Упр. СПБ. 1913.
2. Головачев, М. Экономическая география Сибири. М. 1914.
3. Очерки по истории колонизации Сибири. Птрд. 1922.
4. Кобозев, П. Колонизация Дальнего Востока. М. 1924.
5. Труды Гос. Колонизац. Института. М. 1924.
6. Советский Дальний Восток. Чита 1923.
7. Сельское хозяйство ДВО. Чита 1924.
8. Камчатка в 1923 г. Чита 1923.

9. Татищев, А. Приамурье. Птрд. 1917.
10. Сборник материалов по районированию Дальнего Востока. Чита 1924.
11. Экономическая жизнь Дальнего Востока. Советское Приморье, журн.

Нижнее Поволжье.

1. Труды Гос. Колонизационного Института. М. 1924.
2. „О земле". Вып. III. М. 1922.
3. Огановский, Н. Очерки по экономич. географии РСФСР. М. 1923.
4. „На новых путях", изд. СТО, вып. V., ч. I. Сельское Хоз. М. 1923.
5. Рыбников, А. Хозяйственное значение засушливых областей России (Сельское и Лесное Хозяйство, № 7—8). М. 1922.
6. Перспективные планы восстановления и развития с. х-ва в Поволжьи (погубернские материалы Землана, 1923/1924 гг.).
7. История вопроса районирования и примененные для его решения методы: Астрахань 1924.
8. Нижнее Поволжье, журн. Саратов.
9. Наш Край, журн. Астрахань.

Юго-Восток.

1. Экономическая география Юго-Востока России. Изд. ЮВПлана. Ростов 1924
2. Производственный план. по сел. хоз. Ю.-В. России на 1923—1924 г. Р/Д 1924
3. К вопросу о районировании Ю.-В. области (доклады на 2 краевой конференции РКП (б). Изд. Краевого Экон. Совета Ю.-В.
4. Бюллетени Ю.-В. Плановой Комиссии Крайэкономсовета Ю.-В., №№ 1—29.
5. Резолюции и общие сведения о конференции 1923 г. по изучению производственных сил Ю.-В. России (под ред. проф. Вершковского). Ростов 1923.
6. Перспективные планы восстановления и развития сел. хоз-ва на пятилетие 1923—1928 гг. по губ.: Донской, Ставропольской, Куб.-Черноморской и Терской (материалы земплана).
7. Предварительные шаги районирования Северно-Кавказского края Р/Д. 1925
8. Северно-Кавказский Край, т. т. I—II. Р/Д. 1925
9. Юго-Восток, журн.
10. Труды Гос. Колонизационного Научно-Исследов. Института. М. 1924.
11. Материалы II сессии ЦИК Союза ССР.

Казакская (б. Киргизская) ССР.

1. Азиатская Россия. Изд. Пересел. Упр. Спб. 1913.
2. Труды Государственного Колонизационного Научно-Исследоват. Института. М. 1924.
3. „О земле". Сборник статей. Вып. III. М. 1922.
4. Чиркин, Г. а) Колонизационное и народно-хоз. значение Южно-Сибирской магистрали. Птрд. 1913.

б) Очерк колонизации Сибири XIX и XX вв. Птрд. 1922.
5. Статистико-эконом. обзор Киргизской ССР. Оренбург 1923.
6. Материалы по районированию Киргизской Республики Оренбург 1924.
7. Материалы по зем. вопросу в Азиатской России. Вып. I. Степной край. Птрд. 1917.
8. Материалы по земельному вопросу в Азиатской России. Вып. 3. Семиречье. Птрд. 1917.
9. Материалы по земельному вопросу в Азиатской России. Вып. 5. Туркестан. Птрд. 1918.
10. Советская Киргизия. Советский Казакстан, журн.
11. Киргизский край „Россия", т. XIX, изд. Семенова-Тяньшанского 1903.
12. Материалы б. Переселенческого Управления.

Средне-Азиатский экономический район.

13. Кауфман, А. К вопросу о русской колонизации Туркестанского края. СПБ. 1903.
14. Объекты концессий Западной Сибири. М. 1922.
15. Статистический ежегодник Турк. Республики, тт. I и II. Ташкент 1924.
16. Жизнь Национальностей. Период. сб. М. 1923/1924.
17. Хозяйственный план Туркреспублики на 1923/1924 г. Изд. ТЭС. Ташкент 1924.
18. Перспективы хозяйства Туркреспублики на 1924—29 г., Ташкент 1924 Изд. ТЭС.
19. Средне-Азиатский экономический район, под редакцией Ю. И. Пославской и Г. Н. Черданцева. Ташкент 1922.
20. Кондрашев, Є. К., Вода в орошаемом хозяйстве. Москва 1922.
21. Заорская, В. В. и Александер, К. А. Промышленные заведения Туркестанского края. Птгр. 1915.
22. Очерки хозяйственной жизни Туркреспублики под редакцией Осаткина. Ташкент 1921.
23. Космачевский, К. В. Организация хлопководческих хозяйств на орошаемых землях Туркестана. Москва 1922.
24. Типы хозяйства Туркестана. Ташкент 1924.
25. Туркестанский край. Россия, т. XVIII.
26. Ризенкампф, Г. К. Проблемы орошения Туркестана. 1921.
27. Народное хозяйство Средней Азии, журн.
28. Демидов, А. П. Экономический очерк хлопководства, хлопкоторговли и хлопковой промышленности Туркестана. Москва 1922.
29. Бюллетени Ц.С.У. Туркменской и Узбекской республик.